

Н. Г. ДУМОВА

КАДЕТСКАЯ ПАРТИЯ

в период
первой
мировой
войны
и Февральской
революции

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Н. Г. ДУМОВА

КАДЕТСКАЯ ПАРТИЯ

в период
первой
мировой
войны
и Февральской
революции

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

МОСКВА НАУКА 1988

В монографии рассматривается один из важнейших этапов в истории главной партии российской буржуазии — кадетской. На основе широкого круга источников прослеживается процесс сплочения кадетов с крупной буржуазией, раскрываются их ведущая роль в буржуазно-либеральном лагере и взаимоотношения с другими политическими партиями, освещается ожесточенная борьба кадетов против пролетарской социалистической революции.

Рецензенты:

Г. З. ИОФФЕ, Л. М. СПИРИН

Д $\frac{0505020000-342}{042(02)-88}$ 34—88 — I

ISBN 5—02—008425—5

© Издательство «Наука», 1988 г.

ВВЕДЕНИЕ

Образовавшаяся в октябре 1905 г. в период подъема первой русской революции кадетская партия (с 1906 г. она именовалась также партией «народной свободы») в палитре российских политических организаций наиболее ярко воплощала идеологию буржуазного либерализма.

Ядро этой партии составили главным образом представители буржуазной интеллигенции и обуржуазившихся помещиков, т. е. те социальные слои, которые были ориентированы на капиталистическое развитие страны. Именно они выражали интересы буржуазии как класса, поскольку крупная торгово-промышленная и финансовая буржуазия, тесно связанная со старым помещичьим землевладением и царской бюрократией, оставалась в массе своей политически инертной и лишь в ходе революции 1905—1907 гг. перешла в оппозицию к самодержавию (хотя и в это время ее выступления носили робкий, половинчатый характер).

Кадетская партия, писал Ленин в 1906 г., «насквозь буржуазна. Ее идеал — очищенное от крепостничества, упорядоченное буржуазное общество...» [1. Т. 13. С. 144]. Этому идеалу вполне соответствовала и кадетская программа (конституционная и парламентарная монархия, гарантированная законом свобода слова, совести, собраний, союзов, отмена смертной казни, частичное отчуждение помещичьих земель за выкуп, расширение прав местного самоуправления, национально-культурная автономия для нерусских народов Российской империи и т. д.).

В политической системе третьеиюньской монархии кадеты занимали место на левом фланге парламентской оппозиции. Однако их усилия в борьбе за конституционный способ правления, за капиталистические реформы сковывал страх перед возглавившим трудящиеся массы пролетариатом, мощные революционные потенции которого со всей силой дали себя знать в период революции 1905—1907 гг.

Такой подошла кадетская партия к важнейшему этапу в своей истории, как и в эволюции российского буржуазного либерализма в целом, — к периоду первой мировой войны и Февральской революции (вплоть до Октября 1917 г.). Рубежами этого этапа и определяются хронологические рамки настоящей работы.

Более пятидесяти лет назад, когда готовилась к печати «История гражданской войны в СССР», инициатор и руководитель этого издания А. М. Горький в письме к составителям первого тома (охватывавшего период «от начала войны до начала Октября 1917 г.») настоятельно советовал включить в текст специальный «краткий очерк позиции и сил кадетской партии» [297а. С. 381]. И хотя в силу ряда причин это указание не было осуществлено, оно являлось далеко не случайным.

Чтобы воссоздать подлинную картину революции и гражданской войны в СССР, необходимо было глубоко раскрыть конфронтацию противобор-

ствовавших сторон — пролетариата и буржуазии, столкновение их классовых интересов и политических целей. Поэтому представлялось важным проследить активно развивавшийся в 1914—1917 гг. процесс формирования кадетской партии в главную политическую силу буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Ключом к пониманию исторической сущности рассматриваемых в книге процессов, событий и фактов, к осмыслению логической связи между ними стало ленинское наследие. Большое место в нем занимают труды, посвященные не proletарским партиям и в их числе кадетской. В. И. Ленин глубоко и всесторонне охарактеризовал политическую физиономию кадетов, их идеологическое обличье, их тактические маневры.

Некоторые аспекты избранной нами темы были уже изучены советскими исследователями, которые в последнее двадцатилетие интенсивно разрабатывали проблемы истории не proletарских партий в России. Общий историографический обзор имеющейся литературы вплоть до 80-х годов уже дан несколькими авторами, в том числе и нами [356а, С. 158—172; 248. С. 9—14]. Поэтому в настоящей монографии представляется целесообразным, не повторяя сказанного ранее, прибегнуть к историографическим экскурсам по ходу рассмотрения затрагиваемых в этой литературе проблем. Хотелось бы только с благодарностью подчеркнуть особое значение, которое имели для автора опубликованные в конце 60-х и в 70-е годы исследования В. С. Дякина, В. Я. Лаврычева, Л. М. Спирина, Х. М. Астрахана, А. Я. Авреха, Э. Н. Бурджалова, А. Я. Грунта, Н. Ф. Славина, С. В. Тютюкина, И. Г. Мосиной и др. 80-е годы ознаменовались выходом в свет нового комплекса литературы, связанного с рассматриваемой нами проблематикой.

Выпущен в свет коллективный труд «Не proletарские партии России. Урок истории». В нем впервые прослежена эволюция российских помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий на протяжении всего периода их существования. Пристальное внимание уделено в книге истории национальных не proletарских партий, что дает нам возможность не останавливаться специально на важной проблеме отношений кадетской партии с родственными ей буржуазными национальными политическими организациями.

Итоги многолетних исследовательских усилий ленинградских историков подведены в фундаментальном издании «Кризис самодержавия в России, 1895—1917», подробно освещающем исторические предпосылки крушения монархического строя.

Нетрадиционное направление исследования открывает коллективная монография «Борьба за массы в трех революциях в России, 1895—1917». Ее авторами прослежена зависимость социальной психологии и политического поведения городских средних слоев от влияния на них различных политических партий, завоевываемого в острой межпартийной борьбе. В трехтомном издании Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Исторический опыт трех российских революций» глубоко анализируется борьба классов и партий в России в начале XX в.

Наличие этих трудов позволяет в данной работе уделить меньше внимания общеисторическому «фону», сосредоточиться на конкретных проб-

лемах темы, и прежде всего на менее исследованных и дискуссионных вопросах.

В 80-е годы выпущен в свет и ряд специальных монографий. В книге К. Ф. Шацилло «Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг.» детально и глубоко изучаются источники формирования, процесс предварительной выработки организационных, программных и тактических основ кадетской партии. История ее создания и участия в борьбе против первой русской революции исследована В. В. Шелохаевым в монографии «Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг.». Тщательный анализ организационной структуры и численности, социального состава, а также общеполитической и социально-экономической программы кадетов дает возможность использовать выводы автора и применительно к периоду 1914—1917 гг., акцентируя внимание лишь на отличиях, обусловленных особым историческим этапом.

Монография А. Я. Авреха «Распад третьеиюньской системы» продолжает серию его написанных в нестандартной, образной манере исследований о III и IV Государственных думах, о представленных в ней помещичьих и буржуазных политических организациях. Широко привлекая документы кадетской партии, автор освещает ее роль в деятельности либеральной оппозиции в период с августа 1915 до февраля 1917 г.

Попытка описать деятельность большевистской партии по разоблачению идеологии и тактики кадетов в феврале—октябре 1917 г. была принята В. А. Кувшиновым [295]. Наконец, вышла из печати работа, посвященная конечному этапу истории кадетской партии — периоду гражданской войны [248].

¶ Опираясь в своем исследовании на предшествующую литературу, автор ставил перед собой следующие основные задачи.

| Эволюция кадетской партии исследовалась до сих пор разными историками в строго ограниченных хронологических и проблемных рамках (как правило, рубежом служил Февраль 1917 г.). Это мешало отображению процесса в целом, выявлению в нем стержневых направлений, а также тех факторов, которые играли существенную роль на последующих исторических этапах. Большинство авторов, изучавших предфевральскую историю помещичьих и буржуазных партий, концентрировало внимание на их разрозненности, междоусобных конфликтах, соперничестве и взаимной вражде. Между тем исследователи, занимавшиеся послефевральскими и особенно послеоктябрьскими периодами, показывали, что в ходе борьбы трудящихся масс России за установление и защиту Советской власти им противостоял все более и более спланированный лагерь контрреволюции, авангардом и политическим штабом которой являлась кадетская партия.

Одна из основных целей нашей работы — показать, что эта роль не была для кадетов ни случайной, ни неожиданной. Важно исследовать резко активизировавшийся в годы первой мировой войны процесс их идейного и организационного объединения с другими помещичьими и буржуазными партиями, сплочения буржуазии как класса и превращения кадетской партии в его главную политическую силу. В. И. Ленин пристально следил за этим процессом и посвятил его анализу многие свои работы. Еще в 1913 г., подводя итоги выборов в IV Думу, он писал: «Характерно для переживаемой нами эпохи. . . то, что идет процесс образования настоящих

классовых партий и, в частности, под шумок ярко оппозиционных возгласов и сладеньких речей о „примирении власти с страной“, идет сплочение партии контрреволюционного либерализма». Ленин подчеркивал, что различия между отдельными группами и фракциями буржуазного лагеря «неустойчивы, неопределенны, случайны...» [I. Т. 22. С. 326], что их внутреннее идейно-политическое объединение «гораздо прочнее и глубже» [I. Т. 22. С. 329], чем выплескиваемые наружу противоречия.

Вместе с тем читатель должен иметь в виду, что автор, стремясь отразить нарастающую тенденцию к объединению, фиксировал внимание прежде всего на ее проявлениях и не останавливался специально на тех весьма рельефных контрастах и столкновениях, которые нашли уже подробное освещение в предшествовавшей литературе. Только учет всех этих факторов в их совокупности может дать полное и объективное представление об описываемых сложных процессах и явлениях.

В некоторых исследованиях тактика либеральной оппозиции в целом и кадетской партии в частности по отношению к самодержавию в предфевральский период трактуется как парламентская «игра» в борьбу за власть либо как сознательный отказ от такой борьбы. Подобный подход трудно согласовать с закономерно утвердившейся в советской историографии ленинской концепцией противоборства трех политических лагерей в буржуазно-демократических революциях в России. В других работах, напротив, тактический курс возглавляемой кадетами оппозиции изображен как решительный и динамичный «штурм власти», что представляется безусловным преувеличением. Подробно характеризуя имеющиеся по этим вопросам точки зрения, автор выносит на суд читателей свое понимание стратегии и тактики кадетской партии накануне Февраля.

Другой аспект работы — раскрытие и последовательное выявление тех изменений в тактической линии, идеологических позициях и программных установках партии «народной свободы», которые были вызваны первой мировой войной и свержением самодержавия в России, анализ расхождений в среде кадетской партии и ее руководства по поводу проводимого ею политического курса.

Чрезвычайно важной представлялась автору проблема организационного развития кадетской партии на разных этапах ее существования. В работах, посвященных предфевральскому периоду, отмечается полный разброд и упадок в среде помещичье-буржуазной оппозиции, в руководстве партии «народной свободы», и в кадетских организациях на местах. А в работах о Февральской революции констатируется: думские лидеры сумели, быстро и оперативно организовав буржуазное правительство, выхватить власть (или хотя бы половину власти) из рук свергнувшего самодержавие народа; в первые же дни после переворота в Петрограде повсеместно были созданы органы буржуазной власти, возглавляемые, как правило, кадетами. Это также не было случайностью. Русская буржуазия, подчеркивал В. И. Ленин, «усиленно организовывалась с 1905 по 1914 г. и еще быстрее с 1914 по 1917...» [I. Т. 31. С. 73]. Автор стремился наглядно представить преемственность в организационном строительстве кадетской партии начиная со времени первой мировой войны и на протяжении всего последующего периода.

Необходимо было ответить и на такие вопросы: почему кадеты, когда

пробил их «звездный час», когда они оказались у руля государственного управления, не смогли удержать власть, каковы были их отношение к правительственной коалиции с эсеро-меньшевистским блоком и их роль в ней.

Вспомним ленинскую характеристику двух методов борьбы буржуазии за свои интересы и отстаивания своего господства, которые «то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. . . Второй метод — метод „либерализма“, шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д. Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения» [1. Т. 20. С. 67]. Эта противоречивость отразилась в политической линии либеральной оппозиции на всем протяжении между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России.

Однако после прихода буржуазии к власти, когда ее положение как господствующего класса полностью определилось, прежние противоречия утратили свое значение. В период между Февралем и Октябрем в политической практике кадетов второй метод все решительнее вытеснялся первым. Показать последовательное развитие этого процесса на протяжении 1917 г., выделить его основные этапы и факторы — таков один из побудительных мотивов данной работы.

Первостепенной по значимости являлась задача во всей полноте представить роль кадетов как главной партии буржуазно-помещичьей контрреволюции в послефевральской России, как опасного классового противника революционного пролетариата, как упорного и беспощадного врага ленинской большевистской партии, возглавившей борьбу трудящихся масс за торжество идеи социализма. Вместе с тем было важно выяснить причины поражения кадетов в этой борьбе, учитывая, что эта проблема особенно широко обсуждается буржуазными политологами и советологами.

Вообще проблематика, связанная с историей российского буржуазного либерализма, с историей кадетов, была и остается одним из объектов усиленного внимания со стороны зарубежной историографии России.

Здесь, как в любой другой сфере идеологической борьбы, в соответствии с установками реакционной, антисоветской политики во многих писаниях преследуется цель всеми способами очернить социализм, исказить смысл его завоеваний. Прежде всего это проявляется в стремлении опорочить опыт Октября, деятельность большевистской партии, в попытках противопоставить ей политических и идеологических противников, ожесточенно боровшихся за буржуазный, капиталистический путь развития России.

Реакционное направление, целиком подчиняющее историческое исследование задачам политической и идеологической борьбы, прежде безраздельно господствовало в зарубежной буржуазной историографии, занимавшейся историей российского либерализма, кадетской партии. Работы этого направления отличались чрезвычайной узостью источниковой базы, ограниченной рамками белоэмигрантской мемуаристики, дословно следовали концептуальным версиям, выработанным идеологами контрреволю-

ции после Октября, и полностью игнорировали труды советских историков.

В последние годы в современной непролетарской историографии России конца XIX—начала XX в. пробивает себе дорогу новое направление, отличающееся тремя характерными признаками. Во-первых, это широкое привлечение новых источников, введение в научный оборот свежих материалов как из зарубежных, так и из советских архивов. Во-вторых, возможно более полный учет выходящих в нашей стране трудов и добросовестное ознакомление зарубежного читателя с собранными в них материалами. В-третьих, принятие целого ряда принципиальных выводов и заключений советских исследователей.

Означает ли это, что концепции представителей указанного направления совпадают с позицией марксистской науки? Конечно, нет. Этим историкам присуще классовое мировоззрение, а их работы основываются на буржуазной методологии. Но как в сегодняшнем капиталистическом мире наряду со зловыми врагами СССР в буржуазных кругах имеются сторонники мирного сосуществования, сторонники разрядки и добрососедских отношений, так и в современной буржуазной историографии мы видим исследователей, с которыми при наличии глубоких идеологических и теоретических расхождений возможен научный спор, а в ряде случаев и деловое сотрудничество.

В последние годы в нашей стране выпущены в свет книги, специально посвященные современной буржуазной историографии трех российских революций [305; 294]. В них рассматриваются, естественно лишь в общем плане, и вопросы, относящиеся к истории кадетской партии в 1914—1917 гг. [См. также 348а. С. 207—222; 323. С. 82—90; 324а. С. 104—117]. Однако в позитивных исследованиях советских авторов редко дается критический анализ литературы, выходящей за рубежом.

В данной работе ставится задача проследить концепционную эволюцию современной зарубежной историографии по рассматриваемой теме, учесть выводы ее представителей, имеющие научное значение, привести необходимую аргументацию по проблемам, заслуживающим полемики.

Монография базируется в основном на комплексе источников, почерпнутых из фондов ЦГАОР СССР. Впервые вводятся в научный оборот многочисленные документы и материалы из хранящейся там коллекции Русского заграничного исторического архива в Праге.

В фонде кадетского ЦК, действовавшего в первые годы эмиграции, собраны протоколы заседаний ЦК и его демократической группы, кадетских эмигрантских организаций в различных зарубежных странах. Они содержат немало важных сведений, признаний и саморазоблачений. Значительный интерес представляют сохранившиеся документы 1917 г. — отчеты районных кадетских комитетов Москвы городскому комитету о проведении выборов в городскую думу в июне 1917 г. Они раскрывают механизм организации кадетами предвыборной кампании, отражают ее масштабы и методы. Отчет литературно-издательской комиссии при ЦК партии «народной свободы» за первую половину 1917 г. и некоторые другие документы характеризуют объем, основные направления и формы агитационно-пропагандистской деятельности кадетов.

Ценный материал содержится в личных фондах Русского заграничного архива. Прежде всего следует отметить личный фонд генерала А. И. Дени-

кина, в котором удалось обнаружить комплекс материалов, связанных с историей корниловского мятежа. В 1921 г. Деникин, работая над своими «Очерками русской смуты» [244], обратился к ряду лиц, так или иначе связанных с корниловщиной, с просьбой рассказать об их участии в событиях того времени, раскрыть тайные пружины заговора, описать ход его подготовки. На эту просьбу в числе других откликнулись деятели Союза офицеров — военной организации, непосредственно руководившей подготовкой мятежа (председатель союза кадет Л. Н. Новосильцев и его помощник С. Н. Ряснянский), один из видных буржуазных лидеров, «серый кардинал» «Союза 17 октября» Н. В. Савич, дочь покойного генерала М. В. Алексеева Вера Борель. В распоряжении Деникина оказались также отчеты Московскому комитету партии «народной свободы» министров Временного правительства членов кадетского ЦК Ф. Ф. Кокошкина и Н. М. Кишкина, характеризующие обстановку в правительстве накануне и в момент мятежа, а также закулисные махинации кадетского руководства в поддержку мятежников.

Именно на эти свидетельства опирался Деникин, описывая в своей книге деятельность офицерских организаций, позицию буржуазных кругов и обстановку во Временном правительстве в период корниловщины. Однако, как показывает знакомство с подлинниками, они использованы в «Очерках русской смуты» в очень небольшой степени и чрезвычайно тенденциозно.

К указанным материалам тематически примыкают переписка с Деникиным его друга, известного кадетского деятеля Н. И. Астрова, и дневник Л. Н. Новосильцева, хранящиеся в их личных фондах.

С важными фактами, наблюдениями и оценками знакомит исследователя широко используемая в монографии переписка кадетских лидеров (П. Н. Милюкова, М. М. Винавера, И. И. Петрункевича, В. А. Маклакова, В. Д. Набокова, Ф. И. Родичева и др.), а также дневники и автобиографии видных буржуазных и военных деятелей. Немалый интерес представляют неоконченные и неопубликованные рукописи П. Н. Милюкова «При свете двух революций» и «Мартовская революция».

Чрезвычайно ценные, на наш взгляд, свидетельства содержат неопубликованные мемуары члена ЦК кадетской партии В. А. Оболенского «Моя жизнь и мои современники». Автор раскрывает внутрипартийные конфликты и разногласия, борьбу различных течений в составе ЦК, дает меткие характеристики кадетских лидеров.

Кроме коллекции Пражского архива нами изучены также многие другие фонды ЦГАОР СССР. Привлечен ряд новых документов департамента полиции, содержащих донесения охранного отделения о деятельности кадетской партии в провинции и особенно об общественных организациях, возникших в годы первой мировой войны.

Большое значение для работы над темой имел фонд Центрального комитета кадетской партии, в котором хранятся подробные протоколы заседаний ЦК 1914—1917 гг., протоколы VI съезда кадетской партии и другие материалы. Многие ценные сведения почерпнуты из обширного личного фонда лидера партии «народной свободы» П. Н. Милюкова, а также из личных фондов других кадетских деятелей — А. В. Тырковой, А. А. Корнилова и Г. В. Вернадского.

Позиция Московского отдела кадетского ЦК по основным политическим проблемам периода первой мировой войны нашла отражение в ряде использованных в монографии материалов Рукописного отдела Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Некоторые документы о деятельности кадетов в Петроградской думе и в общественных организациях, письма руководящих деятелей партии «народной свободы», важные для понимания ее позиции, обнаружены в личных фондах В. И. Вернадского, С. Ф. Ольденбурга, Т. И. Полнера, которые находятся в Архиве Академии наук СССР. Несомненный интерес представляют хранящиеся там же неопубликованные воспоминания секретаря кадетского ЦК А. А. Корнилова и члена Московского городского комитета партии «народной свободы» С. В. Бахрушина, ставшего в дальнейшем известным советским историком.

Мемуары С. В. Бахрушина о Московской городской думе, о руководящей роли в ней кадетской группы во главе с Н. И. Астровым хранятся также в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы. Там же находятся ценные документы об органах буржуазной власти, образованных после Февральской революции 1917 г. в Москве, а также в ряде губерний, уездов и городов Центральной России.

Автором использованы многочисленные документальные публикации, как советские, так и дореволюционные, изучены программа и отчеты съездов кадетской партии, а также литература, изданная ею в 1914—1917 гг.

Значительную помощь в исследовании темы оказала периодическая печать, прежде всего большевистская — газеты «Правда», «Социал-демократ», «Рабочий путь» и др. В этих газетах публиковались статьи руководителей РСДРП (б), анализировавшие политическую ситуацию, дававшие четкое определение расстановки классовых сил и тактики враждебных пролетариату партий.

Обширный материал можно почерпнуть из центральной кадетской периодики — «Вестника партии народной свободы», газет «Речь», «Русские ведомости», «Свободный народ», «Москвич-избиратель» и др. Сведения, касающиеся социального состава, численности, организационной и агитационно-пропагандистской деятельности кадетов в разных районах страны, были извлечены из провинциальной прессы, в частности изданий местных отделов партии «народной свободы». Использованы также и другие органы буржуазной и мелкобуржуазной прессы.

В работе учтен и такой немаловажный источник, как мемуарная литература. Автором критически использованы опубликованные воспоминания деятелей кадетской партии (П. Н. Милюкова, М. М. Винавера, В. Д. Набокова, Пав. Д. Долгорукова, И. В. Гессена, В. А. Маклакова, А. С. Изгоева, Б. Э. Нольде, П. П. Юренева, А. Р. Ледницкого, Д. С. Пасманика, П. П. Гронского), а также деятелей других непролетарских партий, военных, западных дипломатов.

Такова в общих чертах характеристика использованных в монографии литературы и источников, архивных и опубликованных.

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА ТАКТИКУ И ИДЕОЛОГИЮ КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ

Первая мировая война стала важным рубежом в развитии российского буржуазного либерализма вообще и кадетской партии в частности. Она внесла серьезные коррективы и в идеологию, и в тактику, и в организационно-практическую деятельность кадетов.

Российским либералам не впервые пришлось столкнуться с проблемой отношения к войне. Она стояла перед ними и во время русско-японской войны. В тогдашнем подходе к этой проблеме будущих кадетских лидеров и в их позиции спустя десятилетие были существенные различия.

Как показал К. Ф. Шацилло, царский манифест 1904 г. о начале войны вызвал неоднозначную реакцию в либеральной среде. Если чрезвычайные земские собрания ответили на него «единодушным патриотическим порывом», если многие либеральные лидеры, по их словам, «всеми фибрами своей души» желали победы России и готовы были для этого сделать все, что могли, а другие (П. Б. Струве, Петр Д. Долгоруков) рассматривали «патриотическое возбуждение как темное, но все-таки в основе здоровое проявление гражданских чувств» и признавали необходимость на время войны прекратить всякую оппозицию, то были и голоса, выбивавшиеся из этого общего хора.

Громче всех был голос того, кто в 1914 г. будет возглавлять кадетскую партию и определять ее политический курс. П. Н. Милюков, не желая стоять на общей почве «с правительством и русскими шовинистами», призывал читателей журнала «Освобождение» остаться «верным старой „народной поговорке“ — Долой самодержавие!». К. Ф. Шацилло отмечает нарастание, по мере неудачного хода военных действий, пораженческих настроений в либеральной среде, доходивших порой до позиции «чем хуже, тем лучше». При этом имелось в виду, что обескровленное поражением самодержавие добровольно дарует реформы и поделится властью с буржуазией [383. С. 212—222].

Прошло десять лет. . . Для истории — краткий миг, но за это время произошло событие огромной важности, решающим образом повлиявшее на отношение буржуазных либералов к войне, — свершилась первая российская революция. Опыт ее наложил глубокий отпечаток на мировоззрение либеральной буржуазии.

Еще за два дня до Кровавого воскресенья, писал В. И. Ленин, вожди русских либералов уверяли, что в России «нет революционного народа». Самая мысль о том, что «безграмотная крестьянская страна может родить революционный народ», казалась им абсурдом. Их позиция определялась убеждением «в невозможности действительной революции» [1. Т. 30. С. 310].

Но «невозможное» свершилось, воочию обнаружив, что революционный народ в России есть и, главное, что либералы бессильны повести его за собой. Революция показала, что либеральная буржуазия не в состоянии возглавить освободительное движение, подчинить себе рабочий класс, упрочить свое влияние среди крестьянства. Более того, опыт 1905—1907 гг. показал, что революционные требования трудящихся масс не только в гигантской степени обгоняют робкие реформистские домогательства буржуазии, но и в корне противоречат ее классовым интересам. Если до октября 1905 г. либералы в общем и целом держали «сочувственный нейтралитет по отношению к революционной борьбе масс», ковыляя, по ленинскому выражению, за идущей вперед революцией [1. Т. 16. С. 121; Т. 11. С. 151], то после манифеста 17 октября они позорно предали дело народной свободы, бросившись «в объятия контрреволюции» [1. Т. 17. С. 40].

Опыт 1905—1907 гг. проложил глубокую пропасть между психологией «ненулапного» революцией буржуа интеллигентского типа, преисполненного розово-оптимистических иллюзий, и умонастроением буржуазного политического деятеля, прошедшего через горнило устрашающего «народного бунта». «Очевидную теперь для всех *контрреволюционную* позицию по отношению к *массовой* борьбе социалистического пролетариата и демократического крестьянства» [1. Т. 17. С. 272] заняли не только представители правого крыла кадетизма, но и официальные вожди и дипломаты к. д. партии — Милюков и его окружение [См.: 1. Т. 24. С. 372—373].

В программном докладе лидера кадетов на ноябрьской партийной конференции 1909 г. «Политические партии в стране и в Думе», названном В. И. Лениным «последним словом российского либерализма» [1. Т. 19. С. 176], был дан прямой и однозначно отрицательный ответ на вопрос об отношении кадетов к революции как к форме политической борьбы в будущем. «Дело русского обновления, — подчеркивал Милюков, — не может быть закончено той политической судорогой, какая по вине истории оказалась необходимой для его начала» [43. С. 6].

Отрицание революционного метода борьбы, страх перед новой революцией явились не только основой для постепенного сближения различных течений буржуазного либерализма, но, на наш взгляд, и первопричиной изменения отношения к войне его идеологов. Ведь война с Японией вплотную приблизила страну к революции. Превращение «дремлющей России» в «Россию революционного пролетариата и революционного народа» В. И. Ленин непосредственно связывал с «жестокими уроками империалистской русско-японской войны» [1. Т. 30. С. 311, 316].

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и другие причины изменения позиции кадетов по сравнению с 1904—1905 гг.: иные масштабы войны, иные перспективы внешнеполитического положения страны в случае ее поражения, а главное, совсем иные (не по характеру, но по объему и значимости) политические, экономические и стратегические цели России в первой мировой войне.

Характерно, что после убийства в Сараеве австрийского эрцгерцога Фердинанда, которое послужило поводом к возникновению острого международного кризиса, кадетское руководство заняло сдержанную позицию, сильно отличавшуюся от «военно-истерических» настроений правомонархических кругов. «Двумя-тремя тягучими неделями» дипломатической

подготовки к началу военных действий Милюков, по его словам, воспользовался, чтобы повести «свою кампанию против войны или против русского участия в войне» [311. С. 175]. Действительно, в те дни передовые статьи «Речи» доказывали необходимость «локализации» австро-сербского конфликта, призывали к невмешательству России в этот конфликт [445. 1917. 12, 13, 14 июля и др.].

Антивоенная направленность выступлений «Речи» была столь очевидна, что выпуск газеты на следующий день после объявления войны — 20 июля — был запрещен правительством за «непатриотическую позицию» (правда, через два дня запрещение было снято). Как видим, кадетское руководство в меру своих сил пыталось помешать тому, что Милюков впоследствии назвал «трагедией русского участия» в первой мировой войне [311. С. 109].

В. С. Дякин выделяет три причины, определившие такую позицию: сознание опасности войны для неподготовленной к ней России; антисербская ориентация (Милюкова) в вопросах балканской политики; буржуазный пацифизм некоторой части кадетской интеллигенции* [251. С. 47]. Это объяснение представляется совершенно справедливым, но неисчерпывающим.

И. В. Бестужев предлагает другое толкование. Кадеты, пишет он, весь престиж которых держался на их «оппозиционности», должны были приослабляться к новому революционному подъему, развернувшемуся в 1910—1914 гг. Война положила конец этим маневрам [204. С. 83]. Эта версия кажется нам не слишком убедительной. Уже после боснийского кризиса 1908 г. «наиболее сознательные, наиболее организованные круги либеральной буржуазии» стали проявлять все большее тяготение к «империалистской политике» [1. Т. 23. С. 371]. С тех пор кадеты стали, по определению В. И. Ленина, правительственной партией [См. 1. Т. 23. С. 329] во внешнеполитической сфере. Советскими исследователями доказано, что в предвоенные годы они полностью поддерживали основную линию внешней политики царского правительства, расходясь с ним только в тактических деталях [251. С. 47—48].

Классовые интересы либерализма, по ленинскому определению, «заставили его испугаться (особенно в 1905 году) демократического движения и повернуть *направо* — и во внутренней и во внешней политике». «Был бы прямо смешон тот, — подчеркивал В. И. Ленин в августе 1913 г., — кто вздумал бы отрицать связь между кадетским империализмом и шовинизмом сегодня и между кадетски-октябристским лозунгом беречь Думу весной 1907 года, между кадетским голосованием против земельных местных комитетов весной 1906 года и между кадетским решением идти в булыгинскую Думу осенью 1905 года. Это — *одна* политика одного и того же класса, который больше боится революции, чем реакции» [1. Т. 23. С. 372].

Печальный опыт событий десятилетней давности служил для кадетов грозным предостережением: для страны, где с новой силой разгорается

* Кадетская партия играла первую скрипку в российской организации международного Общества мира. Филиалы его были созданы в 1909 г. в Москве под председательством князя П. Д. Долгорукова и в Петербурге во главе с близким к кадетам М. М. Ковалевским [445. 1909. 7 окт., 18 дек.].

рабочее движение [274. С. 186—206], война сама по себе может явиться прелюдией к революции, а поражение в ней неминуемо обернется революционным взрывом.

Кадетские лидеры сознавали, что новая война несет с собой угрозу новой революции. Они говорили об этом на заседаниях ЦК, где в предвоенный период не раз обсуждался вопрос о назревании мировой войны и об участии в ней России. Так, член ЦК А. С. Изгоев предупреждал, что в случае войны неизбежна перемена власти, но «не кадеты будут на гребне волны, а крайние левые, которые первыми утопят кадетов, а затем меньшевиков» [280. С. 178—179]. За два месяца до начала войны, 12 мая 1914 г., другой член кадетского ЦК, В. А. Маклаков, заявлял с думской трибуны: «... год тому назад член Г. Думы Пуришкевич говорил: новая война — это новая революция. Я ему возражал. . . [Теперь] я должен сказать. . . что я уже с такой уверенностью возражать ему не решусь» [14. Стб. 461—462]. А третий член ЦК — Ф. И. Родичев — за две недели до объявления войны подчеркивал в частном письме: «Если Россия будет вовлечена в войну, то ужасы 1905 г. бледнеют перед тем, что будет в России» [126].

Но почему же с первого дня войны кадеты круто меняют фронт, почему с этого момента они становятся ярыми поборниками войны до победного конца и в дальнейшем упорно продолжают отстаивать этот курс? Этот вопрос вызывает живой интерес в буржуазной историографии российского либерализма.

По утверждению Т. Рихи, автора вышедшей в США биографии Милюкова, в данном случае, как и во многих других, лидер кадетов руководствовался примером западноевропейских держав — Англии и Франции. А кроме того, он якобы убедился в несоответствии пацифистской позиции «примитивным инстинктам» широких масс населения России [520. P. 215—217].

Другой американский историк, А. Мендель, заявляет, что внешнеполитический курс кадетов объяснялся якобы «страстным интересом к балканским проблемам», появившимся у Милюкова во время его пребывания в Болгарии и Турции в конце 1890-х годов [506. P. IX].

Английский исследователь Р. Пирсон дает другой ответ: «Чтобы спасти свою газету, примирить левые и правые течения в кадетской партии, сохранить ее в национальном объеме, у Милюкова не было иного выбора, как стать суперпатриотом и понудить кадетов на безоговорочное принятие „union sacrée“» [512. P. 19].

Ни с одной из этих трактовок согласиться нельзя. Хотя, как отмечалось на VI съезде кадетской партии, вопросы иностранной политики обычно не ставились на широкое обсуждение и «самовольно» решались руководством [84. Л. 21], тем не менее неправомерно связывать формирование одного из важных аспектов политического курса целой партии с индивидуальными интересами и пристрастиями одной личности, хотя бы и такой авторитетной, как П. Н. Милюков.

Что же касается позиции широких народных масс по отношению к войне, то кадетское руководство в 1914—1917 гг. несчетно раз имело случай убедиться в их стремлении к миру. В архивных фондах сохранились письма с фронта членам думской кадетской фракции, в редакцию газеты «Речь», лично Милюкову. Они были полны горьких упреков адреса-

там: «Вы говорите, что народ русский желает войну вести до конца. Солдаты спрашивают себя: кто же этот народ?» «Оставьте войну, господа, дайте людям пожить. . . » «Мы со слезами на глазах просим вас. . . прекратите эту кровопролитную бойню!» «Выходит, что от вас миру не дожدهшься, а придется солдатам самим заключать его» [109. Л. 21, 22; 97, 97 об., 98 об.]. Таких писем было много. . .

Голос народных масс России звучал громким осуждением войны, ставшей национальной трагедией России. Трагический оборот приняла она и для многих членов партии «народной свободы», для их семей. Сын П. Н. Милюкова, только что окончивший гимназию, в числе первых добровольцев ушел на фронт и был убит в Галиции в первом же сражении, в котором участвовал. Секретарь кадетской думской фракции А. М. Колюбакин, бывший строевой офицер, узнав, что не подлежит мобилизации как неблагонадежный, подал прошение «на высочайшее имя» и был зачислен в действующую армию. Через три месяца он погиб. Чем дольше длилось мировое побоище, тем больше уносило оно человеческих жизней. . .

Стремление партии «народной свободы» всеми средствами разжигать «патриотический энтузиазм» в отношении к войне обусловило тенденцию кадетской печати замалчивать подлинный трагический смысл происходивших в России событий. Характернейшая деталь: в сентябре 1914 г. редактор «Речи» И. В. Гессен отказался напечатать прекрасное стихотворение Александра Блока «Петроградское небо мутилось дождем...» — об уходящем на фронт эшелоне:

В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

Пронзительные блоковские строки были отвергнуты кадетской газетой, предпочитавшей оптимистический «гром победы» [205. С. 239].

На VI съезде конституционно-демократической партии в феврале 1916 г. провинциальные делегаты предупреждали: народ и армия хотят мира, Россия в ее нынешнем состоянии не в силах выиграть войну, необходимо «теперь же, немедленно, приступить к выяснению условий мира» [84. Л. 22 об., 23]. После серии военных поражений в конце 1916 г. на пленарном заседании партии «народной свободы» 21 декабря уже и Милюков, по сообщению охраны, «отметил факт несомненной усталости общества и готовности части его пойти на любые условия мира»*. Н. М. Кишкин, А. А. Кизеветтер, А. А. Корнилов, Ф. Ф. Кокошкин и Н. В. Тесленко также говорили об этом. И тем не менее все присутствовавшие члены ЦК были единодушны во мнении: о мире при данных условиях не может быть и речи [65. Л. 7].

Несмотря на тяжкие потери России в войне, несмотря на бедствия и разруху в тылу, кадетская партия упорно продолжала настаивать на своем лозунге: «Война до победного конца!»

* О крайнем утомлении войной говорилось также на заседании Московского комитета кадетской партии 7 января 1917 г., где присутствовал и Милюков [66. Л. 28].

Чем же определялась политика кадетов по отношению к войне? Во-первых, их внешнеполитической концепцией, складывавшейся в 1908—1914 гг. (о ней речь пойдет ниже), и, во-вторых, убеждением в том, что, коль скоро Россия уже оказалась в огне военного пожара, необходимо добиться максимального политико-экономического выигрыша и ни в коем случае не допустить ее поражения, чреватого новой революцией. Только так, на наш взгляд, можно объяснить странную логическую непоследовательность линии кадетского руководства летом 1914 г. и резкое изменение его позиции по отношению к войне в сравнении с 1904 г.

«Каково бы ни было отношение к внутренней политике правительства, — говорилось в воззвании кадетского ЦК от 21 июля*, — наш прямой долг — сохранить родину единой и нераздельной и удержать за нею то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние споры, не дадим ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия» [450. 1917. 22 июля].

Вопрос об отношении к войне рассматривался в Центральном комитете партии «народной свободы» и в кадетской думской фракции накануне знаменитой однодневной сессии Думы 26 июля 1914 г. Некоторые члены ЦК, в частности В. А. Оболенский, предлагали поставить поддержку партий царского правительства в зависимость от его готовности осуществить определенные реформы, поскольку без них Россия не сможет одержать победу в войне [137. С. 341—343]. Примерно ту же идею предлагал «поставить на вид сферам» Н. Н. Щепкин на заседании думской фракции. Однако это мнение было отвергнуто: «большинство настояло на том, что сейчас не время что-то ставить на вид и надо ограничиться простым констатированием фактов» [464. 1917, 31 июля].

Гораздо решительнее прозвучала другая точка зрения, высказанная на заседании ЦК. В неопубликованных воспоминаниях А. В. Тырковой, хранящихся в Колумбийском Русском архиве, указывается, что она сама и ряд других членов ЦК обвинили П. Н. Милюкова и И. И. Петрункевича в «недостатке патриотизма» в связи с позицией «Речи» накануне войны и упрекали их в том, что, собрав ЦК лишь в последний момент, они лишили кадетов возможности организовать на местах демонстрации в поддержку войны. Стоящая перед страной задача борьбы против Германии, заявляла Тыркова, требует от каждого «истинно русского» отбросить всякую политику вообще и стать «просто патриотом» [523. Р. 157].

И думская фракция, и ЦК почти единодушно одобрили написанное Милюковым заявление на экстренной сессии Думы, где лидер кадетской партии выполнил, по его собственным словам, «особый долг», лежавший на русской оппозиции, — «торжественно засвидетельствовать» свое чувство «здорового патриотизма» по отношению к «правительству, с которым мы боролись» [311. С. 190]. От имени кадетской партии Милюков заявил о ее полной готовности поддерживать правительство: «В этой борьбе мы все заодно; мы не ставим условий и требований. Мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника». Лидер кадетов призывал и другие партии последовать примеру кадетов, отказаться на время войны

* Как указывается в дневнике А. В. Тырковой, оно было спешно составлено, «чтобы поставить крест на прежней линии» [113. Л. 7].

от оппозиции, не затрагивать «жгучие вопросы нашей внутренней жизни», чтобы не помешать высокому духовному подъему населения [14. Стб. 19—20]. Речь Милюкова вызвала овацию, причем вместе с думцами аплодировали все члены царского правительства. В этом же духе выступили на заседании 26 июля депутаты-кадеги, представлявшие ряд национальных меньшинств: И. Гольдман — от лица латышей, М. Ичас — от литовцев, Н. Фридман — от евреев.

Провозглашенная на заседании 26 июля кадетская тактика внутреннего мира, как заявил сам Милюков полгода спустя, была «не жестом политика», но «твердым решением», «независимым от какого бы то ни было образа действий власти» [254. С. 254]. Таково было и убеждение других членов кадетского руководства. Как отмечает в своих неопубликованных «Воспоминаниях» А. А. Корнилов, при обсуждении вопроса о тактике на заседании ЦК 21 марта 1914 г. большинство высказалось за сохранение прежнего курса до окончания войны, считая, что позиция, занятая партией 26 июля, «должна быть выдержана до конца, несмотря ни на какие провокации правительства» [53. Л. 184 об.].

Шумную кампанию по пропаганде внутреннего мира развернула кадетская пресса. «Перед лицом внешнего врага Россия едина, — провозглашала «Речь» 27 июля, — и никто не демонстрировал этого единства с такой силой и с таким авторитетом, как Государственная дума». «Мы готовы на дружную сплоченную работу, — заверял в «Русских ведомостях» один из виднейших московских кадетов, А. А. Кизеветтер, — мы готовы забыть или отложить в сторону частные разногласия ради величайшей общей цели, лицом к лицу ставшей перед нами» [450. 1914. 5 авг.].

Вся российская буржуазия горячо и дружно выступала в поддержку воинствующей политики царизма. Почему это делали «верхи торгово-промышленной буржуазии», достаточно ясно. Они, так же как и класс помещиков, подчеркивал В. И. Ленин, «справедливо ждут для себя громадных материальных выгод и привилегий от раздела турецкого и австрийского наследства», предвкушают «те барыши, которые потекли бы в их карманы при победе царской армии» [1. Т. 26 С. 329].

Кадетов В. И. Ленин включал в другую группу, куда входили тоже зараженные шовинизмом широкие слои городской «средней» буржуазии, буржуазной интеллигенции, лиц свободных профессий и т. д. О практически дивидендах, которые могла бы получить от победы в войне эта группа буржуазии, говорить не приходится. Чем же тогда объясняется, что кадетская партия в вопросе о войне «целиком и безоговорочно поддерживала царское правительство» [1. Т. 26. С. 330]?

Кадеты объявляли себя (и в большинстве своем искренне так считали) надклассовой, надсословной, «государственно мыслящей» партией. Ядром их политической доктрины была идея государственности. Еще в 1908 г. П. Б. Струве в своей известной статье «Великая Россия» заявил: «Оселком и мерилом всей т[ак] н[азываемой] политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует так наз[ываемому] внешнему могуществу государства» [365].

Именно этатизм партии «народной свободы» определил ее позицию в 1914 г. Кадеты желали победы в войне, исходя из своего понимания интересов Российского государства. Здесь учитывались и перспектива укре-

ления его международного авторитета, пошатнувшегося после поражений в Крымской и русско-японской войнах, и сближение России в «сердечном союзе» с «буржуазными демократиями» (которые, в особенности Англия, являлись для кадетов образцом государственного устройства), и надежда на осуществление внутренних реформ в результате военных успехов.

С редким для них единодушием кадеты выступали в защиту территориальных притязаний царизма в войне — захвата Галиции, польских территорий Австрии и Германии, турецкой Армении, а главное, Константинополя и проливов. Удовлетворение этих требований должно было, по кадетским расчетам, упрочить стратегические позиции России, резко усилить русское влияние на Балканах и на Ближнем Востоке, стимулировать развитие экономики страны. Все это послужило бы на благо государства Российского — таково было глубокое убеждение кадетских политиков.

Однако государство, об интересах которого они столь рьяно пеклись, было помещичье-буржуазным. Это и обуславливало *классовость* кадетской позиции, которую сами кадеты с жаром отрицали. В статье «Как соединяют прислужничество реакции с игрой в демократию?» В. И. Ленин подчеркивал, что война есть продолжение политики партии крепостников, возглавляемой царизмом, и что на деле «партия к. д. именно эту политику поддерживала, именно ей служила» [1. Т. 26. С. 274].

Классовый характер кадетской внешнеполитической программы проявился и в том, что партия «народной свободы» солидаризировалась с царизмом в отношении к войне, которая явилась для него средством «отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение» [1. Т. 26. С. 318]. Поддерживая сугубо реакционную и противоосвободительную со стороны России войну, кадеты превратились в партию воинствующего империализма.

Во внешнеполитической сфере единство целей партии «народной свободы» и царизма не только сохранилось нерушимым вплоть до свержения самодержавия в России, но было продемонстрировано кадетами после их прихода к власти в феврале 1917 г.

Империалистическая, шовинистическая позиция, занятая кадетами, не только объединяла их с другими помещичье-буржуазными партиями, но и служила основой для их дальнейшего сближения с верхушкой мелкобуржуазного лагеря, получившего особое развитие после Февральской революции. Этому сближению способствовало, во-первых, убеждение многих мелкобуржуазных лидеров в том, что решение внутренних проблем страны и будущее ее пролетариата зависят от успеха попыток российской буржуазии «через империализм — помимо национальной революции — идти к европеизации России» [369. С. 58—59, 196—197]. Во-вторых, большую роль здесь играло то, что мелкая буржуазия, политически неустойчивая, колеблющаяся, к тому же скованная правительственными репрессиями и посулами, оказалась наиболее подверженной лжепатриотическим, шовинистическим настроениям [210. С. 147].

Кадетские идеологи широко раздували и всячески поддерживали подобные настроения. Выступления эсеро-меньшевистских лидеров в защиту буржуазного патриотизма подхватывались и популяризировались,

как писал В. И. Ленин, «целыми тучами буржуазных газет и буржуазных политиков» [1. Т. 26. С. 114].

Единственным классом в России, которому не удалось привить заразу шовинизма, оказался пролетариат [См.: 1. Т. 26. С. 331]. Огромную роль в этом сыграла последовательно интернационалистская, подлинно революционная позиция большевистского авангарда рабочего класса. В большевистской печати, в нелегальных листовках, в выступлениях депутатов-большевиков в IV Государственной думе разоблачался агрессивный характер внешнеполитического курса царизма, пропагандировался лозунг «Война войне» [271. С. 92—107; 274. С. 281—287].

Партия большевиков выработала принципиальную марксистскую линию по вопросам войны, мира и революции. Находясь в эмиграции, В. И. Ленин дал всесторонний научный анализ международной обстановки, глубоко раскрыл империалистическую сущность войны, указал народам реальный выход из этой преступной кровавой бойни. В написанном манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» был четко сформулирован «единственно правильный пролетарский лозунг» — превращение современной империалистской войны в гражданскую [1. Т. 26. С. 22].

Ленинская антивоенная программа стала теоретической основой практической деятельности большевистских организаций в России, их непримиримой борьбы против империалистической политики царизма, против той активной буржуазно-шовинистической пропаганды, которую вела партия «народной свободы».

Кадеты считали своим непосредственным долгом, ближайшей задачей «объединить русское общество» на «общем понимании смысла войны, ее значения для России, ее связи с русскими интересами» [311. С. 185]. Усиленная военная пропаганда велась на страницах кадетской прессы и в двух программных сборниках, выпущенных партией «народной свободы», — «Вопросы мировой войны» и «Чего ждет Россия от войны», которые, по словам В. И. Ленина, особенно наглядно показывали роль кадетской партии в современной империалистской политике [См.: 1. Т. 26. С. 273]. Печатные выступления на эту тему одного только Милюкова в журналах, в специальных сборниках, в ежегодниках «Речи» могли бы, по его собственным словам, «составить несколько томов» [311. С. 185].

В своих пропагандистских писаниях кадеты, по ленинским словам, всячески загушывали вопрос о том, «из-за чего ведется война, какими классами, ради *какой* политической цели» [1. Т. 30. С. 83]. Тем самым они помогали самодержавию осуществить обман народа в грандиозном масштабе. Кадетская пропаганда органически включилась в орбиту громадного аппарата лжи, который был пущен в ход в России, «чтобы заразить массы шовинизмом, чтобы вызвать представление, будто царское правительство ведет „справедливую“ войну...» [1. Т. 26. С. 329].

Снимая с царизма ответственность за вовлечение страны в империалистический союз, приведшее ее в итоге к участию в чуждой народным массам кровавой бойне, кадеты изображали возникновение войны как «какое-то роковое предопределение», «имманентную вещам и отношениям необходимость» [234. С. 227—228]. В отличие от других буржуазных идеологов,

защищавших тезис о якобы случайном происхождении войн, они признавали историческую неизбежность войн в результате столкновения экономических интересов империалистических держав, однако при этом ставили знак равенства между этими интересами и нуждами широких народных масс. В. И. Ленин раскрывал суть подобных утверждений. «Буржуазия, — подчеркивал он, — одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией „национальной“ войны» [1. Т. 26. С. 40].

В противовес интернационалистским лозунгам большевиков кадеты внушали массам ненависть ко всему народу Германии, «ко всем немцам, от мала до велика, от крестьянина и рабочего до литератора...». «И у нас, и на Западе, — утверждали кадетские идеологи, — многие полагают, что мы ведем войну не с немецким народом, а с немецким правительством и с немецкими командующими классами. Это большая ошибка» [234. С. 4—5]. Недаром В. И. Ленин писал, что кадетская партия состязается в «патриотизме» с черной сотней [См.: 1. Т. 26. С. 330].

Извращая подлинную суть происходивших событий, отрицая антинародный характер войны, кадетские идеологи содействовали сокрытию от народных масс решающей роли, которую сыграли в разжигании военного пожара хищнические устремления правящих классов европейских держав, в том числе и России.

Особое внимание партия «народной свободы» уделяла идеологическому обоснованию целей войны, густо сдабривая, по выражению А. В. Луначарского, «империалистски-патриотическое блюдо» «чисто оборонческой приправой» [299. С. 50—51]. «При том как война вспыхнула, — писал впоследствии член кадетского ЦК барон Б. Э. Нольде, один из главных кадетских экспертов в области международных отношений, — у ней не оказалось никаких, заранее в тиши разработанных, политических „целей“... Силой вещей развертывающиеся грандиозные события заставляли выковырять эти „цели“, извлекая из старого исторического опыта и новых политических выкладок политическую программу войны» [400. 1930. 11 янв.]. Для «демократического прикрытия» этих целей, писал В. И. Ленин, на передний план у кадетов «выступают фразы о „славянстве“, об интересах „малых народностей“, „об угрозе европейскому миру“ со стороны Германии» [1. Т. 26. С. 273].

Главный мотив кадетской пропаганды — попытка представить участие России в войне как борьбу против германского милитаризма — подробно прослежен В. С. Дякиным [251. С. 50—52]. Другой излюбленной кадетами темой была «война во имя культуры». Рассуждениями о «защите интересов общечеловеческой культуры против изменившего ей воинствующего германизма»* [450. 1914. 12 авг.] маскировались разрушительный характер империалистической войны в целом, противоречие захватнических целей всех ее участников интересам сохранения и развития мировой культуры.

* Любопытно, что заявления подобного рода весьма иронически воспринимались союзниками по Антанте. Так, английский посол в Париже лорд Берти восклицал в своем дневнике: «Каково представить себе Россию спасительницей цивилизации!» [203. С. 30].

Достаточно громко звучали в кадетской прессе и литературе призывы к «славянскому единению». «Панславизм, — отмечал В. И. Ленин летом 1915 г., — при посредстве которого царская дипломатия не раз уже совершала свои грандиозные политические надувательства, стал официальной идеологией кадетов» [1. Т. 26. С. 329—330].

Для кадетского мировоззрения характерно было сочетание идей объединения «славянского мира» под русской эгидой с признанием необходимости тесного союза России с «западными демократиями» — Англией и Францией. В этом состояло коренное отличие кадетского панславизма от религиозно-неославистской философии С. Н. Булгакова, А. Л. Погодина и других правобуржуазных идеологов, утверждавших, что «теперешняя война знаменует собой общий кризис европейской цивилизации», что отныне «Россия призвана духовно вести европейские народы» и что «для этого она должна выйти из своего духовного вассалства у Европы» [211; 464. 1914. 5 авг.; 251. С. 52—56].

Почетный председатель кадетского ЦК И. И. Петрункевич писал секретарю ЦК А. А. Корнилову о Булгакове, в котором «бродит российско-византийский мистицизм»: «Нас с ним разделяет такая пропасть, что едва ли можно найти в ней местечко, чтобы перебросить мостик» [51. Л. 4 об.]. Кадетские идеологи выступили с резкой отповедью неославистам, осуждая «голоса, противопологающие в настоящей борьбе России и славянство Европе, пророчествующие о какой-то грядущей победе России над европейской культурой» [313. С. 532].

Помимо принципиального несогласия с неославистской концепцией, кадетские политики были серьезно озабочены тем впечатлением, которое могло произвести на Англию и Францию распространение теории о кризисе европейской культуры, о некой особой духовной миссии России в Европе и т. д. Их особенно тревожило, что подобные концепции негативно отразятся на отношении союзников к главной реально-практической цели, которой добивался в войне российский империализм и которой отводилось важнейшее место в кадетской пропагандистской схеме. Партия «народной свободы» выступала с настойчивыми требованиями «решения вековой русской национальной задачи» [313. С. 532] — захвата Константинополя и установления контроля над Босфором и Дарданеллами. Ее Центральным комитетом была принята специальная резолюция, пространно обосновывавшая эти требования и категорически настаивавшая на том, что «при ликвидации войны Босфор и Дарданеллы с прилегающими берегами и Константинополем должны перейти в державное обладание России» [106. Л. 1 об.].

Кадетские идеологи настойчиво подчеркивали актуальность момента для достижения желанной цели. В настоящее время вопрос о проливах «открывается при условиях исключительно для нас благоприятных», утверждал Милюков, имея в виду «небывалый до сих пор» фактор — союз с Англией и Францией, которые прежде оказывали упорное сопротивление намерениям России присоединить проливы. «Проливы — цена нашего союза» — так заявил Милюков министру иностранных дел Англии Э. Грею во время своего пребывания в Лондоне в составе русской парламентской делегации [25. С. 43]. Общественное мнение Англии и Франции, писал он, «на наших глазах изменяется с каждым днем в пользу передачи

проливов России», и при заключении мирного договора «нельзя уже ожидать сопротивления утверждению суверенитета России в Босфоре и Дарданеллах» [313. С. 547].

Дальнейшее развитие событий показало, насколько несостоятельны были кадетские расчеты на благосклонную готовность держав Антанты, и прежде всего Англии, решить вопрос о Константинополе и проливах в пользу России. Лорд Берти еще в декабре 1914 г. утверждал в своем дневнике: «...вопрос о распоряжении Константинополем и проливами явится камнем преткновения, когда настанет время для обсуждения подобных предметов». И через два месяца, в феврале 1915 г.: «Здесь (в Европе. — *Н. Д.*) все больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится впереди Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решать вопрос о будущем этого города и проливов» [203. С. 39, 50]. Однако партия «народной свободы» полностью уповала на святость принятых союзниками на себя обязательств и в соответствии с этим горячо отстаивала идеи «верности России союзническому долгу», «тесного единения с союзниками до конца» и т. д. и т. п.

«Надо, чтобы наши союзники знали, — заявлял Милюков, — что наш жизненный интерес и насущная потребность в обладании проливами ничего не имеют общего ни с пугалом „панславизма“, которым националисты „пангерманства“ запугивали Европу, ни с завоевательными тенденциями, которым с полным основанием хотят положить предел сторонники будущего организованного мира Европы. Владение Константинополем и проливами есть конец, а не начало» [313. С. 548].

Для лидера кадетов требование проливов и Константинополя стало своего рода *idée fixe*, за что он, как известно, получил насмешливое прозвище «Милюков-Дарданелльский». Однако в приверженности этой идее он был отнюдь не одиноком среди кадетского руководства. Когда на пленарном заседании ЦК 22 февраля 1916 г. обсуждался текст обращения VI съезда кадетской партии к народу, наибольшее внимание было уделено фразе: «Нельзя допустить, чтобы Россия, не осуществив своих национальных задач (под «национальными задачами» подразумевалось овладение проливами. — *Н. Д.*), вышла из этой борьбы урезанной, униженной и порабощенной» [445. 1916. 24 февр.]. В. А. Оболенский предостерегал своих коллег: «Такую фразу нельзя бросать, не раскрывая таящегося в ней содержания, чтобы не пахло национализмом и империализмом». Однако все остальные члены ЦК выступили в поддержку упоминания о «национальных задачах», хотя бы, как заявлял М. С. Аджемов, «широкие массы этого и не поняли». А. С. Изгоев считал, что исключение этих слов «вызвало бы смущение в рядах партии»; Д. Н. Григорович-Барский — что без них «документ теряет половину значения»; П. П. Гронский — что их важно сохранить «для будущей позиции партии». «Кто же будет спорить, — подвел итог обсуждению Милюков, — что у России есть не только задача отбиться от Германии, но и ряд весьма положительных задач для устройства лучшего» [112. Л. 9—10 об.].

А когда на самом съезде раздался голос делегата из Риги Н. М. Вторых,

критиковавшего лозунг о проливах как «империалистический», ответом ему послужило категорическое заявление Милюкова: «Если стремление к проливам империализм, то да, мы в нем повинны» [111. Л. 22, 53].

Такая позиция неизбежно требовала обеления самого понятия «империализм», что также стало важной задачей кадетской пропаганды. Она всячески подчеркивала законность «стремления каждой нации создать себе путем политического господства и давления привилегированное экономическое положение, обеспечить себе силой своего политического могущества возможно более благоприятные условия экономической конкуренции с остальными нациями» [234. С. 7—8]. Кадетские политики характеризовали империализм как «следствие объективной потребности крупного капиталистического государства в расширении национальных хозяйственных границ» [234. С. 267]. Империализм, утверждал, например, Котляревский, ведет к «широким мировым путям вопреки узкому национализму, заключающему Россию в обособленную и националистическую исключительность и замкнутость» [464. 1915. 7 марта].

Кадетские идеологи считали, что перед ними стоит «задача огромной важности — обосновать исторически конкретно и жизненно реально наши права на Константинополь и проливы». Входящие в состав партии «народной свободы» историки, экономисты, юристы-государствоведы подробно анализировали экономические и стратегические выгоды, которые Россия получит при достижении заветной цели. Этой теме посвящались многочисленные лекции, доклады, статьи, брошюры... Характерно, что подробный пересказ одного из типичных выступлений такого рода — доклада профессора С. А. Котляревского «Россия, проливы и Константинополь» — был помещен 7 марта 1915 г. в газете «Утро России». Орган московских капиталистов полностью солидаризировался с тезисами доклада, отражавшими позицию кадетов по этому вопросу.

Аннексия Дарданелл и Босфора, обещали кадетские златоусты, не только явится главным условием прочности международного кредита России [234. С. 442], не только послужит основой «экономического прогресса, в котором лежит залог и нашего прогресса политического» [450. 1915. 15 февр.], но и вообще «будет иметь характер прогрессивной перемены в интересах всего человечества» [313. С. 547]. Такова была техника «одурачивания» широких масс, при помощи которой партия «народной свободы» пыталась сделать популярными среди них совершенно чуждые народу цели войны. По поводу заявлений подобного рода В. И. Ленин писал: «Почти все признают теперешнюю войну империалистской, но большей частью искажают это понятие... или подсовывают все же возможность того, чтобы эта война имела буржуазно-прогрессивное, национально-освободительное значение» [1. Т. 26. С. 313].

Говоря об идейной эволюции кадетов в связи с войной, Ленин подчеркивал: «Русский либерализм выродился в *национал-либерализм*» [1. Т. 26. С. 330]. Это выразилось в усилении контрреволюционного содержания либеральной идеологии, в отказе буржуазной оппозиции от борьбы против реакционного правительства, в присоединении к империалистическим целям царизма, класса помещиков и верхов торгово-промышленной буржуазии, в призыве к классовому примирению и «национальному единению» во имя «войны до победного конца».

Ленинская формулировка имеет в виду и такой важный аспект, как отношение к национальному вопросу.

В первые же месяцы войны национальные проблемы приобрели в России особую актуальность. Военные действия разворачивались на территории Польши, в Галиции, в районах еврейской черты оседлости, и это обусловило повышенное внимание буржуазных идеологов к польскому, украинскому и еврейскому вопросам. «Из всех вопросов нашей внутренней жизни, выдвинувшихся в непосредственной связи с войной, первое место принадлежит бесспорно национальному вопросу, — писал 1 января 1915 г. Ф. Ф. Кокошкин, являвшийся признанным в кадетской партии авторитетом в области национальных проблем. — Можно сказать, что мы вступаем в новый год под знаком этого вопроса» [450. 1915. 1 янв.].

При решении национального вопроса руководящей идеей для кадетов оставалась все та же идея государственности. Из нее они выводили необходимость «единой и неделимой» Российской державы. Ратуя за «правовую организацию, обеспечивающую каждой народности ее место в общем отечестве, предоставляющую инородцам полноту гражданских прав и свободу национально-культурного развития» [450. 1914. 10 дек.], кадетская партия вместе с тем категорически отвергала право населявших Россию народов на территориальную автономию и политическое самоопределение.

В § 11 кадетской программы было зафиксировано требование «свободного культурного самоопределения» наций. Это означало предоставление каждой народности права пользования родным языком во всех сферах общественной жизни, основание учебных заведений, призванных обеспечить сохранение и развитие национальной культуры — веры, языка, литературы, обычаев и традиций. Языком центральных учреждений, армии и флота должен был оставаться русский язык. Анализируя национальную программу кадетов, В. В. Шелохаев показал, что лозунг культурного самоопределения выражал стремление кадетов подчинить трудящиеся массы либеральной идеологии, призывая их к развитию «общей культуры» в союзе с национальной буржуазией. Тем самым кадетская программа была направлена *против* интернационального сплочения пролетариата в освободительной борьбе, *против* революционного решения национального вопроса, которое последовательно отстаивала большевистская партия [384. С. 100—102].

В противопоставлении кадетами культурного самоопределения наций политическому В. И. Ленин видел одну из основ их национал-либерализма [См.: 1. Т. 25. С. 282]. Значительное внимание кадетской национальной программе уделено в его работе «О праве наций на самоопределение». Анализируя «виртуозно-дипломатически» составленный отчет «Речи» о кадетской конференции 23—25 марта 1914 г., где обсуждался национальный вопрос, Ленин резюмировал: «Великорусский национал-либерализм восторжествовал среди кадетов». В качестве аргумента против политического самоопределения на конференции выдвигалась угроза «распада» государства. «С точки зрения демократии вообще как раз наоборот, — подчеркивал в этой связи В. И. Ленин, — признание права на отделение уменьшает опасность „распада государства“» [1. Т. 25. С. 285]. Для большей наглядности он сравнивал свободу самоопределения нации со свободой развода, которая на деле означает не распад семейных

связей, а, напротив, укрепление их. «Подобно тому, как в буржуазном обществе, — писал В. И. Ленин, — против свободы развода выступают защитники привилегий и продажности, на которых строится буржуазный брак», так в капиталистическом государстве отрицание свободы самоопределения «означает лишь защиту привилегий господствующей нации и полицейских приемов управления в ущерб демократическим» [1. Т. 25. С. 285—286].

С началом войны в российском буржуазном либерализме появилось новое течение, представленное правым кадетом П. Б. Струве и поддерживавшими его октябристами и прогрессистами. «Струвисты» явились провозвестниками особой миссии великорусской нации, они настаивали на признании русского народа «неоспоримо первенствующим народом» страны и Российской империи национальной, а не многонациональной, отрицали всякое стремление ее народов к автономии не только политической, но даже и культурной. Эти взгляды получили наиболее яркое выражение в связи с украинским вопросом.

Струве сформулировал свою позицию в двух основных положениях. Во-первых, он отрицал возможность формирования украинцев в национальность; во-вторых, считал, что «ни русское государство, ни русская интеллигенция не должны ни в коем случае содействовать движению, которое стремится к превращению малороссийской стихии в пределах Российской империи в национальность». В России, писал он, «есть единая русская национальность, с различными этнографическими подразделениями, одним из которых является малорусский элемент» [394. 1914. 28 дек.].

Развернулась громкая полемика о «национальном начале и либерализме» между Струве, поддержанным публицистами из «Утра России» и «Голоса Москвы», с одной стороны, и Милюковым, Кокошкиным, Гредескулом и их единомышленниками — с другой. Даже А. В. Тыркова, стоявшая, как и Струве, на крайнем правом фланге партии, отмечала на заседании ЦК 5 октября 1914 г., что статьи Струве по украинскому вопросу «несомненно вредны» и «могут только вызывать досаду» [82. Л. 27].

«Вредность» жестких шовинистических построений Струве кадетское руководство усматривало прежде всего в том, что они шли вразрез с четкими установками, сформулированными Кокошкиным в одной из передовых статей в «Русских ведомостях». «Идущие в бой инородцы, — говорилось в ней, — должны знать, что они идут на защиту общего отечества, которое для них не чужой, а свой дом, в котором есть место для свободной жизни и развития их народности. Население окраин, угрожаемых неприятельским нашествием, должно чувствовать себя живой неразрывной частью государственного организма, связанной с его центром своими насущными жизненными интересами» [282. С. 4].

С резкой критикой откровенно великодержавной позиции Струве на кадетской конференции в Петрограде 6—8 июня 1915 г. выступили представители Киевского комитета партии «народной свободы» — самого крупного и влиятельного из всех ее провинциальных комитетов. ЦК поддержал киевлян. В итоге Струве, давно уже расходившийся с верхушкой партии, руководимой Милюковым, 8 июня 1915 г. послал на имя

П. Д. Долгорукова письмо, в котором заявлял о своем выходе из Центрального комитета партии. Принимая это заявление, ЦК единодушно присоединился к предложению Долгорукова выразить «чувство глубочайшего уважения и самое хорошее теплое отношение к дорогому нашему товарищу» и уверенность, что «в ближайшем будущем нам неизбежно придется вместе с ним работать на общественно-политическом поприще» [196. С. 217—218]. Это предсказание сбылось в 1918 г., когда Струве стал членом правления организации Национальный центр, созданной кадетами для борьбы против Советской власти.

В постановке национального вопроса кадеты всегда подчеркивали свое принципиальное отличие от черносотенного лагеря и гордились этим (они готовы были предоставить всем народам внутри России равные гражданские права, протестовали против решения национальных проблем мерами принуждения, выступали против усилившейся с началом войны, травли евреев и т. д.). В свою очередь черносотенцы относились к кадетам с откровенной злобой и ненавистью. Однако в сложной политической обстановке военного времени на практике кадеты часто оказывались на позициях, по глубинной сути мало отличающихся от позиции правых.

В. И. Ленин констатировал еще накануне войны: «Г-н Кокоскин рассуждает совершенно в духе националистов» [4. Т. 25. С. 285]. С началом войны и принятием курса на «единение» с правительством и на внутренний мир кадеты стали еще более сдержанны в постановке национальных проблем. Они отказались подписать законопроект об отмене всех национальных ограничений, составленный социал-демократической фракцией Думы и трудовиками в январе 1915 г., а при объединении с националистами и октябристами в Прогрессивном блоке удовлетворились включением в декларацию блока туманного пункта о вступлении на путь постепенной отмены ограничений в правах евреев. Выступая в Думе, националист В. В. Шульгин дал такое истолкование этой формулировке: «...если говорить о том, что здесь написано, то, собственно, смешно об этом разговаривать. Если говорить о черте оседлости, то она снята... военными событиями, так что нечего разговаривать по этому вопросу. Но я утверждаю, что вообще в еврейском вопросе нужно как бы пробовать: принять маленькую меру и посмотреть, что из этого выйдет, как это отразится... какие это вызывает последствия. И если это вызывает последствия возможные, надо двинуться вперед, а если нельзя, надо остановиться». Успокаивая правых членов блока по поводу «еврейского пункта», внесенного в декларацию, Шульгин разъяснял: «Конечно, господа, всякий, кто читал эту программу, должен сказать, что для того, чтобы из этого вывести понятие о равноправии евреев, нужно сделать какой-то большой скачок, который здесь не указан» [258. С. 32—33].

В своем докладе о тактике фракции «народной свободы» во время войны Милоков высоко оценил эту речь Шульгина, употребив такие эпитеты, как «просто и сильно», «удачно», «искренно и откровенно» [318. С. 31—32]. Таким образом, он, по сути дела, с ней солидаризировался. На пленарном заседании кадетского ЦК 30 марта 1916 г. отмечалось, что противоречия между кадетами и правой частью блока больше всего обнажаются при обсуждении еврейского вопроса [85. Л. 40 об.]. Поэтому, несмотря на крайнее обострение этого вопроса в период войны, руководство

партии «народной свободы» предпочитало замалчивать его ради сохранения единства в блоке. Характерно, что такая тактика осуществлялась с согласия принадлежавших к кадетской верхушке лидеров еврейской буржуазии М. М. Винавера и Г. Б. Слиозберга, которые претендовали на роль политических вождей российского еврейства.

Другим вопросом, вызвавшим упорные споры между участниками Прогрессивного блока, был вопрос о политическом статусе Польши. Когда 3 августа 1914 г. было опубликовано обращение верховного главнокомандующего к полякам, обещающее им свободу вероисповедования, сохранение языка и дарование Польше самоуправления под скипетром русского царя, И. И. Петрункевич с торжеством писал члену кадетского ЦК В. И. Вернадскому: «Ведь это наша кадетская программа... это первая победа или, правильнее, завоевание наше» [50. Л. 5].

Однако при составлении декларации Прогрессивного блока кадетам пришлось от этого «завоевания» отступить и ограничиться, по признанию Милюкова, абстрактной формулой, «прикрывавшей принципиальные разногласия чисто внешним образом» [318. С. 37]. Эти споры имели давнюю историю. Еще в эпоху земских съездов, когда только намечалось выделение в российском либерализме двух течений, оформившихся затем как октябризм и кадетизм, одним из существенных пунктов расхождений между ними было отношение к проблеме польской государственности. Октябристы (так же, как и их партнеры по блоку националисты) желали сохранить неизменным угнетенное положение Польши в составе Российской империи, и позиция кадетов, отстаивавших принцип польской автономии, представлялась им чуть ли не революционной. А с точки зрения поляков, предлагаемое кадетами решение польского вопроса являлось преградой на пути к достижению Польшей политической независимости.

Недаром член ЦК партии «народной свободы» А. Р. Ледницкий предупреждал, что в случае опубликования кадетского «Проекта закона об устройстве Царства Польского» «его личное положение как поляка было бы безвыходным, и он принужден был бы уйти из партии». Выход был найден в чисто кадетском духе. Хотя проект, составленный Кокошкиным, «подвергся обсуждению и окончательному редактированию в ЦК-те, — заявил Милюков, — но считается он как бы исходящим от группы лиц, а не от всей партии к.-д. Такую постановку дела принял ЦК умышленно, и так надо и впредь трактовать это дело» [85. Л. 60]. Однако, как сообщается в воспоминаниях А. А. Корнилова, при обсуждении проекта 24 марта 1915 г. он был, кроме Ледницкого, «единственным членом ЦК, требовавшим для Польши независимости, а не автономии» [53. Л. 184 об.].

Идеал национально-государственного устройства кадетские идеологи видели в Британской колониальной империи. При разработке проекта Кокошкин, по его словам, после долгих размышлений, в конце концов остановился на решении, которое было проведено в Англии в законе об ирландском гомруле [110. Л. 4 об.].

В проекте утверждалось, что Царство Польское составляет «нераздельную часть государства Российского» и подлежит «действию общего государственного законов и установлений». Законодательная часть должна была осуществляться императором в соединении с сеймом. Для проведения в жизнь принятых сеймом законодательных актов и мероприятий объяв-

лялось необходимым утверждение их со стороны царского наместника и состоящего при нем правительственного совета. Проект предусматривал отмену вероисповедальных ограничений, употребление «местных языков» в делопроизводстве и в преподавании. Однако сношения польских учреждений с общегосударственными, а также ответы на обращение русских подданных должны были производиться на русском языке [25. С. 45—46].

В беседе с английским министром иностранных дел Греем Миллюков, отметив, что поляки «теперь настаивают на независимости и на международном признании», подчеркнул: «Но мы так далеко идти не можем... Мы против упоминания о внутренней конституции Польши в международном акте. Самое большее — указание границ [ее] территории» [25. С. 45].

Наиболее откровенно позиция кадетской партии была сформулирована на заседании Московского отдела ее ЦК 8 ноября 1916 г., постановившего довести до сведения пленарного заседания ЦК следующие тезисы по польскому вопросу. Нельзя «забывать, что независимость Польши означает известное ослабление военного могущества России (потеря территории и населения в 12 млн) ... Ничто не дает нам права от имени России соглашаться на такое умаление ее силы». Признание независимости Польши «навлечет на партию нападки справа и со стороны правительства за то, что [она] во время войны соглашается на отторжение от России огромной территории. Позиция наша... может быть этим ослаблена. Во внутренней борьбе мы сильны сейчас именно тем, что стоим на почве охраны интересов государства...» [105. Л. 2].

«Реальное классовое значение либеральной вражды к принципу политического самоопределения наций, — писал В. И. Ленин, — одно и только одно: национал-либерализм, отстаивание государственных привилегий великорусской буржуазии». В защите этих привилегий, указывал В. И. Ленин, кадеты, по существу, действуют «вместе с Пуришкевичем, рядом с ним». Только черносотенец Пуришкевич «больше верит в крепостную дубину», а кадеты — в «буржуазные средства надувания масс» [1. Т. 25. С. 287].

Как видим, хотя партия «народной свободы» резко клеймила погромную сущность черносотенного патриотизма, хотя она отмежевывалась от струвистско-прогрессистского агрессивного национализма, тем не менее и кадетская национальная программа была по сути своей реакционна. Несмотря на целый ряд расхождений, разногласий, конфликтов и споров между буржуазными и помещичьими партиями, формирование национал-либеральной идеологии явилось благодатной основой для их идейной консолидации в период первой мировой войны.

КАДЕТЫ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Начало первой мировой войны послужило важным рубежом в идейной эволюции кадетов, в изменении их тактической линии. Не меньшее значение оно имело для организационного развития партии «народной свободы». Именно в 1914—1916 гг. была заложена потенциальная основа для ее бурного роста после Февральской революции. С одной стороны, в этот период интенсивно шло идейное и тактическое сплочение буржуазного лагеря, проложившее путь к вступлению в кадетскую партию в 1917 г. многих представителей других буржуазно-помещичьих партий и организаций. С другой стороны, в годы войны значительно укрепились кадетские позиции в среде земской и особенно городской интеллигенции, в средне-буржуазных слоях населения. Этот фактор необходимо учитывать при оценке влияния партии «народной свободы», ее политического значения накануне Февральской революции:

В монографии А. Я. Авреха «Царизм и IV Дума, 1912—1914 гг.» (М., 1981) подробно анализируется состояние кадетской организации в канун войны. Если в период кульминационного развития партии весной и летом 1906 г., по утверждениям самих кадетов, в ее рядах насчитывалось 100 тыс. членов [85. Л. 6 об.], а по подсчетам В. В. Шелохаева — свыше 50 тыс. [384. С. 64], то в годы реакции от нее остались жалкие обломки. К 1914 г. кадетская партия представляла собой, пишет А. Я. Аврех, «голову без туловища, генералов без армии, вождей без массы, руководящий орган при почти полном отсутствии руководимых». Он подчеркивает, что главной причиной этого было банкротство кадетов в ходе революции 1905—1907 гг., их бессилие в третьеиюньский период и в результате — полная потеря ими авторитета в массах. Как отмечает А. Я. Аврех, разочарование в политических потенциях кадетской партии и ее руководства, настроение неведения в обещанный им «конституционный» путь развития привели к развалу кадетских организаций на местах [197. С. 155—156]. В дополнение к этим факторам свою роль сыграло и то, что революция, как указывал В. И. Ленин, «замечательно быстро разоблачила либерализм и показала на деле его контрреволюционную природу» [1. Т. 16. С. 122]. Это привело к отходу от кадетизма многих представителей прогрессивно настроенной интеллигенции.

А. Я. Аврех показывает, что помимо причин идейного порядка, обусловивших распад кадетских организаций, этому способствовало и формально не легализованное положение партии. Отсутствие легализации оказалось тем барьером, который не могла перешагнуть основная масса буржуазно-помещичьей интеллигенции, составляющая социальную базу кадетского либерализма. Оставшиеся в партии подвергали определенному риску свое имущественное и общественное положение, особенно в провинции, где административный произвол ощущался гораздо больше, чем в обеих столицах. Чиновникам было предписано давать специальную подписку с обязательством не вступать в неразрешенные организации [197. С. 155].

Столыпинский циркуляр 14 сентября 1906 г. воспрещал состоять в политических партиях земским и муниципальным служащим. Местная администрация под предлогом политической неблагонадежности в массовом порядке отвергала кандидатуры учителей, врачей, статистиков, инженеров, агрономов для работы в земствах и городских учреждениях [См.: 223. С. 62; 386. С. 20—21; 201. С. 258, 270].

На резкое противодействие властей наталкивалась и деятельность пацифистских организаций, кооперативного движения, различных съездов и обществ, в которых сильно было кадетское влияние. Так, в разгромленном Московском обществе грамотности к началу 1908 г. осталось всего 4 человека. В дальнейшем деятельность общества, изменившего свой устав в сторону еще большей аполитичности, в некоторой степени оживилась, но и тогда оставалась под постоянным контролем полиции. Весной 1910 г. Министерством юстиции было возбуждено дело о закрытии весьма далекой от политики Лиги образования под тем предлогом, что во главе ее стоят лица, по своим взглядам примыкающие к конституционно-демократической партии [252. С. 175]. Немалые трудности приходилось преодолевать Вольному экономическому обществу, Пироговскому обществу русских врачей, Русскому техническому обществу, Обществу народных университетов, где кадетская партия традиционно занимала прочные позиции.

Большое внимание кадеты уделяли обществам обывателей и избирателей, которые служили, как отмечает В. С. Дякин, их единственной, по сути дела, организационной связью с относительно широкими кругами интеллигенции и частично городской демократии [252. С. 175]. Первое такое общество было образовано в Нарвской части Петербурга в феврале 1907 г., а к концу 1908 г. в столице их насчитывалось уже двенадцать. Правда, они были довольно малочисленны. Например, в Василеостровской части со 175-тысячным населением в обществе состояло лишь 400 человек [445. 1908. 30 дек.].

Формальной целью подобного рода обществ объявлялась организация благоустройства (практическая их деятельность в первые месяцы ограничивалась постановкой докладов о финансовом положении города), однако фактически их руководители (в большинстве своем кадеты) пытались через посредство этих организаций добиваться децентрализации и демократизации городского самоуправления, использовать их в избирательной кампании на выборах в городскую думу [252. С. 175—176]. В 1910 г. в Петербурге группа избирателей, входивших в состав обществ обывателей и избирателей, объединилась под девизом «обновления» думы. В сохранившемся в архиве «Кратком отчете о деятельности группы „Обновление“ в Петроградской городской думе» подчеркивается, что группа добилась немалого успеха, проведя на выборах почти всех своих кандидатов [51а. Л. 4].

Общества обывателей и избирателей были созданы в Смоленске, Туле, в Петербургском, Царскосельском и Шлиссельбургском уездах. Подспудной силой, подталкивающей их численный рост и стимулирующей их организационное объединение, была кадетская партия, и в частности Петербургский и Московский отделы ее ЦК [252. С. 177—178].

По инициативе и стараниями местных кадетов общества обывателей и избирателей были созданы во всех больших городах Сибири. Делались по-

пытки превратить их в крупные, активно и постоянно действующие организации [321. С. 101—102].

Однако оживление деятельности обществ вызвало открыто враждебное отношение со стороны властей, и к осени 1910 г. все столичные и провинциальные общества были закрыты.

В это время почти совсем заглохла и активность самой кадетской партии. Произведенный ею к марту 1913 г. учет своих сил на основании разосланного по 118 адресам запроса-анкеты показал, что комитеты или партийные «ядра» сохранились лишь в 26 губернских городах из 49, в 15 имелись отдельные лица, открыто признававшие себя кадетами. Комитеты оставались также в 18 уездных городах из 62 и в 19 — индивидуальные члены партии. Пять ответов на семь запросов было получено с Кавказа, где оказалось два «ядра», и из Сибири (один комитет). В докладе о состоянии партии, составленном на основании проведенного в начале 1913 г. Московским отделом кадетского ЦК учета партийных сил, констатировалось, что «партия к.-д. почти не имеет в настоящее время правильно организованных комитетов», что она «не может произвести учет своих членов, следовательно, не может установить точно своего состава, не может созвать съезд» [280. С. 171].

По данным местных комитетов, лиц, «готовых открыто заявить о своей принадлежности к партии к.-д., оказалось только 730 человек». Вместе с тем имелось значительное число «никодимов», т. е. сочувствующих кадетам, но не вступавших формально в партию [280. С. 171].

В монографии «Распад третьей юнкерской системы» А. Я. Аврех подчеркивает: «Милюков был весьма скептически настроен по вопросу о возможности возрождения партии, в глубине души, по-видимому, считая, что это дело безнадежное». Такая позиция лидера явилась «дополнительным негативным моментом в конечной бесплодности очередных попыток организации партии в стране» [196. С. 236].

По нашему представлению, Милюков не слишком-то стремился к созданию широкой партийной сети на местах. Идеальной моделью для кадетского руководства служили парламентские буржуазные партии Запада, которые отнюдь не заинтересованы в расширении собственной организации, а все силы направляют на завоевание на свою сторону при помощи весьма ограниченного числа партийных функционеров возможно более широких слоев беспартийных избирателей. При обсуждении этого вопроса на пленарном заседании кадетского ЦК 30 марта 1916 г. секретарь ЦК А. А. Корнилов объяснял, что за весь период существования партии «жизнь партийных комитетов проявлялась главным образом только во время выборов» [85. Л. 31 об.]. К тому же активный рост кадетских организаций на местах неизбежно повлек бы за собой увеличение представительства провинциальных комитетов в составе руководства партии «народной свободы», что затруднило бы проведение тактического курса, отстаиваемого лидером и его окружением.

Факты показывают, пишет А. Я. Аврех, что вплоть до Февральской революции кадетская партия осталась такой же, какой была до войны: и малочисленность, и организационный развал сохранились в тех же формах и в том же масштабе. Состояние ее с 1907 по 1917 г. он называет «организационной летаргией» [196. С. 196, 243].

Подобные оценки проскальзывали в выступлениях на VI съезде партии «народной свободы» в 1916 г. Однако секретарь ЦК А. А. Корнилов выразил решительное несогласие с ними. Анкетирование, произведенное Московским отделом ЦК, сказал он, дает «определенную картину эволюции партийных учреждений, которая вовсе не может быть названа *разрушою* (как выражались некоторые на съезде)» [85. Л. 31 об.]. Но не в этом дело.

Главное, на наш взгляд, состоит в том, что с началом войны организационное развитие кадетской партии, пусть в своеобразной форме, вступило в новую фазу. Ее влияние начало расширяться, однако не за счет численного роста самих партийных групп, а путем вовлечения новых значительных резервов в работу активизировавшихся и вновь возникших в 1914 г. общественных организаций, прежде всего всероссийских союзов земств и городов.

Согласно донесению в департамент полиции, 1 октября 1914 г. на одном из кадетских совещаний П. Н. Милюков провозгласил настоящий момент «самым удобным для возрождения разгромленных общественных организаций, но под флагом и на почве благотворительности и помощи жертвам войны» [67. Л. 36].

В отчете Сущевского районного комитета кадетской партии Москвы за 1914 г. говорилось: «В начале осени почти вся энергия деятелей партии народной свободы пошла на военные и санитарные задачи... Деятельность Городского комитета замерла, ибо наиболее видные члены партии вступили в общеземский и общегородской союзы, вследствие чего объединяющая партию по Москве работа Городского комитета остановилась» [103. Л. 8 об., 9]. И через год — 12 сентября 1915 г. — на заседании Московского городского комитета подчеркивалось, что деятельность его бюро в последнее время заглохла «благодаря обремененности многих членов бюро работой», связанной с войной, — в союзах и других общественных организациях [104. Л. 1].

Накануне VI съезда партии «народной свободы» (февраль 1916 г.) Д. И. Шаховскому было поручено ознакомиться с состоянием кадетских организаций на местах и принять меры к их активизации. На заседании ЦК он доложил выводы, по его мнению, отнюдь не пессимистические: «В провинции все наличные силы поглощены работой в непартийных организациях, и нельзя отрывать их от важных практических работ для искусственных партийных дел» [85. Л. 31 об.].

На заседании Петроградского отдела ЦК в июне 1915 г. А. И. Шингарев заявил, что кадеты не нуждаются в легализации, поскольку они свободно работают в земском и городском союзах, которые, как констатирует А. Я. Аврех, стали сравнительно массовой организацией [196. С. 201]. Аврех приводит также рассказ Шингарева о посещении им в конце мая Уфы. Когда по его просьбе пытались созвать местную кадетскую группу, собралось пять человек. Тогда решили созвать непартийное совещание, и явилось 70 человек (среди них были лица и правее, и левее кадетов). «Оказалось, — говорил Шингарев, — что в то время как местная партийная организация была мертва, вне ее нашлось много живых людей, откликнувшихся на нужды момента» [196. С. 209]. Эти люди активно сотрудничали с кадетами в союзах земств и городов.

Поскольку оба союза сыграли большую роль как в практически организационном развитии кадетской партии, так и вообще в сплочении либерально-оппозиционных сил, представляется целесообразным несколько подробнее остановиться на истории их возникновения и деятельности.

Общеземский союз для помощи больным и раненым был образован еще во время русско-японской войны четырнадцатью губернскими земскими управами с центром в Москве. Далекая от всякой политики и занимавшаяся исключительно «практическим делом» организация эта возглавлялась председателем тульской управы князем Г. Е. Львовым. В 1905 г. он был выбран в I Думу и вступил в кадетскую партию, но вскоре покинул ее ряды, «не пожелав скомпрометировать себя Выборгским воззванием» [137. С. 504]. Однако и в дальнейшем князь Львов, по словам Милокова, сохранил «большие личные отношения с кадетизмом» [311. С. 200—201].

В организации принимало участие немало земских деятелей, вошедших затем в партию «народной свободы», а также близких к ней по своему политическому мировоззрению.

Общеземский союз собрал более 1,2 млн руб. частных пожертвований. Его санитарные отряды хорошо проявили себя на полях Маньчжурии; деятельность их заслужила широкую популярность в либеральных кругах [234. С. 448].

По окончании русско-японской войны Общеземский союз продолжал функционировать, сосредоточившись на разного рода благотворительной деятельности. В 1905—1907 гг. он получил значительные средства от правительственного Красного Креста и активно занимался помощью голодающим. В 1908 г. Львов и его сотрудники приняли участие в организации переселенческого движения в Сибирь. Однако, поскольку Столыпин объявил Общеземский союз нелегальным, ему с 1909 г. пришлось свернуть свою деятельность.

Члены этой организации и составили костяк созданного летом 1914 г. Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (ВЗС). 30 июля по инициативе Московской земской управы был созван съезд представителей земств, избравший главный комитет ВЗС и его председателя (главноуполномоченного) князя Львова. Лозунг «священного единения» власти и общественности обусловил поначалу «сочувствие» царя новой организации. Львов был удостоен высочайшей аудиенции, союз легализован и приравнен к Красному Кресту.

В ведение Всероссийского земского союза входило снабжение армии хирургическими материалами и перевязочными средствами, подбор медицинского персонала и руководство им, устройство госпиталей, складов, распределительных пунктов, снаряжение эвакуационных поездов и т. д. С весны 1916 г. ВЗС принял значительное участие в организации продовольственного снабжения армии [482. Р. 70—90].

Союзу приходилось оперировать огромными средствами, складывавшимися из трех источников: частных пожертвований (они составляли наименьшую долю), специальных отчислений от земств и казенных пособий. Уже к моменту создания ВЗС земства ассигновали в его распоряжение 12 млн руб.: земства Московской и Пермской губерний, а также области Войска Донского — по 500 тыс., Петроградской губернии — 300 тыс., Харьковской и Воронежской — по 150 тыс., остальные губернские земства — по

100 или 50 тыс. (Таврической и Тульской — по 25 тыс.), а уездные — по 5—10 тыс. руб. Однако главным источником служили средства, отчислявшиеся правительством: к апрелю 1915 г. из казначейства было отпущено ВЗС около 54 млн руб. К 1 января 1916 г. общая сумма ассигнований составила почти 187 млн руб. [235; 242; 234; 257. С. 443—466]. Эти цифры свидетельствуют о широком размахе деятельности ВЗС.

К концу 1916 г. число земских учреждений разного типа в тылу и на фронте составляло до 8 тыс., в них работали сотни тысяч людей. В европейской России функционировали 9 областных комитетов союза: Петроградский, Самарский, Финский, Орловский, Харьковский, Курский, Екатеринославский, Кавказский и Ростов-Донский [78. Л. 245 об.].

Руководили ВЗС в основном октябристско-прогрессистские деятели. Д. И. Шаховской в своем сообщении на заседании кадетского ЦК «О деятельности общественных сил в Москве» 25 августа 1914 г. отмечал, что «высшие заправилы» ВЗС «опасаются засилья к. д. и боятся допускать их к делу» [82. Л. 5]. Полгода спустя на заседании 15 марта 1915 г. Некрасов (несомненно, сгущая краски) утверждал, что в Земском союзе «кадетских элементов очень мало», и призывал постараться занять в нем хоть кое-какие позиции [Там же. Л. 40].

Однако официальные документы свидетельствуют о том, что в работе ВЗС принимало участие весьма значительное число кадетских деятелей: П. П. Гронский, В. А. Маклаков, В. А. Харламов, П. В. Герасимов, П. Б. Струве, И. П. Демидов, В. П. Обнинский, С. А. Котляревский и т. д. [11; 28]. Другие поддерживали Земский союз материально. Так, графиня С. В. Панина пожертвовала в его фонд 25 тыс. руб. [464. 1914. 19 авг.].

Среди работников ВЗС на местах было немало членов партии «народной свободы» и сочувствовавших ей. Недаром еще на заседании Петербургского отдела кадетского ЦК 27 января 1913 г. подчеркивалось: «Главные связи у к-дтов — в земстве» [81. Л. 40]. Что касается областных комитетов ВЗС, то, например, Ростов-Донский состоял почти исключительно из членов партии «народной свободы» (Н. Е. Парамонов — председатель, В. А. Харламов, М. С. Воронков, В. Ф. Зеелер, Лебедев, Городисский, Левитов) [68. Л. 2], в Самарском действовали кадеты А. К. Клафтон и С. А. Елачич [77. Л. 54, 55] и т. д.

Участие кадетов в деятельности центральных и местных учреждений ВЗС расширяло их связи с земскими кругами, придерживавшимися октябристской ориентации, способствовало их сближению с помещичьей оппозицией.

Несравненно более активное участие, чем в ВЗС, партия «народной свободы» приняла в организации и деятельности Всероссийского союза городов (ВСГ), в котором кадеты играли доминирующую роль с самого его основания. Им принадлежала даже инициатива создания этого союза: 1 августа 1914 г. на совместном совещании Московской городской управы и комиссии по мероприятиям в связи с войной один из лидеров Московского комитета кадетской партии и Московской городской думы Н. И. Астров внес предложение о созыве в Москве Всероссийского съезда представителей городов по оказанию помощи раненым. Была выбрана специальная комиссия по подготовке съезда, куда вошли три кадета: Н. И. Астров, Н. Н. Щепкин, А. Д. Алферов, а также временно исполняющий обязанности москов-

ского городского головы В. Д. Брянский, Н. И. Гучков (брат лидера «Союза 17 октября»), князь Г. Е. Львов и Д. Д. Дувакин. На том же совещании был избран объединенный комитет городов Московского района из пяти человек, членами которого стали Астров, Щепкин и видный московский кадет М. В. Челноков [464. 1914. 2 авг.].

Всероссийский съезд городов, приглашение на который было разослано во все города Европейской России, состоялся 8—9 августа в Москве. Его программа была разделена на три части: 1) общественная организация городов для помощи раненым и семьям призванных; 2) задачи и пределы общегородской организации: сбор пожертвований, помощь семьям призванных, шитье белья, совместные закупки, помощь раненым, образование госпиталей, изыскание средств, организация эвакуации; 3) вопрос о средствах в распоряжении общегородской организации [464. 1914. 5 авг.].

На съезде был образован Всероссийский союз городов, деятельность которого разрешалась императорским указом «на время войны... под флагом Красного Креста» [406. С. 1119]. Съезд избрал главный комитет ВСГ во главе с В. Д. Брянским. В состав комитета вошли также городские головы Петрограда, Нижнего Новгорода, Рязани, Твери, Владимира, Ярославля, Киева, Тулы, Курска [Там же. С. 1150]. В отличие от Земского союза, общегородская организация появилась в России впервые.

Сразу же после образования Союза городов встал вопрос координации его действий с Земским союзом. 22 августа на совещании главного комитета ВСГ с представителями ВЗС князем Г. Е. Львовым, Ф. В. Шлиппе, В. В. Вырубовым обсуждался вопрос «Об урегулировании и согласовании деятельности земской и городской организаций». Совещание постановило создать на местах для этой цели «особые согласительные комиссии» [464. 1914. 23 авг.]. Характерно, что проекты положений об обоих союзах были выработаны кадетской думской фракцией [98. Л. 1; 99. Л. 1].

К 1 января 1915 г. в Союз городов вступили и внесли свои взносы 163 города. 114 городов вошли в ВСГ без взноса, 51 сделал соответствующие ассигнования и 73 пересылали ему свои пожертвования [234. С. 447]. Впрочем, взносы городов играли сравнительно скромную роль: до 1 января 1915 г. 211 городов ассигновали около 710 тыс. руб., но внесли только 500 тыс.; Владивосток—40 тыс., Астрахань—25 тыс., Уфа—15 тыс., Тверь, Рязань, Ростов, Пермь, Пенза, Новочеркасск, Казань, Иркутск и Екатеринбург — по 10 тыс. руб. [Там же. С. 448]. Интересно, что почти во всех перечисленных городах в 1905—1907 гг. имелись сильные кадетские организации [384. С. 297—321]. Около 1 млн руб. составили к лету 1915 г. частные пожертвования. Главным же источником средств для ВСГ, как и для ВЗС, служили казенные пособия, которые к 30 марта того же года составили около 20 млн руб. [234. С. 448].

Всероссийский союз городов развил энергичную деятельность. Согласно представленному на «высочайшее имя» отчету М. В. Челнокова, уже в декабре 1914 г. в госпиталях союза имелось около 114 тыс. коек, им были организованы 6 тыловых и 7 полевых санитарных поездов, устроено 110 питательных пунктов, заготовлено на складах и израсходовано белья, сапог, полушубков и т. д. почти на 6 млн руб. Союз наладил изготовление ваты и лекарств, на 250 тыс. руб. приобрел медикаментов за границей [416. № 4]. В дальнейшем масштабы деятельности ВСГ все более увеличивались.

С первых дней существования Союза городов московские кадеты настойчиво стремились сосредоточить руководство им в собственных руках. Упорная борьба за первенство в ВСГ развернулась между ними и октябристами. В этой борьбе кадетов горячо поддерживали прогрессисты, представители которых, М. М. Федоров и В. Д. Кузьмин-Караваев, были в конце августа кооптированы в состав главного комитета в качестве делегатов от Петрограда.

Решающая «схватка» за первенство в ВСГ состоялась на открывшемся 14 сентября 1914 г. Всероссийском съезде представителей городов по оказанию помощи раненым, считавшемся первым съездом союза. В работе съезда участвовали члены кадетского ЦК Милюков, Шингарев, Шаховской [464. 1914. 31 авг., 15 сент.]. При активной поддержке прогрессистов кадетам удалось провалить близкого к октябристам В. Д. Брянского. Октябристский «Голос Москвы» утверждал, что кампанией против него руководил петроградский кадетский ЦК во главе с Милюковым [251. С. 69]. Главноуполномоченным Всероссийского союза городов был избран М. В. Челноков, его заместителем — московский левый кадет, врач по профессии Н. М. Кишкин. В новый центральный комитет ВСГ вошли пять кадетов (Н. И. Астров, Н. М. Кишкин, Н. Н. Щепкин, А. Д. Алферов и Н. В. Тесленко), четыре прогрессиста (В. Д. Кузьмин-Караваев, М. М. Федоров, С. А. Смирнов, Д. В. Сироткин) и лишь один октябрист — Н. И. Гучков [464. 1914. 16, 19 сент.].

Борьба кадетов с октябристами и поддерживавшими их правыми продолжалась на выборах московского городского головы. После ожесточенных споров, с большими затратами* и трудностями 79 голосами против 67, поданных за В. Д. Брянского, городским головой был избран М. В. Челноков. По настоянию властей он вынужден был заявить, что отказывается от партийно-политической деятельности, однако сохраняет «свои прежние взгляды на положение России и на пути к ее преуспеянию» [464. 1914. 14 сент.; 450. 1914. 20 нояб.].

Кадетские лидеры заняли прочные позиции в руководстве ВСГ. Помимо пятерки, вошедшей в состав его центрального комитета, следует назвать члена Московского комитета М. В. Сабашникова, вместе с Кишкиным возглавившего организацию санитарных отрядов ВСГ, руководителей этих отрядов — князя П. Д. Долгорукова, князя В. А. Оболенского, Н. В. Некрасова, выполнявшего вначале функции особоуполномоченного по направлению санитарных отрядов на фронт, председателя Экономического совета ВСГ профессора А. А. Мануйлова, председателя Петроградского городского комитета союза С. В. Иванова, членов этого комитета А. А. Корнилова, М. П. Федорова, К. Г. Голубкова, Д. С. Зернова, особоуполномоченного по Юго-Западному фронту Ф. Р. Штейнгеля, уполномоченного М. М. Новикова, заведовавшую хозяйством в одном из санитарных отрядов А. В. Тырковой и мн. др.

«Наиболее авторитетным и влиятельным» среди тех, кто «делал политику Союза городов», как подчеркивает служивший в главном комитете ВСГ эсер М. В. Вишняк, был Н. И. Астров. «Общественная, а потом и от-

* В дневнике А. В. Тырковой указывается, что «выборы стоили Москве 60 т.» [114. Л. 14 об.].

крыто политическая работа Союза городов, — писал Вишняк, — направлялась... из комнат, которые занимал Экономический отдел (ВСГ), состоявший в ведении Астрова. Здесь были сердце или „душа“, откуда шли токи московского оппозиционного движения» [229. С. 232].

Кадетские пропагандисты широко популяризировали деятельность обоих союзов, особенно Согора. При нем существовал специальный комитет «Война и культура», организовывавший в провинции лекции на военнопатриотические темы Милюкова, Шингарева, Котляревского, Струве и других кадетских лидеров. Объявления о лекциях обычно сопровождалось анонсами: «Весь чистый сбор в пользу Союза городов» [445. 1914. 1, 2 дек.; 464. 1915. 8 янв., 17 марта и др.].

Как правило, именно кадеты руководили местными отделениями ВСГ. Доно-Кубанский отдел Союза городов возглавлял член Государственной думы Ф. В. Черячукин, Петроградский — инженер В. И. Штейнштер и врач З. Г. Френкель. Особенно активны были кадеты — члены Московского городского комитета ВСГ П. П. Юренев, Л. Л. Катуар, С. А. Чаплыгин и др.

Энергично действовали и сибирские кадеты. Поскольку в Сибири земств не было, этот регион стал епархией Всероссийского союза городов. Однако параллельно с присоединением к нему городов Сибири было решено создать самостоятельное Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны — так называемый Сибиртет. 28 сентября 1914 г. на квартире члена кадетского ЦК С. В. Востротина был избран руководящий комитет новой организации из 8 человек, куда кроме Востротина вошли кадеты Н. В. Некрасов, Е. Л. Зубашев, Н. К. Волков, П. И. Макушин. Члены комитета разъехались по городам Сибири с целью организации отделов Согора на местах и пропаганды идеи создания Сибиртета. Е. Л. Зубашев объездил в ноябре Томскую губернию, С. В. Востротин побывал во многих центрах Восточной Сибири [321. С. 131—132].

Создавая новую организацию, указывает И. Г. Мосина, либеральная буржуазия Сибири надеялась использовать ее для объединения всех оппозиционно настроенных групп и лиц. Сибиртет быстро разросся в довольно крупную организацию: в 1914 г. в нем насчитывалось 14 отделов, а к 1 октября 1915 г. функционировали уже 32 отдела [321. С. 133—134].

Местные комитеты Сибиртета и Согора в большинстве своем возглавлялись кадетами. Так, в Красноярский комитет, председателем которого был избран С. В. Востротин, входили П. С. Троицкий, П. И. и Л. А. Кусковы, Д. Е. Лаппо, К. Н. Козьмин, Д. В. Раззоронов, М. Л. Мазинг. Все это были ветераны партии «народной свободы», вступившие в ее ряды в 1905 г.

Кадеты руководили и Омским комитетом ВСГ: его председателем был присяжный поверенный В. А. Жардецкий, членами — Д. С. Каргалов, Н. А. Филашев, К. Г. Яцкий, Д. А. Лиюзвер, В. А. Морозов. Президиум иркутского комитета Согора, возглавлявшийся лидером местных кадетов П. И. Федоровым, также в основном состоял из его однопартийцев. Аналогичная картина, пишет И. Г. Мосина, наблюдалась и в других сибирских городах [321. С. 139, 141, 143].

Основное ядро, костяк провинциальных отделений ВСГ составили наиболее энергичные местные деятели из числа участников бывших обществ обывателей и избирателей, работников городского самоуправления.

В работу обоих союзов с первых дней их существования активно включалась земская и городская интеллигенция. Состав главного комитета ВСГ вскоре был расширен: летом 1915 г. в него входили 8 врачей, 6 инженеров и 12 специалистов других профессий. В полицейском донесении подчеркивалось, что именно специалистам принадлежит главная роль в ВСГ при решении важнейших вопросов — от составления статистических данных о количестве беженцев, распределения их по городам и организации их бытового устройства до борьбы против эпидемических заболеваний и т. д. [80. Л. 69]. Произведенный в 1916 г. анализ состава 101-местного отделения Союза городов показал, что почти две трети их составляют представители городской интеллигенции: врачи (24 %), бухгалтеры и статистики (19 %), юристы (9,3 %), инженеры (5,4 %) и учителя (4,9 %) [10. С. 16].

Занимаясь практической работой, объединившиеся в союзах интеллигентские слои вместе с тем приобщались к общественной деятельности, ощущали себя членами одной организации, приобретали навыки взаимного сотрудничества. Они входили в деловые контакты с кадетскими функционерами местных отделений обоих союзов, сближались с ними на почве общего дела, а с лета 1915 г. — и на почве общего возмущения самодержавно-бюрократическим аппаратом, его неспособностью организовать обеспечение армии и тыла (что было особенно очевидно для тех, кто трудился в этой области в рамках общественных организаций).

Совместная работа в союзах нивелировала и партийные различия. Так, В. А. Оболенский, в период пребывания на фронте во главе отряда ВСГ сближившийся с лидером октябристов А. И. Гучковым — уполномоченным Красного Креста, вспоминал впоследствии: «Здесь, на войне, политика нас больше не разъединяла, а общее дело создавало почву для добрых отношений» [137. С. 656].

Большое участие в деятельности Союза городов принимали гласные группы «Обновление» Петроградской городской думы. Центральный комитет группы (треть которого составляли кадеты — В. И. Добровольский, Д. С. Зернов, С. В. Иванов, А. И. Шингарев, В. И. Штейннигер) в воззваниях к населению Петрограда ратовал «за развитие общественной самодеятельности: попечительства о бедных, санитарные попечительства, кооперативы, общества дешевых жилищ и т. д.» [51 а. Л. 8—9]. Сами «обновленцы» сыграли активную роль в организации деятельности попечительств в период войны.

В этой деятельности кадеты участвовали во многих городах страны. В. С. Дякин считает, что их попытки использовать попечительства в качестве проводников своего влияния окончились неудачей [251. С. 85—86]. Однако мемуарные свидетельства А. А. Корнилова и В. А. Оболенского показывают, что кадетские позиции в этих организациях были прочными. А. А. Корнилов, который заменил погибшего А. М. Колюбакина на посту председателя Петроградского городского комитета кадетской партии, тем не менее много сил отдавал работе в попечительстве 14-го района на Выборгской стороне. В своих неопубликованных воспоминаниях он подробно описывает, в чем состояла деятельность попечительства, на которую «город отпускал 180—200 тыс. в год». Составлялись детальные сметы расходов на каждые 3 месяца. Попечительство ведало выдачей государственных пособий семьям фронтовиков, содержало две столовые, швейную и обувную

мастерские. Для детей фронтовиков устраивались приюты, ясли, детские площадки для игр. Впоследствии, пишет А. А. Корнилов, были открыты детский дом на 300 детей и магазин [153. Л. 189 об.—190].

В. А. Оболенский, являвшийся товарищем председателя другого районного попечительства Петрограда, вспоминал, что, поскольку деятельность попечительства постепенно разрасталась и усиливалась, было решено создать «объединяющий орган в виде совета попечительств для координации их работы и руководства ею». Это было сделано по инициативе графини С. В. Паниной, работавшей в одном из самых активных попечительств — Нарвском, в районе которого находился построенный на ее средства народный дом. Она же была избрана председательницей совета [137. С. 704—706].

Выступая с докладом о политическом положении на областном съезде подмосковных губерний 3 января 1916 г., Д. И. Шаховской призывал общественные круги к еще более активной организации в обывательских комитетах, в санитарных и волостных попечительствах, которые при условии обновления их состава могли бы объединить вокруг себя деревенские слои [151. Л. 109].

Одновременно с созданием земского и городского союзов активизировались различные общества, в которых кадеты принимали самое широкое участие. Так, Вольное экономическое общество в сотрудничестве с ВСГ занималось выработкой программы по вопросу экономической политики страны, развития производительных сил в области промышленности и сельского хозяйства [328. С. 55].

Помимо существовавших ранее обществ в период первой мировой войны образовалось много новых, в которых также первую скрипку стремились играть кадеты. Учредителями общества «Кооперация» и членами его исполнительного бюро стали Ф. А. Головин, Д. И. Шаховской, П. А. Садырин, Н. И. Астров и др. В январе 1916 г. председателем совета этого общества был избран Д. И. Шаховской, членами совета — Ф. А. Головин и член Московского отдела ЦК профессор А. А. Кизеветтер [251. С. 155—156].

К 1917 г. в стране действовало более 220 союзов потребительской кооперации. Костяк их составляли городские средние слои, а в руководстве местными кооперативными учреждениями большую роль играли кадеты. Их программные установки в общем отвечали нашедшим выражение в кооперативном движении социальным устремлениям мелкого хозяйчика — попыткам выжить в условиях капитализма, приспособиться к нему [210. С. 176].

Председателем вновь возникшего Общества помощи жертвам войны стал член кадетского ЦК Ф. А. Головин (бывший председатель II Думы), в числе руководителей этого общества был видный кадет П. П. Юренев. Другой член ЦК, А. Р. Ледницкий, организовал и возглавил Общество помощи полякам — жертвам войны. «Под флагом помощи беженцам, — докладывал об этом обществе директору департамента полиции полковник Мартынов, — сформировалась чисто политическая польская организация... [которая] находится в теснейшей связи с конституционно-демократической партией. Совершенно такой же характер носят организации латышской и литовцев» [72. Л. 157 об.]. Литовский комитет возглавлял П. С. Леонас, избранный на VI съезде членом кадетского ЦК.

В сентябре 1915 г. при главном комитете Союза городов было учреждено Всероссийское бюро труда во главе с молодым левым кадетом С. В. Бахрушиным. За полгода — к февралю 1916 г. — было организовано 206 местных филиалов, деятельность которых координировалась при помощи издававшихся на mimeографе специальных «Бюллетеней» [72. Л. 112].

Разного рода общественные организации под эгидой земств и городов возникали повсеместно, множились, как грибы. Провинциальные кадеты стремились держать их под своим контролем. Саратовский областной съезд партии «народной свободы», состоявшийся 10—11 октября 1915 г., принял «Тезисы по тактическому вопросу», в которых говорилось: «Необходимо продолжить работы партии в городском и земском самоуправлении, пользуясь особенно всякой возможностью расширить круг участников органов самоуправления через разного рода попечительства (санитарные, помощи семьям запасных, беженцам и пр.). По всем этим видам работы важно было бы делиться опытом местных организаций с центральными органами партии» [101. Л. 4].

Киевские кадеты, как разъяснял на заседаниях ЦК и на VI съезде партии «народной свободы» профессор Н. П. Василенко, считали, что «местные партийные органы должны стараться быть в постоянном общении и в связи со всевозможными непартийными общественными организациями и учреждениями». При этом ставилась задача, чтобы для использования внепартийных организаций «партийные элементы работали в них как кадеты, группируя кадетские силы и выявляя роль партии в стране». Тогда пойдут к кадетской партии и другие элементы, и она не будет терять своих приверженцев [85. Л. 33]. Киевляне призывали основное внимание обратить на «организацию демократических и общественных сил на местах, чтобы по возможности все местные организации находились под влиянием кадетской партии» [84. Л. 45].

Подобная постановка вопроса находила поддержку и на VI съезде партии, и в кадетском ЦК. Так, А. С. Изгоев считал, что местные силы следует использовать не для организации кадетских ячеек, а для работы в органах земского самоуправления, в кооперации, чтобы с их помощью «получить демократические элементы». Ф. И. Родичев также отмечал: «В провинции сейчас есть тенденция связываться по общему фронту, а не по партийному... обособляться будем потом». Участвуя в общественных организациях на местах, партия получает возможность «готовить будущее»: «...когда наступят свободные выборы, избиратели будут идти под кадетские знамена» [85. Л. 32 об.—33]. П. Н. Милюков, говоря о союзах, подчеркивал: «Важно, что там работают наши люди. Устанавливается контакт и с другими деятелями союзов, которые разнятся от нас, но согласны с нами во многом» [90. Л. 2].

«Большинство московских к. д. полагало, — писал впоследствии Н. И. Астров, — что не через думскую „говорильню“, а именно через практическую общегородскую организацию, посредством живого дела произойдет приближение общественных сил к сфере государственного управления» [125. С. 32].

Говоря о работе провинциальных кадетов в общественных организациях и главным образом в союзах земств и городов, А. Я. Аврех замечает, что

при этом они испытывали двойное удовлетворение: «Выполняя „патриотический“ призыв своего ЦК, они избавляли себя под этим предлогом от забот о местных партийных организациях, к чему их так усиленно призывал тот же ЦК в довоенные годы» [196. С. 196].

На наш взгляд, позиция кадетов, участвовавших в работе общественных организаций, определялась не столь хитроумными мотивами. Следует иметь в виду, что среди этих людей большинство составляли представители буржуазной интеллигенции, настроенные патриотически (конечно, в своем понимании) и стремившиеся оказать посильное содействие военным усилиям страны. Практическая работа в союзах и обществах давала ощущение непосредственной помощи «общему делу», которого не могла дать узкопартийная деятельность. Ведь хотя на заседаниях ЦК и обсуждались проекты его участия в деле «призрения раненых» [82. Л. 5, 5 об.], создания под эгидой кадетской партии «обывательских комитетов» для организации продовольственного дела в местных масштабах [251. С. 153—155] и т. д., однако фактически все эти планы повисли в воздухе.

Конечно, не следует чрезмерно идеализировать мотивы, которыми руководствовались участники общественных организаций. Кто-то преследовал политические цели, а кто-то и собственные корыстные интересы, другие стремились завоевать популярность, тешили свое честолюбие. В составленной в апреле 1916 г. Московским охранным отделением справке «Земский и Городской союзы» констатировалось: «За последнее время наблюдается наплыв в союзы непригодных к работе лиц, коим гарантируется освобождение от воинской повинности» [73. Л. 377]. Люди такого сорта, так называемые «земгусары», нередко вызывали ироническое, презрительное отношение и в армии, и в тылу. В перлюстрированном полицией письме некоего А. П. Фрейдмана самарскому кадету А. К. Клафону сообщалось о деятельности учреждений Всероссийского земского союза в Минске. «Я прекрасно присмотрелся к их порядкам, — сообщал автор письма. — Отчаянный бюрократизм, чисто формальное отношение к делу со стороны служащих центральных учреждений... и при всем этом полная беспхозяйственность и хищения. Множество креатур, nepотизм и протекционизм свили себе в союзе прочное гнездо» [77. Л. 54—55].

Не закрывая глаза на факты такого рода, хотелось бы, однако, обратить внимание на другую сторону дела.

В союзах работали, как правило, наиболее деятельные, инициативные представители партии «народной свободы». Характерен в этой связи тезис американского историка Т. Фэллоуза о том, что изучение энергичных усилий общественных организаций с целью взять в свои руки практическое дело ведения войны совершенно меняет установившееся на Западе представление о российских либералах как о «слабосердечных идеалистах», «наивных оптимистах», «гамлетах», оказавшихся неспособными использовать выпавший на их долю шанс в 1917 г., разрушает «стереотип либерализма, имевшего добрые намерения, но трагически неспособного к действиям накануне большевистской революции» [482. С. 70]. Об этом же пишет и Д. Биллингтон в книге «Икона и топор» [471. Р. 449—450].

Выводы Фэллоуза справедливо опровергают утверждения некоторых буржуазных историков (например, Н. Стоуна), что оба союза «больше

шумели, чем делали дело» [533а. С. 202—204]. Добавим, что даже в таком далеко не пристрастном к либеральным организациям источнике, как доклад начальника полиции Москвы товарищу министра внутренних дел Белецкому, констатировалось, что «практическую работу Общеземского и Общегородского союзов по обслуживанию нужд фронта и тыла действующей армии нужно признать весьма ценной и результативной в смысле облегчения части задач, лежащих на правительство» [72. Л. 42].

В зарубежной историографии высказывались и мнения, прямо противоположные точке зрения Н. Стоуна. Так, Д. Катков заявлял, что союзы были для либералов «троянским конем», с помощью которого они пытались завладеть всей государственной машиной [491. С. 10—11]. Конечно, подобное утверждение является непомерным преувеличением действительных расчетов лидеров либерально-буржуазного лагеря. На это указывает, например, Ц. Хасегава, справедливо, на наш взгляд, считающий, что руководство союзов пыталось лишь сделать их «орудием политической реформы».

Хасегава отмечает «уникальное» положение союзов в системе отношений между либералами и правительством. Эта уникальность была связана с взаимозависимостью союзов и правительства (чем больше союзы втягивались в организацию военных усилий страны, особенно в деле продовольственного снабжения, тем больше они зависели от государственных субсидий и руководства); с другой стороны, активность союзов стала настолько органической частью «военного напряжения» страны, что правительство вынуждено было признавать их и считаться с ними [491. Р. 20].

В июле 1915 г. был создан объединенный Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов — Земгор. К концу того же года масштабы деятельности ВЗС и ВСГ достигли широких размеров. Активно действовали их уездные, губернские, областные и фронтовые комитеты. В руках союзов, констатировало «Утро России» 3 сентября, «фактически сосредоточено сейчас все дело помощи раненым воинам, санитарные мероприятия и в значительной степени снабжение армии, помощь беженцам и даже технические работы на фронтах». Кадетские экономисты заявляли, что «это новое в нашей государственной жизни явление — не случайное следствие военных событий». Оно представлялось им этапом «неуклонного исторического процесса — административной децентрализации» [234. С. 448], т. е. началом перехода власти на места в руки общественных организаций.

Конечно, в значительной степени желаемое принималось за действительное. Правительство создало в августе 1915 г. собственный аппарат военной перестройки экономики — особые совещания по обороне, по продовольствию, по топливу, по перевозкам. На долю Земгора и образованных буржуазией летом 1915 г. военно-промышленных комитетов (ВПК) приходились в основном лишь известные функции по мобилизации промышленности и организации выполнения казенных заказов.

Однако союзы, продолжая критиковать правительство за неспособность наладить снабжение фронта и тыла, пытались дублировать деятельность особых совещаний. Так, в середине 1916 г. по инициативе Согора был создан Центральный комитет общественных организаций по продоволь-

ственному делу. В его состав входили представители обоих союзов, ВПК, съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, Всероссийской сельскохозяйственной палаты и т. д. На декабрь 1916 г. намечался созыв всероссийского съезда, на котором предполагалось принять конкретную программу перехода продовольственного дела из государственных органов в руки общественности. Однако съезд был запрещен правительством [334. С. 58—59].

Участие в работе Союза городов и других общественных организаций, помимо прочего, имело огромную важность для партии «народной свободы» потому, что существенно способствовало ее сплочению с крупной буржуазией.

В числе кадетских лидеров было немало тех, кто имел непосредственное отношение к банковскому делу, к промышленному предпринимательству. Среди них следует прежде всего выделить председателя правления Азовско-Донского коммерческого банка Б. А. Каменку и его двоюродного брата члена совета того же банка А. И. Каминку. Лица и предприятия, близкие к Азовско-Донскому банку, оказывали существенную материальную помощь партии «народной свободы», в частности играли важную роль в финансировании газеты «Речь» [210а. С. 68]. По сведениям Министерства внутренних дел, относящимся к 1910 и 1911 гг., через А. И. Каминку Азовско-Донской банк финансировал также прессу и партийные органы кадетов в провинции [240. С. 79; 66а. Л. 2].

В руководство различных банков входили также члены кадетского ЦК М. М. Винавер, Н. Н. Кутлер, М. Г. Комиссаров, А. Р. Ледницкий, московский кадет Л. Л. Катуар и др. Член ЦК присяжный поверенный Н. В. Тесленко был тесно связан с Московским банком братьев Рябушинских в качестве их доверенного лица. Управляющим отделением Русско-азиатского банка был сибирский кадет Н. Д. Буяновский и т. д.

Видными представителями капиталистического предпринимательства были Н. Н. Кутлер — председатель Совета съездов горнопромышленников Урала, участник железнодорожной концессии, член правления Акционерного общества соединенных заводов «Донецкий» и «Союз» [384. С. 314; 4. С. 391]; золотопромышленник С. В. Востротин, член правления товарищества «Братья Востротины» [12. С. 18]; купец А. С. Салазкин — председатель Нижегородского ярмарочного и биржевого комитета, глава правления товарищества «Салазкина С. А. наследники» [3. С. 316]; наследник богатого сибирского промышленника М. В. Сабашников, основатель одного из крупнейших в России книгоиздательств [348]; участник крупных железнодорожных концессий Ф. А. Головин и владелец двух стекольных заводов М. Г. Комиссаров [384. С. 310, 314]; владелец Мытищинского кирпичного завода М. В. Челноков, глава товарищества «Челноков М. В. и К^о» [13. С. 190].

Н. Н. Щепкин был членом правления Любимовского свекло-сахарного завода, товарищем директора Северного страхового общества [3. С. 449; 13. С. 115]. Членами правлений различных акционерных обществ являлись В. Д. Набоков, А. А. Добровольский, П. П. Юренев [3. С. 3; 4. С. 236]. Заметную роль в торгово-промышленных кругах Сибири играл член Государственного совета кадет Е. Л. Зубашев [321].

Мы перечислили только наиболее видных деятелей из числа кадетского руководства. Естественно, на местах их было значительно больше. Тем не менее удельный вес представителей торгово-промышленных кругов в общем составе партии был невелик.

Поэтому для превращения кадетов в главную (а по существу, единственную) партию буржуазии после Февраля 1917 г. так важно было ее сближение с прогрессистской буржуазией. Это была та «настоящая», по определению В. И. Ленина [См.: 1. Т. 22. С. 244] буржуазия, вождем и выразителем интересов которой стала группа крупнейших московских промышленников — П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов, С. Н. Третьяков, С. А. Смирнов и пр. Гораздо менее, чем петербургская промышленная олигархия, связанная с государственным аппаратом, она уже с 1911 г. открыто выражала недовольство стеснениями, налагаемыми на экономическое развитие России политической самодержавия и дворянства [297].

Группа Рябушинского — Коновалова сблизилась с либеральной интеллигенцией, стоявшей на позициях правее кадетов и входившей ранее в партии «демократических реформ» и «мирного обновления» (лидерами их были князь Е. Н. Трубецкой, М. М. Ковалевский, В. Д. Кузьмин-Караваев и др.). В 1912 г. московские промышленники совместно с правыми либералами образовали прогрессистскую партию.

«Чего хотят так называемые „прогрессисты“? — писал тогда же В. И. Ленин. — Они *не* хотят полного и безраздельного господства помещиков и бюрократов. Они добиваются — и говорят это прямо — умеренной узкоцензурной конституции с двухпалатной системой, с антидемократическим избирательным правом. Они хотят „сильной власти“, ведущей „патриотическую“ политику завоевания огнем и мечом новых рынков для „отечественной промышленности“. Они хотят, чтобы бюрократы с ними считались столько же, сколько с Пуришкевичами... И тогда они готовы забыть „старые счета“ с реакционерами и работать рука об руку с ними над созданием „великой“ капиталистической России» [1. Т. 22. С. 244—245].

С началом войны связи кадетов с этим, наиболее активным политически, течением в среде российской буржуазии сильно укрепились и расширились*. Особенно тесными они стали в Москве, что широко отмечалось в петроградской прессе, пестревшей сентенциями о том, что буржуазная Москва «окадетилась», «всходит на кадетских дрожжах» [464. 1915. 18 сент.]. Орган прогрессистов — издававшаяся П. П. Рябушинским газета «Утро России» — со своей стороны, приветствовал и одобрял эту консолидацию, видя в ней знамение времени. «Исторический момент, который мы переживаем, — говорилось в передовой статье «Промышленность и русское общество», — как нельзя ярче выявил несостоятельность застарелой тенденции русского интеллигентного общества — отмежевывать себя от торгово-промышленных классов, — тенденции, давно уже ставшей вредной и глубоко консервативной... Жизнь требует от русского общества включения в круг его... самых живых интересов вопросов промышленности, потому что если от расцвета ее за-

* Раньше прогрессисты смыкались лишь с правым, «струвистским» крылом партии «народной свободы» [251. С. 117—118].

висят победы на поле брани, то еще в большей степени внутри страны» [464. 1915. 25 сент.]. В статье «Русская буржуазия на переломе последнего десятилетия» газета отмечала, что совместная энергичная работа промышленной и городской буржуазии и «интеллигентских сил» в деле обороны «еще сильнее выдвигает наше „третье сословие“ на авансцену русской жизни», способствует завершению «чрезвычайно сложного процесса политического самоопределения класса, на который русская общественность смотрит как на законного преемника бюрократии в деле руководства русской государственностью» [464. 1915. 8 дек.].

Эти идеи находили живой отклик в среде провинциальной крупной буржуазии. Так, в январе 1917 г. в журнале «Известия Красноярского биржевого комитета» была помещена статья «Объединение торгово-промышленного класса», где провозглашалось: «Русская буржуазия должна стать „всеми“ по примеру французской в XVIII веке, и для достижения этой цели она должна объединить свои силы» [321. С. 165].

Современные буржуазные историки Р. Пайпс, А. Рибер, У. Гриффит, З. Галили-и-Гарсиа и другие подчеркивают разобщенность торгово-промышленного сословия в России и вообще отрицают его существование как класса. Эта позиция опровергается результатами исследований советских историков. В. Я. Лаверычев показывает, что за сравнительно короткий срок, и особенно за время первой мировой войны, российская крупная торгово-промышленная буржуазия заметно созрела в политическом отношении и усилилась организационно; что либерально настроенным московским капиталистам удалось добиться определенных успехов в объединении буржуазно-оппозиционного лагеря [297. С. 284]. Да и в современной зарубежной историографии раздаются голоса в поддержку этих выводов. Так, американский исследователь Т. Оуэн, показывая пути развития «младшей группы» торгово-промышленного сословия, формирование ее политических позиций, пишет: «Третье, новое поколение купеческих лидеров, многие с университетским образованием, в результате травмы революции 1905 г. выступили на исторической арене как зрелый, с четким самосознанием, класс буржуазии» [510. Р. 200].

В трудах В. Я. Лаверычева, В. С. Дякина и А. Я. Авреха показаны связь и взаимовлияние прогрессистской буржуазии и кадетских идеологов. Выводы американской исследовательницы Дж. Циммерман идут в том же направлении [541]. Она считает, что отход таких либеральных философов, как П. И. Новгородцев, С. А. Котляревский, от эгалитарной идеи, их сомнения в способности народа к подлинному самоуправлению были связаны с усвоением прогрессистской точки зрения. Основу сближения между либеральными теоретиками и прогрессистами Циммерман видит в их общем убеждении, что для развития России необходима замена старой интеллигенции буржуазным классом западного типа.

Консолидация кадетской партии с прогрессистской буржуазией осуществлялась не только в теоретическом, но и в практическом ключе. Характерно, что именно кадеты в противовес правым и октябристам настаивали на прямом участии буржуазии в особых совещаниях и добились довольно широкого ее представительства в них [См.: 243. С. 556—557].

Кадеты принимали активное участие в организации и деятельности созданных по инициативе московских капиталистов военно-промышлен-

ных комитетов [332; 251. С. 175—179; 247. С. 123—146]. Кадетские лидеры особенно подчеркивали, что образование ВПК имеет «не только техническое, но и политическое значение»*. В своих публичных выступлениях они противопоставляли аполитичной буржуазии старого типа руководителей ВПК А. И. Гучкова и А. И. Коновалова, сочетающих в одном лице торгово-промышленных и политических деятелей [51. Л. 108 об.].

В состав руководства Центрального военно-промышленного комитета входили кадеты Н. Н. Кутлер, Д. С. Зернов, Н. К. Волков, Московского — П. П. Юренев, Л. Л. Катуар, И. А. Каблуков и др. Н. Е. Парамонов был председателем одного из крупных местных ВПК — Ростов-Донского, М. В. Брайкевич — Одесского, А. А. Червен-Водали — Тверского. Л. А. Сопочко и А. И. Петровский являлись членами Новочеркасского ВПК, Л. А. Кроль и А. А. Ардашев — ВПК в Екатеринбурге, П. С. Троицкий и К. Д. Нечаев — в Красноярске, председателем Омского военно-промышленного комитета был кадет Н. Д. Буяновский, в состав его входили В. А. Жардецкий, Д. С. Каргалов, С. В. Георгиев, А. А. Скороходов, И. П. Лаптев, Н. А. Филашев, А. С. Кабалкин, С. У. Кадыш и т. д. Иркутский ВПК возглавлял К. Л. Лавров, примыкавший к кадетской партии, а в 1917 г. вступивший в ее ряды. В созданном в столице комитете средней промышленности сотрудничали А. И. Шингарев и видный петроградский кадет профессор А. Н. Быков.

Между местными отделениями союзов и военно-промышленных комитетов существовали постоянные связи. Особенно прочными они были в Москве, где проводились регулярные объединенные совещания представителей союзов и городского военно-промышленного комитета. Внутренний смысл этих совещаний заключался, по словам начальника Московского охранного отделения, «в желании возможно теснее объединить деятельность всех трех... организаций в широком общественном смысле» [8. С. 13—14].

Совместная деятельность в Союзе городов, а также в военно-промышленных комитетах способствовала сближению кадетов с торгово-промышленными кругами на местах, с идеологами «деловой» буржуазии. Аналогичные тенденции проявлялись в Московской городской думе, особенно в деятельности Прогрессивной группы гласных, которая составляла в ней большинство. Руководивший ею комитет почти целиком состоял из кадетов (в него входили Н. М. Кишкин, Н. В. Тесленко, А. Д. Алферов, С. В. Бахрушин). Председателем комитета являлся Н. И. Астров [216. С. 275—276]. В своих неопубликованных воспоминаниях С. В. Бахрушин подчеркивал, что члены группы, состоявшей главным образом из представителей торгово-промышленной среды, находились под сильным влиянием комитета, и прежде всего Астрова, и «почти

* Изучению военно-промышленных комитетов посвящена книга американского историка Л. Сигельбаума «Политика промышленной мобилизации в России, 1914—1917. Исследование военно-промышленных комитетов» [529]. Однако автор сосредоточил внимание главным образом на экономической деятельности ВПК, мало затрагивая политический аспект этой проблемы и, в частности, их значение как одного из звеньев в сплочении усилий буржуазно-помещичьей оппозиции.

беспрекословно баллотировали по его указке». Астров же действовал в полном соответствии с решениями Московского отдела кадетского ЦК, который не интересовался муниципальной работой городской думы, но в политических вопросах неизменно проводил через Астрова свою линию [195а. Л. 11, 12].

Комитет Прогрессивной группы гласных не ограничивал свою деятельность думой; он стоял во главе всей московской «либеральной общестственности». Взаимодействие московской буржуазии с кадетской интеллигенцией осуществлялось не только через городскую думу, но и через всевозможные общества, театр, прессу, университет и другие высшие учебные заведения Москвы [196. С. 185].

Блокирование кадетов с торгово-промышленниками (прежде всего прогрессистского направления) имело большое значение для процесса складывания партии капиталистической буржуазии, о котором писал В. И. Ленин [См.: 1. Т. 22. С. 245]. Следует иметь в виду, что именно этот альянс возглавлял борьбу буржуазии против рабочего класса в послефевральский и послеоктябрьский периоды. Не случайно многие прогрессистские лидеры (А. И. Коновалов, С. Н. Третьяков, Е. Н. Трубецкой, М. М. Федоров, П. А. Бурышкин, С. И. Четвериков и др.) влились впоследствии в ряды партии «народной свободы». Представители прогрессистской буржуазии действовали в тесном союзе с кадетами во всех составах Временного правительства, в белогвардейских правительствах Колчака, Деникина, Юденича, в Национальном центре. Этот союз зародился и окреп в период первой мировой войны.

Верховодившие в ВСГ московские левые кадеты во главе с Астровым с самого начала вели линию на «политизацию» Союза городов — на активную борьбу его местных отделений против бюрократической администрации, на выдвижение политических требований к правительству.

Позицию левокадетской верхушки ВСГ полностью разделяли левые члены ЦК партии «народной свободы» — Д. И. Шаховской, Н. В. Некрасов и др. Однако, как показывает А. Я. Аврех, петроградское кадетское руководство, и прежде всего П. Н. Милюков, ее не поддерживало [196. С. 200—201]. А. А. Корнилов, А. С. Изгоев и М. М. Винавер предлагали использовать союзы для «объединения бесформенных прогрессивных элементов», активно пополнять их своими людьми, «но не выделяться при этом политически», поскольку в политическом отношении работа союзов может пригодиться лишь со временем. «Политическая борьба через союзы, — утверждал Милюков, — не пойдет, для нее они слишком хрупкое орудие» [82. Л. 144, 147, 153]. Хотя в печати лидер кадетов высоко оценивал деятельность ВЗС и ВСГ, сравнивая их с существовавшими в Англии и во Франции организациями «демократической общестственности» во главе с Ллойд Джорджем и Альбером Тома [445. 1915. 11 июня], однако в узкой партийной среде советовал не возлагать на них преувеличенных надежд.

Левокадетская линия встречала сопротивление и со стороны главноуполномоченного ВСГ М. В. Челнокова (перешедшего в партию прогрессистов), который пытался сгладить взаимоотношения союзов и правительства, избежать трений и конфликтов между ними. Он старался «не пропускать в уполномоченные» людей, причастных к политической

борьбе, например тех, кто когда-то подписал Выборгское воззвание [82. Л. 143], призывал к ограничению деятельности союзов чисто практической сферой. «Союзам будет оказана дурная услуга тянуть их в [политическую] активность, — заявлял Челноков. — Заниматься политикой или заниматься кроватями — нужны два специальных органа» [82. Л. 5].

Противостояние этих двух течений подробно охарактеризовано В. С. Дякиным. У. Глизон подчеркивает противоречия внутри обоих союзов, а Т. Фэллоуз — еще и между ними [486; 482]. Для нас же важно другое: несмотря на все расхождения, споры и трения между отдельными либерально-оппозиционными группировками внутри союзов, тенденция к объединению была, несомненно, преобладающей. Нет необходимости доказывать цементирующее действие общего конкретного дела, практической работы коллектива, любой организации. Смыкание рядов стимулировалось и общей конфронтацией с бюрократической администрацией в центре и на местах, и общей позицией по отношению к военным усилиям России. Однако самый сильный толчок к объединению дало летом—осенью 1915 г. «поражение в войне и ускоренный им революционный кризис» [1. Т. 27. С. 26].

После роспуска Думы в сентябре 1915 г., когда союзы оказались во главе оппозиционного движения «прогрессивной общественности», отношение к ним кадетского руководства существенным образом изменилось. Теперь, как показывает А. Я. Аврех, Милюкову и его окружению пришлось искать тесных контактов с их руководством и намечать планы совместных действий [196. С. 202].

Деятельность кадетов в общественных организациях встречала активное противодействие со стороны черносотенцев. Так, в обращении к правительству, принятом на совещании уполномоченных монархических организаций в г. Саратове 27—29 августа 1915 г., утверждалось: кадеты «мобилизовались в городских и земских союзах, некоторых военно-промышленных комитетах и общественных самоуправлениях, вырвав у правительства, под предлогом помощи раненым и снабжения армии, громадные средства, спешно готовят революцию» [42. С. 339].

Однако в действительности дело обстоит совсем наоборот. Примерно в то же время — 15 сентября 1915 г. — близко общавшийся с кадетами французский посол в России М. Палеолог записал в дневнике о Милюкове, Маклакове, Шингареве и их политических единомышленниках: «Это генеральный штаб и цвет либеральной интеллигенции. . . — меньше всего революционеры, оппозиция его величества» [330. С. 280].

Одним из самых наглядных проявлений справедливости этой оценки явилась реакция либеральной «общественности» на роспуск Думы и общегородские забастовки рабочих Петрограда и Москвы в начале сентября 1915 г. «Хотя часть рабочих выдвинула в ходе забастовки лозунг протеста против разгона Думы, — подчеркивает В. С. Дякин, — либеральная оппозиция, как огня, испугалась такой поддержки народа» [251. С. 120].

В отрицательном отношении к забастовкам пролетариата были едины и правое и левое течения в партии «народной свободы». «Если бы забастовала Россия, власть, может быть, уступила бы», — констатировал правейший кадет Маклаков и тут же добавлял: «Но этой победы я не хотел бы» [23. С. 155]. А «левейший» — Некрасов, формулируя главную задачу

буржуазной оппозиции после указа о роспуске Думы, подчеркивал: «Прежде всего надо предупредить внутренние беспорядки» [91. Л. 1], т. е. забастовки на промышленных предприятиях.

В Москве прошла целая серия собраний, заседаний, совещаний, имевших общую цель — «выработку редакции постановлений и резолюций по поводу настоящего политического момента» [8. С. 40]. Только 5 сентября состоялись: чрезвычайные собрания Московской городской думы и Московского губернского земства; заседание кадетского ЦК на квартире у Н. М. Кишкина; частное совещание членов военно-промышленного комитета; заседание профессоров Московского университета; частные совещания профессоров и преподавателей Московского технического училища, Московского коммерческого института, университета имени Шанявского; частное собрание адвокатов в консультационном бюро при Московском окружном суде; два банкетных собрания в закрытых кабинетах — группы гласных Московской городской думы в «Большой московской гостинице» и группы земских деятелей в ресторане «Прага» [8. С. 40—41].

Все это говорит об организационном сплочении либеральной оппозиции, о ее стремлении к координации действий. Специально приехавший из Петрограда Шингарев подчеркивал на совещании у Кишкина: «Нужно единство; оно недостаточно считается важнейшим условием успеха» [83. Л. 3].

Вопрос о том, как реагировать на разгон Думы, обсуждался на срочно (по телеграфу) созванных в Москве съездах ВЗС и ВСГ. «Вчера целый день, — сообщало «Утро России» 8 сентября 1915 г., — главный комитет Союза городов и специально избранная комиссия земского съезда заняты были подготовкой общеполитической резолюции».

Однако гора родила мышь. Вечером было проведено совместное заседание под председательством А. И. Шингарева, на котором редактировались обе резолюции, с тем чтобы они «выражали одну и ту же мысль, хотя и в различной форме». Меньшинство городского съезда (трудовики, меньшевики, несколько левых кадетов и ряд беспартийных провинциальных делегатов — 33 человека из 152 присутствовавших) пыталось включить в резолюцию требования политической амнистии, уравниения всех граждан в правах, права национальностей на культурное самоопределение и местную автономию, создания ответственного министерства [251. С. 122]. Однако эти попытки были отвергнуты подавляющим большинством. На съезде возобладало сформулированное Шингаревым решение «не выставлять требований, на удовлетворение которых власть не пойдет» [8. С. 53].

«Приговор» городского съезда гласил: «На смену нынешнего правительства должны быть призваны люди, облеченные доверием народа, творческая работа народного представительства должна быть возобновлена безотлагательно, а внутренний мир и духовное единство в стране — эти важные условия победы — должны быть обеспечены *примирением и забвением прошлой политической борьбы* (курсив наш. — Н. Д.) и равенством всех граждан перед законом». Еще более обтекаемой была резолюция земского съезда, утверждающая, что опасность «от губительного разрушения того внутреннего единства, которое было провозглашено

в самом начале войны», устранима лишь «обновлением власти, которая может быть сильна только при условии доверия страны и единения с законным ее представительством» [464. 1915. 12 сент.]. Аналогичные резолюции принимались близкими к союзам обществами [450. 1915. 8 сент.; 445. 1915. 8 сент.; 464. 1915. 9 сент.].

Как отмечало «Утро России», после принятия резолюций перед съездами встал вопрос, как с ними быть: ограничиться ли одним постановлением, отправить депутацию в ставку или избрать средний путь в виде поручения «главноуполномоченным» известить царя. Решено было довести пожелания союзов «до сведения государя императора путем исходатайствования особой аудиенции» [464. 1915. 9, 10 сент.]. Для этого съезды избрали депутации от ВСГ в составе М. В. Челнокова, П. П. Рябушинского и Н. И. Астрова (проведенного кадетами вместо А. И. Гучкова) и от ВЗС — князя Г. Е. Львова, Н. С. Маслова и П. В. Каменского.

Идея послать депутацию к царю была выдвинута еще накануне съездов, на состоявшемся 6 сентября в квартире у Челнокова совещании петроградских и московских лидеров буржуазной оппозиции [251. С. 121]. Эта же идея обсуждалась на следующий день на совещании Милюкова, приехавшего специально в связи со съездами в Москву, с московскими кадетскими лидерами — Маклаковым, Щепкиным, Кокошкиным, Ледницким, Обнинским, Садыриным, Кизеветтером и др. Все участники совещания признали особенно важную роль съездов «в переживаемый момент» и сочли «целесообразной отправку депутации к верховной власти» [464. 1915. 9 сент.]. Один из прогрессистских лидеров Земского союза, князь Е. Н. Трубецкой, комментировал это решение следующим образом: «Мы будем лояльны и не пойдем мимо верховной власти, и, как бы ни были смелы те слова, которые скажут царю земские люди, никто не сможет утверждать, что они стали на путь революции, когда страна в опасности» [452. 1915. 11 сент.]. Однако никаких «смелых слов» депутатам произносить не пришлось — царь отказался принять представителей союзов.

Начальник московской полиции с удовлетворением констатировал: в общем оба съезда «благодаря сдерживающему руководству своих председателей прошли сравнительно спокойно и приняли резолюцию более умеренного характера, чем можно было ожидать от того настроения, которое предшествовало этим съездам» [72. Л. 19 об.]. Главный итог работы съездов был вполне обоснованно сформулирован князем Е. Н. Трубецким. Все мы, сказал он, «за эти дни сошлись не только в общем отрицании революции, но и в общей активной борьбе против нее» [452. 1915. 11 сент.].

Подобная позиция осталась определяющей для руководства обоих союзов и в дальнейшем, что нашло отражение в донесениях Московского охранного отделения. Его начальник полковник Мартынов заверял вышестоящее руководство, что у него имеется «непрерывное, многостороннее внутреннее наблюдение» за деятельностью обоих союзов, позволяющее предоставить департаменту полиции «все данные по этому делу и все оттенки в его направлении» [72. Л. 28].

У. Глизон показывает, что откровенное неприятие руководством обоих союзов революционных целей и революционных методов борьбы

послужило причиной ухода из них и вовлечения в социалистические партии большей части служащих ВЗС и ВСГ — прежде всего представителей демократической интеллигенции, возмущенных «молчаливым альянсом руководителей союзов с реакционной бюрократией» [486. Р. 302]. Освещение этого процесса составляет главное содержание работ У. Глизна, посвященных обоим союзам [486; 487].

Признавая справедливость выводов Глизна, важно вместе с тем подчеркнуть, что основной буржуазно-интеллигентский контингент союзов сохранился и оставался в орбите кадетского влияния. Он поддерживал направление деятельности руководства союзов, их политическую линию, совпадающую с общим курсом помещичье-буржуазной оппозиции. В том же ключе действовала и кадетская партия.

Приобретение кадетами организационных навыков, установление тесных деловых контактов в период работы в общественных организациях особенно важно подчеркнуть потому, что из среды руководителей центральных и местных учреждений ВЗС и ВСГ вышли наиболее активные, наиболее опасные кадетские контрреволюционеры, возглавившие различные белогвардейские организации в период гражданской войны. Лидеры земского и особенно городского союзов Н. И. Астров, Н. Н. Щепкин, А. Д. Алферов, С. В. Панина, П. Б. Струве, А. В. Тыркова, П. Д. Долгоруков, П. П. Гронский и другие составляли верхушку кадетского Национального центра, который стремился стать ядром объединенного фронта антисоветских сил внутри страны после победы Октября. Отделением Национального центра в Петрограде руководили В. И. Штейнингер и П. В. Герасимов, в Омске — В. А. Жардецкий и А. К. Клафтон, в Киеве — И. П. Демидов, в Одессе — П. П. Юренев и т. д. Крепкие организационные связи, установившиеся между этими людьми в период совместной работы в союзах, были в 1918—1920 гг. использованы ими в борьбе против Советской власти [См.: 248].

С другой стороны, нельзя не отметить, что энергия и способности многих специалистов-кадетов, работавших в союзах, нашли применение в Советской России. Например, организацией санитарно-медицинской работы в 20-х годах занимались Н. М. Кишкин и З. Г. Френкель. Одним из основателей советского книгоиздательского дела стал М. В. Сабашников. Возглавлявший отдел информации ВСГ А. К. Дживелегов и секретарь «Известий Главного комитета Всероссийского союза городов» С. В. Бахрушин стали видными советскими учеными, оба были награждены орденами Трудового Красного Знамени.

Участие в работе союзов и других общественных организаций обеспечивало вовлечение в активную деятельность и организационное взаимодействие самых дееспособных элементов в кадетской партии, расширяло сферу ее влияния в городских средних слоях, среди интеллигенции, укрепляло связи кадетов с земскими элементами октябристского толка и особенно с прогрессистской буржуазией. Это явилось одним из факторов изменения социальной базы партии «народной свободы» в послефевральский период.

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК. «ЛЕВЫЕ» ТЕНДЕНЦИИ В КАДЕТСКОЙ ТАКТИКЕ

В августе 1915 г. буржуазно-помещичьи круги, напуганные обострением положения на фронте и нарастанием революционного движения в стране, создали в недрах Думы межпартийную организацию, получившую название Прогрессивный блок. В него вошли 236 из 422 членов Государственной думы — кадеты, прогрессисты, земцы-октябристы, фракция «Союза 17 октября», группа центра, часть националистов (которые стали именовать себя «прогрессивными националистами»). Предпосылки образования блока, история его создания и деятельности нашли детальное освещение в советской литературе [19; 23; 251; 379; 364; 355 и др.].

Особенно ярко и интересно рассмотрены эти сюжеты в монографии А. Я. Авреха [196. С. 11—71]. Поэтому в данной работе представляется целесообразным сосредоточить внимание не на исследовании фактического материала, в подавляющей своей части уже введенного в научный оборот, а на выяснении некоторых общих тенденций и выделении ряда спорных, на наш взгляд, вопросов.

Прогрессивный блок является объектом пристального изучения и в буржуазной историографии [522; 490а; 512; 491]. Это связано с тем, что, как подчеркивает американский историк М. Хэм — автор одной из посвященных ему работ, анализ деятельности блока «способствует углубленному пониманию политического поведения русских „умеренных“ и в особенности либералов в последние годы кризиса царского режима» [490а. Р. 453]. История создания Прогрессивного блока наиболее подробно пролежена в книге английского историка Р. Пирсона. Автор ставит возникновение Прогрессивного блока в один ряд с другими событиями, характеризовавшими, по его мнению, «либеральную» фазу во внутренней политике царизма. Однако Пирсон подчеркивает, что эта фаза была навязана русскому правительству «анонимным давлением войны» и в ее наступлении не было заслуги ни русского общественного мнения, ни Думы. Буржуазные партии, пишет он, были «не в силах ни вызвать, ни способствовать официальной либерализации; они могли только скакать рядом с катящимся политическим фургоном и надеяться помочь его ускорению своим объединенным весом» [512. Р. 39].

Первое знамение новой фазы Пирсон усматривал в допущении «неофициальных элементов» в структуру бюрократии (включение членов Думы в комиссию по финансам и снаряжению, создание в августе 1915 г. особых совещаний, которые должны были установить постоянное официальное сотрудничество между правительством и Думой). Второй аспект «либеральной» фазы, по словам Пирсона, состоял в замене более умеренными министрами самых «ненавистных реакционеров» в составе кабинета. «Когда представители Думы и общества заняли плацдарм на периферии правительства и архиреакционеры были удалены из кабинета, дело оставалось только за самой Думой», — пишет он, переходя к рассказу о формировании Прогрессивного блока [512. Р. 42]. В числе факторов, способствовав-

ших его образованию, Пирсон указывает на наличие Земского союза, Союза городов и военно-промышленных комитетов. Их деятельность, подчеркивает он, приобрела такое значение в стране, что представляла собой «вызов как правительству, так и Думе» [512. Р. 45], занявшим «враждебную позицию» по отношению к новым общественным силам. Это тоже сыграло роль в стремлении «думских умеренных» к объединению.

Совсем другой точки придерживается У. Розенберг. Кадеты, отмечает он, поддерживали блок, видя в нем парламентский эквивалент организациям типа Центрального военно-промышленного комитета или Земгора. Функцией блока, пишет Розенберг, была координация отношений между общественными организациями и бюрократией, «наведение мостов между правительством и „обществом“ и создание таким образом условий для появления в России нового общества» [522. Р. 158].

Примерно так же оценивает Прогрессивный блок М. Хэм, по мнению которого создание думской коалиции преследовало цель «продемонстрировать правительству и обществу, что Дума способна играть конструктивную роль в военное время». Как и Розенберг, Хэм считает, что инициаторы создания блока стремились поддержать усилия земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов. Он даже идет дальше, утверждая, что блокисты ставили перед собой задачу оградить общественные организации от ненужного правительственного вмешательства [490а. Р. 453].

По нашему мнению, позицию буржуазных думских фракций по отношению к союзам никак нельзя назвать «враждебной». Милюков, например, называл их «нашей опорой» в политической борьбе [311. С. 210]. Союзы поддерживали блок во всех его акциях и согласовывали с ним свои политические выступления. Правда, со стороны блокистов было опасение, что руководство союзов может претендовать на роль политических вождей, каковыми считали себя думские лидеры. Например, в высказываниях Милюкова по поводу союзов явно проскальзывает ревнивая нотка: «Не могут же они заменить Госуд[арственную] думу!» [82. Л. 147].

И вместе с тем, на наш взгляд, при оценке отношений между Думой и союзами, да и между различными буржуазными партиями тоже, нельзя забывать о том, что даже в пределах одной такой партии один из кандидатов в «премьеры» то и дело норовит потеснить другого. Более того, в рамках одной партии часто сосуществуют представители далеко расходящихся течений, по своим убеждениям резко конфронтирующие между собой.

Думается, что эта сторона дела недостаточно учитывается при анализе межпартийных отношений в блоке. И в нашей литературе (В. С. Дякин, Е. Д. Черменский, А. Я. Аврех), и особенно в зарубежной (Р. Пирсон, М. Хэм, Ц. Хасегава) преимущественное внимание уделяется трениям между различными буржуазными течениями, соперничеству за главенствующую роль в Прогрессивном блоке.

Характерно отношение зарубежных историков к такому фактору образования Прогрессивного блока, как стремление думских лидеров предотвратить революцию. Многие буржуазные авторы (например, Р. Пирсон) вообще не упоминают об этой причине. А М. Хэм прямо возражает В. Я. Лаверычеву, подчеркивающему ее значение. Американский исследователь ссылается на отсутствие указаний на нее в официальных доку-

ментах блока и на то, что нет свидетельств существования «секретной стратегии» блокистов, связанной с возможностью революции [490а. Р. 466].

Между тем точка зрения В. Я. Лаверычева (и разделяющих ее других советских историков) подтверждается многочисленными свидетельствами самих руководителей Прогрессивного блока, неоднократно приводившимися в нашей историографии [См.: 251. С. 107]. Интересны в этом плане мемуары С. В. Бахрушина, где он приводит свой разговор с одним из видных октябристов, Н. И. Гучковым, летом 1916 г. «Он в ярких и образных выражениях, — вспоминал Бахрушин, — рисовал передо мной картину революционных потрясений, ожидающих Россию, и призывал к объединению» для их предотвращения [195а. Л. 7].

В самый ответственный момент, когда буржуазные лидеры ожидали решения царя по поводу сотрудничества правительства с Прогрессивным блоком, они подчеркивали усиление революционного настроения масс и предупреждали, что «только немедленный призыв к власти либеральных общественных слоев может еще сделать путь нашего развития менее катастрофическим» [394. 1915. 30 авг.].

О какой «секретной стратегии» могла идти речь, если лидеры Прогрессивного блока открыто заявляли: «Правительство думает, что мы делаем революцию, тогда как на самом деле мы ее предупреждаем» (Шидловский). «...Мы призываем власть пойти на соглашение с требованиями общества в целях защиты родины от революции и анархии» (Гучков) [22. С. 211; 26. С. 125].

Характерно, что автор последней по времени издания на Западе крупной работы по истории России 1914—1917 гг. Ц. Хасегава полностью солидаризируется с цитируемыми им высказываниями Милокова о политическом значении блока как «спасательного пояса тонущей монархии», как «последнего средства найти мирный выход из ситуации, которая со дня на день становилась все более угрожающей» [491. Р. 32—33].

Вместе с тем не вполне правомерной представляется точка зрения Е. Д. Черменского, полагающего, что неотступный страх перед революцией был единственным фактором, приведшим на время к политической консолидации разномастные фракции Думы [379. С. 103].

На наш взгляд, более основательна позиция В. Я. Лаверычева, подчеркивающего двоякую цель создания блока: а) организацию оппозиционных сил для давления на правительство в целях достижения победы в захватнической войне; б) предотвращение революционного взрыва, борьбу с революционным движением [297. С. 121]. На те же моменты указывают В. С. Дякин и Л. М. Спирин [251. С. 95—97; 360. С. 198].

«Поражение армий царской монархии — рост стачечного и революционного движения в пролетариате — брожение в широких массах — либерально-октябристский блок для соглашения с царем на программе реформ и мобилизации промышленности для победы над Германией. Такова последовательность и связь событий в конце первого года войны», — подчеркивал В. И. Ленин [1. Т. 27. С. 26—27].

В интерпретации Розенберга Прогрессивный блок был для кадетов воплощением их принципов политической надпартийности и надклассовости [522. Р. 158]. Можно вполне принять тезис о стремлении кадетов создать надпартийное, общее для «умеренных» партий объединение,

однако никак нельзя согласиться с тем, что оно носило надклассовый характер.

Как нам представляется, объединение думских фракций в рамках Прогрессивного блока было, так же как создание ВЗС и ВСГ, составной частью общего, так до Февраля и не завершившегося процесса постепенного становления единой национал-либеральной буржуазной партии в России, выражающей интересы «нового класса... капиталистических помещиков и буржуазии. . .» [4. Т. 31. С. 18]. Наличие внутренних разногласий, конфликтов, междоусобной борьбы в буржуазном лагере нисколько не противоречило основной подспудной тенденции к сплочению, проявившейся в значительно большей мере после Февраля и еще усилившейся после Октября.

Каковы были отличительные признаки этой тенденции применительно к периоду первой мировой войны? На наш взгляд, можно выделить четыре таких признака.

1. Общие стратегические цели (объединявшие либеральную буржуазию и с самодержавием): война до победы и предотвращение революции.

2. Общая тактика борьбы за замену правительства другим, наилучшим образом обеспечивающим достижение этих целей (при различной степени оппозиционности и несовпадении формальных лозунгов).

3. Стремление к сплочению и организации в надпартийных и внепартийных формах (думский блок, союзы, военно-промышленные комитеты, общества, местное самоуправление и т. д.).

4. Наличие группы политических деятелей, являющихся общепризнанными авторитетами для буржуазно-либерального лагеря в целом.

В этом смысле интересно проанализировать шесть известных списков кандидатов в правительство, составленных буржуазными группировками. Один из них был выработан на межпартийном совещании в квартире П. П. Рябушинского и опубликован в газете «Утро России» 13 августа 1915 г. — практически в момент образования Прогрессивного блока; второй — помещен на следующий день в той же газете как исходящий из октябристских кругов. Три списка, обозначенные как «кадетск.», «октябристск.» и «Г. совет» (видимо, относившиеся к тому же времени), сохранились в бумагах Николая II [См.: 379. С. 98]. Наконец, шестой список был составлен, как свидетельствует Милюков, на «собрании представителей левых партий» в квартире Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича 6 апреля 1916 г. [311. С. 273].

Во всех шести списках фигурирует А. И. Коновалов (министр торговли и промышленности), в четырех — князь Г. Е. Львов (премьер-министр либо министр внутренних дел), П. Н. Милюков (министр иностранных дел), А. И. Гучков (премьер-министр, либо министр внутренних дел, либо военный министр), А. И. Шингарев (финансы либо земледелие и землеустройство), В. Н. Львов (обер-прокурор синода). В двух списках упоминается Н. В. Некрасов (министр путей сообщения); в одном — А. А. Мануйлов (народное просвещение), И. В. Годнев (государственный контролер).

Таким образом, кандидатуры девяти (из одиннадцати) будущих членов первого состава Временного правительства подверглись уже предварительному обсуждению, согласованию и одобрению, причем в большинстве

случаев со стороны не только своей партии, но и других также. Иначе говоря, ядро будущего буржуазного правительства было подготовлено буржуазными партиями еще за полтора года до его образования и продолжало уточняться вплоть до самого февральского переворота. Так, 11 января 1917 г. газета «Утро России» сообщала о встрече кадетов, октябристов и прогрессистов, где Милюков выступил с характеристикой «деятелей, в которых общество может видеть своих будущих ответственных руководителей».

В этой связи нельзя, на наш взгляд, согласиться с предлагаемой А. Я. Аврехом трактовкой известного положения В. И. Ленина из первого «Письма из далека» о чрезвычайно быстрой политической организации буржуазии за время войны 1914—1917 гг., когда она забрала «в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д.» [1. Т. 31. С. 18]. Он считает, что, по мысли В. И. Ленина, воплощением этой быстрой организации явились не буржуазные партии как таковые, а всевозможные организации типа земского и городского союзов, которые были созданы самой цензовой «общественностью», без прямого участия этих партий. Но как тогда быть с Думой — или ее тоже нужно рассматривать как организацию, созданную некой абстрактной цензовой «общественностью»? И как возможно уйти от того факта, что именно буржуазными партиями был выработан и согласован первый состав Временного правительства, поспешное появление которого на сцене русской политической жизни В. И. Ленин как раз и объяснял чрезвычайно быстрой политической организацией буржуазии за время войны.

Забегая несколько вперед, скажем, что в Феврале при переговорах лидеров буржуазии с представителями Петроградского Совета на последних произвела большое впечатление, как писал эсер В. М. Чернов, «полная боевая готовность» кадетской партии «в смысле министериабельности». «Все ее люди, — отмечал Чернов, — весь ее политический „главный штаб“ был налицо, был заранее мобилизован... По всем этим причинам цензовая Россия меньше чем в 24 часа могла составить солидарный „кабинет“, могла образовать правительство» [380. С. 48]. А когда во время выступления Милюкова о сформировании Временного правительства на митинге в Таврическом дворце аудитория выражала недовольство тем, что в кабинете представлена лишь «цензовая» общественность, вождь кадетов подчеркивал, что она является «единственно организованной» и «даст потом возможность организоваться и другим слоям русской общественности» [312. Вып. 1. С. 31].

Нам кажется, что неправомерно отделять организации типа Земского союза, Союза городов и военно-промышленных комитетов от буржуазных партий, считать, что первые были созданы без прямого участия вторых. Если ВПК нерасторжимо связаны с именами октябристских и прогрессистских лидеров (Гучкова, Коновалова, Рябушинского), т. е. тех же самых людей, которые вершили политику своих партий, то Союз городов, например, являлся чисто кадетским «детисчем». Если, как было показано выше, вся руководящая верхушка Согора (не говоря уж о местных комитетах) состояла из кадетов, то не значит ли это, что он был создан как раз при «прямом участии» их партии?

И во всякого рода буржуазных организациях, и в буржуазных партиях, и в думских буржуазных фракциях действовали либо одни и те же, либо тесно связанные между собой люди — наиболее активные представители буржуазно-либерального лагеря. Невозможно рассматривать Гучкова — председателя ЦВПК в отрыве от его роли в «Союзе 17 октября» или различать в Милюкове вождя партии «народной свободы» от лидера кадетской думской фракции. Деятельность партий, союзов, обществ, думских фракций (пусть не без трений и разногласий) постоянно согласовывалась и координировалась.

Нет сомнения в том, что, говоря о политической организации класса буржуазии, Ленин имел в виду и его партии, поскольку, как он сам не раз подчеркивал, именно борьба партий является «самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов. . .» [1. Т. 49. С. 401].

Но вернемся к Прогрессивному блоку. По-разному освещают историки участие в его создании объединившихся в нем партий. А. Я. Аврех подчеркивает доминирующую роль правых фракций блока. Т. Риха приписывает заслугу сколачивания думской коалиции исключительно кадетам [520. Р. 228—229]. Р. Пирсон настаивает на приоритете прогрессистов. Активные действия кадетов, направленные на образование межпартийной коалиции, он объясняет исключительно личными амбициями Милюкова, боявшегося соперников (как прогрессистов, так и октябристов), которые могли отнять у него и его партии руководящую роль в думском объединении [512. Р. 43, 47]. На наш взгляд, безусловно неправильно трактовать всю тактическую линию Милюкова как выражение его личного честолюбия, хотя этот фактор и оказывал определенное влияние на многие акции кадетского лидера.

Думается, нет смысла спорить о том, какой из думских фракций принадлежала главная роль в замысле и осуществлении парламентского объединения. Плюрализм во мнениях по этому вопросу лишь отражает общее стремление различных групп буржуазно-помещичьей оппозиции к сплочению ее рядов. Признавая важное значение в блоке правых фракций и инициативу, проявленную при его создании прогрессистами, нельзя сбрасывать со счетов и активную позицию кадетов, на плечи которых легла задача воплощения в жизнь идеи думского объединения.

«Меня называли „автором блока“, „лидером блока“, — вспоминал впоследствии Милюков, — и от меня ждали направления политики блока» [311. С. 206—207]. Им был составлен проект программы Прогрессивного блока, он же стал председателем комиссии по рассмотрению этого проекта [23. С. 158].

Кадеты взяли на себя ответственную миссию: добиться сближения вошедших в блок думских фракций с Государственным советом. При этом они опирались на левую группу Государственного совета во главе с кадетом Д. Д. Гриммом. Характерно, что как раз в июне 1915 г. на заседании кадетского ЦК был поставлен вопрос о кооптации Гримма в его состав [82. Л. 166]. Объединение с тремя группами Государственного совета («центра», «академической» и «внепартийного кружка») было достигнуто на нескольких общих совещаниях на квартире одного из его членов, В. В. Меллер-Закомельского, где сторону думцев наиболее активно представляли

Милюков и Шингарев [23. С. 123—159]. Это объединение придавало блоку, по словам Милюкова, «особенное значение, так как снимало препону в прохождении законодательства в порядке думской инициативы через обе законодательные палаты» и расценивалось кадетским руководством как «капитальная перемена в системе, созданной основными законами 1906 г.» [23. С. 216—218].

Главная роль принадлежала Милюкову и при последующем согласовании программы блока с группой министров царского правительства — П. А. Харитоновым, Н. Б. Щербатовым, А. А. Хвостовым и В. Н. Шаховским [23. С. 145].

Стержнем программы блока было требование «создания объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы» [23. С. 133]. В основе его лежала формула «министерства общественного доверия», проведенная кадетами вопреки упорным попыткам прогрессистов заменить ее лозунгом «ответственного министерства». Парадокс состоял в том, что отвергаемый кадетами лозунг являлся их собственным программным требованием.

Чем же объяснялась эта парадоксальная ситуация? А. Я. Аврех считает, что выставленное прогрессистами требование «ответственного министерства» являлось лишь одним из компонентов антимилюковского похода, организованного ими с целью раскола кадетской партии и создания «настоящей партии» буржуазии [196. С. 187]. Конечно, дух конкуренции, соперничества между кадетским и прогрессистским руководством, между Петроградом и Москвой усиливал накал страстей вокруг спорных тактических вопросов, способствовал полемическому раздуванию непринципиальных расхождений и т. д. Однако при этом не стоит все же забывать, что прогрессисты были сторонниками более решительной тактики, более радикальных оппозиционных действий не только в пику кадетам, но и по соображениям большей эффективности такого пути для достижения общей цели. Здесь можно поставить в один ряд не только те акции прогрессистов, которые приводит в доказательство своего тезиса А. Я. Аврех (выдвижение идеи «ответственного министерства», кампания за скорейшее возобновление думской сессии и обращение по этому поводу к царю, выступление с проектами Особого совещания при военном министре и Комитета государственной обороны), но и активную рабочую политику прогрессистов, их практические шаги по установлению контактов с мелкобуржуазными партиями.

На VI съезде партии Н. П. Василенко, оспаривая утверждение Милюкова, что прогрессисты приняли лозунг ответственного министерства «исключительно в целях партийного соперничества», подчеркивал: «Они просто лучше нас уловили известный рост настроений в обществе и стараются не идти вразрез с этим настроением» [84. Л. 33 об.]. Лидер думской фракции прогрессистов И. Н. Ефремов писал впоследствии в своей автобиографии, что в этой «радикальной реформе» — создании «ответственного министерства» — прогрессисты видели «наиболее надежную гарантию против революции» [121]. Когда фракция прогрессистов вышла из Прогрессивного блока из-за несогласия с принятой им формулой «правительства общественного доверия», некоторые ее члены — М. Д. Калугин,

И. Т. Евсеев, граф А. А. Орлов-Давыдов — перешли в кадетскую фракцию [304. С. 17].

Позиция кадетов, отстаивавших лозунг «министерства доверия», на наш взгляд, также определялась не столько конкурентной борьбой, сколько рядом причин гораздо более серьезного свойства.

«Я лично настаивал и настоял, — писал Милюков, — на принятии формулы, по которой желательное для блока правительство должно было обеспечить „единение со всей страной и пользоваться ее доверием“. Эта формула было достаточно неопределенна и не предreshала состава такого правительства; зато она могла объединить все части блока» [311. С. 214].

Следовательно, первая причина — желание достичь компромисса внутри Думы, между ее различными фракциями. В основе Прогрессивного блока, справедливо подчеркивает Е. Д. Черменский, лежал «компромисс между полуфеодальными, умеренно правыми (прогрессивные националисты и партия центра) и буржуазными (октябристы, кадеты и прогрессисты) элементами с равнением на самые умеренные — фракцию русских националистов» [379. С. 102—103]. Этим объяснялись существенные уступки со стороны кадетов при составлении декларации блока. Еще на заседании ЦК в июне Тыркова убеждала своих коллег: «сейчас стране не партийные программы нужны», необходимо «ответственное ядро» [82. Л. 170]. Шингарев на пленарном заседании ЦК 21 августа 1915 г. также подчеркивал: «В Думе сейчас происходит равнение не по демократическим силам, а по умеренным, и именно с ними мы вступаем в блок» [82. Л. 194].

На упоминавшемся выше совещании с московскими каде́тами в особняке П. Д. Долгорукова 8 сентября 1915 г. Милюков, информируя их о состоянии дел в парламентском блоке, оправдывал необходимость «пойти на некоторые программные жертвы» тем, что «самое участие в блоке окажет на умеренных такое политическое воспитание, что в дальнейшем они пойдут и на более решительные реформы» [464. 1915. 9 сент.]. Пока же в программу «министерства общественного доверия» кадеты включили лишь «минимум условий, необходимых для восстановления страны и власти», что и обозначили в ее подзаголовке [23. С. 135].

В жертву думскому объединению кроме требования «ответственного перед Думой кабинета» кадеты принесли еще целый ряд своих исконных положений: вместо аграрной реформы в декларации блока фигурировал пункт об уравнивании крестьян в правах; вместо лозунга политической амнистии покорнейшее ходатайство о прекращении политических дел «в путях монаршего милосердия» (и прежде всего о восстановлении в правах «выборжцев»); вместо требования о равноправии евреев туманная формула о «вступлении на путь отмены ограничительных законов для евреев». В пункте о восстановлении украинской печати слово «украинская» было, по настоянию Шидловского, заменено на «малороссийская». Уже одно это яснее ясного показывало, какой характер носила национальная программа блока. Компромиссные решения формулировались в таких обтекаемых выражениях, что при желании их можно было трактовать в прямо противоположном смысле. Так, пункт об отмене ограничений в западных губерниях для польского землевладения был дан в следующей редакции: «...начать пересмотр узаконений о польском землевладении». На переговорах лидеров блока с членами правительства обнаружилось, что

Милюков и Савенко вкладывали в эту формулу совершенно различное содержание [23. С. 129—136].

По нашему мнению, едва ли можно считать, что в политической области требования программы блока были «весьма обширны» [364. С. 152]. Напротив, умеренность и скромность этих требований подчеркивается тем фактом, что при их рассмотрении на заседании Совета министров 26 августа 1915 г. было признано, что по многим вопросам взгляды правительства и блока совпадают, и даже Горемыкин допускал, что «часть программы могла бы быть принята правительством в дальнейшей деятельности» [199. С. 114].

Но, как выяснилось на переговорах блокистов с министрами, и эту умеренную платформу руководство блока не собиралось отстаивать в качестве практической программы ближайшего законодательства. В таковую вошли лишь пункты о пересмотре системы местного самоуправления; о закреплении правового положения земского и городского союзов и кооперативных организаций; об устранении некоторых преград на пути капиталистического развития деревни.

На наш взгляд, совершенно прав В. С. Дякин, подчеркивающий, что компромисс между думскими фракциями был заключен не ради законодательной программы (которую все считали малоосуществимой во время войны), а ради замены правительства и изменения приемов управления страной, для обеспечения победы. Вместе с тем нам кажется, что едва ли можно считать программу Прогрессивного блока «шагом на пути усиления политического влияния буржуазии» [364. С. 108]. В этом плане была важна как раз не программа блока, а само его существование, сам факт организационного сплочения двух третей Государственной думы. Вот в чем заключалась главная ценность блока и для партии «народной свободы». «Как ни судить о полноте программы блока, но не в ней центр тяжести дела, а в самом образовании блока, который является первым практическим шагом и исходной точкой парламентарной борьбы, — писал И. И. Петрункевич П. Н. Милюкову в сентябре 1915 г. — . . . Если нам удастся сохранить блок, парламентарная борьба должна быть выиграна» [157].

«Надо ссадить это неспособное правительство. . . не путем революции, а органическим давлением общественных сил» — так формулировал задачу оппозиции Д. И. Шаховской на пленарном заседании ЦК 31 марта 1916 г. [85. Л. 53а].

Вторая причина, обусловившая приверженность кадетского руководства к лозунгу «правительства доверия», состояла в том, что только таким путем можно было достичь компромисса между Прогрессивным блоком и либеральной (кривошеинской) группой в горемыкинском кабинете, чтобы попытаться взорвать его не только снаружи, но и изнутри. Пункт о «создании объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны» был особо выделен Милюковым на частном совещании с либеральными министрами, состоявшемся на квартире у государственного контролера П. А. Харитонova. Блок считает этот пункт основным, сказал он, и полагает, что от исполнения его зависит все остальное, упоминаемое в программе [237. С. 145]. В результате, отмечал впоследствии Милюков, на совещании «в целом создавалась такая почва, на которой часть министров могла схватиться за программу блока» (поэтому она и должна была быть столь скромной и неопределенной). «Более прогрессивный элемент

министерства на этом хотел построить переход к новому „министерству доверия“¹, прежде всего — без Горемыкина» [30. Т. 6. С. 317].

Надеждой на успех совместных с министрами действий объяснялся и отказ кадетов от предложения прогрессистов направить депутацию к царю (с просьбой назначить новое правительство), минуя переговоры с членами горемыкинского кабинета.

Третья причина — расчет кадетского руководства на то, что идея «правительства доверия» окажется более приемлемой для царя, поскольку не потребует от него конституционной реформы: министры в новом кабинете будут по-прежнему назначаться им самим и только перед ним нести ответственность. Согласие царя представлялось тем более вероятным, что часть членов будущего правительства уже входила в состав ныне действующего кабинета; из их числа планировался и премьер-министр (А. В. Кривошеин). Таким образом, без крутой ломки можно было осуществить плавную преемственность в деле государственного управления. Царю предлагался почетный компромисс с «общественностью», а не капитуляция перед ней, какую он мог усматривать в своем согласии на требование «ответственного министерства».

Наконец, четвертая причина указывалась при обсуждении программы блока на заседаниях Московского отдела ЦК кадетской партии в августе 1915 г. «Сделать сразу шаг от Горемыкина к Львову, — говорил член ЦК А. Р. Ледницкий, — невозможно и нежелательно. Мы можем обанкротиться... Если, ожидая победы, общественные элементы возьмут власть, а победы не будет, тогда вся вина падет на общественные элементы». Из этого он делал вывод: «Теперь надо вести... Кривошеина, а потом Львова». Ледницкого поддерживал Астров, по мнению которого Львова «было бы больно вести. . . сейчас в Министерство, надо сначала пережить промежуточное министерство». «Надо выждать» — это предложение Астрова одобрило большинство участников заседаний [63].

Кадеты боялись, что «популярность общественных деятелей», которая, по словам Маклакова, была «очень сильна в Гос. думе», «потухнет сразу в министерстве» [23. С. 126], что, став во главе государственного управления, они (как подметил В. И. Ленин еще в мае 1906 г.) «всего быстрее „исчерпают“ себя, „отхозяйничают“, всего скорее „выдохнутся“ и разоблачат себя» [1. Т. 13. С. 182]. Так, кстати говоря, и получилось в 1917 г.

Одним словом, для кадетского руководства лозунг «министерства доверия» был надежным тактическим ходом, позволявшим рассчитывать на реальный, не связанный с риском успех. Едва ли можно согласиться с В. И. Старцевым, считающим, что «смена лозунга свидетельствует о внутренней эволюции взглядов самого Милокова» [364. С. 133]. Если проследить тактические «курбеты» кадетского лидера на всем протяжении его деятельности, станет ясно, что они определялись, как правило, соображениями практической целесообразности, а не пересмотром принципиальной позиции. Так же было и на сей раз.

Кадетские лидеры предпочитали синицу в руках журавлю в небе и в своем кругу признавались в этом совершенно откровенно. На конференции кадетской партии 6—8 июня 1915 г. Родачев аргументировал отвод лозунга «ответственное министерство» следующим образом: «„Ответственность“ слово пустое, это вопрос факта. Когда мы будем иметь силу

потребовать ее, она будет, но этой моральной силы мы еще не приобрели...» О том же говорил Шингарев: «Сейчас нам советуют быть „дерзкими“, внести „героические“ формулы, т. е. требовать ответственного министерства. Все это довольно легко, но это будет актом политической ошибки». Наконец, сам Милюков подчеркивал, что лозунг «министерства доверия» более удобен для «настоящего момента», а когда придет более подходящее время, «партия скажет не только об ответственном министерстве, но и о более широких требованиях своих» [27. С. 117].

И действительно, в тот благоприятнейший момент, когда казалось, что царь вот-вот примет требования блока, кадетское руководство стало уже намекать на желательность полной смены министров. Искать подходящие кандидатуры среди бюрократии, заявляла в этот момент «Речь», значит «терять дорогое время» [445. 1915. 21 авг.; 251. С. 114]. Такая быстрая перемена позиции еще раз показала, насколько непринципиальными были основные мотивы расхождений в блоке.

Буржуазная историография склонна всемерно подчеркивать популярность Прогрессивного блока в стране. Р. Пирсон даже пишет об «общенациональной поддержке», которая была достигнута благодаря прогрессистам и московским общественным кругам [512. Р. 53]. Конечно, это сильное преувеличение. Буржуазно-интеллигентская «общественность» действительно испытывала большой интерес к блоку, возлагала непомерные надежды на его авторитет и влияние. Однако в широких массах ни сама идея Прогрессивного блока, ни его программа, ни его конкретные действия не вызывали сочувствия и поддержки. Кстати говоря, это признают и некоторые буржуазные историки. Например, М. Хэмм цитирует ответ Горемыкина на опасения некоторых членов кабинета, что направленные против блока акции могут спровоцировать кровопролитие на улицах и даже восстание [490а. Р. 456]. «Идем мы вместе с блоком или нет, — констатировал председатель Совета министров, — на рабочее движение это не влияет» [199. С. 107]. Что же касается московских общественных кругов, то они активно выступали в унисон с блоком, стремясь придать большую весомость его политической позиции. Первую скрипку здесь играла Московская городская дума, лидерство в которой принадлежало кадетам [216. С. 276].

18 августа Московская дума единогласно приняла приговор, в котором заявляла, что «стоящая ныне перед страной ответственная задача требует создания правительства, сильного доверием общества» [417. 1915. № 19. С. 191]. Решения по образцу этого приговора стали принимать и другие городские думы. 26 августа Петроградская дума выступила с требованием поставить во главе страны власть, «неповинную в грехах прошлого». В принятой ею резолюции подчеркивалось: «Необходим крутой поворот со старого пути, который привел нас к тяжелому положению» [464. 1915. 28 авг.]. С московскими инициаторами поддержки блоку солидаризировались также различные буржуазные организации по всей стране [251. С. 105—106, 115].

Казалось, пишет Пирсон, нет никаких сомнений в успехе Прогрессивного блока, ведь столько факторов было в его пользу. Никогда еще в Думе не было такого единодушия, никогда еще она не пользовалась поддержкой столь значительной части Государственного совета. Требования блока

были скромны и сформулированы так, чтобы сделать их как можно более приемлемыми для правительства. Общественные круги Петрограда и Москвы были достаточно организованны, чтобы оказать блоку эффективную моральную поддержку. Провинция присоединилась к кампании, проводимой в пользу блока в обеих столицах. Весь Совет министров, за исключением одного лишь премьер-министра Горемыкина, поддерживал программу блока.

Представители Думы были введены в состав Особых совещаний. Сам царь, посетив церемонию торжественного открытия Особого совещания по обороне 22 августа 1915 г., казалось, дал официальное одобрение сотрудничеству между государством и обществом. И защитники и противники парламентской коалиции даже не представляли себе, «почему или как Прогрессивный блок может потерпеть неудачу» [512. Р. 57].

В чем же буржуазные историки видят причины этой неудачи? Мнения здесь расходятся. Наиболее примитивный ответ дает Р. Пайпс. Отказ Николая II от предлагаемых блоком реформ он объясняет «подстрекательством» со стороны царицы [515. Р. 227]. Р. Пирсон приписывает решающую роль в формировании позиции царя коварным козням Горемыкина, боявшегося потерять премьерство [512. Р. 57—58].

М. Хэмм по-другому мотивирует поведение царя и Горемыкина: правительство, пишет он, отказалось сотрудничать с блоком потому, что видело в нем «беспомощный организм», неспособный ни на что большее, чем общие принципиальные заявления [490а. Р. 456]. Эти суждения перекликаются с точкой зрения Е. Д. Черменского, который объясняет отказ царизма от уступок и соглашения с думским большинством «хрупкостью» и «бесплодностью» Прогрессивного блока [379. С. 139].

Не все буржуазные историки разделяют подобную точку зрения. Так, Д. Биллингтон, полагающий, что русский либерализм в начале XX в. был значимой политической силой, пишет: «Само разделение внутри либерального лагеря свидетельствует об определенной силе, о том, что люди с различными философскими и экономическими взглядами стремились отождествить себя с конституционно-демократической традицией. Хотя кадеты не смогли сделать свою партию форумом для выражения всех этих многообразных чувствований, они все же не были так растеряны и робки перед лицом усиливающегося хаоса военных лет, как многие другие слои русского общества». Принимая во внимание трудности, в условиях которых работали либералы в России, продолжает Биллингтон, «их прогресс можно считать очень быстрым, а их программы хорошо продуманными» [471. Р. 454].

Что касается неудачи, постигшей блок, то, на наш взгляд, прав В. В. Комин, заключающий по поводу его программы: «Однако и эту робкую попытку буржуазии приблизить себя к управлению страной самодержавие и крайне правые встретили с откровенной враждебностью, рассматривая ее как стремление к ограничению самодержавной власти царя. . .» [287. С. 60]. В. С. Дякин справедливо добавляет к этому, что немалую роль в решении царя распустить Думу сыграло изменение ситуации на фронте. К 20-м числам августа русская армия была выведена из «польского мешка» и на юге перешла к отдельным активным операциям. Фронт несколько стабилизировался, наметились и признаки улучшения артиллерийского

снабжения армии. Поэтому царская камарилья не считала себя вынужденной прислушиваться к либеральной оппозиции [251. С. 117].

„Разгон“ IV Думы, как ответ на образование оппозиционного блока в ней из либералов, октябристов и националистов, — подчеркивал В. И. Ленин, — вот одно из самых рельефных проявлений революционного кризиса в России» [1. Т. 27. С. 26].

Как же реагировали на эту «высочайшую пощечину» кадеты? Их позиция полностью совпала с настроениями самых различных кругов буржуазной «общественности», на удивление дружно выступивших против любых форм активного противодействия царскому повелению. «Перед лицом готовящегося совершиться события мы можем только призвать к величайшей сдержанности», — заявляла «Речь» (3 сентября 1917 г.).

Блокисты настаивали на сохранении спокойствия и на заседании сенаторно-конвента утром 3 сентября, накануне последнего официального заседания Думы перед ее роспуском. Хотя, как сообщали реакционные «Московские ведомости» в статье «Политические неврастеники», Шингарев «истерически рыдал» на этом заседании [Цит. по: 364. С. 177], однако настроение большинства было «не губить Думу и не играть на руку Горемыкину». Милуков, по свидетельству Родзянко, полностью соглашался в этом с умеренными лидерами блока и «обещал убедить свою фракцию отказаться от всяких резкостей» [344. С. 134]. Даже бравировавший обычно своим радикализмом Некрасов подчеркивал, что необходимо действовать только парламентским способом. Блок отклонил предложение прогрессистов отозвать в знак протеста представителей Думы в особых совещаниях, дерзнув лишь отказаться избрать их во вновь созданное Особое совещание по вопросу о беженцах при Министерстве внутренних дел.

Характеризуя либеральную тактику на этом кризисном этапе, В. И. Ленин указывал, что она «состояла в „успокоении“ и раздроблении борьбы масс ради примирения буржуазии с монархией» [1. Т. 27. С. 78].

Как полагает В. С. Дякин, кадеты в глубине души были даже рады перерыву думской сессии, так как он избавлял их от необходимости перейти к обсуждению в Думе законодательной программы Прогрессивного блока, что, по признанию Шингарева, неизбежно привело бы к его расколу [251. С. 116, 118—119].

Американский биограф Милукова Т. Риха, комментируя отказ царизма от сотрудничества с буржуазной «общественностью», вслед за своим героем [312. Вып. 1. С. 27] предъявил «старому режиму» обвинение в том, что «он отверг единственную протянутую ему руку помощи». «Последний реальный шанс выживания монархии, — пишет Риха, — был упущен в 1915 г., когда еще было возможно мирное решение» [520. Р. 234—235].

Знаменательно, что этот тезис встретил категорические возражения со стороны другого американского историка М. Хэмма. По его мнению, если бы правительство и приняло программу блока, это ничего не могло изменить в ходе событий, поскольку его «программа в основном не имела отношения к насущным нуждам» страны. Если даже Николай II, продолжает Хэмм, согласился бы на «министерство доверия», большинство в нем наверняка составили бы «умеренные бюрократы», земцы-октябристы и прогрессивные националисты. Учитывая их поведение в Думе, трудно

представить себе, что такое министерство могло бы предпринять новые инициативы, соответствующие потребностям времени [490а. Р. 462].

Здесь, однако, Хэмм делает оговорку, с которой мы согласиться не можем. Признавая, что программа блока «была недостаточной, чтобы умиротворить быстро меняющееся настроение утомленных народных масс», автор объясняет это тем, что она являлась компромиссом со стороны кадетов и прогрессистов. Если бы эти две партии, пишет он, могли отстаивать «свои собственные идеалы, включающие конституционный, демократический строй, это было бы другое дело» [490а. Р. 461]. Нельзя не напомнить Хэмму, что в феврале 1917 г. к власти пришли как раз представители обеих партий. В составе Временного правительства оказались те же люди, которые играли первую скрипку в парламентской коалиции (Милюков, Шингарев, Коновалов, затем Ефремов и др.). Они имели полную возможность проводить в жизнь свою программу, во всем объеме воплотить свои идеалы. Тем не менее, как показал исторический опыт, их приход к власти не способствовал «умиротворению масс» и не смог разрешить ни одной из стоявших перед страной проблем.

Крушение надежд на успех Прогрессивного блока вынуждало кадетское руководство выработать дальнейшую тактическую линию. Этой задаче были посвящены совещания членов Центрального комитета партии «народной свободы» в Петрограде и Москве. На заседании Петроградского отдела ЦК 3 сентября Милюков категорически настаивал на продолжении тактики единения с Прогрессивным блоком, горячо возражая против каких-либо контактов с «социалистическими течениями» и осуждая принятые под влиянием меньшевиков и эсеров на собраниях некоторых общественных организаций резкие резолюции, протестующие против разгона Думы. Поддержка кадетами подобных резолюций, как и установление ими связей с «левыми элементами», подчеркивал Милюков, могут отвлечь правое крыло Прогрессивного блока от объединения с партией «народной свободы» и стать причиной раскола блока. На заседании было решено переместить острие борьбы за отставку Горемыкина в земский и городской союзы [82. Л. 196—202]. Об их действиях в этом направлении уже говорилось. Причину такого решения разъяснял Шингарев на заседании президиума блока. «Я предпочитаю конфликт на съездах (союзов. — Н. Д.) конфликту в Госуд. думе, — сказал он, — так как исчезновение Думы превращает общество в пыль» [24. С. 150].

Другими словами, в случае возможных репрессий сверху руководство партии «народной свободы» готово было пожертвовать общественными организациями, приносившими практическую пользу в военных усилиях страны, ради думской говорильни, создававшей иллюзию причастности кадетов к вершению государственных дел.

В 20-х числах сентября царь приступил к обновлению кабинета в сторону, прямо противоположную настроением буржуазно-помещичьей оппозиции. Были уволены в отставку Н. Б. Щербатов и А. Д. Самарин, а министром внутренних дел стал А. Н. Хвостов — один из лидеров правых, протезируемый царницей и Распутиным.

Буржуазная оппозиция оказалась в тупике, «из которого не было выхода» [312. Вып. 1. С. 28]. Это привело ее, как говорил Астров, в состояние «общественной неврастении». «Мы дошли теперь до роковой грани, —

констатировал он, — за которой для конституционной общественности уже нет пути. Революционерами мы быть не можем» [417, № 41—42. С. 46].

«Трагическое положение» буржуазных лидеров в одноименном фельетоне охарактеризовал В. А. Маклаков в выразительной аллегории о «безумном шофере». Что вы будете делать, вопрошал автор, если шофер, ведущий машину к неизбежной гибели, цепко ухватился за руль и никого к нему не пускает? И отвечал: «...вы отложите счеты с шофером до того вождельного времени, когда минует опасность. . .» [450. 1915. 27 сент.]. В этих самых выражениях была сформулирована позиция Московского отдела кадетского ЦК на его заседании 29 сентября: «Отложить счеты с властью до момента поражения внешнего врага» [8. С. 64].

На полтора месяца активность Прогрессивного блока полностью замерла. Слишком горько было разочарование в возможности победы, которая казалась уже такой близкой! Лишь в конце октября, когда начались разговоры о возможности открытия очередной думской сессии 25 ноября, Милюков выступил инициатором созыва президиума блока с участием представителей союзов — Г. Е. Львова и М. В. Челнокова. На заседании речь шла главным образом о резком снижении общественной активности. Блокисты сетовали на «апатию» общества, «нерешительность», «растрепанные чувства», пришедшие на смену радикальным настроениям после сентябрьских событий [24. С. 145].

С этих пор президиум блока возобновил регулярные заседания, обсуждая тактику на предстоящей думской сессии. Вновь потянулись старые споры о «министерстве доверия», об уходе из особых совещаний, редактировались, сокращались и по большей мере смягчались прежние предложения из программы блока. Кадеты призывали к осторожности ради сохранения блока. «Мы обязаны, — говорил Милюков, — поддерживать его существование, даже если он есть только политическая фикция» [24. С. 160—183].

Французскому послу Палеологу лидер кадетов сообщил, что блокисты решили не давать правительству «ни повода, ни даже предлога» для действий против Думы. «Мы решили не отвечать ни на какие вызовы и противопоставить им терпение и благоразумие. Когда кончится война, тогда посмотрим» [330. С. 154].

Последовавший год — с осени 1915 до осени 1916 г. — характеризовался резким спадом политической активности кадетов, как и буржуазно-либеральной оппозиции вообще. Парламентская борьба, как объяснял впоследствии Милюков, «использовала все свои возможности» [312. Вып. I. С. 30]. А других методов борьбы кадетская партия не признавала. На наш взгляд, определенное значение имели и долгие отлучки ее лидера — в 1916 г. он дважды ездил за границу в составе парламентской делегации в Англию и Францию, а затем по Скандинавии.

Описывая думское межпартийное объединение в период с осени 1915 до февраля 1917 г., англо-американские авторы (особенно детально Р. Пирсон) анализируют прежде всего внутренние противоречия, расправившие межпартийную коалицию, подчеркивая, что именно они явились причиной неуступчивости царизма накануне революции. Деятельность блока в этот период, пишет М. Хэм, полностью оправдала предсказание, сделанное в 1915 г. членом Думы М. А. Карауловым. «Огонь и вода не могут

соединиться для мирной работы, — говорил он, не веря в возможность широкой парламентской коалиции. — Из их соединения может выйти только пар» [490а. Р. 461]. Определению Караулова нельзя отказать в остроумии. Однако едва ли конфронтация между составлявшими Прогрессивный блок фракциями была уж столь непреодолима.

Как известно, монолитность блока была наибольшей в августе 1915 г., когда казалось, что власть будет вынуждена пойти на уступки. Как только эти надежды исчезли, в блоке возникли трещины, в дальнейшем все углублявшиеся. Следует учитывать, что аналогичная тенденция характерна для всех объединений подобного рода: в момент успехов они укрепляются, во время неудач — разлагаются. При этом большая или меньшая сплоченность блока не имела, на наш взгляд, никакого значения для решения царем вопроса о том, стоит ли идти на соглашение с ним. Однако в случае положительного решения этого вопроса консолидация буржуазных лидеров несомненно бы укрепились.

Надо также иметь в виду, что главные противоречия в блоке носили тактический, а не программный характер. По программным вопросам кадеты — основные ревнители единства думской коалиции — охотно шли на компромиссы.

Чрезвычайно важным представляется вывод А. Я. Авреха о том, что момент образования Прогрессивного блока можно (а на наш взгляд, следует) считать началом окончательного утверждения кадетской партии в качестве главной идейно-политической силы всей буржуазно-помещичьей контрреволюции [196. С. 66]. Именно в Прогрессивном блоке была заложена та тенденция организационного блокирования кадетов с помещичьими организациями и группировками (всячески поддерживаемая правым крылом в самой партии), которая так ярко проявилась после Февраля и особенно после Октября 1917 г.

В годы первой мировой войны против этой тенденции выступало левое крыло партии «народной свободы». Как уже отмечалось, с началом войны внутренние разногласия в ней приглушились, стерлись в общем стремлении к единству ради достижения победы в войне. Недолгая гармония в кадетской среде стала возможной благодаря царившему в ней убеждению, что военный конфликт не продлится дольше девяти месяцев. Милюкову удалось убедить своих оппонентов слева в том, что война должна послужить мощным толчком к национальному единению, пробудить в населении чувства гражданственности и долга, которые в послевоенный период явятся основой для широкой либеральной перестройки российского государственного режима в сторону конституционного демократизма [318. С. 11; 343. С. 220—221].

Однако, по мере того как выяснялось, что война будет затяжной и трудной, что правительство неспособно справиться с ее эффективным ведением и что царизм не намерен идти на соглашение с либеральным лагерем, мотивы для сохранения внутрикадетского единства отпали. Противоречия между разными «крыльями» партии вновь обострились. Это выявилось на заседаниях ЦК в ноябре и декабре 1914 г. Левые кадеты призывали «занять определенную позицию по поводу безумных выходов» правительства, «снять с себя обвинения со стороны масс» в сговоре с властью [82. Л. 53—74, 105—120]. И опять победила тактическая линия Милюкова.

В январе 1915 г. на совместном заседании ЦК и Петроградского комитета партии «народной свободы» с участием представителей ряда местных комитетов и на заседании ЦК в Москве под председательством Милюкова большинство Центрального комитета и кадетской фракции согласилось с предложением своего лидера воздержаться от гласной критики правительства в Думе и добиваться правительственной декларации о «благожелательном» отношении к «общественности».

Однако «левые» не унимались. Уже на январском совещании в Петрограде провинциальные кадеты вновь предлагали отказаться от поддержки правительства и выдвинуть лозунг политической амнистии. Когда в конце февраля 1915 г. было создано совещание ЦК с представителями местных партийных организаций, на нем звучали резкие выступления о том, что кадетская партия «теряет свою опору», поскольку ее политический курс «настроению общества не отвечает» [88. Л. 1—11, 59, 60, 61]. Все же и тут Милюкову удалось провести резолюцию, в которой хоть и содержалось требование к кадетскому руководству «рассмотреть вопросы партийной деятельности и программы в связи с особенностями настоящего момента», однако в целом тактика думской фракции одобрялась [251. С. 67].

На июньской кадетской конференции 1915 г. левое крыло усилило критику тактического курса ЦК, настаивая на включении в программу ближайших требований партии лозунгов ответственного министерства и всеобщей амнистии, на созыве Думы явочным порядком. Однако в итоге бурных дебатов ЦК, как уже отмечалось выше, добился резолюции, представлявшей ему и фракции свободу в определении дальнейших действий [27. С. 138—143; 8. С. 61].

В знак протеста против такого решения лидер левого течения Н. В. Некрасов 12 июня 1915 г. заявил о своем выходе из состава Центрального комитета партии «народной свободы» в связи с тем, что «пассивное отношение ЦК к событиям, возведенный в культ нейтралитет в отношении правительственной политики и полное преклонение перед западными образцами без учета степени их соответствия нашим условиям» делают невозможным его участие в Центральном комитете. Требования представляемого им в ЦК течения в среде партии «народной свободы» Некрасов сформулировал так: «единение демократических элементов страны, тесная связь партии с национальными группами демократии и активные приемы деятельности в стране и Г. думе» [82. Л. 178—179].

Характерно, однако, что другой лидер левого направления, Д. И. Шаховской, отнеся к поступку Некрасова весьма отрицательно и предложил сам факт его выхода из ЦК признать «благоприятным с партийной точки зрения» [196. С. 213.]. Шаховской вообще, по свидетельству Корнилова, почти всегда поддерживал Милюкова [53. Л. 190 об.]. Все это говорит об отсутствии единства в левом течении, о несовпадении позиций различных его представителей.

Шаховской предложил свою программу ближайших требований партии: добиваться реорганизации правительства (обновления состава, изменения политического курса и перестройки его структуры путем создания ряда новых министерств), переустройства местной власти (смена ряда губернаторов, введение земства на окраинах России, в Сибири и на Кавказе, расширение круга лиц, имевших избирательные права при выбо-

рах земств). Кроме того, в программу были включены требования провести через Думу законодательства о кооперативах, о труде, о профсоюзах и создать ряд комиссий Думы (в том числе по расследованию причин неподготовленности армии к войне) [90. Л. 1].

Как справедливо отмечает В. С. Дякин, предложенная Шаховским программа была слишком радикальна для соглашения с более правыми партиями в Думе и слишком умеренна для ориентации на левые партии [251. С. 85]. А главное, ни ее автор, ни другие члены кадетского руководства не смогли дать вразумительный ответ на поставленный одним из членов ЦК, Н. А. Гредескулом, вопрос, каким образом могут быть осуществлены эти благие пожелания [90. Л. 6].

Тем не менее на заседаниях Московского отдела кадетского ЦК Шаховской вновь и вновь призывал к «демократизации» партии путем вовлечения «более левых элементов, с которыми вообще партии следует сойтись» — мелких ремесленников, городских приказчиков, представителей больничных касс и профессиональных рабочих союзов. «Все теперь волнуется, все кипит, — говорил он, — надо идти в самую гущу жизни». Но с чем идти, под какими лозунгами звать за собой массы? Шаховской формулировал их следующим образом: «Почва, на которой могла бы осуществиться демократизация, — вопрос о дороговизне жизни, мелкая земская единица, кооперация» [82. Л. 192—193]. Однопартийцы Шаховского понимали, что, опираясь на столь убогую платформу, невозможно увлечь за собой трудящиеся массы, настроение которых кадетские лидеры характеризовали как «возбуждение крайне сильное» [63]. Родичев на пленарном заседании ЦК 21 августа говорил: «... вся программа страны теперь: мир или война. . . А так как в этом вопросе имеется наше расхождение с левыми элементами, то от них нам приходится отмежевываться». На несбыточность проектов Шаховского указывал и Шингарев: «Подойти к левым — это значит . . . дать определенную социальную программу и выставить радикальные политические реформы» [Цит. по: 379. С. 108]. Этого кадеты сделать не могли и потому, решая стоявшую перед ними «дилемму: либо идти в блок, либо идти к левым», выбирали путь направо.

Многие провинциальные кадеты хотя и одобряли вхождение кадетской фракции в думский блок, однако при этом поддерживали не ее тактические лозунги, а прогрессистское требование «ответственного министерства». Так, по сообщениям охранки, соответствующие решения приняли в конце июля Калужский и Донской комитеты партии «народной свободы» [69. Л. 5д, 17, 206].

Тем не менее, пока казалось, что Прогрессивный блок имеет реальные шансы на успех, «левые» критики в кадетской среде осторожно помалкивали. Однако как только правительство в ответ на образование блокапустило Думу, их голоса умножились и зазвучали гораздо громче. На кадетской конференции в октябре 1915 г. В. П. Обнинский, А. А. Кизеветтер и другие московские кадеты атаковали политику Милюкова по всем линиям, обвиняя его и Прогрессивный блок в отступлении от принципов либерализма. Они призывали культивировать связи с солдатами, рабочими, крестьянами, искать новых союзников для открытой борьбы с правительством. К концу 1915 г. М. Л. Мандельштам, Н. В. Некрасов и небольшая группа провинциальных кадетов, придя к выводу, что «для реформы

необходима политическая оппозиция, а для эффективной политической оппозиции необходима революционная тактика», начали выступать в пользу активного сотрудничества с социалистическими партиями оборонческого толка в борьбе за переворот «снизу» [8. С. 33—35, 39, 40, 42, 43, 46, 63, 64, 68—70; 19. С. 310—315].

В конце октября открытые протесты против линии Милюкова заявили Самарский и Киевский комитеты партии «народной свободы» [70. Л. 8—10; 71. Л. 33]. В конце декабря 1915 г. костромские кадеты официально осудили принятое кадетской думской фракцией решение ограничиться на предстоящей сессии обсуждением бюджета [70а. Л. 3]. В январе 1916 г. самарские кадеты отказались выполнять директивы ЦК и вступили в тесный альянс с местной меньшевистской организацией [71. Л. 40—41].

Критика в адрес Петроградского отдела ЦК и лично Милюкова громко звучала на VI съезде кадетской партии, открывшемся 18 февраля 1916 г. [См.: 196. С. 221—232; 511. Р. 81—87]. Выступивший на нем левый кадет Мандельштам призывал партию стремиться к расширению своего влияния на земства и города, на армию, «стать ближе к демократии». Он обвинял ЦК и фракцию в чрезмерном увлечении Прогрессивным блоком, который следует рассматривать как «результат разочарования командующих классов» и потому «надо быть осторожным в его использовании». Мандельштам напоминал, что еще на V гельсингфорсском съезде «левое» меньшинство предлагало думской фракции «вести особую линию, не подходя к октябристам, и занять чисто критическую позицию». «Положение страны отчаянное», — констатировал Мандельштам [84. Л. 18 об. — 21].

Вслед за ним на Милюкова и его присных обрушился Некрасов. Критикуя их тактику внутреннего мира, «доведенную почти до абсурда», Некрасов обвинял ЦК в том, что он во все время войны «являлся единоличным хозяином решений, принимавшихся от имени партии». Некрасов призывал, помня о блоке, который явился «блестящим парламентским ходом», не забывать и «демократию». «... Между кадетами и левыми, — говорил он, — прорыта такая глубокая яма, которой, пожалуй, и не засыпать». Между тем, когда кончится война, «расхлебывать ее придется не с теми, с кем партия блокируется сейчас, а с теми, кто за свободу» [84. Л. 41—42].

Мандельштама и Некрасова поддержал ряд провинциальных делегатов. Однако кадетская верхушка встретила критику «снизу» в штыки. Суть отношения Милюкова и его ближайших соратников к выступлениям с мест ярко выразил представитель Костромы С. А. Мошков. «На заявления о наших болях, — сказал он, — нам отвечают: „Вы ничего не понимаете, — это политика!“» [84. Л. 40 об.].

Кадетское руководство напрочь отмело все упреки и обвинения в свой адрес, полностью солидаризировалось с тактическим докладом Милюкова, тон которого, по определению А. Я. Авреха, был «не только до крайности самоуверенным, но просто хвастливым» [196. С. 222]. Член ЦК Д. Д. Протопопов утверждал, например, что докладчик «смотрит на вещи с точки зрения общей государственной перспективы», а верный сподвижник кадетского лидера А. И. Шингарев безапелляционно заявил: «... линия поведения взята правильно, и вряд ли кто может указать у нас хоть одну

тактическую или политическую ошибку». Эта категорическая отповедь была покрыта аплодисментами [84. Л. 30, 36].

Был выбран новый Центральный комитет в количестве 50 человек. 23 из них являлись членами первого ЦК, избранного на учредительном съезде кадетской партии в октябре 1905 г. Итоги выборов [196. С. 247] свидетельствовали о полной поддержке съездом Милюкова и его приверженцев. В своем заключительном слове он констатировал, что «число голосов, полученное основной группой старого ЦК... дает право ей высказать чувство... глубокого нравственного удовлетворения» [84. Л. 52 об.].

Хотя, как отмсчает А. Я. Аврех, несомненным итогом съезда было образование на нем «группы левых», получившей представительство в новом ЦК, это совсем не означало сколько-нибудь серьезного сдвига в политике кадетов или нового соотношения сил в руководстве партии [196. С. 231]. «Сейчас положение в партии такое же, — констатировал Некрасов на пленарном заседании ЦК 30 марта 1916 г., — каким оно было до съезда: Ничего не изменилось» [85. Л. 86].

Что же представляла собой эта группа, или так называемое левое крыло, кадетской партии? Прежде всего оно также не было однородным. Различные его представители руководствовались разными побудительными мотивами и преследовали разные цели.

Выше уже говорилось об умеренно-левой группе московских кадетов (Н. И. Астров, Н. М. Кишкин, Н. Н. Щепкин), принадлежавших к руководству Союза городов и смыкавшихся в вопросах тактики с прогрессистами. Интересна данная в донесении Московского охранного отделения характеристика Н. И. Астрова со слов близко знающих его людей: «... его считают человеком радикальным более на словах, чем на деле, и даже убеждены, что он способен... „поправить“, если достигнет власти, к чему втайне и стремится» [8. С. 54]. Позиция Кишкина и Щепкина в значительно большей мере определялась их принципиальными установками. Несмотря на ряд разногласий с Петроградским отделением ЦК, московские левые кадеты, как правило, воздерживались от резкой критики в его адрес, и усилия их сосредоточивались на «деловой работе» во Всероссийском союзе городов и Московской городской думе.

Одним из значительнейших представителей левого течения являлся князь Д. И. Шаховской. Человек идеи, служивший ей бескорыстно и самоотверженно, он всю жизнь верил в возможность «всеобщего благоденствия», мира и гармонии в классовом обществе и в то, что политика кадетской партии направлена именно на эти цели. Подлинная трагедия Шаховского (и ряда других кадетов подобного склада) заключалась в том, что они с большой душевной искренностью пеклись и радели о «благ» народа, но в том смысле, как сами себе его представляли. Представления же эти на деле были оторваны от реальной действительности, не учитывали настроений трудящихся масс, их классовых интересов и стремлений. Потому и постоянные призывы Шаховского «идти в массы», «шире привлекать низы» носили обычно характер чисто умозрительный, далекий от практического воплощения в жизнь.

Какими лозунгами, какой программой могла партия «народной свободы» увлечь за собой массы? Сугубая ограниченность социальной плат-

формы кадетов заранее обрекала на провал любые их попытки обеспечить себе поддержку широких слоев пролетариата и крестьянства. Программные установки кадетской партии не могли удовлетворить чаяний народных масс потому, что, несмотря на все ее заверения, отстаивали классовые позиции буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Со всей очевидностью это выявилось после Февральской революции.

Лидером «левой оппозиции» против Милюкова и его сторонников выступал обычно Н. В. Некрасов. Избранная им линия определялась не столько глубокими идейными побуждениями, сколько соображениями политической целесообразности. Характерно, что этот «левейший» из кадетов значился в списке министров, составленном окружением Рябушинского, рядом с представителями бюрократических кругов и весьма умеренными октябристами. Видимо, он вполне устраивал составителей списка, знавших цену его «левизны». По этому поводу Милюков удачно подметил на VI съезде, что Некрасов «жестко стелет, а спать довольно мягко» [84. Л. 586.].

Существенное влияние на позицию Некрасова оказывали его личные неприязненные отношения с Милюковым, его честолюбивые устремления, желание играть активную, значительную роль. А. В. Тыркова, рассказывая в дневнике о том, как Некрасов «подстраивал, бегал, собирал голоса и вообще интриговал» на VI съезде, заключает: «Он жаден к почету и неразборчив в средствах» [114. Л. 42].

Уместно также привести характеристику, данную Некрасову в мемуарах В. А. Оболенского. «Под личиной его внешнего добродушия и даже некоторой слащавости чувствовался внутренний холодок и двоедушные алчного карьериста, каковым, как мне кажется, он и был. Чрезвычайно характерна для него двойственная тактика. . . На заседаниях фракции и ЦК. . . постоянно пападая на Милюкова за его умеренность, он в Думе выступал исключительно по деловым вопросам, избегая в своих речах всякой политической заостренности в правую или левую сторону. Это давало ему возможность одновременно слыть умеренным в правых кругах Думы и тайным революционером в левых ее кругах. . . Выдвинув его на высокий политический пост (товарища председателя Государственной думы. — *Н. Д.*), Милюков избавился от беспокойного противника внутри партии, ибо Некрасов, заняв место на председательской трибуне, сразу поправел. Неизвестно, чем кончилась бы карьера Некрасова, если бы не произошла революция. Вероятно, тем или иным способом он достиг бы министерского поста» [137. С. 678]. На наш взгляд, позволительно высказать предположение, что при определенных условиях восхождение Некрасова могло бы пойти по тому же пути, на который встал в сентябре 1916 г. ренегат от либерализма А. Д. Протопопов.

Считая тактику Милюкова и его окружения сухой, доктринерской, обреченной на неуспех, Некрасов искал более гибкие формы, более многообещающие, с его точки зрения, пути. Споря с Милюковым на багете участников городского съезда 12—13 марта 1916 г., он заявил: «Бессмысленно играть с правительством в тонкую дипломатическую игру, а нужно сразу и определенно заявлять свои конечные требования». Некрасов предлагал не ждать, когда правительство сплывет к этим тре-

бованиям, а позаботиться о создании такой организации, которая заставила бы его принять их [8. С. 94—95].

В подобных эскападах был весьма велик элемент политиканства и демагогии. Тем не менее если для Милюкова главным оружием в февральский период оставалось слово, то Некрасов несомненно являлся человеком действия.

Московский адвокат М. Л. Мандельштам был, пожалуй, наиболее последовательным выразителем настроений провинциальных кадетов. Разница этих настроений по сравнению с петроградским руководством определялась прежде всего различием в социальном положении столичной буржуазно-интеллигентской элиты и провинциальной кадетской среды. Столичные зубры, подчеркивая эту разницу в ответ на критические выпады провинциалов, сравнивали их «с путником, покрытым пылью», а себя с «седоком быстро мчащегося автомобиля» [84. Л. 30]. Местные группы партии «народной свободы» были более демократичными по своему составу, а главное, их члены ближе наблюдали условия жизни городского населения России, лучше чувствовали его настроения, больше соприкасались с мелкобуржуазными кругами.

Следует, однако, подчеркнуть, что их критика тактического курса кадетского руководства была хоть и острой, но неконструктивной. Как правило, левые провинциальные кадеты оказывались не в состоянии противопоставить тактическим целям, четко сформулированным Милюковым, какую-либо конкретную программу. Поэтому, несмотря на критический запал выступлений провинциальных делегатов, все кадетские форумы в итоге принимали сторону петроградского руководства *.

Современная буржуазная историография проявляет пристальный интерес к изучению левого течения в партии «народной свободы», причем зачастую преувеличивает (как, например, Розенберг, Пирсон, Хасегава) его силу и влияние на политику кадетов в годы первой мировой войны. Совершенно прав был член кадетского ЦК П. П. Гронский, когда подчеркивал: «Не надо преувеличивать противоречий, существующих между правым и левым течениями в партии. . . Все мы едины в смысле принадлежности к одному общему русскому либеральному течению мысли» [85. Л. 35].

Главную причину слабости кадетской партии в этот период У. Розенберг видит в «амбивалентности» ее политики. Практически, пишет он, проблема выбора союзника (либо рабоче-крестьянские массы, либо царское правительство) так никогда и не была решена кадетской партией. Этот вывод вызывает решительные возражения, заставляя вспомнить меткую ленинскую оценку, данную еще в 1912 г.: «Либерал лавирует между монархией Пуришкевичей и революцией рабочих и крестьян, предавая вторую во *всякий* серьезный момент» [1. Т. 21. С. 248]. О дальнейшей эволюции кадетов уже говорилось выше.

* Для оценки степени популярности левых настроений в кадетской среде интересны результаты баллотировки кандидатуры М. Л. Мандельштама в состав ЦК. При первом голосовании он получил 42 голоса (чуть больше одной трети всех голосов), а на проведенных в конце съезда дополнительных выборах — всего 4 голоса.

Столь же неприемлема разделяемая Розенбергом точка зрения многих кадетов, «высказанная ими по осмыслении своего прошлого уже в эмиграции», о том, что обстановка России требовала от них либо «постоянного консерватизма с соответственным решением добиваться реформ, только став уже частью установленного бюрократического порядка» [522. Р. 163], либо движения влево и тактики, направленной на защиту требований масс (сам Розенберг склоняется в пользу последнего варианта). Подобная точка зрения совершенно игнорирует объективную расстановку классовых и политических сил в России в эпоху буржуазно-демократических революций. Кадетская партия была не в состоянии выступить в качестве апологета интересов трудящихся масс, поскольку эти интересы в корне противоречили классовым целям буржуазно-либерального лагеря, который она представляла на политической арене. Да и сам Розенберг в своей более поздней работе пишет о том, что в 1917 г. завоевать на свою сторону народные массы можно было только путем радикального решения аграрного вопроса, но на это либералы пойти не могли [524. Р. 415].

Отсюда и вытекала практическая несостоятельность левого крыла партии «народной свободы». Она обуславливалась не только абстрактностью и нежизненностью его установок. Главное было в другом: равнение налево, радикализация тактики, за которые ратовали Шаховской, Некрасов, Мандельштам, в перспективе неизбежно вели в революционно-демократический лагерь. А здесь возникали уже не тактические, не программно-идеологические, а по сути своей классовые противоречия между кадетизмом и социализмом, нейтрализовать которые было невозможно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАКАНУНЕ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

К осени 1916 г. положение на фронтах еще больше ухудшилось, внутриполитические условия в стране продолжали усложняться, а надежд на реализацию программы Прогрессивного блока — доведения войны до победного конца и предотвращения революции либеральными реформами — становилось все меньше и меньше.

Росло и ширилось революционное движение среди рабочего класса, в деревне, в армии и на флоте, в национальных районах. В авангарде выступал петроградский пролетариат. 17—20 октября, а затем 26—29 октября в столице под руководством большевиков были проведены политические стачки рабочих против войны, против расправы с революционными матросами. Активность пролетариата вызывала у кадетов серьезное беспокойство. 24 октября Шингарев на заседании бюро Прогрессивного блока так характеризовал сложившуюся в России ситуацию: «Сгустить краски гуще того, что есть, невозможно. Внутри страны голодовка. Город накануне невозможности достать хлеба. Рабочие вот-вот вырвутся на улицу» [26. С. 104].

23—24 октября, сразу после петроградской антивоенной стачки, состоялась конференция кадетской партии. По сообщению охранки, она явственно обнаружила «непомерный страх перед революцией», уверенность кадетов в неизбежности «анархического характера народного движения» [76. Л. 88—89]. Участники конференции подчеркивали необходимость срочных мер для борьбы с революционной опасностью. Провинциальные делегаты обвиняли Милюкова в том, что заграничные вояжи мешают ему следить за настроением русского общества, в глазах которого его «уклончивая, дипломатическая тактика заигрывания с правительством» подрывает престиж партии. Товарищ председателя ЦК партии «народной свободы» князь П. Д. Долгоруков, докладывая об итогах конференции на расширенном заседании Московского комитета кадетской партии, констатировал: «Конференция показала, что левое крыло партии все более усиливается, и нападки этого крыла на ЦК партии приобретают все более несдержанный характер» [76. Л. 89].

Левые кадеты вновь настаивали на том, что единственное средство не допустить анархии — искать пути к массам, активно действовать не только в Думе, но и вне ее, выступать в союзе с мелкобуржуазными партиями, занимавшими оборонческие позиции. Московский отдел ЦК партии «народной свободы» накануне конференции 20 октября вынес резолюцию о необходимости добиваться от блока вотума недоверия новому ставленнику Распутина премьер-министру Штюрмеру и принятия формулы «ответственного министерства». В случае отказа блока от «более решительной тактики» московские кадеты предлагали фракции выступить самостоятельно [251. С. 237].

Однако, как подчеркивал Долгоруков, «после длительной и страстной борьбы» лидеру кадетов в конце концов «удалось, как и всегда, победить своих противников и повести их за собою». Принятая конференцией компромиссная резолюция была рассчитана на соглашение с царизмом на основе программы блока. Вместо лозунга «ответственного министерства» в резолюции фигурировала формула правительства из лиц, «опирающихся в своей деятельности на большинство Государственной думы и проводящих ее программу». По существу, это было лишь несколько отредактированное прежнее требование министерства «общественного доверия». В резолюции присутствовало и упоминание о необходимости поддерживать связи с «организациями демократических элементов страны» в целях противодействия «общей опасности» (т. е. революции), но при условии их отказа от нелегальных действий.

Успех Милюкова в выработке приемлемого для конференции компромисса был достигнут благодаря внушенной им делегатам надежде на то, что верховная власть, наконец, опомнится и устранил правительство Штюрмера.

Требование отставки Штюрмера было положено в основу тактики ближайших действий, предложенной кадетами Прогрессивному блоку, и проекта декларации блока, выработанной Милюковым и Шульгиным*.

* Поскольку в проекте отсутствовал лозунг «ответственного министерства», часть отстаивавшей его фракции прогрессистов во главе с Ефремовым заявила о своем выходе из блока. Однако и после этого прогрессисты, по справедливому наблю-

Такова была предыстория знаменитой речи Милюкова «Глупость или измена», в которой он на заседании Думы 1 ноября 1916 г. подверг резкой критике военную и хозяйственную политику царского правительства. Об этой речи столько написано, что нет смысла останавливаться на ней подробно. Однако хотелось бы обратить внимание на два документа, предшествовавшие ее произнесению. 23 октября 1916 г. начальник Московской охраны отправил в Петроград, директору департамента полиции, следующее донесение: «Отношение народных масс к Государственной думе в последнее время претерпело серьезное изменение. Деятельность Гос. думы в минувшую сессию сильно разочаровала массы... На низах Гос. думу обвиняют... в сознательном нежелании прийти на помощь народным массам... Резкие упреки посылаются не только октябристам, но и кадетам. Последнее обстоятельство сильно смущает к. д., и в предстоящей сессии они приложат все усилия, чтобы продемонстрировать перед массами, что они являются защитниками народных интересов» [8. С. 71].

А за день до этого, 22 октября, по тому же маршруту, из Москвы в Петроград, последовало другое послание — пространное письмо Милюкову от одного из наиболее проникательных кадетских лидеров, преподавателя Московского университета Ф. Ф. Кокошкина (роль которого в формировании политической линии кадетов, на наш взгляд, недооценивается исследователями). «Правительство Штюмерера и Протопопова, — писал Кокошкин, — привело страну к такому хаосу и такой всеми ясно сознаваемой опасности, что решительное выступление Думы против него безусловно необходимо. Иначе авторитет Думы рухнет бесповоротно. Раньше инициативу брали союзы, теперь же по всем обстоятельствам момента она лежит на Думе». Кокошкин рекомендовал «не спорить с министерством, а выразить негодование страны, ее тревогу и всеобщее убеждение, что министерство Штюмерера и вообще всякое бюрократическое министерство сейчас у власти стоять не может». «Если блок не пойдет на решительное выступление, — говорилось в письме, — то наша фракция должна выступить от блока».

«Я думаю, — продолжал Кокошкин, — что в Думе должно быть произнесено несколько сильных речей с беспощадной критикой общего хода управления, после чего Дума должна выразить недоверие правительству... Выражение недоверия... будет приступом к практическому осуществлению идеи ответственности министров... Я думаю, нам при постановке этого вопроса было бы лучше всего предложить свою формулу, в которой соединялись бы идея общественного доверия и идея ответственности — общественность и ответственность».

«Мне кажется, — подчеркивал Кокошкин, — одной из важнейших причин неудачи общественного движения, стремившегося к министерству общественного доверия, было отсутствие согласования между различными группами и главным образом между думскими кругами, с одной стороны, и общественными организациями — с другой. Такое согласование и сейчас является важнейшим условием успеха. А так как

дению А. Я. Авреха, фактически продолжали идти вместе с блоком, пытаясь координировать свои выступления с его руководством [196. С. 114].

среди думских лидеров первое место принадлежит Вам, а среди руководителей союзов — кн. Львову, то практически дело сводится главным образом к реальному согласованию и постоянному контакту между Вами обоими. Не знаю, имели ли Вы когда-нибудь с кн. Львовым беседы с глазу на глаз, но, с моей личной точки зрения, такие беседы были бы чрезвычайно важны, особенно теперь» [108. Л. 1—6].

Неизвестно, где и когда состоялась такая встреча. Но вот что читаем у Мельгунова: «Из источников достоверных я знаю о попытке настойчивого непосредственного воздействия на Милюкова со стороны кн. Львова. И два основных тезиса Милюкова о невозможности иметь дело с властью и об измене заимствованы из письма Львова». Мельгунов сообщает, что в этом письме, в частности, говорилось: «Мучительные, страшные подозрения, зловещие слухи о предательстве и измене, о тайных силах, работающих в пользу Германии... перешли в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел» [308. С. 78].

Письмо, о котором идет речь, — это отправленное 29 октября на имя председателя Государственной думы М. В. Родзянко и полученное им 1 ноября обращение от Земского союза за подписью князя Львова. Аналогичным было одновременное обращение от Союза городов за подписью Челнокова. Оба обращения были призваны подкрепить выступление лидера партии «народной свободы».

Таким образом, самая решительная акция буржуазной оппозиции была согласована и совместно подготовлена руководителями Прогрессивного блока и союзов.

«... Когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, — писал В. И. Ленин, — то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д.» [1. Т. 17. С. 280]. Выступление Милюкова в Думе 1 ноября 1916 г. являлось, пожалуй, наиболее острым и откровенным проявлением конфликта либеральной буржуазии с царизмом.

«Я была на этом заседании, — вспоминала А. В. Тыркова. — Я хорошо помню, какое острое волнение она (речь Милюкова. — Н. Д.) вызвала в слушателях... Трудно передать настроение, охватившее не только депутатов, но и журналистов и публику» [208. С. 118].

Хотя цензура наложила запрет на опубликование речи, текст ее получил широкое распространение — из уст в уста, через миллионы машинописных копий и отпечатанные кадетами в Петрограде типографские оттиски [355. С. 45—47]. 3 ноября Шульгин записал, что речь Милюкова «уже стала знаменитой», причем «в особенности потому, что она запрещена цензурой» [389. С. 85]. А еще через две недели, 19 ноября, Петроградское охранное отделение отмечало: «Кадеты достигли в последнее время невероятного политического влияния», а их лидер «стал подлинным героем дня» [86. Л. 169]. 10 января 1917 г. Милюков получил уведомление о том, что Штюрмер обратился в Совет министров «на предмет возбуждения против него уголовного преследования за клевету в речи 1 ноября 1916 г.» [79. Л. 1].

Связанный с именем Милюкова ажиотаж вызвал острое раздражение в черносотенном лагере. Ходили слухи о готовящемся покушении на лидера кадетов, в его квартире непрерывно звонил телефон: неизвестные лица осведомлялись, жив ли он еще. На всякий случай Милюков передвигался по городу только в автомобиле, под охраной наиболее крепких физически однопартийцев [355. С. 94—95].

В первые месяцы после Февраля, когда буржуазия, захватившая бразды правления, пыталась оправдать этот захват и изобразить себя главной движущей силой свержения монархии, кадеты во весь голос кричали о том, что именно на шумевшая речь Милюкова послужила сигналом к революции. Впоследствии сами авторы этой легенды от нее откристились. На самом деле эффектный демарш Милюкова преследовал все ту же тактическую цель Прогрессивного блока: добиться замены правительства. Обращения Львова и Челнокова также призывали к «созданию, наконец, такого правительства, которое, в единении с народом, поведет страну к победе» [311. С. 276—277].

В Думе в поддержку Милюкова (как рекомендовал в своем письме Кокошкин) выступили Маклаков и Шульгин. Последний открыто разъяснил мотивы тактики Прогрессивного блока. Если блокисты сейчас выступают с резким осуждением этой власти, сказал он, если они поднимают против нее знамя борьбы, то только потому, что это «единственный способ предотвратить... анархию и безвластие». Маклаков, как бы в продолжение этой мысли, призывал правящий режим «не бояться тех, кто его может спасти», помнить, что Дума «может стать в будущем единственной опорой власти, единственным оплотом порядка» [15. Стб. 71, 135].

Поначалу казалось, что призывы услышаны: был уволен в отставку Штюрмер. На заседании Московского комитета партии «народной свободы» эта акция объявлялась «громадной победой общественных сил, первой победой, за которой должна последовать „полная капитуляция“ правительства» [75. Л. 32]. Даже назначение министра путей сообщения А. Ф. Трепова на пост премьера не нарушило оптимистических настроений, так как он, по словам Милюкова, «считался кандидатом либеральным, и давно шло к тому, чтобы выдвинуть его в такой момент, когда можно сговориться с Думой...» [30. Т. 6. С. 348].

Как сообщала охранка, кадеты «до последнего момента, до самого отъезда Трепова в ставку» (для утверждения проекта смены правительства) «не теряли надежды, что так или иначе они примут участие в формировании нового кабинета» [75. Л. 36]. Но здесь их постигло полное разочарование. Среди членов треповского кабинета не оказалось ни одного представителя «общественности».

Вновь приходилось решать вопрос о тактике по отношению к правительству. Позвонив по междугородному телефону Н. М. Кишкину, Милюков просил его «тщательнейшим образом» выяснить мнение по этому поводу «различных кругов московского общества... в особенности же отношение земских и городских думских сфер» [75. Л. 32].

Вопрос был поставлен на обсуждение в Московском комитете партии «народной свободы». Хотя Кишкин запальчиво предлагал «начать решительно действовать, не останавливаясь перед парламентским бойкотом бюрократического министерского кабинета», А. А. Кизеветтер предложил

воздержаться от подобного решения, ограничившись тем, что «к. д. должны ясно и определенно подчеркивать свою принципиальную позицию в смысле борьбы за ответственное министерство». Кишкину было поручено «именно в такой формулировке передать Милюкову ответ Московского комитета» [75. Л. 32 об.—33 об.].

Аналогичным было решение думской кадетской фракции. По сообщению охранки, на ее заседании 13 ноября Маклаков и Шингарев призывали «не поддаваться демагогии левых» и «отказаться от мысли о возможности парламентского бойкота кабинета Трепова». В результате была принята тактическая формула: «деловая работа для удовлетворения в первую очередь продовольственного вопроса» [75. Л. 36 об.].

Еще более осторожную тактику предлагали кадетам их соседи справа по Прогрессивному блоку на заседаниях его бюро, состоявшихся 11, 16 и 18 ноября — накануне возобновления сессии Думы [355. С. 70—71, 75—77]. Поэтому Милюков, выступая 22 ноября с думской трибуны и обличая правительство за его неспособность справиться с продовольственным кризисом, тут же заверял: «Бойкота и обструкции мы не объявляли и не объявим; кто понимал нас в этом отношении неверно, тот [теперь] должен понять нас правильно» [14. Стб. 338].

Однако земский и городской союзы, военно-промышленные комитеты и другие общественные организации не снижали активности. Московские кадеты настаивали на том, чтобы руководство партии обеспечило единство действий на всем «фронте внутренней борьбы». Наша партия, подчеркивал Кokoшкин в письме Милюкову от 18 декабря 1916 г., «играет руководящую роль и в Думе и в общественных организациях... Необходимо... принять все меры, чтобы линии поведения, хотя бы и не совсем одинаковые, были согласованы и подчинены одному общему плану. Эту задачу должен выполнить наш ЦК. Он может и должен сделаться связующим звеном между думской и внедумской политикой... Нужно сделать его реальным центром широкой информации и планомерной координации действий... наметить общий план тактики как думской, так и внедумской» [108. Л. 46—47 об.].

«Тревога и раздражение в стране усиливаются, — писал Кokoшкин Милюкову в другом письме, — и если они не найдут соответствующего выражения через Думу, то волна раздражения может направиться против Думы, уничтожив моральные результаты, достигнутые блестящими ноябрьскими выступлениями» [108. Л. 44]. Письмо было написано 13 декабря — в день заседания Московского отдела ЦК кадетской партии, обсуждавшего «вопрос о том, как согласно положению политического момента нужно действовать ЦК и Г[осударственной] Д[уме]». Пришли к мнению, что если Дума разойдется, «не сказавши еще раз всего правительству в более широком размахе, то на страну и на Москву это произведет самое тягостное впечатление» [64. Л. 6/н].

Эту задачу пытался выполнить Милюков в своей речи в Думе 14 декабря. Подчеркивая, что на пороге более грозная революция, чем в 1905 г., он утверждал, что только «думское большинство и общественность» могут ее предотвратить. И в такой-то момент, возглашал лидер кадетов, «кучка слепцов и безумцев пытается остановить течение могучего потока, который мы в дружных совместных усилиях со страной хотим ввести в закон-

ное русло». Термином «кучка» Милюков обозначал «синдикат Распутина и К⁰, который в настоящее время выступает с такой откровенностью и такой наглостью, как никогда не выступал прежде» [15. Стб. 1173, 1179].

В своих мемуарах Милюков писал, что закончить эту речь ему «пришлось намеком, который был понят на следующий день». Он говорил, что «воздух наполнен электричеством и что неизвестно, куда падет удар» [311. 279.]. На следующий день был убит Распутин.

Участвовала ли в этом убийстве кадетская партия? А. Г. Слонимский категорически утверждает, что лидеры кадетов дали на него «политическую санкцию» и «в какой-то мере способствовали его совершению». Говоря о возможности установить степень участия Прогрессивного блока в устранении «старца», Слонимский, однако, в дальнейшем изложении упоминает лишь одного блокиста — В. А. Маклакова, но зато приписывает ему роль инспириатора и негласного пособника убийства Распутина [355. С. 118—120].

Такой же точки зрения придерживается О. Ф. Соловьев, который считает, что имеющиеся свидетельства позволяют неоспоримо установить первостепенную роль Маклакова в числе вдохновителей убийства [358. С. 165].

Все эти утверждения представляются необоснованными. Из мемуаров главного организатора всего предприятия князя Ф. Ф. Юсупова и дополнений к ним Маклакова определенно следует, что обращался Юсупов к Маклакову по собственной инициативе, притом не как к представителю Прогрессивного блока и члену руководства кадетской партии, а как к одному из лучших думских ораторов, которые «так горячо говорили против старца». При первой встрече Маклаков отнесся к плану Юсупова с колебанием и недоверием, и тот после непродолжительной беседы «убедился, что иметь дело с ним не стоит». При новом свидании через некоторое время Маклаков выразил, по словам Юсупова, «полное одобрение всему нами задуманному», дал два профессионально адвокатских совета, но принять участие в деле отказался. На прощание пожелал Юсупову, посвятившему его во все подробности заговора, успеха и «на всякий случай» подарил резиновую палку. Об этом разговоре Маклаков в сугубо частном порядке рассказал Милюкову [391. С. 122, 123, 128; 301. С. 271], что, видимо, и послужило основанием для «намёка» в речи 14 декабря.

Когда другой участник убийства, В. М. Пуришкевич, предложил Маклакову принять «более тесное участие в нашем деле», тот после продолжительного молчания заявил, что едва ли он может быть полезен в самой ликвидации Распутина, но что, если заговорщики попадутся, он охотно выступит их защитником на суде. «Прозондировав у меня приблизительный день, когда мы должны осуществить намеченное, — пишет Пуришкевич, — он как-то радостно объявил мне, что даже независимо от своей воли лишен возможности стать более тесным соучастником нашим, ибо к этому времени должен выехать в Москву». Вместе с тем Маклаков «горячо просил» Пуришкевича, если дело удастся, послать ему немедленно в Москву срочную телеграмму, из которой он поймет, что Распутин уже не существует и что Россия сможет вздохнуть свободно. «Типичный кадет, подумал я» — так Пуришкевич заключает свой рассказ о переговорах с Маклаковым [339. С. 29—30].

Наконец можно привести свидетельства и самого Маклакова. «Когда я взялся за предисловие к «Материалам Чрезвычайной Следственной Комиссии», — подчеркивал он в 1924 г. в письме к М. М. Винаверу, — я делал это... не затем, чтобы знакомить [читателя. — *Н. Д.*] с Пуришкевичем, а чтобы снять с себя подозрение, что я вместе с ним убивал Распутина» [150; 505]. В специально посвященной этому сюжету статье Маклаков писал об убийстве Распутина: «Я не мог ему помешать, но и не хотел помогать» [301. С. 269].

Вот и все имеющиеся факты. На таком зыбком фундаменте А. Г. Слонимский строит принципиально важные заключения о том, что «причастность либералов к убийству Распутина была проявлением усилившегося тяготения Прогрессивного блока к совместным действиям с политическими силами, правее его стоящими», что «они, как политики, не имевшие возможности опереться на массы, попытались разрядить грозную обстановку устранением личности, которая ее усугубляла» [355. С. 127].

На наш взгляд, тактика лидеров Прогрессивного блока и кадетской партии накануне Февраля была как раз противоположной. Они стремились держаться в рамках строгой законности. Все чаще раздававшиеся требования к Государственной думе, «не довольствуясь речами, совершить какое-то дело, какое-то необычное и особенное действие их смущали». «Наше слово, — заявлял Милюков с думской трибуны, — есть наше дело. Слова и вотум суть пока наше единственное оружие» [15. Стб. 1343].

Здесь мы подходим к вопросу о заговоре с целью дворцового переворота. В состав заговорщиков некоторые историки включают и кадетскую партию, причем иногда даже, с легкой руки М. Н. Покровского, изображают ее «мозгом формировавшегося заговора буржуазии» [336. С. 179].

На основе заговора о дворцовом перевороте, пишет В. В. Комин, «окончательно сформировался союз кадетов с правыми партиями, с октябристами и даже националистами, направленный против революции». Без ссылки на источник он утверждает, что «кадеты приняли решение об осуществлении заговора против революции путем государственного переворота» [287. С. 61, 65]. Причастность Милюкова к дворцовому заговору подчеркивается в двухтомнике «Октябрьское вооруженное восстание» [327. Т. 2. С. 63]. «Призрак насилия стоял и перед кадетскими глазами, — пишет В. И. Старцев. — Он манил легкостью и быстротой исполнения тех желаний, которые оставались неудовлетворенными в течение многих лет бесплодной борьбы» [364. С. 225]. По мнению А. Я. Авреха, идея дворцового переворота становится буквально «идеей фикс» вообще всего контрреволюционного лагеря [196. С. 146].

Решительным поборником версии об активной роли кадетского руководства в заговоре выступил А. Г. Слонимский. Он отвергает многочисленные свидетельства Милюкова, противоречащие этой версии, объясняя их тем, что лидер кадетов якобы не желал фигурировать в качестве инспитатора заговора, так как «до Февральской революции ему это представлялось небезопасным, а после революции — не коммюфотным для деятеля типа европейского парламентария, которым он всегда стремился быть» [355. С. 146]. Заметим, однако, что эти соображения не могли оказывать влияния на действительно помышлявших о заговоре А. И. Гучкова,

М. И. Терещенко, а между тем они также ни словом не упомянули об «инспирированной» роли кадетского руководства.

А. Г. Слонимский строит свою версию на одной лишь цитате Милюкова: «Тот переворот запоздал, случайно ли или благодаря вялости, нерешительности, неприспособленности и, быть может, чрезмерной лояльности заговорщиков. Нас обвиняли в устройстве революции, далекие от революции люди потом обвиняли в обратном: в том, что мы не были решительнее и не устроили революцию вовремя. Надо признаться, мы были неопытные революционеры и плохие заговорщики» [440. 1921. 12 марта].

Комментируя это милюковское высказывание, А. Г. Слонимский заключает: «Представляется, что так не мог писать человек, деятельность которого в этом отношении ограничивалась только обсуждением вопросов организации власти „на случай“ переворота» [355. С. 146]. А почему, собственно, не мог? Ведь если, следуя подобной логике, вывести отсюда доказательство активной роли Милюкова в заговоре, то нужно будет признать и его активную роль в подготовке Февральской революции, на что наверняка А. Г. Слонимский не согласится.

На наш взгляд, совершенно справедлива точка зрения Э. Н. Бурджалова, В. С. Дякина, В. Я. Лаврычева, Е. Д. Черменского, А. Я. Авреха и других исследователей, согласно которой планы заговорщиков не вышли из зачаточного состояния, что переворотом больше грозили, чем готовились к нему, стремясь запугать царя и таким образом вынудить его пойти на уступки. Тем более нет никаких оснований говорить о руководящем участии в подготовке «дворцовой революции» кадетской партии как политической организации.

Еще в 1915 г., подчеркивает В. С. Дякин, когда только зародилась мысль о перевороте как о возможном выходе из положения, кадеты выступали против такого пути. Ф. Ф. Кокошкин на заседании ЦК при упоминании о «смене династии» заявил, что «это должно произойти помимо нас» [251. С. 298]. А. И. Шингарев на заседании бюро Прогрессивного блока 25 октября 1915 г. говорил, что революция, так же как и дворцовый переворот, «невозможны или делаются другими» [24. С. 146].

Этот вопрос прозвучал и на заседании кадетского ЦК 26 апреля 1916 г. В ответ на предложение Н. М. Кишкина перейти к более активной тактике борьбы секретарь ЦК А. А. Корнилов заявил, что с этим предложением согласиться нельзя, так как «из него вытекали бы такие практические выводы, которые сводились бы к заговорщицкой деятельности и которые не подлежали бы даже рассмотрению в ЦК кадетской партии. Все внутренние переговоры во время войны были бы только водой на мельницу Вильгельма» [85. Л. 69].

22 декабря 1916 г. Ф. Ф. Кокошкин писал И. И. Петрункевичу из Москвы в Гаспру: «Весь ход событий был бы другой, если бы у нас вместо правительства не было одной сплошной гниющей дыры... Гнойник стал невыносим для людей, ближе всех к нему стоящих. Думаю, что одним сюрпризом (убийством Распутина. — *Н. Д.*) дело не ограничится; за ним последуют другие» [148]. Однако к этим «сюрпризам» кадетское руководство относилось весьма сдержанно.

В составленных в начале января 1917 г. тезисах доклада по текущему моменту П. Д. Долгоруков подчеркивал: «Если государь не вступит добро-

вольно на путь ответственного министерства, то нам грозит опасность дворцового переворота». Подобный переворот «не только не желателен, а скорее губителен для России», так как «среди Романовых нет никого, кто смог бы заменить государя» [8. С. 164].

Однако поскольку толки о «дворцовой революции» были у всех на устах и она могла произойти неожиданно, следовало определить свое отношение к ней. Вопрос был поставлен Милюковым на обсуждение «в среде членов блока». «Всем было ясно, — пишет он, — что устраивать этот переворот — не дело Государственной думы». Но какова должна быть линия поведения блокистов, если переворот все же будет устроен помимо них? Свою задачу они видели в том, чтобы использовать предстоящий *сюр д'этан* для утверждения в России конституционной монархии. Наиболее реальным путем к этой цели представлялось возведение на трон царевича Алексея при регентстве брата царя Михаила Александровича. «Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией для перехода к конституционному строю» [311. С. 284].

Поэтому главной заботой кадетских политиков было соблюсти законность и преемственность передачи власти; в своде законов они отыскивали «закон, предусматривающий отстранение верховной власти, и статью, в которой говорится о регентстве, его правах и составе» [440. 1936. 9 сент.]. Результаты этих разысканий Милюков сообщил участникам тайного совещания, проведенного в сентябре 1916 г. на квартире М. М. Федорова.

На основании опубликованного в 1936 г. в «Последних новостях» рассказа Гучкова о сентябрьском совещании А. Г. Слонимский делает далеко идущий вывод. По его мнению, идея дворцового переворота была инспирирована кадетами, и в частности Милюковым. Слонимский подчеркивает, что инициатива тайной встречи думских деятелей с председателем Центрального Военно-промышленного комитета и его заместителем исходила от лидера кадетов, который выступил с этой инициативой вскоре после возвращения из-за границы, где он получил от Ллойд Джорджа заверения о поддержке английским правительством русских либералов в борьбе с «темными силами». Из организации этого совещания, пишет Слонимский, следует, что Гучкову и Терещенко «полагалось... взять на себя задачу подготовки переворота». Более того, автор уверяет, что замысел поручить им такую задачу «принадлежал скорее всего Милюкову» и «основывался на хорошем знании психологии Гучкова» [355. С. 132, 134].

Данная гипотеза не подкреплена никакими аргументами. В воспоминаниях Гучкова нет ни намека на этот счет, а сам Милюков высказался в своих мемуарах весьма недвусмысленно: «В планах Гучкова зрела идея дворцового переворота, но что собственно он сделал для осуществления этой идеи и в чем переворот будет состоять, никому не было известно». На упоминавшемся выше совещании у Федорова Гучков «таинственно молчал, и это молчание принималось за доказательство его участия в предстоящем перевороте» [311. С. 284—285].

Следует напомнить и свидетельство третьего участника сентябрьской встречи, А. Ф. Керенского. Вот как он описывает позицию, занятую в ней лидером кадетов: «Блок не должен принимать участие в восстании, но подождать его результата: или власть вовремя опомнится и поручит

блоку организовать правительство, или революция победит и победители, не искушенные в государственном управлении, попросят блок организовать правительство от их имени». Возражая Милюкову, Гучков предложил блоку взять инициативу в свои руки, «заменяв теперешнего правителя собственными усилиями». Никакого решения по этому поводу принято не было, и собравшиеся перешли к спорам о составе нового правительства на случай необходимости [496. Р. 149]. Сообщение Керенского перекликается с рассказом М. И. Терещенко. По его словам, Милюков (видимо, на том же совещании) доказывал, что «серьезные политические деятели должны стоять в стороне от переворота и ждать, пока все устроится, и только тогда принять власть» [408. 2 сент.]. Сам Милюков вспоминает: «Мы ушли без полной уверенности, что переворот состоится, но с твердым решением в случае, если он состоится, взять на себя устройство перехода власти к наследнику и к регенту» [311. С. 285]. Кстати, Р. Пирсон подвергает серьезному сомнению принятие даже такого решения. По его мнению, Милюков *post factum* «пытался создать впечатление, что планы перехода к заменяющему самодержавие регентству были официально сформулированы до свершения Февральской революции» [512. Р. 139].

Итак, описание совещания у Федорова четырьмя его участниками не содержит никаких подкреплений предложенной Слонимским версии об участии Милюкова и кадетской партии в «заговоре Гучкова», а тем паче об их инспирированной роли в нем.

Позиция кадетского руководства по этому вопросу изложена в мемуарах В. А. Оболенского. «Серьезные политические деятели, — подчеркивал он, — хотя бы и сочувственно относившиеся к мысли о дворцовом перевороте, не могли, не участвуя в его подготовке, вводить его в свои политические расчеты. Заговор мог удался и не удался, а пока прежняя власть продолжала существовать, нужно было действовать, считаясь с ее существованием» [137. Л. 133].

На состоявшемся в 1929 г. чествовании Милюкова в связи с его 70-летием говорилось об упреках, предъявлявшихся Гучковым ему и «руководившимся им общественным кругам» в связи с тем, что «они не сознали необходимости насильственного революционного (т. е. дворцового. — *Н. Д.*) переворота и не взяли его в свои руки, тем самым предоставив выполнение этой болезненной операции слепым стихийным силам». «Верно, — подчеркивалось на этом заседании, — что до последней минуты Милюков боролся за предотвращение элементов переворота» [317. С. 117].

Сам Милюков совершенно определенно заявил в письме к Петрункевичу, написанном через два года после февральских событий, что «дворцовую революцию» готовил не он, но «некоторые из наших» [152]. В литературе упоминаются два кадетских деятеля в качестве участников заговора: Шингарев и Некрасов.

Нам, как и В. С. Дякину [25. С. 303], представляется сомнительной активная роль Шингарева в заговоре. Вспомним его высказывание по этому поводу в 1915 г. И в начале января 1917 г. на совещании в квартире М. В. Родзянко, где генерал Крымов говорил о необходимости переворота, Шингарев спросил: «Но кто на него решится?» [344. С. 158]. Важно также

учесть, что он едва ли стал бы вести активную линию, идущую вразрез с мнением Милюкова. В. А. Оболенский подчеркивал в своих мемуарах: «Милюков мог быть всегда уверен в поддержке Шингарева, который никогда почти не расходился с ним во мнениях. В кадетской фракции Милюкова в шутку называли „папой“, а Шингарева — „мамой“. Названия — чрезвычайно меткие» [137. С. 621].

Что же касается Н. В. Некрасова, то он действительно был одним из наиболее рьяных «заговорщиков», что подтверждается многими свидетельствами. Однако отождествлять его заговорщическую деятельность с позицией кадетского руководства было бы, на наш взгляд, в корне неверно. Как мы видели, между Некрасовым и большинством кадетских лидеров имелись серьезные разногласия. Острый антагонизм существовал между ним и Милюковым [137. С. 618; 115. Л. 2—2 об.].

Действия Некрасова, связанные с заговором, определялись не партийной принадлежностью, а его личными контактами с другими лидерами буржуазии, укрепившимися на почве их принадлежности к масонской организации.

Проблема масонства в предфевральской России, активно обсуждающаяся в последние годы в буржуазной историографии, рассматривается в работах ряда советских историков [320; 379. С. 8—9; 363. С. 205—207; 361. С. 121—123; 294. С. 122—127; 358. С. 199—202 и др.]. Не касаясь ее в целом, обратимся лишь к вопросу о причастности к масонству кадетов. По утверждению некоторых зарубежных историков, кадетская партия составляла основу российского масонства, имея к концу 1913 г. наибольшее представительство в масонских ложах [492. Р. 68]. Однако, если суммировать сведения, содержащиеся во всей литературе о российском масонстве применительно к периоду 1914—1917 гг., то число упоминаемых кадетов-масонов не достигнет и 20 человек. Это В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, Л. А. Велихов, С. А. Котляревский, А. В. Тыркова, Л. В. Писаржевский, Н. В. Некрасов, В. А. Оболенский, Д. И. Шаховской, А. М. Колюбакин, В. А. Степанов, Н. К. Волков, И. П. Демидов, Д. Н. Григорович-Барский, Н. П. Василенко, Ф. Р. Штейнгель.

Последние 10 человек — это левые кадеты, ратовавшие за более радикальный тактический курс, за объединение демократических сил и искавшие в масонстве возможность осуществления своих планов. Однако дальше таинственных сборищ, обетов молчания и нереальных прожектов дело, видимо, не пошло. О практической беспомощности масонской организации говорит хотя бы тот факт, что членом высшего масонского органа, «Верховного совета», являлся князь В. А. Оболенский — благодушный либерал маниловского толка, фигура в политическом и организационном отношении на удивление бесцветная.

Более энергичные деятели пытались активно действовать в различных направлениях, вкладывая — что очень важно подчеркнуть — свое собственное понимание в сущность масонства. Так, Некрасов и на съездах союзное земств и городов, и в частных беседах ратовал за необходимость покрыть всю Россию «всероссийскими союзами» — рабочих, промышленников, крестьян и т. д., чтобы создать единую мощную организацию, «как бы штаб всех общественных сил России», которая могла бы заставить правительство принять общественные требования [8. С. 94—95; 308.

С. 171]. Он рассчитывал использовать для этого масонские связи. А впоследствии, в 30-х годах, эти фантастические планы выдавались за действительность, и речь шла о существовавшем якобы в России «народном фронте», центром которого являлась масонская организация [393. С. 231].

Д. И. Шаховской, постоянный инициатор разного рода межпартийных демократических объединений *, ставил знак равенства между масонством и кооперацией. В этом он видел своеобразие масонства в России, его отличие от франкмасонства. В письме к своему близкому другу, секретарю кадетского ЦК А. А. Корнилову Шаховской сообщал, что им написана «сокровенная философия кооперации, т. е. русского масонства» [120. Л. 80 об.]. В своем воображении он рисовал совершенно утопическую картину расцвета кооперации в России. А. В. Тыркова записала в дневнике, как он «вдруг загорелся, заговорив о кооперации, и внезапно из-за земца-конституционалиста встал анархист-мечтатель». Она приводит слова Шаховского: «Кооперация есть путь к свободной самодеятельности... Без принуждения, повинаясь свободному желанию, люди собираются для совместной защиты своих интересов» [115. Л. 44]. Именно кооперация, мечтал Шаховской, призвана сыграть в России ту объединительную роль, на которую претендовала масонская организация, «как коренное русское искусство — плотничество заменяет собою западное масонство — каменничество» [120. Л. 81].

Вспомним в этой связи и наблюдение американского историка Н. Смита по поводу мемуаров Е. Д. Кусковой. Описание в них масонской организации, замечает он, удивительно совпадает с информацией, которая могла относиться только к Союзу освобождения, изображаемому мемуаристкой в качестве модели для деятельности масонов [530. Р. 605].

Крайний субъективизм в трактовке масонской идеи отдельными членами организации, их сильно преувеличенные представления о масштабах ее деятельности при полной неосведомленности о реальном положении дел — таковы, на наш взгляд, причины глубокой противоречивости, туманности и весьма сомнительной достоверности тех сведений, которые содержатся в масонских воспоминаниях, написанных к тому же спустя долгие годы после освещаемых в них событий.

Между тем зарубежные авторы часто подходят к масонской мемуаристике без должного критического анализа, используя ее для необоснованных построений, связанных с событиями в предфевральской России. Так, американская исследовательница Б. Нортон, безоговорочно принимая утверждения бывших масонов, объявляет роль масонства важным аспектом борьбы против самодержавия накануне Февраля [509. Р. 248]. Подобные заключения перекликаются с бездоказательными заявлениями родоначальника масонской легенды в буржуазной историографии Д. Каткова [493], вызвавшими возражения даже у буржуазных историков [269. С. 48—50].

Наиболее трезвую позицию среди них в этом вопросе занимает,

* Именно он под литерой «х» фигурирует в книге С. П. Мельгунова как организатор собрания на квартире Кусковой и Прокоповича в апреле 1916 г., намечавшегося состав будущего Временного правительства [308. С. 171].

на наш взгляд, японский исследователь Ц. Хасегава. Он решительно оспаривает версию о том, что «члены масонской организации были объединены согласованной политической программой». «В ходе дискуссий в Прогрессивном блоке в период войны Маклаков, с одной стороны, и Некрасов и Коновалов, с другой, всегда оказывались на диаметрально противоположных позициях» [491. Р. 195].

Хасегава считает, что общность целей и действий была присуща лишь членам известной «масонской пятерки» — Коновалову, Некрасову, Терещенко, Керенскому и Ефремову*. «Пятерка» ощущала необходимость создать специальный центр, чтобы контролировать «взрывоопасное движение масс», отмечает Хасегава, и прилагала серьезные усилия к созданию «левого блока» в октябре 1916 г. Масонские связи облегчали их усилия, но «объединяющим фактором являлись общие политические цели» [491. Р. 195, 196]. Это — важное признание правоты советских историков, подчеркивающих приоритет классового подхода к оценке политических объединений и группировок.

Главное, что цементировало группу, включавшую кадета Некрасова, прогрессистов Коновалова и Ефремова, беспартийного либерала Терещенко и трудовика Керенского, было общее для всех них представление о способах борьбы оппозиции. Выжиданию они предпочитали активные действия, ратуя, по определению охраны, за необходимость «перенести центр тяжести на организацию масс и сближение с левее стоящими политическими группами и более решительную борьбу с правительством не только на парламентской почве, но и при посредстве общественных организаций» [8. С. 23]. Как известно, именно эта пятерка, вошедшая в контакт с Гучковым, более всего была причастна к идее дворцового переворота.

Активную позицию занимал и правый кадет Маклаков. Он прилагал всемерные усилия к сколачиванию союза с представителями царской бюрократии, искал единомышленников в придворных кругах, среди великих князей, стремился координировать действия помещичье-буржуазной оппозиции.

В фондах департамента полиции сохранилось письмо Маклакова из Петрограда в Москву Коновалову от 29 декабря 1916 г. [66. Л. 32]. Речь в нем идет о переговорах Маклакова с неким лицом, не называемым по соображениям конспирации, для организации встречи с московскими деятелями. А. Г. Слонимский аргументированно доказал, что лицом этим являлся председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Однако содержание письма толкуется им, по нашему мнению, неверно.

Маклаков пишет: «Он очень охотно, с радостью согласился, что необходимы согласные, а не разрозненные действия, и будет рад на эту тему беседовать с теми, кто придет». «Он хорошо понял, что надо установить „имена“... что программа — какая же программа; ...победить, этим все

* В рукописи книги М. С. Маргулиеса «Год интервенции», хранящейся в коллекции ЦГАОР СССР, имеется вычеркнутый автором абзац: «После 1910 г., когда Колюбакин начал возобновлять заснувшие в 1909 г. логи, в одну с Керенским вошел и Коновалов, и Гальперн, и Некрасов. Вошел потом, вероятно, Терещенко» [134. С. 286].

объясняется» [66. Л. 32]. Отсюда А. Г. Слонимский делает вывод, что предметом предстоящей беседы должен был прежде всего быть состав правительства (в случае переворота) и его программа. И далее «московские общественные деятели решили передать Родзянко роль главы правительства, намечаемого на случай переворота» [355. С. 143].

Следует сопоставить это письмо В. А. Маклакова с воспоминаниями Родзянко о том, что в январе к нему прибыли князь Львов, Челноков и Коновалов в качестве представителей союзов. Они просили, чтобы он «приехал в Москву на их общий съезд и стал во главе движения в том смысле, чтобы еще раз гласно выразить желание о спасении страны» [344. С. 72]. По нашему мнению, речь в письме шла об организации именно этой встречи и обсуждаться на ней должны были состав и программа не правительства после переворота, а всего лишь «ответственного министерства», создания которого добивались союзы. Толкование же А. Г. Слонимского включает Родзянко в число активных заговорщиков, что уж никак не соответствует действительности.

Да и Маклаков в это время пытался удержать, образумить, а не вытолкнуть «безумного шофера». В 1924 г. он писал М. М. Винаверу: «Могли бы кадеты как более разумная часть Думы... столкнуться с властью? Почему это было невозможно?.. Те люди, как справа, так и слева, которые бы хотели работать вместе, были совершенно одиноки и не были поддержаны соответствующими правительственными кругами» [149]. Однако такие люди имелись, и одним из них был сам Маклаков. «Среди депутатов, — сообщалось в донесении охранного отделения, — есть некоторые, которых в думских кругах так и называют „сватами“, и между прочим в их числе В. А. Маклаков...» [66. Л. 21].

Характерно, что, когда правительство решило войти в переговоры с Прогрессивным блоком, чтобы «общими усилиями успокоить народное волнение» [30. Т. 4. С. 98], первым из лидеров блока назывался Маклаков. В показаниях царских министров Беляева, Протопопова, Голицына фамилии других предполагаемых участников переговоров со стороны обществности варьируются, но Маклакова упоминает каждый из них [30. Т. 2. С. 231; 264—265; Т. 4. С. 98]. В результате в переговорах Маклаков представлял блок единолично [30. Т. 2. С. 264].

В упоминавшемся выше письме М. М. Винаверу Маклаков писал: «Как политик, я вспоминаю не без курьеза, что еще 25 февраля 1917 г., т. е. накануне революции, я по приглашению Покровского обсуждал вместе с ним и Риттихом, что нужно было сделать, чтобы помешать революции. В этот момент еще не казалось невозможным революции избежать; пусть это была ошибка и иллюзия, но с практической стороны ни Покровский и ни я, конечно, не могли бы сказать: поздно, делать больше нечего, остается сложить руки и ждать» [149]. Однако кадетский ЦК во главе с Милоковым занял именно такую позицию.

Между тем обстановка в стране становилась все более и более напряженной. Экономический кризис к началу 1917 г. принял угрожающие размеры, охватив все отрасли экономики — промышленность, сельское хозяйство, железнодорожный транспорт. К зиме 1917 г. страна оказалась на грани голода. Революционная ситуация, обостряясь и углубляясь, стремительно приближалась к своей высшей ступени. Усилилась револю-

ционная борьба масс, еще больше укрепились их связи с большевистскими организациями. В январе 1917 г. стачечное движение достигло апогея. За последние три месяца 1916 г. официальными источниками были зафиксированы 328 стачек, в которых участвовали 268 тыс. промышленных рабочих. А число январских стачек достигло уже 400 (из них 60 % были политическими). Бастовали свыше 270 тыс. рабочих [271. С. 164—169].

Встревоженные создавшейся ситуацией, левые кадеты все чаще выражали недовольство «чисто кабинетной тактикой» партийного руководства, настаивали на необходимости более решительных действий [66. Л. 3 об.]. И все же на последнем перед февральскими событиями совещании всего синдиката кадетских лидеров — заседании ЦК, проходившем 4—5 февраля и обсуждавшем доклад Милюкова о тактике, — по существу, вновь была подтверждена прежняя линия [251. С. 294]. Милюков и идущее за ним большинство партии до последнего момента считали, что необходима строго парламентская борьба с правительством, которая так или иначе вынудит его на уступки.

Тактика либеральной оппозиции в период нарастания революционного кризиса широко обсуждается в советской историографии. При этом имеются различия (довольно широкие по амплитуде) в оценке остроты политических разногласий между буржуазией и царизмом.

Е. Д. Черменский рассматривает тактику буржуазии как «симуляцию оппозиционной борьбы», а обвинения либеральной оппозиции в адрес правительства — как «притворные» [378. С. 406; 379. С. 25—26]. Это положение было подвергнуто справедливой критике В. Я. Лаверычевым [224. С. 27], к которому присоединился и А. Я. Аврех. Однако с аргументацией последнего трудно согласиться. Он пишет, что Е. Д. Черменский переальность методов борьбы с царизмом объявляет нереальностью самой борьбы [196. С. 8]. «Эти люди не были способны ни к какой серьезной борьбе», — говорит А. Я. Аврех о лидерах помещичье-буржуазной оппозиции и доказывает, что вести эту борьбу они и не желали.

Ответ на это утверждение находим в выступлении на VI съезде кадетской партии делегата из Чернигова М. К. Имшенецкого. «Говорить, что мы не стремимся к власти, совершенно недопустимо», — подчеркивал он [84. Л. 26]. Этот вопрос подробно обсуждался на заседаниях 26 апреля и 19 мая 1916 г., где констатировалось: когда создавался Прогрессивный блок, «целью его была борьба за власть»; в 1915 г. кадетская партия питала надежды, что власть может оказаться в ее руках [85. Л. 69]; необходимо «проявлять больше требовательности и активности в борьбе» за власть; первая цель блока — «борьба за смену правительства» [85. Л. 73].

Другое дело, что вкладывалось в понятие «борьба». Председательствовавший на обоих заседаниях М. М. Винавер сформулировал позицию кадетов так: «Сущность всей политической борьбы... сводится к проведению своих взглядов, т. е. к борьбе за преобладание, за власть, так что и в данном случае (в политике кадетской партии. — *Н. Д.*) борьба за власть сама собой разумеется» [85. Л. 71]. Было принято постановление вести борьбу с правительством «всеми парламентскими способами» [85. Л. 73].

Говорить о «нереальности», «ошибочности» этих методов борьбы, по нашему мнению, так же неправомерно, как о «симуляции» и «притворстве». Сознательная, запрограммированная ограниченность тактики буржуазной оппозиции, ее методы борьбы были обусловлены преследуемой ею целью. Свою задачу Милюков и шедшее за ним преобладающее большинство кадетской партии видели не в том, чтобы возглавить массы и повести за собой на штурм царизма, а в том, чтобы убедить их в необходимости довериться думским лидерам, отдать буржуазии на откуп политическую борьбу против самодержавия. На это и были направлены эффектные думские акции, подобные речи 1 ноября. И, как показали февральские события, некоторых успехов в насаждении «доверчиво-бессознательного» отношения масс к буржуазии ее лидерам удалось добиться.

Умеренность кадетских методов определялась боязнью перед вовлечением масс в активную политическую борьбу. Такая тактическая линия вытекала из учета опыта борьбы против самодержавия в 1905—1907 гг. «Мы принадлежали к поколению, — подчеркивал В. А. Оболенский, — уже пережившему одну революцию, а с нею вместе и свои революционные иллюзии» [137. С. 165]. Характерно, что большинство наиболее активных представителей левого крыла буржуазной оппозиции (Некрасов, Коновалов, Терещенко, Астров, Волков, Демидов и др.), отстаивавшего иные тактические решения, принадлежали к более молодой генерации и в период первой русской революции были далеки от центра политической борьбы. С точки зрения опыта 1905 г. тактические методы, избранные руководством Прогрессивного блока, представлялись вполне реальными и исторически обоснованными.

Строгое самоограничение либеральной буржуазии в методах борьбы против царизма не дает, по нашему мнению, оснований для выводов А. Г. Слонимского о ее «предельной активизации» накануне Февраля, об использовании ею «всех своих возможностей» [355. С. 8]. Оппозиционная деятельность буржуазии и ее главной партии могла бы быть неизмеримо более энергичной и эффективной, если бы она не сдерживалась и не ослаблялась мощным тормозом — страхом перед возможностью новой революции.

Тем не менее представители правого крыла партии «народной свободы» высказывали опасения, что «резкая критика правительственной деятельности, рисуящая безнадежность положения», делает иногда оппозицию «одним из факторов, усиливающих разруху, с которой она борется» [97. Л. 2]. Черносотенцы обвиняли кадетов (например, в телеграмме Милюкову председателя Народной монархической партии в Астрахани Н. Н. Тихоновича-Савицкого), что последствием их выступлений против постановлений власти и руководителей вообще «будет всеобщее уныние, растерянность и смута» [87. Л. 1—2]. Исследования советских историков наглядно показывают, что вольно или невольно русская буржуазия и ее партии сыграли определенную роль в расшатывании старого строя, в его крушении [360. С. 209].

Однако смысл борьбы против самодержавия для помещичье-буржуазной оппозиции заключался не в том, чтобы любыми средствами разрубить назревшие противоречия с царизмом, не в том, чтобы добиться его свер-

жения, а в том, чтобы путем критики самодержавия достичь соглашения с ним о разделе власти для успешного ведения войны и предотвращения революционного взрыва в стране.

Партию «народной свободы» не устраивала *«форма соглашения»*: при монархии она была груба, царь пускал кадета только на задворки Государственной думы» [1. Т. 32. С. 385]. А кадеты стремились к тому, чтобы это соглашательство стало «европейски утонченным», чтобы оппозиция получила возможность принимать законное и непосредственное участие в делах государственного управления. Именно за эту цель вела борьбу кадетская партия, возглавлявшая буржуазно-либеральный лагерь, который занимал свое, особое от самодержавно-бюрократического лагеря место в расстановке классовых и политических сил.

А. Я. Аврех сосредоточил внимание исключительно на разобщенности российской буржуазии и слабой жизнеспособности ее партий, на полном отсутствии у них опоры на местах. Книга «Распад третьеиюньской системы» заканчивается фразой о том, что итог политики кадетов накануне Февраля «мог быть только один: не сумев и не захотев занять место „падающего“ (дворянского. — *Н. Д.*) класса, „стремящийся“ класс (буржуазия. — *Н. Д.*) разделил его судьбу, пав вместе с ним» [196. С. 254]. Спрашивается: зачем же тогда нужен был переход от первого этапа революции ко второму — от «схватки» с царизмом к «схватке» с гучковско-миллюковским, помещичьим и капиталистическим империализмом? [1. Т. 31. С. 45]. Против какого же врага боролся рабочий класс России восемь долгих месяцев 1917 г. (из которых каждый по политической насыщенности и значимости мог быть приравнен, по словам В. И. Ленина, к «длинному ряду лет» [1. Т. 34. С. 144]), а затем на всем протяжении кровопролитной гражданской войны?

Возможно ли, чтобы уже через полтора месяца после свержения самодержавия о том самом — вялом, нежизнеспособном, разобщенном, лишенном корней — классе В. И. Ленин писал: «...вся буржуазия российская работает изо всех сил, всяческими способами повсюду... над созданием единовластия буржуазии» [1. Т. 31. С. 155]? А в знаменитой ленинской работе «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной в конце сентября 1917 г., подчеркивалось: «Силу сопротивления капиталистов мы уже видели, весь народ видел, ибо капиталисты сознательнее других классов и сразу поняли значение Советов, сразу напрягли *все свои силы* до последней степени, пустили в ход все и вся, пустились во все тяжкие...» [1. Т. 34. С. 328]. Создается впечатление, что речь идет как бы совсем о другом классе и возглавлявшей его партии, нежели в монографии А. Я. Авреха.

Проблема «кадеты накануне Февральской революции» — одна из наиболее показательных в плане эволюции зарубежной буржуазной историографии за последнее двадцатилетие. В огромном потоке советологической литературы, выпущенной на Западе накануне 50-летия Октябрьской революции, основной упор делался на противопоставление Октябрю Февраля. «Единодушная», «бесклассовая» — такой изображали Февральскую революцию буржуазные авторы. Главным действующим лицом в февральско-мартовских событиях в России они представляли либеральную оппозицию, усилиями которой якобы была одержана победа над самодержавием [269. С. 113—117].

К примеру, американский историк Д. Уолкин утверждал, что роль революционных партий в Феврале была весьма незначительна, а либералов, напротив, очень велика [538. Р. 219]. Ему вторил А. Мендель, заявлявший, что «либеральное меньшинство, используя недовольство масс, оказалось в состоянии свергнуть самодержавие в феврале 1917 г.» [506. Р. XIV].

Упомянувшийся выше Д. Катков, пытаясь подвести под эту версию «аргументированное» обоснование, доходил до совершенно абсурдных утверждений. Он уверял, что в 1917 г. Германию ожидало неминуемое поражение в войне, которое, оказывается, никоим образом не устраивало кадетов. Именно в целях предупреждения победы Антанты они и нанесли правительству удар в спину, предприняв против него кампанию разоблачений. Своими выступлениями в Думе и другими пропагандистскими мерами кадеты разложили русский офицерский корпус и тем обеспечили успех революции [493. Р. 304].

Отзвуки неумеренного преувеличения роли буржуазной оппозиции слышались и на научной конференции в Гарвардском университете (апрель 1967 г.), посвященной проблемам истории русской революции. Известный американский историк Д. Кеннан, считающийся одним из главных авторитетов по российской проблематике, усматривал первую и решающую причину крушения самодержавия в нежелании царских властей пойти навстречу стремлению буржуазной интеллигенции участвовать в делах государственного управления. По утверждению Кеннана, разного рода союзы, общества и военно-промышленные комитеты, созданные буржуазией в противовес бюрократическим государственным учреждениям, явились одним из основных факторов, обусловивших падение царского режима [518. Р. 6].

Английский автор Г. Стифенсон категорически заявлял, что первая революция 1917 г. была не результатом деятельности петроградской «улицы», а следствием объединения либеральных политиков и националистических генералов. Без их приговоров к организации дворцового переворота революция была бы невозможна [532. Р. 157, 206].

Хотя и тогда уже на Западе все чаще раздавались голоса, оспаривавшие подобного рода версии [498. Р. 185; 518. Р. 138], тем не менее еще в середине 1970-х годов, как отмечалось в советской историографии, отход от тезиса о «единодушии» Февраля, о решающей роли буржуазной оппозиции в свержении царизма можно было рассматривать «как лишь начавшийся процесс, в котором пока участвует ограниченное число историков относительно молодого поколения» [305. С. 106].

С тех пор ситуация решительно изменилась. Авторы крупнейших работ по этой проблематике, вышедших в конце 70-х—начале 80-х годов в Англии и в США, едины в определении позиции буржуазных партий, и в частности кадетов, по отношению к революции.

Накануне Февраля, констатирует Розенберг, кадеты все еще надеялись вопреки всему, что «правительство опомнится и призовет их к власти» [523. Р. 46]. «Российские либералы в феврале 1917 г. были единодушны в своем отращении к революции», — утверждает Р. Пирсон [512. Р. 139]. Во время войны либеральная оппозиция очутилась «между двумя противоборствующими силами — непреклонностью правительства и надвигавшимся снизу штормом... Любой ценой либералы стремились избежать

революции», — заключает Хасегава [491. Р. 584]. В других зарубежных странах также неуклонно растет число авторов, которые подчеркивают страх русской буржуазии перед народным восстанием, стремление всеми средствами предотвратить его [294. С. 128].

Думается, что среди причин такого резкого изменения оценок по одной из наиболее популярных в буржуазной историографии проблем следует выделить несомненное влияние выводов советской исторической науки, повышение ее авторитета на международной арене.

Советские исследователи четко определили историческое место буржуазии в революции — «по ту сторону баррикад». Они показали, что, несмотря на различие тактических решений, предлагавшихся разными кадетскими группировками, стратегическая цель их была единой. Не имея силы направлять и контролировать события, кадетская партия стремилась использовать их в своих классовых интересах. Это стремление определило позицию кадетов в дни Февральской революции. Как писал Ленин, «когда революция уже началась, тогда ее „признают“ и либералы и другие враги ее, признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее» [1. Т. 27. С. 46].

ГЛАВА ПЯТАЯ

КАДЕТСКАЯ ПАРТИЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В 20-х числах февраля стачечная борьба российского пролетариата неуклонно возрастала. Особенно усилилось революционное движение в Петрограде. Забастовки, митинги и демонстрации, организованные большевиками в Международный женский день — 23 февраля (по старому стилю), вылились в общую революционную демонстрацию. С разных сторон рабочие двигались к Невскому проспекту с требованием: «Хлеба!»

На следующий день демонстрации стали еще многояруснее, завязывались острые стычки с полицией, рабочие вступали в столкновения с отрядами казаков и солдат. С утра 25 февраля революционное движение в столице возобновилось с новой силой.

«Хотя воздух насыщен был предчувствиями и предсказаниями революции, — вспоминал впоследствии видный кадетский деятель, редактор «Речи» И. В. Гессен, — и с каждым днем она рисовалась воображению все более неизбежной, никто не распознал лица ее». В то время кадетам казалось, что «она шла неуверенно, пошатываясь, спотыкаясь и пугливо озираясь по сторонам, не юркнуть ли в подворотню». Гессен пишет об «угрюмом настроении» тех дней: «Неловко было смотреть в глаза друг другу, поставить вопрос, что значат доносившиеся с улицы выстрелы, пытавшиеся рассеять народное скопление. . . Настроение было выжидательное, настроенное, готовое от толчка шарахнуть в ту или другую сторону» [238. С. 355—356]

25 февраля перед заседанием Думы состоялось совещание кадетского ЦК. Несмотря на напряженную обстановку, политические вопросы на нем

не обсуждались. Как пишет В. А. Оболенский, было лишь принято решение срочно потребовать «передачи всего продовольствия Петрограда городскому самоуправлению» [137. С. 713].

Когда утром назавтра в Думе был зачитан указ о ее роспуске, депутаты встретили это сообщение полным молчанием. «Самоубийство Думы, — отмечал Милюков, — совершилось без протеста» [30. Т. 6. С. 100]. Это происходило в те же часы 27 февраля, когда народ вышел на улицы Петрограда, когда к нему стали присоединяться части Петроградского гарнизона. Народная революция набирала силу, а буржуазные лидеры встречали ее в состоянии глубокой растерянности и пассивности.

А. В. Тыркова описывала в своем дневнике утро 27 февраля в Думе следующим образом: «В 11 ч. узнала, что войска перешли на сторону народа. Пошли в Думу. . . Сама Дума имела обычный вид. Депутаты лениво бродили, лениво толковали о роспуске. „Что же вы думаете делать? — Не знаем. Что улица? Кто ею руководит? — Не знаем“. Было тяжело смотреть. „Ведь вы все-таки, господа, народные представители, у вас положение, авторитет“. Жмутся» [115. Л. 10, 10 об.]. «Необходимо, — волновалась Тыркова, — чтобы сейчас же кто-то взял в свои руки солдат, иначе это может вылиться в солдатский бунт» [208. С. 124]. «Идите к ним, возьмите их в свои руки», — призывала думцев и другая кадетская деятельница, пришедшая в Думу, графиня С. В. Панина [115. Л. 11]. Но сделать это было уже невозможно.

Левые депутаты предложили немедленно созвать Думу для обсуждения положения. По воспоминаниям одного из них — меньшевика М. И. Скобелева, Милюков в ответ заявил, что не может сформулировать своего отношения к событиям, так как не знает, кто является руководителем [398. 11 марта].

Между тем революционное движение росло и ширилось с молниеносной быстротой. Все новые части присоединялись к восставшим. Толпа рабочих, солдат, студентов наводнила Таврический дворец. Думские лидеры оказались перед необходимостью как-то определить свою позицию. Чтобы не нарушать царский указ, решили провести частное совещание. Оно сразу же выявило разногласия в среде кадетской фракции.

Левые кадеты Волков и Аджемов поддержали предложение меньшевиков и трудовиков о том, чтобы Дума взяла на себя организацию новой власти. Некрасов ратовал за установление военной диктатуры. По его мнению, следовало добиться от правительства указа о передаче всей полноты власти товарищу военного министра, начальнику Главного артиллерийского управления генералу А. А. Маниковскому. Старое правительство выпустило из рук власть, заявил Милюков, и потому вступать с ним в переговоры бесполезно. Однако Думе объявлять себя властью также не следует, так как учреждение законодательное брать на себя исполнительные функции не может, для этого «еще не настал момент». Отвергая (при поддержке Шингарева) «неудобный» план Некрасова, Милюков советовал остановиться на «реальном плане разделения власти между представителями династии и Думой» [304. С. 27; 385. С. 283; 403. 15 марта].

Для споров не оставалось уже времени, и после долгих препирательств было принято предложение Милюкова подождать, пока характер событий

станет яснее, а до тех пор создать Временный комитет членов Государственной думы для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями. Как объяснял впоследствии Милюков, «эта неуклюжая формула обладала тем преимуществом, что, удовлетворяя задаче момента, ничего не предreshала в дальнейшем. Ограничиваясь минимумом, она все же создавала орган и не подводила думцев под криминал» [311. С. 293].

Голосуя за членов нового органа, в составе которого оказались два кадета — Милюков и Некрасов, думцы не придавали ему большого значения. «У меня и моих товарищей было такое чувство, — вспоминал впоследствии один из кадетских депутатов, М. М. Ичас, — словно мы избрали членов рыболовной или т. п. думской комиссии. Никакого энтузиазма ни у кого не было» [440. 1927. 12 марта].

Тот же Ичас рассказывает, что вскоре после образования Временного комитета член кадетского ЦК П. П. Гронский «с сияющим лицом» сообщил думцам, что «сегодня в 9 ч. вечера придет в Таврический дворец вел. кн. Михаил Александрович и будет провозглашен императором» [440. 1927. 12 марта]. Эта новость быстро распространилась по залам дворца. Депутаты ожидали вестей от членов комитета (Родзянко, Некрасова, Дмитрюкова и Савича), отправившихся на переговоры с братом царя. Им было поручено убедить его «явочным порядком» принять на себя власть до возвращения Николая II из ставки.

Пока же положение оставалось совершенно неясным. Поэтому кадетское руководство воздерживалось от каких-либо действий. Милюкова не покидала надежда на сохранение династии. Он не знал еще, что посланцам думского комитета не удалось уговорить Михаила временно принять на себя власть и ответственность за происходящее.

После занятия восставшим народом Мариинского дворца, после фактического роспуска правительства, после прихода в Думу Преображенского полка, отдавшего себя в ее распоряжение, членам Временного комитета пришлось наконец решиться на взятие власти. Они руководствовались при этом мыслью, высказанной Шульгиным: «Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие. . .» [389. С. 111]. Опасения были более чем основательные, так как 27 февраля в том же здании Таврического дворца родился другой орган власти — Совет рабочих и солдатских депутатов.

Такова была позиция руководителей буржуазно-либерального лагеря в момент Февральского переворота. Поэтому естественные возражения вызывают у советских историков попытки зарубежных авторов (в том числе и такого серьезного исследователя, как Ц. Хасегава) доказать, что хотя в принципе либералы были против революции, в момент Февральского переворота именно они сыграли решающую роль и оказали наиболее значительное влияние на специфическое развитие революционных событий в России [294. С. 127—128].

И хотя Хасегава не может учитывать «общего кризиса, созданного народным восстанием и вездесущим присутствием радикализованных масс», тем не менее в гибели монархии решающими были, по его мнению, не эти факторы, а «маневрирование думского комитета и слепая поддержка его политики высшим командованием» [491. Р. 584].

В такой оценке слышатся отзвуки эмигрантской историографии Февраля. Так, в одной из позднейших меньшевистских работ о революции в России утверждается, что власть «была вырвана из слабых рук царизма» Временным комитетом Думы, Ставкой и различными общественными организациями [465. Р. 17]. Убедительным аргументом против подобных утверждений служит конкретно-исторический материал, приводимый в книге самого же Хасегава.

Нельзя согласиться и с оценкой, которую Хасегава дает Временному комитету Думы, характеризуя его как «революционный орган» [491. Р. 611—632]. Вся деятельность комитета была направлена не на развитие, а на сдерживание, торможение революции.

Постановление Временного комитета Думы о взятии власти было принято в ночь на 28 февраля. В ту же ночь комитет постановил отрешить от должности царских министров и впредь до образования нового правительства назначил для заведования отдельными частями государственного управления комиссаров из состава членов Государственной думы. Из 24 комиссаров 11 принадлежали к кадетской партии: на почту был назначен Черносивтов, на телеграф — Гронский, Калугин, Салазкин, в Министерство земледелия — Волков и Демидов, в Министерство юстиции — Маклаков и Аджемов, в Министерство финансов — Виноградов, в военное и морское министерства одним из комиссаров был назначен примыкавший к кадетам Савватеев [418. 1917. 1 марта].

«Для пущд текущего дня» были созданы «соединенные» комиссии — в них входили представители как Думы, так и Совета рабочих и солдатских депутатов. Одну из них, так называемый Продовольственный комитет, возглавил А. И. Шингарев, в состав комитета вошла и А. В. Тыркова. Примыкавший к кадетам Б. А. Энгельгардт стал членом Военной комиссии. Главным деятелем при организации других комиссий (юридической, по приему арестованных, по внутреннему распорядку Таврического дворца) был кадет М. М. Ичас [275. С. 7—9; 440. 1927. 12 марта].

Чтобы укрепить авторитет Временного комитета, лучшие ораторы партии «народной свободы» выступали на митингах, агитируя массы в его пользу. Главную роль играли кадеты и в созданном 27 февраля Комитете петроградских журналистов. Так как газеты во время революционных событий перестали выходить, комитет организовал выпуск специальных «Известий», распространению которых ЦК кадетской партии придавал большое значение — он даже принял по этому поводу специальное постановление [397. № 1. С. 13]. «Известия» представляли события в нужном и выгодном для буржуазной власти свете, преувеличивая роль Временного комитета и в то же время умаляя значение Совета рабочих и солдатских депутатов. 1 марта кадетские комиссары установили контроль над Петроградским телеграфным агентством. В их присутствии были составлены и переданы во все провинциальные газеты циркулярные телеграммы об изложении революционных событий в выгодном для Думы освещении [251. С. 337].

Американский исследователь Розенберг, оценивая позицию кадетских лидеров в февральские дни, считает, что они стремились к решению трех тесно связанных между собой задач: положить конец волнениям масс и восстановить порядок в Петрограде; обеспечить поддержку армии и любой

ценой избежать гражданской войны; осуществить те реформы, которые были необходимы для преодоления общего административного и экономического кризиса в России [523. Р. 52—53].

Согласиться с этим тезисом можно лишь ровно наполовину. Действительно, кадеты были крайне озабочены тем, чтобы затормозить развитие революционного процесса, и прежде всего в армии. Кадетские комиссары Пепеляев, Герасимов, Таскин, Степанов, Демидов были посланы в Петроградский гарнизон, в Царское Село и в Кронштадт. Характерно, что их сопровождали представители Петросовета, которые должны были их поддерживать и охранять.

Одну из своих главных задач кадеты видели в восстановлении власти офицеров в частях Петроградского гарнизона и прилагали все усилия для решения этой задачи. 28 февраля Милюков в течение всего дня неоднократно выступал перед воинскими частями, призывая солдат «сохранить единение с офицерством, без которого они рассыпятся в пыль», «найти своих офицеров и ждать приказаний Временного комитета», «спокойно разойтись по казармам и делать то, что прикажут ваши офицеры» [311. С. 297; 251. С. 336—337]. Выступая перед офицерами Новочеркасского полка, Милюков говорил: «В настоящий момент единственная власть, которую все должны слушать, — это Временный комитет Государственной думы. Двоевластия быть не может» [220. С. 10]. В речи перед солдатами Гренадерского батальона он в тот же день заявил, что нужно подчиняться Временному комитету Государственной думы и «никакой другой власти, ибо двоевластие опасно и грозит нам распылением и раздроблением сил» [418. № 2. 28 февр.]. С теми же призывами обращались к солдатам кадетские комиссары в Петрограде, Царском Селе и Кронштадте.

Были приняты меры, чтобы сократить раздачу оружия рабочим. 28 февраля В. Н. Пепеляев и С. А. Таскин были посланы в Петропавловскую крепость, где восставшие разбирали оружие из Арсенала. С помощью отряда, прибывшего из Таврического дворца, им удалось прекратить выдачу оружия [319. Т. 1. С. 592].

Что же касается стремления кадетов не допустить гражданской войны и осуществить необходимые реформы, то, как мы постараемся показать ниже, едва ли оно существовало в действительности. Неверно также, по нашему мнению, определение Розенбергом, да и другими буржуазными историками, позиции кадетского руководства в революции как пассивной и выжидательной. Такая позиция была характерна лишь для самого начального периода революции, когда вопрос о судьбе царской власти оставался еще неясным: она как нельзя лучше подтверждала стремление кадетов к сохранению status quo, боязнь потерять опору в лице царизма, остаться один на один с революционным народом.

Однако как только эта страшившая кадетов перспектива превратилась в реальность, их политический курс стал активным и целенаправленным. Главным его содержанием была борьба за власть буржуазии.

* * *

Так как положение в Петрограде становилось все более опасным для буржуазии и восставший народ не доверял думскому комитету, 1 марта 1917 г. последний вынес следующее решение: «Организовать впредь до

созыва Учредительного собрания, имеющего определить форму правления Российского государства, правительственную власть, образовав для сего Временный общественный Совет министров в составе нижеследующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлою общественной и политической деятельностью» [213. С. 311].

Как отмечалось выше, кандидатуры будущих министров горячо обсуждались лидерами Прогрессивного блока в конце 1916—начале 1917 г. На VII съезде кадетской партии в марте 1917 г. Милюков заявил: «То министерство, которое вы видите сейчас во главе, подготовлено до свершения переворота» [445. 1917. 28 марта]. Однако споры о составе правительства продолжались до самого его создания [251. С. 291].

Основным пунктом разногласий был вопрос о премьере. И то, что в конце концов он был решен в пользу Львова, а не Родзянко, — дело рук прежде всего Милюкова. Родзянко «нужно было сместить с этого поста, — писал впоследствии Милюков, — и на меня была возложена задача его смещения — миссия, которая совпадала с моими собственными намерениями. Было нелегко заменить в планах блока председателя Думы председателем Земского союза, но я добился этого» [311. С. 299]. По воспоминаниям И. В. Гессена, Милюков говорил ему: «При образовании Временного правительства я потерял 24 часа (а тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять кн. Г. Е. Львова против кандидатуры М. В. Родзянко» [238. С. 217].

Чем же объяснялось столь упорное стремление Милюкова сделать премьером не Родзянко, а князя Львова, которого, как пишет сам лидер кадетов, он знал «очень мало и поверхностно»? Объясняя, почему он не мог выбрать иначе, Милюков ссылается на то, что назначить Родзянко премьером «не позволили бы левые» [311. С. 299].

Однако причина выбора Милюкова была другая. Ведь список министров составлялся до февральских событий, когда мнению «левых» отнюдь не придавалось решающего значения. П. Д. Долгоруков вспоминал впоследствии, что осенью 1916 г. собравшийся в его доме ЦК кадетской партии, «обсудив положение на фронте и в стране, предвидя возможность падения власти, ставил вопрос: кого же могла бы выдвинуть русская общественность как главу правительства. Назвали имя князя Львова. Больше имен не называлось» [246. С. 43]. Истинную причину такого выбора раскрыл сам Милюков, когда в своих мемуарах обвинял Львова за неудачу своей политики в первой стадии революции или «себя за неудачу выбора в исполнители этой политики» [311. С. 299].

В момент образования Временного правительства кадеты были уверены в том, что именно их партии будет принадлежать руководящая роль в управлении страной. Родзянко с его крутым характером, диктаторскими замашками и твердыми убеждениями (во многом расхопившимися с убеждениями большинства партии «народной свободы»), несомненно, мог бы помешать осуществлению этой роли. Князь Львов, напротив, казался весьма подходящей фигурой. Его политическая позиция, пишет Милюков, вполне соответствовала программе Прогрессивного блока, но если Львов «не имел никакого представления о путях и способах ее осуществления, то «у блока была уже намечена своя тактика». Вот почему, подчеркивает Милюков, «мы его пригласили в премьеры» [311. С. 298]. Видимо, в не

меньшей степени это относилось к назначению Львова министром внутренних дел.

Однако уже 1 марта, в день приезда срочно вызванного Львова из Москвы в Петроград и первой беседы будущих членов Временного правительства, Милюков, по собственному признанию, был сильно разочарован поведением министра-председателя: «Мы не почувствовали перед собой вождя. Князь был уклончив и осторожен: он реагировал на события в мягких, расплывчатых формах и отделялся общими фразами». Когда после первого совещания с Львовым член кадетского ЦК И. П. Демидов спросил Милюкова: «Ну, что вы думаете? Как он?», тот ответил ему с досадой: «Шляпа!» [311. С. 299].

Ц. Хасегава, говоря о разочаровании кадетов в своем выборе в связи с пассивностью, инертностью нового премьера в деле государственного управления, замечает: «Но ведь именно потому, что Львову не хватало динамичной индивидуальности, Милюков предпочел его Родзянко» [491. Р. 525]. Конечно, кадеты не ожидали увидеть в князе Львове «вождя» — вождь им был и не нужен! Но они не почувствовали в нем энергичного исполнителя своей политики. Ведь, будучи председателем Земского союза, князь Львов завоевал большую популярность и представлял ценность для кадетской партии как «великолепный организатор». В общественных кругах он пользовался репутацией (видимо, сильно преувеличенной) талантливого руководителя, обладавшего умением сплачивать вокруг себя людей для практической работы. На эти качества будущего премьер-министра надеялись кадеты и просчитались.

Когда же князь Львов через два месяца санкционировал отставку Милюкова, тот сказал И. В. Гессену: «Я теперь думаю, что сделал большую ошибку. Родзянко был бы больше на месте» [238. С. 217]. Набоков также подчеркивал: «Мне пришлось впоследствии слышать от П. Н., не было бы лучше, если бы Львова оставили в покое и оставили Родзянко, человека, во всяком случае, способного действовать решительно и смело, имеющего свое мнение и умеющего на нем настаивать» [322. С. 40].

Э. Н. Бурджалов, передавая впечатление Милюкова от встречи с Львовым 1 марта, резюмирует: «Поведение Львова на этой беседе объясняется не только чертами характера будущего председателя Временного правительства. Положение буржуазии в это время было непрочным, неустойчивым, а это порождало уклончивость и осторожность ее лидеров» [213. С. 312]. По нашему мнению, с этим тезисом едва ли можно согласиться. Положение буржуазии на протяжении 1917 г. не раз было и более непрочным, но это, напротив, вынуждало ее лидеров к решительным и определенным действиям, направленным на то, чтобы приостановить революцию, не допустить ее дальнейшего развития. Да и в первые дни после февральского переворота многие буржуазные лидеры, и прежде всего Милюков, действовали достаточно энергично и решительно. Другое дело, что их действия были обречены на неуспех, но тут уж вступали в силу объективные факторы.

Соответствовал ли желаниям кадетов остальной состав правительства?

Сам Милюков получил пост министра иностранных дел, о котором мечтал еще с 1915 г. Уже осенью 1916 г., во время своей поездки в Англию за получением степени доктора наук Кембриджского университета, Милюков

держал себя как будущий министр: он вел переговоры с Ллойд Джорджем, с Асквитом, с Греем по всем вопросам внешней политики. Министерство иностранных дел было, по представлению кадетского руководства, важнейшим среди всех других министерств. Оно не только определяло внешнеполитический курс страны (в большой степени обусловливавший и внутриполитический курс), не только позволяло направлять ведение войны (что было чрезвычайно важно для кадетов), но и создавало возможность регулировать отношения с союзниками. Кадеты хорошо понимали, что в противоположность социалистическим партиям они не имеют влияния ни среди пролетарских масс, ни среди крестьянства, не пользуются популярностью в армии. В этих условиях единственной прочной их опорой представлялась поддержка и благорасположение союзников. Недаром Милюков и его сподвижники никогда не упускали случая напомнить о том, что Англия, Франция и США благословили Февральскую революцию в России лишь благодаря руководящей роли в ней кадетов. На VIII съезде партии «народной свободы» ее лидер без ложной скромности во всеуслышание заявил: «Когда я стал министром иностранных дел, то по этому признаку все союзные государства поспешили признать совершившийся переворот и новое правительство в России» [445. 1917. 11 мая].

Ближайший сподвижник Милюкова А. И. Шингарев стал министром земледелия (товарищем министра был назначен член кадетского ЦК Н. К. Волков). Это также был один из ключевых постов в правительстве, так как он позволял регулировать проведение аграрной реформы. Обладание этим портфелем казалось кадетам особенно важным, как отмечает Милюков, с точки зрения необходимости борьбы с «левыми течениями» в аграрном вопросе [312. Вып. 1. С. 27].

Во Временном правительстве Шингарев был вторым «я» Милюкова. «В области идей философски-политических и практически-государственных не было у него самостоятельности, — писал впоследствии М. М. Винавер о Шингареве, — он проникал глубоко идеями того сильного человека, за которым следовал (П. Н. Милюкова. — *Н. Д.*) и с искренним убеждением и особенным пафосом их проповедал» [226. С. 178].

Третий кадет в составе правительства — московский профессор, редактор «Русских ведомостей» А. А. Мануйлов — получил менее значительный портфель министра просвещения. Милюков, Шингарев и Мануйлов составляли собственно кадетскую часть кабинета.

По нашему мнению, ошибочно причислять к этой группе Некрасова, назначенного министром путей сообщения. Почти с самого создания Временного правительства принадлежность Некрасова к числу кадетских министров была чисто формальной. «Я имел даже в то время все основания считать Некрасова просто предателем, — писал Милюков в своих мемуарах, — хотя формального разрыва между нами не было» [311. С. 331].

Описывая назначение Некрасова и Терещенко, Милюков подчеркивает, что оно состоялось ввиду их особой близости к конспиративным кружкам, готовившим дворцовую революцию, и что «выбор этот остался непонятным для широких кругов» [312. Вып. 1. С. 27]. Отметим, что Некрасов был товарищем председателя Думы и фигурировал почти во всех существовавших министерских списках. Однако замечания Милюкова показывают, что вы-

бор Некрасова определялся, во всяком случае, не настояниями кадетского руководства.

Что касается Терещенко, то, анализируя партийный состав Временного правительства, Хасегава причисляет его к кадетам [491. Р. 529]. Но ни в прессе, ни в документах партии «народной свободы» свидетельств об этом нет.

Кадеты должны были бы получить еще один портфель — министра юстиции. Он предназначался В. А. Маклакову * или, еще вероятнее, как сообщает американский историк Р. П. Браудер [473. Р. 6], В. Д. Набокову, который вместо этого был сделан управляющим делами Временного правительства. «Я всегда удивлялся, что Временное правительство не нашло ему места в своей среде и посадило его в канцелярию, — писал о Набокове Петрункевич в письме к Родичеву в 1922 г. — Он сам не только удивился этому, но и огорчился: он не мог скрыть от меня, что не без чувства обиды перенес такую оценку его способностей» [158].

Решение передать пост министра юстиции Керенскому было принято в последний момент, уже в разгар революционных событий. Включение Керенского в состав кабинета произошло с полного согласия и одобрения кадетского руководства. Кадеты понимали, что в обстановке февральского переворота при все усиливавшемся влиянии Советов и социалистических партий необходимо было заручиться «заложником демократии», чтобы попытаться получить сочувствие и поддержку масс. В своей речи на VII съезде кадетской партии в конце марта 1917 г. Милоков прямо говорил: «Если бы взяла власть в свои руки только одна наша партия, то, вероятно, это вызвало бы большие прения и чрезвычайные затруднения» [145. 1917. 28 марта].

«Керенский был избран товарищем председателя Совета, — писал впоследствии И. В. Гессен, — и его включение в состав правительства манило установлением связи, ослаблением противодействия Совета» [238. С. 366]. Именем Керенского Милоков прикрывался, объявляя 2 марта собравшимся у Таврического дворца солдатам и рабочим состав нового правительства. На VII съезде партии «народной свободы» он восклицал: «Я помню тот решительный момент, когда я поздравил себя с окончательной победой. Это был тот момент, когда по телефону на нашу просьбу стать министром юстиции А. Ф. Керенский ответил согласием. . . Мы рады уступить место людям, которые, став рядом с нами, покажут, что этот переворот сделан всей Россией, будет принят всей Россией, будет поддержан всей Россией». На том же съезде князь Е. Н. Трубецкой говорил о «глубоко симпатичном нам соседе слева» А. Ф. Керенском [445. 1917. 28, 29 марта]. Недаром через несколько лет, уже в эмиграции, левый кадет Н. К. Волков на заседании Парижской группы партии «народной свободы» констатировал: «Керенский — наш общий грех. . . Мы сами его выдвигали и поддерживали» [164].

Окончательный состав правительства был согласован 1 марта. Вся его законодательная деятельность должна была направляться созданным в марте 1917 г. Юридическим совещанием, на рассмотрение которого пере-

* Газета «Киевская мысль» даже опубликовала 3 марта состав Временного правительства с Маклаковым в качестве министра юстиции.

давались «вопросы публичного права, возникающие в связи с установлением нового государственного порядка». Совещанию предстояло давать «предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов» [445. 1917. 26 марта]. Из семи членов Юридического совещания пятеро (Маклаков, Аджемов, Лазаревский, Нольде, Набоков) представляли кадетскую партию. Председателем совещания был видный кадет Ф. Ф. Кокошкин *?

Претендуя на руководящую роль в будущем правительстве, кадеты мотивировали эту претензию своей компетентностью в искусстве государственного управления, подготовленностью к приему власти. «Присущие нашей партии качества, — писал в «Речи» член кадетского ЦК Д. Д. Протопопов, — ум, знания, опытность, умение работать обеспечили нам подобное положение» [445. 1917. 18 марта].

Однако, захватив в свои руки желанную главенствующую позицию в кабинете, кадетское руководство отнюдь не собиралось ее афишировать. Выступая на VII съезде партии «народной свободы», один из главных ее идеологов, М. М. Винавер, заявил: «Представление о слиянии нас с правительством, переименовании нас в правительственную партию было бы заблуждением едва ли правильным по существу и опасным и для нашей деятельности, и для деятельности правительства. Мы должны представлять собою часть общественного мнения страны» [445. 1917. 29 марта].

Это утверждение повторяют ныне некоторые зарубежные историки. Хотя в составе первого Временного правительства, пишет, например, Л. Шапиро, преобладали кадеты, однако «ни его мировоззрение, ни его политика не были в своем существе кадетскими» и оно «часто отходило от официальной кадетской программы» [518. Р. 112].

Истории известны многочисленные примеры, когда политические партии, придя к власти, волею обстоятельств вынуждены в той или иной степени отходить от своих официальных программ. Однако в отношении стержневых, краеугольных для России 1917 г. проблем — о мире и о земле — официальный курс Временного правительства первого состава, несмотря на разногласия в его среде, не выходил из рамок программных положений, сформулированных партией «народной свободы». С этим фактом согласны и многие зарубежные авторы. «Ведущие политики кадетской партии, — пишет, например, Розенберг, — воспользовались созданием Временного правительства как возможностью взять в свои руки контроль над аппаратом русского государственного управления». Раскрывая главенствующую роль кадетов не только в первом кабинете министров, но и в других важнейших звеньях правительственной машины, Розенберг резюми-

* В. А. Маклаков писал в своей автобиографии для Пражского архива (хранящейся в коллекции ЦГАОР): «Во время революции 1917 г. я был членом Юридического совещания при Временном правительстве, был выбран его председателем, после чего Г. Е. Львов приехал мне сообщить, что в выборах произошла ошибка и что предполагалось, что выбран будет Ф. Ф. Кокошкин; для курьеза прибавлю, что Львов мотивировал это тем, что для меня приготавливается более почетное место — председателем комиссии по выборам в Учредительное собрание. Конечно, я немедленно ошибку исправил и от председательства в Юридическом совещании отказался. Но добавлю, что председателем [другой — Н. Д.] комиссии был назначен также Кокошкин» [122].

рует: «Кадетская мысль стала доминирующей в политической философии нового режима» [523. Р. 47].

Руководящая роль кадетов, и в частности их лидеров, особенно ярко обозначилась во время переговоров о соглашении Временного правительства и Совета рабочих депутатов, состоявшихся в ночь с 1 на 2 марта. Как подчеркивал один из представителей Совета, меньшевик Суханов, именно Милюков вел переговоры от имени всего думского комитета: «Все считали это само собой разумеющимся. Видно было, что Милюков здесь не только лидер, что он хозяин. . . » [361. С. 283].

Рассказывая о ходе переговоров, В. И. Старцев делает акцент на том, что «исполком предъявил условия Временному правительству», что «первая правительственная программа явилась следствием прямого давления на организующееся буржуазное правительство со стороны органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Однако сам он тут же оговаривается, что эти условия по существу ничем не отличались от требований, выдвигавшихся в разные периоды истории с 1905 по 1917 г. кадетами, прогрессистами и октябристами [363. С. 16—17].

Представляется, что скорее можно говорить о давлении думского комитета на эсеро-меньшевистскую делегацию Совета. «Шаг за шагом, — вспоминал Милюков впоследствии, — я одерживал победу над делегацией по поводу тех пунктов их текста, которые были неприемлемы» [311. С. 342]. Представленный проект декларации от имени Совета Милюков забраковал. Был составлен другой. Лидеру кадетов принадлежала та его часть, в которой Совет брал на себя обязательство восстановления порядка в столице. «Важно обеспечить дружную согласованную работу солдат с офицерами. . . — говорилось в этом абзаце. — Армия сильна лишь союзом солдат и офицеров». Милюков добился и того, что в пункт о распространении политической свободы военнослужащих была внесена поправка: «. . . в пределах, допускаемых военно-техническими условиями». Пункт о демократизации армии, вызвавший большие споры, был оставлен с добавлением: «. . . при сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы» [312. Вып. 1. С. 29].

Правда, в разгар переговоров членам Временного комитета был нанесен жестокий удар. Им был представлен знаменитый Приказ № 1 по войскам гарнизона, только что вступивший в силу после его утверждения на объединенном заседании рабочей и солдатской секции Петроградского Совета. Этот приказ подчинил гарнизон политическому руководству Совета и лишил Временный комитет возможности использовать армию в интересах контрреволюции. Хотя Милюков, сразу осознавший значение Приказа № 1, до изнеможения убеждал представителей Совета в «совершенной невозможности» его опубликования [355. С. 235], его усилия оказались тщетными.

Зато делегаты Советов не поднимали «страшных» для кадетов вопросов о земле и 8-часовом рабочем дне, а главное, о войне и мире, и в декларации Временного правительства все эти вопросы оказались обойденными. Милюков был доволен. Документ, выработанный объединенными стараниями Милюкова и лидеров Совета, вполне устраивал русскую буржуазию.

К примеру, П. П. Рябушинский открыто заявил, что «взгляды, лежащие в основе декларации, являются нашими взглядами» [31. С. 11].

Но наибольшая победа досталась Милюкову в вопросе о форме правления, который вызвал острые прения. Лидер кадетов высказывался за сохранение монархии, уверяя, что Романовы теперь уже не опасны: Алексей — большой ребенок, а Михаил — глупый человек. В ответ на возражения Н. С. Чхеидзе и Н. Д. Соколова он припугнул их своим уходом: «Если меня не будет, то и правительства вообще не будет. А если правительства не будет, то . . . Вы сами понимаете». В этом споре лидер буржуазии был неумолим и добился того, что требование демократической республики не было включено в декларацию и вопрос о форме государственного устройства остался открытым. Со стороны Совета это была, как подчеркивает И. М. Пушкарева, «неслыханная уступка буржуазии» [340. С. 205].

Здесь Милюков собирался стоять насмерть. 2 марта в беседе с представителями агентства Рейтер и Американского агентства он официально заявил: новое правительство считает целесообразным, чтобы регентство было возложено на великого князя Михаила Александровича. «Таково наше решение и изменить его мы считаем невозможным» [450. 1917. 3 марта].

Как наиболее авторитетный представитель Временного правительства, лидер кадетов выступил от имени только что сформированного кабинета перед матросами, солдатами и рабочими, собравшимися 2 марта в Екатерининском зале Таврического дворца. Заявляя, что новых министров «выбрала русская революция», он вновь обратился к вопросу о форме правления: «Власть перейдет к регенту — великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей». В противном случае, угрожал Милюков, начнется гражданская война и возродится только что разрушенный режим. Заявление о сохранении монархии вызвало такую бурю негодования, что Милюков вынужден был отступить, сказав, что это лишь его личное мнение и что форма государственного строя будет определена Учредительным собранием. В тот же день вечером Временное правительство, не дожидаясь обнародования общей с Советом декларации, выпустило за подписью Львова, Милюкова и Керенского обращение к населению, где заявляло, что в его программу входит образование Учредительного собрания, которое «установит форму правления страны».

Однако, несмотря на реакцию масс, несмотря на мнение других членов кабинета и Временного комитета, которые на совместном заседании утром 3 марта под влиянием обстановки высказались за отречение Михаила, Милюков продолжал настаивать на своем. И вес его в этот момент был столь велик, что остальные уступили и постановили предоставить решение самому великому князю.

На встрече с Михаилом, состоявшейся в квартире князя Путятина на Миллионной улице, лидер кадетов продолжал упорно (добившись, чтобы ему дважды предоставили слово) настаивать на необходимости сохранения «привычного для масс символа власти». Временное правительство, говорил он, одно, без монарха является «утлой ладьей», которая может потонуть в океане народных волнений [312. Вып. 1. С. 33]. Как вспоминал впоследствии Шульгин, «Милюков не хотел остановиться, не мог остановиться, боялся остановиться. Этот человек, обычно такой вежливый и выдержан-

ный, не давал никому говорить, он прерывал всех, кто ему возражал. . . Белый как лунь, с синевато-серым от недосыпания лицом, совершенно охрипший от выступлений в бараках и на митингах, он отрывисто каркал» [389. С. 299].

Уговаривая Михаила принять престол, лидер кадетов даже предлагал «немедленно взять автомобиль и ехать в Москву, где найдется организованная сила, необходимая для поддержки положительного решения великого князя». Впоследствии он объяснял, что призывал пойти на риск, рассчитывая на помощь Московского гарнизона (только что приехавший оттуда полковник Грузинов сообщал ему, что в Москве спокойно и гарнизон сохраняет дисциплину) [311. С. 302—303]. Совет принять престол в ту минуту, по словам Шульгина, означал «во главе верного полка броситься на социалистов и раздавить их пулеметами» [389. С. 299]. Итак, Милюков, уверяющий массы в необходимости сохранения монархии для избежания гражданской войны, на деле ратовал как раз за необходимость гражданской войны ради сохранения монархии! Наглядное опровержение приведенного нами выше тезиса Розенберга о стремлении кадетской партии к гражданскому миру. . . Акт об отречении Михаила составляли кадетские юристы В. Д. Набоков и Б. Э. Нольде [См.: 337. С. 59]. Они сумели так сформулировать этот документ, подчеркивает французский историк М. Ферро, что формально оставалась возможность для сохранения монархии [483. Р. 498].

Тем не менее большинство кадетского ЦК в отличие от своего лидера сознавало бесперспективность борьбы за монархию на этом этапе. «Хорошо помню, — писал по этому вопросу В. А. Оболенский, — заседание Центрального комитета за завтраком у Винавера, на второй день революции. Обсуждался вопрос о том, следует ли стремиться к сохранению монархического образа правления. Милюков решительно высказался за монархию. Его поддержало несколько правых кадетов. . . Большинство, однако, склонялось к мнению, что монархия фактически уже не существует и что бороться за ее восстановление и нежелательно и бесполезно». Тем не менее, «хотя и непроголосованное, мнение большинства ЦК не помешало Милюкову через три дня горячо убеждать великого князя Михаила Александровича вступить на освобожденный его братом престол» [137. С. 726].

Помешали этому, как писал В. И. Ленин, «рабочие, которые устраивали шествия в Питере и писали на знаменах: „Земли и воли! Смерть тиранам!“ — которые вместе с кавалерийскими войсками собирались на площади перед Думой и развешивали знамена с надписью: „Да здравствует социалистическая республика во всех странах!..“ Михаил Романов догадался, что при таком положении дела благоразумнее отказаться. . .» [1. Т. 31. С. 70].

После отречения Михаила Милюков заявил о своей отставке. «Измученный пятью бессонными ночами, проведенными в Таврическом дворце, — вспоминал он впоследствии, — и окончательно выведенный из равновесия отказом в. к. Михаила Александровича, полный мрачных предчувствий, я решил отказаться от вступления в министерство» [310. С. 25]. Однако через пять часов Милюков был разбужен делегацией кадетского ЦК в составе Винавера, Набокова и Шингарева. Члены ЦК убеждали своего лидера, что в такую минуту он не имеет права уходить и лишать правительство той доли авторитета, которая связана с занятой им позицией. Да он

«уже и сам чувствовал, что отказ невозможен» [310. С. 29; 311. С. 318]. В тот же вечер Милиуков присутствовал на первом заседании Совета министров.

Позиция лидера кадетов в вопросе о сохранении монархии сильно подорвала его авторитет в массах, а конечное поражение 3 марта существенно повлияло на роль Милиукова в кабинете, ослабив его вес и значение. Уже никогда больше престиж кадетского вождя в составе правительства и во всем буржуазном лагере не поднимался на такую высоту, которой он достиг в предыдущие три дня.

Пока призрак конституционной монархии маячил на горизонте, всегдашний ее апологет партия «народной свободы» претендовала на роль законного рулевого при новом строе, вооруженного четкой программой и владеющего искусством государственного управления. Фактическое установление демократической республики было для большинства кадетов неожиданным, руководить республиканским государством по логике вещей должны были уже другие партии, отстаивающие другие, более левые программы. Зародыш апрельского кризиса появился еще 3 марта.

Спасти гибнущую династию кадеты оказались не в состоянии. Как подчеркивает С. В. Тютюкин, в этой ситуации им оставалось лишь принять Февраль как совершившийся факт и попытаться втиснуть народную революцию в традиционные рамки «классического» буржуазного переворота, устраняющего, наконец, явное несоответствие между командным положением буржуазии в экономике России и той третьейстепенной ролью, которая отводилась ей царизмом в политической системе монархии [370. С. 210—211].

На VII съезде кадетской партии, состоявшемся 25—28 марта 1917 г., была принята резолюция о новой редакции пункта 13 партийной программы: «Россия должна быть демократической и парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству. Во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства» [397. № 1. С. 9].

По меткому выражению В. И. Ленина, кадеты сами не верили своему республиканизму [См.: 1. Т. 32. С. 382—383]. Революция заставила их принять республиканское обличье вопреки собственным убеждениям. Либеральная буржуазия, подчеркивал В. И. Ленин, «ни в каком случае дальше ценовой конституционной монархии идти. . . не хотела» [1. Т. 32. С. 384].

Поэтому крушение монархического строя вызвало в кадетской среде явное уныние. «Настроение было примерно такое же, — вспоминал впоследствии И. В. Гессен, — что и у бюрократии. . . [Я] всеми фибрами души ощущал, что мы стоим на наклонной плоскости, на которой удержаться немислимо, а куда соскользнем — не вижу и сохраним ли при этом голову на плечах — не думаю. . . Я писал о „великой, бескровной революции“ . . . провидел „зарю новой жизни“, приветствовал „сознательность революционной армии“, не веря ни единому слову» [238. С. 356].

Те же ноты звучат в мемуарах Оболенского: «Большинство моих товарищей по ЦК, как и я сам, далеко не были в восторге от. . . революции. При-

ходилось ее принимать как свершившийся факт, но хорошего мы от нее не ждали, а потому с *первого же дня* (курсив наш. — Н. Д.) стали в известном смысле контрреволюционерами», всячески стараясь препятствовать «углублению революции» [137. С. 276].

Именно этим стремлением определялась и диктовалась политика кадетской партии в период от февраля до октября 1917 г. во всех ее аспектах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗА ВЛАСТЬ БУРЖУАЗИИ

2 марта 1917 г. партия «народной свободы» обратилась к народам России с воззванием, в котором провозглашала: «Да будут забыты в стране все различия партий, классов, сословий и национальностей». Та же идея громко звучала в опубликованной 5 марта в «Речи» статье «Народно-русская революция». «Бывали революции буржуазные, бывали и пролетарские, — говорилось в ней. — Но революции национальной, в таком широком значении слова, как нынешняя, русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали — и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство, не исключая дворянства объединенного, все вообще живые общественные силы страны. А потому никто не имеет на нее исключительного права. . . Все захотели прежде всего быть русскими, а потом уже — представителями своих классов. . . Только бы это объединение сохранилось до того великого дня, когда избранное всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием Учредительное собрание соберет весь народ и даст общее национальное решение классовым спорам. Пусть до этого времени они умолкнут» [445. 1917. 5 марта].

И дальше призыв к единству, к забвению партийных и классовых различий лейтмотивом проходит через все выступления партийного официоза.

Те же идеи «дружной совместной работы» с другими партиями, отказа от принципа партийности проповедовали представители партии «народной свободы» на местах [439. 2 марта; 439а. 4, 17 марта].

Почему же кадетов так заботила необходимость «единства»? Чем была вызвана их тревога о прекращении партийных споров? Сами они объявили, что ратуют за сплочение, опасаясь угрозы возрождения старого режима.

Действительно, кадетские ораторы и публицисты не упускали случая «попугать» обывателя «правой опасностью». Так, в номере «Речи» от 7 марта 1917 г. читаем: «Нельзя создавать путем партийных разногласий слабое место для нападения притаившихся, но существующих темных сил». На съезде кооператоров министр земледелия А. И. Шингарев заявлял, что у русского народа есть «грозный враг»: «возможность анархии и беспорядков под влиянием приспешников старого строя» [445. 1917. 27 марта]. Видный кадет К. Н. Соколов на митинге в Петрограде 7 мая говорил: «Надо помнить, что есть еще класс, стоящий вправо,

и что он еще напомним о своем существовании. Необходимо создать твердую и сильную власть» [445. 1917. 27 марта, 9 мая].

Смысл этих угроз очевиден: таким образом кадетская партия стремилась отмежеваться от правомонархического лагеря и упрочить собственные позиции. Однако подобного рода запугивания были чисто показным маневром. Подлинная причина кадетских призывов к успокоению и единению заключалась в другом.

С первого дня революции кадеты понимали, что это лишь начало, лишь, так сказать, артиллерийская подготовка перед решающим боем. Многие из них пишут об этом в своих мемуарах. Чувствуя непрерывное нарастание революционного подъема, наблюдая развитие классового сознания трудящихся масс, партия «народной свободы» прилагала максимум усилий для того, чтобы затушить классовые противоречия, задержать рост революционных настроений в стране. Главное средство для достижения этой цели кадеты видели в борьбе против партии большевиков и ее с каждым днем усиливающегося влияния на массы.

Уже с середины марта 1917 г. кадетская печать вела систематическую антибольшевистскую кампанию. Газета «Речь» стала своего рода зеркалом роста влияния большевиков в народных массах: чем сильнее и шире становилось это влияние, тем более резкими и агрессивными делались нападки кадетского официоза на большевистскую партию и ее вожда.

На VII съезде партии «народной свободы» «одной из наших целей ближайшего будущего» объявлялась «борьба со всякого рода максимализмом и большевизмом». Это заявление вызвало аплодисменты у делегатов съезда [445. 1917. 29 марта].

Через много лет в приветствии кадетов-белоэмигрантов своему лидеру в связи с его 70-летним юбилеем говорилось: «Мы все помним Вас как человека, одним из первых определившего свою непримиримую позицию по отношению к большевикам» [317. С. 51]. Будучи министром иностранных дел, Милюков принимал все возможные меры для того, чтобы воспрепятствовать возвращению на родину Ленина и других большевиков, находившихся в эмиграции.

Однако сделать это было не так-то легко. «Мы требуем, чтобы декрет об амнистии был бы немедленно проведен в жизнь», — гласила принятая на митинге 8 марта резолюция рабочих петроградского завода «Динамо». Такие же резолюции были приняты на многих заводах и фабриках Петрограда и других городов России, в воинских частях и на кораблях Балтийского флота. Из-за границы в адрес правительства и Петроградского Совета стали поступать телеграммы от эмигрантских организаций с требованием оказать помощь в возвращении в Россию. Русские посольства и миссии за границей осаждались эмигрантами, требовавшими виз на въезд в Россию. Послы и посланники телеграфировали в Петроград: «Как быть?» 10 марта Милюков телеграфировал им: «Благоволите оказать самое благожелательное содействие всем русским политическим эмигрантам к возвращению на родину». Он предлагал в случае необходимости снабжать эмигрантов средствами на проезд и проявлять к ним «самое предупредительное отношение».

Вслед за этой телеграммой послы на следующий же день, 11 марта, получили другую — секретную. В ней содержалось важнейшее уточнение:

снабжать политических эмигрантов консульскими паспортами для въезда в Россию разрешалось, «если только лица эти не значатся в международных или наших военных контрольных списках» *.

Первая телеграмма предназначалась для того, чтобы успокоить общественность; опираясь на нее, Милюков возмущенно отвергал обвинения в препятствиях, чинимых приезду эмигрантов. Вторая телеграмма обеспечивала невозможность их возвращения на родину при помощи соглашения царского правительства со странами Антанты, по которому союзнические министерства иностранных дел препятствовали выезду в Россию политэмигрантов-интернационалистов.

С той же целью Милюков широко пустил в ход свои личные связи с зарубежными деятелями. Характерно в этом плане сохранившееся в архиве письмо Милюкову от одного из его американских друзей, С. Харпера [107а. Л. 5]. Впоследствии профессор Харпер стал одним из родоначальников американской буржуазной советологии. В ее основу были положены кадетские концепции истории России XX в.

В своем письме от 12 апреля 1917 г. С. Харпер сообщал, что в сотрудничестве с кадетским эмиссаром в США Б. Е. Шацким [См.: 236] принимает по поручению американского правительства участие в деле репатриации русских политэмигрантов. «Я делаю все, что в моих силах», писал Харпер, чтобы «помешать попыткам врагов, которых у нас здесь множество, проникнуть в Россию под тем или иным предлогом» (под «врагами» подразумевались противники империалистической войны).

Интересный факт сообщает английский историк Л. Кочен: Бьюкенен и Палеолог снабжали Министерство иностранных дел в Петрограде материалами, которые можно было использовать против Ленина в прессе [498. Р. 207].

Милюков, по признанию Набокова, «не проявил решительного, ультимативного противодействия допущению в пределы России пассажиров знаменитого запломбированного вагона» только потому, что кадеты «думали, что уже сам по себе факт „импорта“ Ленина и К^о германцами должен будет абсолютно дискредитировать их в глазах общественного мнения и воспрепятствовать какому бы то ни было успеху их проповеди» [322. С. 61].

Жестокая травля партии большевиков и ее вождя развернулась на страницах кадетской печати сразу же после приезда В. И. Ленина в Россию. Кадеты строили свою антибольшевистскую пропаганду, не гнушаясь самой низкопробной клеветы. «Правда» всякий раз давала достойный отпор «кадетским фальшивомонетчикам». «...Лжете, господа кадеты. . . — писал В. И. Ленин в номере от 16 мая. — Плохо ваше дело, господа, раз вам приходится отстаивать его такими бесстыдными, такими презренными приемами» [1. Т. 39. С. 103—104].

* Международные контрольные списки лиц, которым не разрешался въезд в страны Антанты, были составлены военными представителями Англии, Франции и России в Межсоюзническом бюро в Париже в 1915—1916 гг. В них входили лица, подозреваемые в шпионаже в пользу Германии, а также лица, выступавшие против войны [298. С. 4].

Одновременно кадеты пытались скомпрометировать идеи большевизма, доказать их «нежизненность» и «утопичность». Всячески отрицая классовую борьбу и ее роль в истории — «этот набивший оскомину трафарет», кадеты уверяли, что «борьба сил... заключается не только и не столько в классовых противоречиях», сколько в «чисто психологическом моменте революционного настроения». «Борются между собою два течения, имеющие не социально-экономическую, а исторически-психологическую основу, — течение революционное и течение эволюционное. Это различное отношение к исторической перспективе определяется исключительно индивидуальными особенностями каждого из нас — складом ума и характера, темпераментом, возрастом, степенью интеллекта, от которой зависит перевес рефлекса или воли, условиями воспитания или жизненного опыта» [445. 1917. 7, 27 мая].

«В конечном счете, — говорилось в редакционной статье «Речи» 18 апреля, — в России одержат победу те же силы, которым будет принадлежать господство в остальном цивилизованном мире. Если по окончании войны Европа и Америка вступят в фазу социальной революции, то переживет аналогичную революцию и Россия. Если нет, то и в России социальной революции не бывать... Инициатива в этом деле не может принадлежать России, [так как] международная экономическая и политическая позиция России недостаточно сильна, и голос ее лишен должного авторитета».

Наиболее полное теоретическое обоснование кадетская антимарксистская концепция получила в книге профессора П. И. Новгородцева «Об общественном идеале». Признавая «жизненную правду» выдвинутой марксизмом «идеи достойного человеческого существования, которое должно быть обеспечено для каждого», автор в то же время стремился доказать, что в определении путей решения этой задачи, в своих «абсолютных обетованиях и революционных замыслах марксизм потерпел крушение» [324. С. 509]. С таким категорическим утверждением Новгородцев выступал в 1917 г. — в атмосфере неудержимого движения России к торжеству марксистских идей.

В книге «Об общественном идеале» было сформулировано кредо русской буржуазно-либеральной философии в послефевральский период — концепция так называемого идеалистического либерализма. Сегодня эту концепцию поднимают на щит буржуазные философы и обществоведы, видя в ней противостоящую марксизму «философскую защиту свободы личности». По собственным признаниям, они обращаются к теоретическому наследию кадетских идеологов, надеясь найти в нем «проблемы и перспективы, центральные для современных поисков нового пути» [516. Р. 5].

В свете всего вышесказанного становится очевидным, что в действительности кадетов страшил процесс непрерывного «левения» страны, а отнюдь не «правая» угроза. Это подтверждалось не только их консолидацией с реакционно-монархическими партиями и организациями (о чем речь пойдет ниже), но и их отношением к старому аппарату государственного управления, оставшемуся в наследство от царского режима. Наглядным примером здесь может служить возглавлявшееся Милюковым Министерство иностранных дел.

Еще в 1906 г., когда маячила возможность вхождения Милюкова в правительство, он заявил интервьюировавшему его английскому журналисту: «Большинство чиновников готовы приветствовать восходящее солнце. Будут, конечно, какие-то увольнения, но очень мало...» [520. Р. 294—295]. Однако даже от этих минимальных изменений в аппарате Милюков отказался, придя к власти. «Я не уволил ни одного из служащих министерства, — писал он впоследствии. — Я ценил заведенную машину с точки зрения техники и традиции. Я знал, что среди служащих в министерстве были люди, которые не разделяли моих взглядов по текущим вопросам внешней политики; но я не опасался их влияния на меня и рассчитывал на их добросовестную работу» [311. С. 336].

Придя в первый раз в Министерство иностранных дел, его новый руководитель начал с того, что обратился к директорам департаментов и отделов с просьбой оставаться на местах и продолжать работу [499. Р. 205—207]. Он оставил в должности одного из двух товарищей министра иностранных дел А. А. Нератова. Другой, А. А. Половцев, подал в отставку и был заменен старым другом Милюкова и его товарищем по партии Б. Э. Нольде, который в течение долгого времени являлся официальным советником царского министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Вновь созданный экономический департамент министерства возглавил П. Б. Струве. Одним из ближайших сотрудников Милюкова по министерству стал давний единомышленник кадетов князь Г. Н. Трубецкой, много лет бывший начальником Ближневосточного департамента [445. 1917. 16, 22 марта]. Других изменений в руководящем аппарате министерства не произошло.

На составе дипломатических работников, находившихся за границей, смена власти также никак не отразилась. Большинство русских послов и посланников сохранили свои посты. Послом в Париже остался А. П. Извольский. В Лондоне по-прежнему заседал поверенный в делах К. Д. Набоков (кстати, родной брат кадета В. Д. Набокова). В апреле 1917 г. Милюков назначил послом в Англии С. Д. Сазонова (известие об отмене этого назначения в связи с отставкой Милюкова было получено Сазоновым уже на Финляндском вокзале, откуда он направлялся к месту новой службы). Даже посол в Вашингтоне, ярый монархист Ю. А. Бахметев, ушел со своего поста только в апреле, да и то по собственной инициативе [262. С. 122]. Консульский штат также не претерпел никакого изменения.

Известно, что дипломатическая служба в России вплоть до 1917 г. оставалась монополией дворянства. Царское правительство старательно ограждало русский дипломатический корпус от проникновения в него лиц неаристократического происхождения. Здесь были особенно сильны монархические настроения. Поэтому многие русские дипломаты отнеслись к революции враждебно [219. С. 32—34]. Вот что писал, например, комиссар Временного правительства С. Г. Сватиков, посланный с ревизионной поездкой за границу в июне—августе 1917 г.: «Российское посольство в Риме, состоящее в значительной степени из реакционеров, тесно связано с реакционными группами в России и за границей, совершенно отрицательно относится к Временному правительству и к революции, считая их явлениями временными, скоро проходящими и питая надежду на скорое восстановление Романовых и на укрепление реакции». Все черно-

сотенцы, писал он далее, оставлены на своих местах и пользуются усиленной поддержкой таких же черносотенцев, оставшихся в управлениях и министерствах в Петрограде. «Наша дипломатия,— подчеркивал в заключение Сватиков,— с глубоким неодобрением относится к новой России, а в силу этого неспособна объективно защищать ее интересы» [41. Вып. 4. С. 185, 218].

Характерно, что это вынуждены были признавать и сами кадеты. Так, в момент правительственного кризиса на ночном заседании в Мариинском дворце 20 апреля 1917 г. член ЦК партии «народной свободы» М. С. Аджемов констатировал: «Наша дипломатия находится в руках людей, которые не поняли и не восприняли нового строя» [445. 1917. 22 апр.].

Милоков был абсолютно прав, утверждая, что не опасался влияния аппарата министерства на его внешнюю политику. Опасаться было действительно нечего: верноподданные проводники внешнеполитического курса романовской империи были самыми надежными помощниками новому министру, стремившемуся к незыблемости и неизменности этого курса.

Той же позиции придерживались и другие министры-кадеты. Так, Шингарев, радушно встреченный чиновниками Министерства земледелия, в своей «тронной речи» горячо благодарил их за приветствия и выражал надежду на совместную дружную работу. Мануйлов своей деятельностью вызвал особые обвинения «в сохранении канцелярской рутины, в призыве деятелей старого режима» [322. С. 49].

Временное правительство оставило в неприкосновенности государственный аппарат, доставшийся в наследство от царизма. Почти никаких изменений не претерпел состав высшего царского чиновничества. С его помощью буржуазия рассчитывала укрепиться у власти. Временное правительство ограничилось упразднением особых гражданских судов, охранных отделений, корпуса жандармов и полиции, за что их усиленно упрекают современные буржуазные историки [538. Р. 219]. Но и это было сделано лишь под давлением революционного подъема в стране. Набоков впоследствии откровенно писал, что «вся полиция была принесена в жертву» «требованиям революционной фразы, революционной демагогии и . . . настроениям масс» [322. С. 27].

Кадетам же принадлежит инициатива в сохранении субсидии-пенсии членам Государственного совета. В самом начале своей деятельности Временное правительство назначило пенсии двум из них (по воспоминаниям Набокова, В. Н. Коковцову и А. С. Танееву) в размере 7—10 тыс. руб. Столь же щедро была бы, несомненно, оценена верная служба императору и других членов Государственного совета, если бы большевики на страницах печати, на митингах и собраниях не выступали с горячими протестами против такого разбазаривания государственных средств. Однако члены Государственного совета, пребывавшие в совершенной праздности, продолжали получать прежнее содержание. Некоторые из них согласно собственному желанию были назначены в сенат и получили сенаторские оклады. Временное правительство первого состава, несмотря на обилие неотложных проблем, требовавших разрешения, потратило два заседания на обсуждение вопроса о членах Госу-

дарственного совета, но в результате все так и осталось по-прежнему [322. С. 29].

Отнюдь не намереваясь осуществить конструктивную перестройку системы государственного управления, пришедшая к власти партия «народной свободы» в абсолютной целостности и сохранности оставила у руля управления Российским государством ту самую бюрократическую машину, которая, как накануне Февраля громогласно заявляли кадетские ораторы и публицисты, привела страну на край пропасти, поставила ее на грань катастрофы. Царским чиновникам Временное правительство с благословения и поощрения кадетской партии доверило строительство «новой жизни».

Старый бюрократический аппарат представлялся кадетам надежной опорой в борьбе против социалистической революции, против растущего влияния Советов рабочих депутатов. Помешать этому росту, противопоставить Советам органы буржуазной власти на местах была призвана административная реформа, проведенная декретом Временного правительства от 5 марта 1917 г.

Были ли кадеты инициаторами ее проведения? По-видимому, да. Во всяком случае, уже 1 марта ЦК партии «народной свободы» указывал Временному комитету Государственной думы на необходимость назначения комиссаров в губернии, 2 марта подчеркивал, что старая администрация на местах требует замены. Тогда же ЦК решил составить списки людей для рекомендации в центральный и местный аппараты новой власти [397. № 1. С. 313].

У. Розенберг объясняет реформу страхом кадетов перед угрозами «справа», их опасениями, что представители старой администрации не будут иметь морального долга подчиняться Временному правительству [523. Р. 59]. Однако это обстоятельство не смущало кадетов, когда речь шла об аппарате министерств, который они предпочитали оставить в целостности и сохранности.

Причина и цель административной реформы предельно ясны. Революция охватила всю страну. Ее начальный этап, как писал В. И. Ленин, был завершен в несколько дней [См.: 1. Т. 31. С. 12]. В эти дни царская администрация была сметена революционной волной.

В. Д. Набоков писал о декрете 5 марта: «Что было делать? И в этом случае, как и во многих других, оно (Временное правительство. — *Н. Д.*) должно было считаться не... с действительными реальными интересами, а с... настроениями масс» [322. С. 27]. По этому поводу В. И. Старцев резонно замечает, что Временное правительство было вынуждено считаться не столько с «настроениями масс», сколько с фактами наличия в руках революционного народа вооруженной силы, с самочинной ликвидацией полиции и устранением реакционных губернаторов [361. С. 301]. В ходе революции еще до организации Советов рабочие и солдаты почти всюду арестовали губернаторов, вице-губернаторов, градоначальников, полицеймейстеров и других представителей царской власти [9. Т. 1; 319. Т. 1. С. 767—773]. Временное правительство специальным постановлением от 6 марта попыталось спасти их от ареста. Но оно почти нигде не было осуществлено. Воля народных масс уже была сильнее постановлений центральной власти [214. С. 162].

Проводя административную реформу, Временное правительство стремилось предупредить дальнейшее развитие событий в том же направлении, не допустить формирования на местах органов народной власти без его санкции и участия, осуществить неизбежную смену органов местного управления собственными руками и в собственных интересах.

Исследовавшие процесс формирования буржуазных властей на местах Э. Н. Бурджалов и А. Я. Грунт выделяют то общее, что было свойственно почти всем местным органам: главными опорными пунктами Временного правительства были городские думы, земства, разного рода общественные организации, которые являлись центрами буржуазно-помещичьей оппозиции, особенно сплотившейся и усилившейся во время войны [241. С. 49]. «Это был готовый аппарат, — констатирует Э. Н. Бурджалов, — который можно было использовать для выполнения государственных функций» [214. С. 163]. В момент перехода к новому строю кадеты в итоге своей деятельности в период войны играли в этом аппарате доминирующую роль. Таков главный аргумент против той характеристики положения и влияния в стране кадетской партии, которую дает А. Я. Аврех в монографии «Распад третьеиюньской системы».

Городские, уездные, губернские комиссары Временного правительства, подчеркивает А. Я. Грунт, как правило, назначались из числа лиц, игравших видную роль в названных выше учреждениях и организациях. Поэтому в числе комиссаров оказались многие кадеты. Комиссаром по Финляндии был назначен Ф. И. Родичев, председателем комиссии по делам Царства Польского — А. Р. Ледницкий [445. 1917. 5, 16 марта]. 9 марта постановлением Временного правительства из числа членов Государственной думы был образован Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ) в составе пяти человек; трое из них были кадеты; в том числе и председатель комитета В. А. Харламов [375. С. 61—62]. Комиссаром Тургайской области был назначен кадет А. Букейханов (в годы гражданской войны он станет сподвижником белоказацкого атамана Дутова). 7 апреля был создан Особый Туркестанский комитет во главе с председателем — членом ЦК партии «народной свободы» Н. Н. Щепкиным [32. С. 4], будущим руководителем контрреволюционного заговора против Советской власти в 1919 г.

В Москве комиссаром Временного правительства стал Н. М. Кишкин, в Донской области — М. С. Воронков, во Владимире стал член Государственной думы, руководитель местных кадетов В. Ф. Эрн. Все уездные комиссары во Владимирской губернии также были кадетами [382. С. 17]. Губернским комиссаром в Саратове стал кадет Н. Семенов [214. С. 207], в Самаре — председатель губернской земской управы кадет Иныхов, а его помощником — член управы кадет Осоргин [6. С. 15; 207. С. 20]. Будущий министр Крымского правительства в период гражданской войны кадет Н. Н. Богданов был назначен комиссаром Таврической губернии, кадет И. П. Лаптев — Омского военного округа, а член Государственной думы кадет Л. А. Велихов — комиссаром г. Одессы [445. 1917. 17, 21 марта]. Этот список можно было бы еще долго продолжать.

Понимая, что административная реформа отнюдь не решает проблему местного самоуправления, а лишь дает толчок к активным поискам революционного решения этой проблемы, кадетская партия стремилась

утвердить власть Временного правительства и собственное влияние на местах путем создания комитетов общественных организаций (называвшихся также комитетами общественной безопасности, общественного спасения и т. п.).

Эти комитеты стали создаваться сразу же по получении известий о революции, самочинно, без указаний сверху. Во главе большинства из них стояли буржуазно-либеральные, прежде всего кадетские, деятели. «Это не было случайностью, — подчеркивает Э. Н. Бурджалов. — Буржуазия вела за собой большую часть местной интеллигенции, в ее руках находились военно-промышленные, биржевые и т. н. комитеты и городские думы» [214. С. 163].

О создании Комитета общественных организаций в Москве подробно рассказано в глубоком и аналитичном исследовании А. Я. Грунта [241. С. 49—58]. Хотелось бы только добавить, что среди руководителей комитета и комиссаров, назначенных им в различные учреждения Москвы, большинство составляли кадеты и прогрессисты, притом именно те, кто принимал активное участие в работе Союза городов: Н. М. Кишкин, Н. Н. Щепкин, А. Д. Алферов, М. В. Сабашников, М. Г. Комиссаров, С. Н. Третьяков, П. А. Бурышкин, Л. Л. Катуар, П. А. Садырин, П. И. Новгородцев, П. А. Вишняков и др. [178. Л. 1; 179. Л. 1]. В созданный при комитете Военный совет вошел Д. И. Шаховской [176. Л. 4]. Н. И. Астров стал московским городским головой.

А. Я. Грунт показывает, как в течение мартовских дней 1917 г. буржуазия, не встречая сопротивления со стороны масс и их политических партий, сравнительно легко организовалась и создала в Москве свой орган власти, захватив ключевые позиции в управлении городом [241. С. 58]. Подобно московскому, буржуазные органы власти (хотя и не всегда столь же легко) были образованы и в других городах.

Киевский городской голова кадет Ф. Р. Буршак, получив телеграмму от М. В. Родзянко, извещавшую о создании Временного комитета Государственной думы, решил организовать аналогичный орган власти в Киеве. Вечером 1 марта на собрании представителей всех значительных общественных организаций был образован так называемый Совет объединенных общественных организаций, заявивший, что он принимает на себя ответственность за сохранение порядка и закона. Сразу же были установлены связи с Киевским Советом рабочих депутатов и городской думой, которые делегировали своих членов в исполнительный комитет, выбранный из среды Совета объединенных общественных организаций. Исполнительный комитет возглавляли видные киевские кадеты Н. Ф. Страдомский (председатель), Д. Н. Григорович-Барский, Ф. Р. Штейнгель, И. Г. Черныш [423. 1917. 2 марта; 309. С. 3—7; 450. 1917. 4 марта].

В тот же день из гласных думы и представителей общественных организаций образовался городской общественный комитет в Харькове во главе с буржуазным деятелем А. Корытиным. Комитет объявил, что берет на себя управление городом, снабжение населения продовольствием и обеспечение его безопасности [214. С. 221].

Сразу же по получении известий о перевороте в Петрограде образовался Временный исполнительный комитет в Твери, призвавший население соблюдать спокойствие и продолжать исполнять свои обязанности.

В него входили представители городской думы, земских учреждений, рабочих, воинских частей, кооперативов и других общественных организаций [214. С. 179—180]. Председателем комитета стал кадет А. А. Червен-Водали — в будущем активный участник борьбы против Советской власти, последний премьер-министр колчаковского правительства.

1 марта был создан с преобладающим участием кадетов Комитет общественного спокойствия в Воронеже [214. С. 189]. В дальнейшем он был переименован в Комитет объединенных общественных организаций и учреждений. Костромские кадеты из земства и городской думы 1 марта сформировали комитет в составе 8 человек, объявив его единственной властью в городе [18. С. 31]. Кадетами были 9 из 16 членов избранного в тот же день саратовского Общественного исполнительного комитета [198. С. 99—104]. В крупном промышленном центре Саратовской губернии Царицыне в состав созданного 1 марта Временного исполнительного комитета вошли заводчики, лесопромышленники, биржевики, домовладельцы, уполномоченные кооперации, представители культурно-просветительных и других организаций. Председателем комитета стал либерал Рязанов [214. С. 211].

Лидеры омских кадетов — присяжный поверенный В. А. Жардецкий (в будущем ярый колчаковец), председатель биржевого комитета Н. Д. Буяновский, С. У. Кадыш и др. — вошли в состав коалиционного комитета, созданного 2 марта [19. С. 49; 285. С. 194].

Во Владимире 3 марта управление городом и губернией перешло в руки Временного исполнительного комитета, в который вошли октябристы, кадеты, меньшевики, эсеры, беспартийные. Возглавил комитет председатель губернской земской управы кадет С. Петров. В посланной в тот же день телеграмме на места комитет призывал население к порядку: «Под защитой нового правительства пусть ваша жизнь течет, как прежде. В этом залог вашего счастья и победы над врагом» [214. С. 188].

В Ростове-на-Дону гражданский комитет собрался на свое первое заседание также 3 марта [394. 4 марта]. Верховодили в нем два наиболее известных в городе кадета — миллионер Н. Е. Парамонов (будущий организатор пропагандистской службы деникинщины) и В. Ф. Зеелер (будущий министр созданного в 1920 г. недолговечного Южнорусского правительства).

3 марта был образован Комитет общественных организаций в Одессе. Он включал в себя представителей земского и городского союзов, группы студентов университета, Одесского технического общества и военно-промышленного комитета. Единственной политической организацией, представленной в этом комитете, была кадетская партия. 4 марта одесский КОО избрал 12 комиссаров и постоянный президиум. Была учреждена специальная должность управляющего городом (т. е. городского головы), которую занял М. В. Брайкевич, в течение многих лет являвшийся членом Одесского комитета партии «народной свободы». Одним из первых его шагов на этом поприще было создание городской милиции. Комитет общественных организаций, заявил Брайкевич, намерен оказывать безусловную поддержку Временному правительству [439. 4, 5, 6, 8 марта].

Лидер полтавских кадетов, член ЦК партии «народной свободы» Я. К. Имшенецкий 4 марта писал П. Н. Милюкову, что в Полтаве

городской думой избран комитет, «в составе которого имеются не только кадеты, но и консерваторы» [107. Л. 1].

В Екатеринбурге в Комитет общественной безопасности, созданный 4 марта, было избрано 10 представителей от городской думы [329. С. 232] и среди них руководитель кадетской организации на Урале, директор электростанции «Луч» Л. А. Кроль — в будущем главное действующее лицо в белогвардейском Временном областном правительстве Урала.

В Перми был создан Временный комитет из представителей городской думы, земства, рабочих, кооперативов и других организаций. Он избрал исполнительный орган комитета общественной безопасности, из восьми членов которого четверо представляли партию «народной свободы» [5. С. 115; 214. С. 198]. Председателем комитета общественной безопасности, образованного 5 марта в Чите, был кадет Дудукалов [409. 12 марта].

Подобные же комитеты были созданы и функционировали в Рязани, Тамбове, Орле, Луганске, Тюмени, Енисейске, Астрахани, Ташкенте, Симферополе, Феодосии, Таганроге, Баку и Владикавказе. В них входили обычно представители таких учреждений, как городская дума, земская и городская управы, военные организации (начальники военных гарнизонов, воинских присутствий, представители штабов, участие которых должно было демонстрировать присоединение армии к перевороту), судебные учреждения и т. д. Эти комитеты являлись органами цензовой общественности, несколько разжиженной представителями рабочих, солдат, кооперативов и т. д.

В большинстве этих органов главенствующую роль играли кадеты. Общественные комитеты были вполне официальными организациями. Нередко они сосредоточивали в своих руках значительную административную власть, начиная от вопросов финансовых и кончая контролем над местными гарнизонами.

Возникновение широкой сети буржуазных организаций по всей стране в столь короткие сроки при руководящем участии кадетов заставляет еще раз задуматься над правомерностью выводов А. Я. Авреха о полном организационном развале партии «народной свободы» накануне Февраля, о потере ею всякого влияния в провинции. Развитие событий в первые послефевральские месяцы показывает, что на местах существовал достаточно сплоченный буржуазно-интеллигентский актив, группировавшийся вокруг различного рода обществ и комитетов, доминирующую роль в которых играли кадеты. Мы видим, как часто в числе руководителей буржуазных органов власти на местах упоминаются кадетские деятели, уже знакомые нам по активному участию в земском и городском союзах, в различного рода общественных организациях в годы войны. Все эти организации, тесно связанные между собой и обладавшие уже навыками практической деятельности, и послужили базой для образования в России целой системы «опорных пунктов» буржуазии, возглавлявшихся кадетской партией.

А. Я. Грунт, исследуя состав Московского комитета общественных организаций, пришел к любопытным выводам. Он показал, что хотя цензовая группа (34 человека), в которой первую скрипку играли кадеты, оказалась в меньшинстве по отношению к демократической (47 человек) и рабочей (64 человека) группам, однако это впечатление чисто внешнее.

Большая часть «демократической группы», подчеркивает А. Я. Грунт, в политическом отношении примыкала к либералам. Таким образом, ценовая буржуазия, формально находясь в меньшинстве, фактически располагала в комитете общественных организаций сильными позициями, что и нашло отражение в его практической деятельности [241. С. 51—52].

Объясняя причины высокого удельного веса в местных органах власти представителей различных ценовых и демократических организаций, А. Я. Грунт пишет: «В момент революционного взрыва буржуазия, стремившаяся к власти, не могла и не хотела оставить в стороне от управления делами своих представителей, сосредоточившихся в так называемых „общественных“ организациях» [241. С. 49]. Но дело состоит в том, что на местах эти «сосредоточившиеся представители» как раз и были наиболее активными, наиболее энергичными среди лидеров буржуазии, как раз они и воплощали в своей практической деятельности ее стремление к власти. Причем нагляднее всего это обнаружилось именно в Москве, где инициаторами создания и руководителями буржуазных органов власти стали лидеры «общественных» организаций — Н. М. Кишкин, Н. И. Астров, П. П. Юренев и др.

Ту же картину рисуют и исследователи истории Февральской революции в Нижнем Поволжье, показывающие, что кадеты заняли ключевые посты в губернских и уездных комитетах, так как еще до свержения самодержавия имели сильные позиции в органах местного самоуправления, различных буржуазных комитетах, общественных организациях [218. С. 74].

Преемственную связь новых органов власти с существовавшей в годы войны сетью местных неправительственных организаций подчеркивал в своих воспоминаниях А. Ф. Керенский. С первого дня революции, пишет он, во всех уездных и губернских городах представители этих организаций связывались с земствами, городскими самоуправлениями, кооперативами, объединялись в разного рода комитеты, которые всякими способами «создавали примитивные формы администрации» [278. С. 141].

В коллективной монографии «Борьба за массы в трех революциях в России» подчеркивается, что, формируя местные органы власти, «буржуазия расширяла состав городских дум лишь в той мере, в какой ей приходилось идти на уступки пролетариату и революционной демократии» [210. С. 162]. На наш взгляд, более верна точка зрения А. Я. Грунта, который пишет: демократический характер революции, широкое и деятельное участие в ней народных масс неумолимо ставили перед буржуазией вопрос об участии в управлении широких демократических слоев [241. С. 50]. Созданию видимости такого участия при фактическом усилении собственных позиций буржуазии в местных органах власти и служила применявшаяся повсюду практика представительства в них как можно большего количества самых разнообразных по характеру, иногда даже чисто номинальных организаций. Например, Воронежский комитет включал в себя представителей более 100 организаций и учреждений [210. С. 162].

В архиве сохранились ответы на опросные листы, разосланные в марте 1917 г. в губернии и уезды Центральной России исполнительным коми-

тетом Московского КОО. В них запрашивались сведения о времени образования, составе и руководстве местных органов власти. Ответы были получены из Ковровского, Муромского, Покровского уездов и уездного города Киржач Владимирской губернии [185. Л. 5, 5 об., 21 об., 24, 65, 65 об.; 191. Л. 18, 18 об.], Бирючинского и Павловского уездов Воронежской губернии [187. Л. 2, 2 об., 6], Козельского уезда Калужской губернии [188. Л. 27], Новоузенского уезда Костромской губернии [185. Л. 10, 10 об.], Грайворонского, Дмитровского, Львовского, Старооскольского уездов и уездного города Короча Курской губернии [185. Л. 24; 189. Л. 3, 4, 8, 12, 17], Лукояновского уезда Нижегородской губернии [185. Л. 4, 4 об.], Орловской губернии [191. Л. 3—5], пос. Бежецкий Брянского уезда и Мценского уезда этой губернии [191. Л. 3—5, 10—13], Раненбургского уезда Рязанской губернии [192. Л. 47], Самарской губернии [193. Л. 5], Дорогобужского, Духовщинского и Рославльского уездов Смоленской губернии [185. Л. 1, 1 об.; 189. Л. 25—25 об., 28, 30], Елатомского, Козловского, Спасского и Темниковского уездов Тамбовской губернии [185. Л. 14, 14 об.; 193а. Л. 9, 12], Вышневолоцкого уезда Тверской губернии [194. Л. 3, 3 об.], Алексинского, Белевского, Богородского, Каширского и Крапивинского уездов Тульской губернии [194а. Л. 7, 9, 9 об., 15, 17 об., 18, 18 об.], Пошехонского и Угличского уездов Ярославской губернии [195. Л. 6, 6 об., 9].

К сожалению, в присланных материалах ответы даны не на все вопросы, сообщаемые в них сведения носят весьма разноплановый характер, а приводимые цифры по большей части несопоставимы. Поэтому свести эти интересные данные в таблицу не представляется возможным. Тем не менее они дают основания для некоторых выводов.

Партийное представительство в комитетах указывается очень редко, и удельный вес его невелик. Подавляющее большинство в составе местных органов власти составляют представители всевозможных общественных организаций. Среди них — союзы земств и городов, кооперативы, продовольственные комитеты, общества потребителей, арендаторов, союз служащих правительственных учреждений, технические общества, женские организации и такие общества, как пожарное, благотворительное, ветеранов, трезвости, вспомоществования нуждающимся ученикам, «Друг животных» и т. п.

Значителен удельный вес представителей городских дум, земских и городских учреждений, учителей и медицинских работников. Следующие по количественным показателям группы — рабочие, крестьянские и военные представители (солдаты и офицеры, как правило, не дифференцируются). Далее идут служащие частных предприятий, приказчики, ремесленники, мещане, учащиеся. Определенный процент в Курской, Орловской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Ярославской губерниях составляет духовенство. Очень невелика доля представителей торгово-промышленного класса, крупных землевладельцев. Еще ниже показатели таких категорий, как беженцы, религиозно-национальные меньшинства (мусульмане, поляки, украинцы, евреи).

Хотя подобное деление весьма условно и схематично, тем не менее оно дает возможность ясно представить, что формирование местных органов буржуазной власти осуществлялось не под партийным флагом,

а под флагом того самого объединения «общественности», которое было основой деятельности кадетов в продолжение всего периода войны.

В опросных листах специально ставился вопрос о демократизации местных дум с предложением конкретно указать, насколько широко она осуществима (тем самым подразумевалась необходимость такого подхода). Анализ присланных ответов подтверждает справедливость вывода Э. Н. Бурджалова о том, что общественные комитеты представляли собой не орган «чистой» буржуазной власти, подобно Временному правительству, а блок разнородных классовых элементов, идущих за буржуазией [214. С. 338].

Именно активное участие в практической работе «общественных» организаций, земских и городских учреждений позволило кадетам, достаточно ловко используя представителей средних городских слоев [210. С. 163], обеспечить буржуазии руководящую роль в местных органах власти.

Особо следует выделить вопрос о представительстве в буржуазных органах власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Буржуазия, считают авторы коллективной монографии «Борьба за массы в трех революциях в России», была вынуждена включать в состав исполнительных комитетов даже представителей рабочих и солдат [210. С. 162]. Однако в большинстве случаев это была не вынужденная, а сознательно продуманная, целенаправленная тактика. А. Я. Грунт показывает, что в Москве Совет рабочих депутатов еще только-только рождался, а организаторы КОО уже приглашали его представителей, да еще в равном с думой числе, в свой состав. «Расчет строился на том, — пишет А. Я. Грунт, — что Совет, захлестнутый мелкобуржуазной идеологией, пойдет в фарватере буржуазной политики» [241. С. 52].

То же отношение было поначалу характерно и для многих провинциальных комитетов. Поволжские кадеты, например, в марте 1917 г. вполне «положительно отзывались о Советах, сетуя лишь на отсутствие в них лиц с государственным умом» [318. С. 13].

В опросных листах Московского КОО имеется специальная графа: привлечены ли представители Советов в местные комитеты общественных организаций и в каком количестве. Сама постановка вопроса свидетельствует о том, что Московский комитет стремился стимулировать и расширить систему делегирования членов Советов в состав местных органов власти. По сути это было своеобразное продолжение той же политики, которую проводила буржуазия, создавая рабочие группы при военно-промышленных комитетах. Вселить в сознание трудящихся масс иллюзию того, что они активно участвуют в системе административного управления, помешать их самостоятельному политическому творчеству, приостановить тем самым рост их революционного сознания — такова была цель завлечения «заложников» Советов в лоно очагов буржуазной власти.

Другим способом достижения той же цели явилась развернутая кадетами на страницах буржуазной прессы шумная кампания против двоевластия. На все лады они расписывали беды, к которым оно может привести революцию, народ и государство. Кадетская «Речь» из номера в номер вещала, что Петроградский Совет явился на свет «случайно», «ненароком», в «революционной грозе и буре», что он может выступать

только от имени рабочих и солдат столицы, а не «всей российской демократии», что и в столице он не пользуется достаточным влиянием и т. д. [445. 1917. 21, 28 марта, 1 апр.].

Поход против Советов продолжался на VII съезде партии кадетов. Лейтмотивом выступлений по этому вопросу была мысль, что работа всех политических и классовых организаций должна служить «подмогой» Временному правительству и может иметь лишь совещательное значение при нем. Кадеты допускали существование Советов только в роли «осведомителей» общественного мнения перед Временным правительством. В резолюции съезда указывалось, что Советы «должны оставаться в пределах указанных целей и не претендовать на функции власти исполнительной, вводя население в неизбежный соблазн многовластия, вредного как для внешней обороны, так и для укрепления нового строя». «Все оказались единодушными, что нельзя допускать двоевластия или многовластия в сфере исполнительной», — подчеркнул в заключительном слове по докладу о тактике М. М. Винавер [445. 1917. 28, 29 марта].

Однако неукротимый процесс развития революционного самосознания масс, охвативший всю страну, способствовал тому, что роль Советов усиливалась с каждым днем, нейтрализуя значение органов власти и влияя на буржуазных организаций на местах.

Этот процесс глубоко изучен в советской литературе. Тем не менее интересно привести характеристику развития событий в стране, данную П. Н. Милюковым в июле 1917 г. Выступая в клубе кадетов, он говорил о «второй власти» в лице Советов, которая «покрыла собой сперва большие города и центры, потом второстепенные и малые города, а затем и деревни». Организуя, по словам Милюкова, «такую широкую сеть», эта вторая власть стремилась «углублять революцию» и переводить ее «в стадию перехода или приближения к социалистическим формам жизни» [95. Л. 1].

Уже через два месяца после свержения царизма, в конце апреля 1917 г. VII Всероссийская конференция РСДРП(б) констатировала, что провинциальные Советы находятся в меньшей зависимости от буржуазной власти, чем столичные, что в целом ряде мест, особенно в рабочих районах, они осуществляют единовластие, создают пролетарскую и крестьянскую милицию, повышают заработную плату рабочим, сокращают рабочий день, начинают осуществлять контроль над производством и распределением продуктов и т. д. [2. С. 510].

Впоследствии Милюков пытался объяснить это тем, что не существовало «никакого единообразия и никакой иерархической связи между этими (буржуазными. — *Н. Д.*) местными организациями и центром», и всю вину возлагал на князя Львова, не сумевшего справиться с обязанностями министра внутренних дел. «Предоставленное самому себе и совершенно лишенное защиты со стороны представителей центральной власти население, — писал Милюков, — по необходимости должно было подчиниться управлению партийных организаций, которые приобрели в новых местных комитетах (читай: Советах. — *Н. Д.*) могучее средство влияния и пропаганды определенных идей, льстивших интересам и инстинктам масс, а потому и наиболее для них приемлемых» [312. Вып. 1. С. 43].

Действительно, главным фактором падения престижа местных буржуазных организаций было могучее влияние социалистических идей, отвечавших интересам народных масс, «а потому и наиболее для них приемлемых». Добавим также, что «население, предоставленное самому себе», вольно было выбирать между буржуазными комитетами общественных организаций и Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и сделало свой окончательный выбор как в центре, так и на местах.

Поскольку местные Советы не оправдали кадетских надежд на их покорное подчинение буржуазным органам власти, поскольку с течением времени в них все сильнее росло большевистское влияние, отношение к ним со стороны партии «народной свободы» коренным образом изменилось. Они стали для нее объектом жестокой классовой ненависти и постоянной борьбы.

Мы попытались выше рассмотреть попытки кадетов утвердить власть буржуазии на местах. Обратимся теперь к действиям партии «народной свободы», направленным на расширение собственного влияния в различных слоях русского общества. Редакционная статья «Речи» к VII съезду кадетской партии, опубликованная 25 марта 1917 г., констатировала: «Важнейшая для партии задача — найти и осуществить способы широкой и деятельной пропаганды, идущей в самую глубь широких масс и освещающей всесторонне ближайшие проблемы нашей жизни. Здесь, быть может, она встретится с наибольшими трудностями и ей придется выдерживать наиболее упорную борьбу».

Д. И. Шаховской в своем докладе по организационному вопросу утверждал: «Самая деятельная пропаганда партийных идей в широких массах населения и привлечение в ряды партии их представителей составляет очередную задачу момента». А в резолюции съезда по этому докладу подчеркивалась «необходимость использовать в целях организационных и агитационных свободу слова и собраний. Особое внимание — организации партийной прессы» [445. 1917. 21 марта].

Неудивительно, что, обладая для этого материальными возможностями, партия «народной свободы» поставила организацию пропаганды в массах на широкую ногу. Огромную роль в печатной пропаганде кадетов играла их газета «Речь». При ней в 1917 г. выпускалась «беспартийная» газета «Современное слово» и литературное приложение. Почти в каждом городе России, где имелась крупная кадетская организация, после Февраля стали выпускаться партийные газеты. К маю 1917 г. их было уже около двадцати [397. № 4—5. С. 25].

Помимо этого десятки издававшихся в стране буржуазных газет, формально непартийных, редактировались кадетами и проводили их курс. На первое место здесь следует поставить московские «Русские ведомости», по существу являвшиеся второй по значению кадетской газетой. Таковы же по характеру были «Одесский листок», «Астраханский листок», «Новгородская жизнь», «Сибирская жизнь» (Томск), «Нижегородский листок», «Саратовский листок» и др. По подсчетам Х. М. Астрахана, таких газет насчитывалось в России в марте—октябре 1917 г. более 150 [200. С. 181].

29 марта на заседании кадетского ЦК, где обсуждались вопросы, вытекавшие из постановлений VII съезда, была образована специальная

агитационно-издательская (позднее переименованная в литературно-издательскую) комиссия под руководством М. М. Винавера и А. А. Корнилова [445. 1917. 30 марта]. В обязанность ей ЦК вменил в первую очередь издать в популярном изложении программу партии, стенографический отчет о заседаниях VII съезда, а также отдельными брошюрами и листовками некоторые доклады и речи делегатов съезда. Все это издавалось огромным тиражом. Так, речь Родичева о войне была отпечатана в количестве 700 тыс. экз. [397. № 1. С. 7, 8]. Сверх того, только до июля 1917 г. литературно-издательской комиссией было выпущено в Петрограде около 20 брошюр, посвященных истории кадетской партии, ее программе и тактике [138].

В конце мая 1917 г. при издательской комиссии кадетского ЦК был учрежден специальный литературно-художественный отдел под руководством В. Д. Набокова. Было решено ассигновать на расходы этого отдела треть суммы в 75 тыс. руб., внесенных на счет издательской комиссии одним из кадетских меценатов — Н. А. Белоцветовым [93а. Л. 1].

Подобная же комиссия была создана при Московском городском комитете. За два месяца она выпустила около 800 тыс. агитационных листов и свыше 12 наименований брошюр [397. № 2. С. 16]. Только за март—апрель 1917 г. кадетский ЦК выпустил более 2 млн экз. плакатов и листовок [397. № 1. С. 18]. Миллионы воззваний и брошюр печатали и распространяли местные комитеты партии «народной свободы».

Редактор «Речи» И. В. Гессен впоследствии скорбел о том, «сколько бумаги было тогда изведено, какой стремительный водопад печатных слов извергался!». Он откровенно признавался в том, какой принцип был положен в основу всей этой пропагандистской продукции: «Важнее содержания были убежденный тон, решительный жест — очевидно же, он знает, если так категорически утверждает, если ни нотки сомнения в голосе не слышится» [238. С. 361].

В апреле 1917 г. в Петрограде кадетская партия организовала краткие курсы по общественно-политическим вопросам. В их программу входило изучение проблем государственного права (республика, Учредительное собрание, избирательное право), вопроса о земле, рабочего вопроса, принципов местного самоуправления и вопроса о войне. Филиалы этих курсов были открыты в Литейном районе, на Петроградской стороне и т. д. Лекции на курсах читали профессора-кадеты Н. О. Лосский, В. М. Гессен, К. Н. Соколов, Н. И. Кареев, А. Н. Быков, а также видные кадетские деятели В. А. Оболенский, П. П. Гронский и др. [445. 1917. 16 апр., 27 мая].

По образу и подобию столичных мэтров строили свою агитационную деятельность и провинциальные кадеты. Так, тифлисская агитационная комиссия 2 июля открыла 10-дневные курсы по вопросам программы и тактики партии «народной свободы». Агитационные поволжские курсы были организованы в Казани. В двух уездах Казанской губернии функционировали партийные клубы [421. 1917. 23 июня; 422. 1917. 6 сент.].

Кадетская партия прилагала немалые усилия к тому, чтобы завоевать на свою сторону деятелей литературы и искусства, рассчитывая с их помощью получить поддержку широкой общественной аудитории. 12 марта в Петрограде, в Михайловском театре состоялось многолюдное собрание

деятелей искусств под председательством В. Д. Набокова, на котором разгорелись бурные споры по вопросам организации художественной жизни после свержения самодержавия [306. С. 347]. О другом таком собрании в марте 1917 г. в Москве вспоминает П. Д. Долгоруков. «Я устроил собрание в театральном зале литературно-художественного кружка, вмещавшего 300—400 человек, — пишет он, — и сделал доклад о своих петроградских впечатлениях. Зал был переполнен. Был цвет всей интеллигентско-прогрессивной Москвы, „Русские ведомости“, „Русское слово“, профессура, адвокаты, литераторы, артисты, политические, земские и городские деятели... В заключение собрание единогласно приняло резолюцию, обращенную к Временному правительству с требованием твердой власти» [246. С. 20].

19 марта в Петрограде под председательством М. М. Винавера состоялось собрание учредителей нового литературного общества — Союза писателей. В числе его организаторов значились помимо Винавера В. Д. Набоков и И. В. Гессен. Последний стал также председателем созданного в те же дни Союза редакторов ежедневных газет [445. 1917. 22 марта, 21 апр.; 238. С. 364]. Квартира Гессена, поддерживавшего, по словам Милюкова, «личные сношения с большинством выдающихся деятелей политики, литературы и искусства», «зачастую приобретала значение салона, где встречались и сближались между собой видные представители русской культуры» [440. 1935. 14 апр.].

Первую скрипку играли кадеты и в литературно-общественном кружке им. Герцена, очень популярном среди петроградской интеллигенции. В кадетском клубе часто устраивались встречи, собрания представителей литературного и художественно-артистического мира. Представители правого крыла партии «народной свободы» (А. В. Карташев, В. А. Маклаков, А. С. Изгоев, С. А. Котляревский и др.) вошли в совет Лиги русской культуры, организованной в июне 1917 г. П. Б. Струве при участии М. В. Родзянко, В. В. Шульгина, Н. В. Савича и бывших веховцев Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и С. Л. Франка.

По всей стране кадеты выступали инициаторами создания разнообразных организаций интеллигенции — профессиональных, женских и прочих, стремясь через них упрочить свое влияние в буржуазно-интеллигентских кругах. В этом плане характерно сообщение из Воронежа, помещенное в «Речи» 31 марта под заголовком «Объединение интеллигенции». «Объединение воронежской интеллигенции, — говорилось в нем, — произошло сравнительно поздно: первая проба была произведена партией народной свободы 17 марта... В тот же самый день состоялся митинг женщин... 18 марта объединились воронежские инженеры, которые в количестве трехсот человек... накануне присутствовали на собрании партии народной свободы. Очевидно, жизнь этого нового общества пойдет под флагом этой партии. Примерно в эти же дни организовались учителя низших учебных заведений... Члены этой организации пойдут рука об руку со всею остальной массой интеллигенции».

Создавались кадетские молодежные организации — студенческие, учащиеся средних школ и т. д. [425. 13 июля; 307. С. 27, 41; 248. С. 44—45]. В архиве сохранился устав Союза учащихся учебных заведений

г. Москвы, примыкающих к партии «народной свободы», в котором формулировались цели этой организации: объединение всех учащихся, сочувствующих кадетской партии; всестороннее изучение ее программы и идеологии; политическое развитие членов союза и главное — оказание посильной помощи партии «народной свободы». Для достижения этих целей предусматривались устройство лекций и докладов политического характера, организация партийных клубов и библиотек, обеспечение тесных связей союза с кадетскими организациями [93а. Л. 3]. Молодежные организации существовали также в Петрограде, Саратове, Твери, Воронеже, Харькове, Минске, Рязани, Вятке, Бобруйске, Тифлисе и т. д. [306. С. 27—33; 248. С. 44—45].

В завоевании на свою сторону городских средних слоев, интеллигенции партии «народной свободы» удалось достичь определенных успехов. Однако солдатские, крестьянские, рабочие массы оставались глухи к их призывам и обращениям.

Всеми силами кадеты пытались завоевать популярность в армии. В воинских частях создавались так называемые культурно-просветительные общества, посредством которых партия «народной свободы» рассчитывала установить контакт с солдатскими массами. Об одном таком обществе, организованном в 180-м пехотном запасном полку, рассказывалось на страницах «Речи» 6 апреля: «Молодые интеллигентные силы полка горячо принялись за дело, и работа уже кипит... Перед ними стоит... важная задача: организация собеседований с солдатами, поддержание необходимой дисциплины и порядка, объективное и беспристрастное ознакомление солдат с новыми формами государственного строя и с текущим политическим моментом... Общество распространяет свою деятельность далеко за пределы полка, снабжая отъезжающих в отпуск солдат газетами и книгами... На очередь поставлено издание полковой газеты... понятной солдатской душе». В заключение «Речь» призывала «интеллигентные полковые силы» организовать у себя подобные культурно-просветительные общества.

Но устанавливать контакты с солдатской массой кадетам было чрезвычайно трудно. На военных митингах, констатировал Милюков в июле 1917 г., приходится преодолевать психологическое сопротивление. Солдаты не сочувствуют ораторам-кадетам: «Мы — крестьяне, а вы — буржуй» [94. Л. 18].

Тем большее значение придавали кадеты в первые месяцы после Февраля необходимости пропаганды и агитации среди крестьянства. «Нельзя ни в каком случае отказаться от чисто партийной пропаганды в крестьянских слоях, — заявлял в своем докладе на VII съезде партии князь Шаховской. — Левые партии вербуют там своих сторонников и делают совершенно правильно... Мы должны деятельно выступить здесь соперниками других партий» [445. 1917. 29 марта]. В резолюции по докладу Шаховского особо отмечалась необходимость организации так называемых «народных» газет для пропаганды среди крестьянства. Редактор «Речи» И. В. Гессен по этому поводу вспоминал: «Никакого труда не стоило добыть несколько сот тысяч, и мне пришлось срочно, в бивуачном порядке, заняться организацией народной газеты „Земля“» [238. С. 361]. Эта газета под редакцией Н. Кондурушкина начала выпускаться с 15 июня 1917 г.

На заседании кадетского ЦК 29 марта было решено привлечь в состав агитационной комиссии молодежь «с целью распространения в крестьянстве партийной литературы, чтения лекций, ведения популярных бесед и т. п.» [397. № 3. С. 7].

Однако крестьянству были глубоко чужды кадетские программные установки. Отношение крестьянина к партии «народной свободы» и ее разочарование в надеждах найти ключ к его душе ярко отражено в одной из передовых статей курской кадетской газеты «Свободная речь». Русское крестьянство, говорилось в ней, представлялось нам великим страдальцем. Мы его как-то странно идеализировали. И вот пришла революция, мы бросились к нему, стали его учить, организовывать. Но крестьяне вместо теплого приема бросили нам: «Довольно вы из нас крови пили. . . Таперича шабаш!» Из абстрактного идеала крестьянин к осени 1917 г. превратился для кадетов, по словам «Свободной речи», в «дикаря с первобытными инстинктами», в «волка, готового каждую минуту загрызть нас» [454. 18 окт.]. Таким представлялось теперь большинство русского народа партии, которая объявляла себя борцом за его свободу. В сентябре 1917 г. кадеты были уже твердо уверены: «Крестьяне не пойдут с нами» [93. Л. 4].

Кадетская партия предпринимала попытки проникнуть и в рабочую среду. Специальная комиссия по рабочему вопросу при кадетской думской фракции во главе с В. А. Степановым была создана еще в сентябре 1915 г. [97а. Л. 1]. Однако, когда в феврале 1916 г. А. В. Тыркова обратилась к Степанову как к председателю этой комиссии, он заявил, что его «рабочий вопрос абсолютно не интересует». Как записала тогда Тыркова в дневнике, во фракции, пожалуй, никто не интересуется этим вопросом. «Как же так? — спрашивала она себя. — Где наш демократизм? Или кадеты действительно буржуазная партия?» [115. Л. 36].

В мае 1916 г. в связи с резолюциями, выдвинутыми съездом представителей военно-промышленных комитетов, ЦК поручил комиссии Степанова подготовить материалы, чтобы кадетская фракция в Думе могла «сделать известные жесты» по рабочему вопросу [185. Л. 81 об.].

Однако в 1917 г., в обстановке непрерывно растущей роли рабочего класса в политической жизни страны, кадетская партия возымела серьезные намерения привлечь на свою сторону представителей пролетариата. Об этом свидетельствуют любопытные документы, сохранившиеся в архиве: «Платформа и устав московской рабочей фракции партии народной свободы», относящиеся к 1917 г. Задачи фракции сформулированы следующим образом: «... непосредственное участие партийных рабочих в выработке законопроектов партии по рабочему вопросу; самостоятельное участие рабочих в общепартийной жизни (представительство в комитетах, на съездах и т. д.); пропаганда идей и программы партии среди рабочих; деятельность в беспартийных профессиональных союзах и вообще в профессионально-экономической жизни рабочих». «Не отрицая наличие классовой борьбы, — говорилось в «Платформе», — фракция считает ее, однако, не единственной политической силой и классовые интересы рабочих — не единственной целью их стремлений. Классовые интересы рабочих не должны становиться в противоречие с общенародными нуждами и задачами трудящихся, классовая борьба рабочих должна быть

лишь частью борьбы за социальное и экономическое освобождение всех трудящихся масс» [118. Л. 1—2].

Однако здесь, как и в деревне, кадетов ожидало полное разочарование. Им не удалось внедриться в крестьянскую и рабочую среду, найти хотя бы у какой-то ее части сочувствие и поддержку. Полный провал планов «демократизации» кадетской партии в обстановке нарастания социалистической революции наглядно раскрыт в монографии Х. М. Астрахана «Большевики и их политические противники в 1917 году» [210. С. 183—193].

Сами кадеты объясняли причины этого провала по-разному. А. С. Изгоев, к примеру, впоследствии утверждал, что партия «не смогла сделать себе опоры из крестьян-собственников» из-за отсутствия у ее руководителей достаточной «демократичности», из-за того, что в них «было много барского» [263. С. 17]. Милюков, со своей стороны, выступая на VIII съезде кадетской партии, давал следующее объяснение: «Средства пропаганды и агитации, без которых немислимо действие на массы, не приспособлены еще к сложившимся условиям, и применение их становится непривычной новостью для партии, которая до сих пор не имела доступа к массам, тщательно опекавшимся старым порядком от всякого прикосновения и воздействия извне. . . Надо признать, что более опытными оказались старые конспираторы, применившие свой опыт при новых, необыкновенно благоприятных для них условиях» [445. 1917. 11 мая].

Многие зарубежные историки охотно повторяют это объяснение провала кадетской пропаганды. В арсенале их аргументации можно отыскать и «необычную ситуацию», о которой говорил Милюков, и отсутствие навыков пропаганды в массах [521. Р. 118; 494. Р. 52]. У. Розенберг видит главную причину неуспеха «сотен тысяч специальных брошюр», выпускавшихся кадетской партией для рабочих и крестьян, в том, что их «язык был более подходящим для салона на Невском проспекте, чем для фабрики или для деревни» [522. Р. 162]. Английский историк Р. Петибридж объясняет несравненно большую эффективность идеологической работы большевиков по сравнению с кадетской лишь тем, что они владели искусством убеждения, умели выразить свою программу в общедоступных лозунгах, сосредоточили свои усилия на «ключевых в стратегическом отношении аудиториях» [513. Р. 193]. С такой постановкой вопроса не согласны даже некоторые буржуазные историки. Большевистские пропагандисты имели намного больший по сравнению с другими партиями успех в привлечении масс на свою сторону, пишет, например, П. Кенез, возражая Петибриджу, «прежде всего потому, что они говорили народу то, что народ хотел услышать» [527. Р. 203].

Подлинная причина провала кадетских попыток расширить и укрепить свое влияние на народные массы, завоевать их на свою сторону, конечно, ясна. Программные установки и практические действия кадетов по всем важнейшим вопросам внутренней и внешней политики не могли импонировать широким слоям трудящихся, так как ни в малейшей степени не соответствовали их нуждам и чаяниям и были направлены на защиту классовых интересов буржуазии и помещиков.

ПОЗИЦИЯ КАДЕТОВ ПО ВАЖНЕЙШИМ ВОПРОСАМ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Политический курс кадетов после Февраля был определен на двух съездах партии «народной свободы» — VII (25—28 марта) и VIII (9—12 мая) 1917 г. [См.: 200. С. 173—180]. Политическая программа, принятая на VII кадетском съезде, по существу, зафиксировала уже происшедшие изменения. Сложнее обстояло дело с социально-экономической программой, отражавшей наиболее полно классовую сущность партии. В первые же послефевральские дни социальные вопросы приобрели острейшую актуальность, и кадеты были вынуждены вновь к ним обратиться.

В. В. Шелохаев всесторонне исследовал программу кадетской партии [384. С. 89—139], что избавляет нас от необходимости обращаться к ее подробному анализу. Попытаемся лишь проследить, как развивались и насколько претворялись в жизнь программные требования кадетов после их прихода к власти.

Одним из основных вопросов российской революции был земельный вопрос, составлявший 4-й пункт партийной программы. В ее общедоступном изложении, выпущенном в 1917 г., пояснялось: «Партия народной свободы хочет, чтобы земля перешла к трудящимся на ней и чтобы трудовое крестьянство получило землю на справедливых и разумных началах для пользы всего государства» [381. С. 2].

Что же конкретно предлагали кадеты для разрешения земельного вопроса? Образовать особый государственный фонд из государственных, удельных, кабинетских, монастырских и части помещичьих земель и из этого фонда наделять крестьян. Причем частновладельческие земли должны быть принудительно отчуждены в распоряжение государства за его счет, «по справедливой оценке». Участие в выкупе должны были принять и наделяемые землей крестьяне, уплачивая поземельный налог, пропорционально размеру выкупа за помещичью собственность, что обрекало основную массу российского крестьянства на полуголодное, нищенское существование. Кадетская программа предусматривала исключение из числа отчуждаемых имения, «которые будут признаны культурными» [276. С. 10]. В. В. Шелохаев, подвергнув анализу программные требования партии «народной свободы» по аграрному вопросу, пришел к выводу, что ее руководство «сделало максимум возможного для сохранения помещичьей собственности капиталистического типа» [384. С. 116]. Тем самым партия отстаивала прусский вариант буржуазной эволюции сельского хозяйства России.

Кадеты гордились своей аграрной программой и уверяли впоследствии, что она оберегала «государственные интересы, которые должны были сильно пострадать от внезапного уничтожения интенсивного сельского хозяйства» [426. 1922. 16 июля]. Между тем, как показывают новейшие

исследования, особенность развития помещичьего хозяйства в России, наиболее отчетливо обнаружившаяся к концу эпохи капитализма, состояла в том, что оно объективно было не способно ни в количественном, ни в качественном отношении, т. е. ни по своему весу в сельскохозяйственном производстве, ни по своей роли в производственно-техническом прогрессе, стоять во главе буржуазной аграрной эволюции, определять общий ход аграрного развития [28. С. 224—225]. Таким образом, кадетская аграрная программа на деле мешала достижению прогресса в земельных отношениях, тормозила сельскохозяйственное развитие страны.

Более того, кадетское реформистское решение аграрного вопроса, рассчитанное на медленную эволюцию сельского хозяйства, в конечном итоге обуславливало и замедленные темпы развития производительных сил в промышленности [387. С. 126].

Отстаивая интересы капиталистического помещичьего землевладения, кадетская партия в то же время заигрывала с зажиточным крестьянством, убеждая его в невыгодности раздела всей земли. Она стремилась приспособить аграрный строй России к потребностям буржуазного развития, установить в деревне «социальный мир».

Кадетские публицисты уверяли, что программа их партии «более всего подходит к нуждам русского крестьянина», что «для трудового народа» она гораздо выгоднее, чем программа «крайних левых» [264. С. 12; 445. 1917. 29 марта]. Как ни странно, эти утверждения живут и поныне в работах некоторых современных буржуазных авторов. Так, И. Флейшауэр пытается доказывать, что аграрная программа партии «народной свободы» была не либеральной, а радикальной, что «в своем крайнем радикализме» кадетское решение вопроса о земле являлось «социальной революцией» и «несло благо для всех социальных слоев» [484. Р. 173—201].

Однако крестьянские массы России в 1917 г. относились к кадетской аграрной программе совсем по-другому. В обстановке непрерывного роста революционного сознания широких слоев трудящихся, при огромной разъяснительной, пропагандистской работе, проводившейся большевиками в армии и в деревне, кадетская аграрная программа не могла иметь никакого успеха. Зато она весьма импонировала представителям помещичьего класса и даже тем, которые в свое время кадетам не симпатизировали.

«После революции многие, — писал впоследствии Милюков, — в том числе и октябристы, ухватились за кадетскую аграрную программу как единственно правильную» [440. 1921. 22 июля]. На совещании членов ЦК партии «народной свободы» 31 мая 1921 г. И. П. Демидов напомнил своим коллегам: «С. И. Шидловский, бывший до этого определенным врагом нашей партии за аграрную программу, в мае 1917 года уже говорил, что теперь он понял, что эту программу надо осуществить, ибо она единственно правильная» [172].

Чем же объяснялась столь явная направленность кадетской аграрной программы в пользу помещичьего землевладения? О. Н. Чаадаева в книге «Помещики и их организации в 1917 году» называла две причины. «Кадетам, — пишет она, — приходилось считаться как с тем, что нарушение прав земельного собственника может повлечь за собой общее потрясе-

ние принципа частной собственности, так и с тем, что в условиях войны было крайне опасно задевать интересы тех, кто являлся верхушечной частью воюющей на фронте армии» [377. С. 39].

По нашему мнению, кадеты не намеревались задевать интересы помещиков ни в условиях войны, ни в условиях мира. И основная причина здесь состояла в том, что большая часть кадетского руководства сама принадлежала к числу крупных землевладельцев. Таковыми являлись председатель партии И. И. Петрунkevич, его падчерица, одна из богатейших помещиц в России графиня С. В. Панина, кадетские ветераны князя Павел и Петр Долгоруковы, князь Е. Н. Трубецкой, Ф. И. Родичев, В. А. Маклаков, П. П. Гронский, Н. В. Тесленко и мн. др. Когда через несколько лет в эмиграции П. Н. Милюков предложил свою так пазываемую «повую тактику» с ориентацией аграрной программы на среднее крестьянство, помещичья часть кадетского руководства с негодованием отвергла эту идею. «Нельзя отрицать того, — говорил Милюков на совещании членов кадетского ЦК в Париже в 1921 г., — что в партии всегда было сильно течение, которое составляли конституционалисты-помещики» [173].

Разногласия по аграрному вопросу ощущались в кадетской среде и в 1917 г. На VII съезде партии «народной свободы» раздавались голоса о том, что при разрешении аграрной проблемы «необходимо считаться с глубокими социальными изменениями, происшедшими в жизни страны за последнее время», что «партия должна изменить свою программу в смысле признания национализации земли». Однако эти предложения встретили энергичный отпор на том основании, что «земля — не дар божий, а продукт трудов человеческих и воплощение капитала», а потому может быть передана «в руки трудящихся масс» только «на правах собственности» [445. 1917. 28 и 29 марта]. Е. Н. Трубецкой объявил выступления в пользу радикального пересмотра аграрной программы «демагогией с перепугу». В докладе Винавера о тактике подчеркивалось, что «разрешение земельного вопроса в момент, когда крестьянство в значительной части своей находится на фронте. . . крайне нежелательно» и что целью партии является наделение крестьян землей «без анархической ломки нынешнего строя» [445. 1917. 29 марта].

Кадетский ЦК представил на съезд доклад по аграрному вопросу, зачитанный членом ЦК профессором А. А. Корниловым. Решение о подготовке этого доклада специально созданной аграрной комиссией было принято на пленарном заседании Центрального комитета 10 марта 1917 г., постановившем указать в докладе на необходимость разрешения аграрного вопроса «на основах принципа партии. . . в первую очередь по окончании войны» [445. 1917. 12 марта]. Основная тенденция доклада Корнилова заключалась в том, чтобы уйти от принятия каких-либо конкретных решений. Докладчик прямо заявил, что вопрос этот ставится им «не по существу, а по порядку паправления». Для обсуждения же существа в ближайшем будущем предлагалось созвать особый съезд партии. Однако и на нем проблема могла бы рассматриваться в чисто теоретическом плане, поскольку «до окончания войны, когда сельское население на фронте, проведение коренных реформ трудноосуществимо» [445. 1917. 29 марта].

Все же, как отмечала «Правда», «кадеты не решились на сей раз выставить свою аграрную программу с пресловутым „выкупом земли по справедливой оценке“ — слишком это резало бы глаза своим полным несоответствием требованиям момента. И Центральный комитет кадетской партии заявил, что „не имеет никаких конкретных предложений по существу аграрного вопроса“ и откладывает разработку его до следующего съезда» [441. 1917. 1 апр.].

Тем временем кадетский министр Шингарев расточал обещания быстро и справедливо урегулировать вопрос о земле. Так, выступая на съезде представителей городов в Москве 8 апреля, он заверял, что «все мечты о земле, которые питает русское крестьянство, могут быть легко осуществлены» [445. 1917. 9 апр.]. Однако практические меры руководимого им министерства ограничились конфискацией кабинетских и удельных земель, переданных в собственность государства. Крестьянство от этой акции ничего не выиграло. Все дальнейшие усилия Шингарева и его сотрудников были направлены исключительно на защиту помещичьего землевладения. Подготовленная ими декларация Временного правительства от 19 марта запрещала захват помещичьих земель и объявляла, что вопрос о них может быть решен только Учредительным собранием. А до тех пор, как подчеркивал Шингарев в одной из директив местным земельным органам, необходимо «сохранить все в полной неприкосновенности» и всеми силами ограждать «от насилий над личностью и имуществом землевладельцев». Любые притязания на помещичью землю рассматривались как «проявление анархии» [265. С. 66; 349. Т. 1. С. 853—858].

Печать и агитаторы партии «народной свободы» усиленно призывали подождать с решением земельного вопроса до Учредительного собрания. «Надо объяснить крестьянам, — писала «Речь» 12 марта 1917 г., — что как только соберется Учредительное собрание, которое установит устройство нашего государства, сейчас же в законодательном порядке будет поставлен вопрос о земле, и крестьяне землю получат». «В 1858 году, — напоминала газета, — после опубликования рескриптов 20 ноября среди крестьянского населения на целых четыре года — вплоть до издания манифеста и положений 19 февраля 1861 г. — водворились полная тишина и спокойствие...» К такому же «терпению», не смущаясь, призывал крестьян кадетский официоз [445. 1917. 25 апр.].

Эта тактика оттяжек и проволочек также находит одобрение в современной буржуазной историографии. Так, на конференции в Гарвардском университете отмечалось, что некоторые полумеры в разрешении аграрной проблемы предпринимались лишь под влиянием крестьянских выступлений, в то время как кардинальная реформа в связи с «важностью ее последствий для будущего России» закономерно откладывалась до Учредительного собрания [518. Р. 110]. По поводу этой «закономерности» В. И. Ленин писал в 1917 г.: «Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного собрания. А созыв этого собрания капиталисты все оттягивают... С землей подожди до Учредительного собрания. С Учредительным собранием подожди до конца войны. С концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве» [1. Т. 34. С. 57].

На VIII съезде кадетской партии вопрос о земле в связи с представленным ЦК проектом аграрной программы подвергся более детальному обсуждению. При этом между участниками съезда возникли еще более значительные разногласия. Даже те немногие уступки, которые содержались в проекте, встретили резкие возражения со стороны представителей помещичьих кругов. Не отрицая, что «крупному землевладению пришел последний срок», Е. Н. Трубецкой требовал, чтобы «ликвидация его прошла безболезненно». «Весь город придет в деревню и будет просить нарезки земли, — уверял он. — Горожане приобретут земли даром и будут их продавать крестьянам по невероятным ценам. Земля станет предметом спекуляции». В защиту крупных землевладельцев горячо выступили Родичев, заявивший, что нельзя совершенно отбросить интересы «целого класса» (помещиков. — *Н. Д.*), которые не могут быть признаны несправедливыми; Маклаков, предостерегавший, что «сейчас эксперименты в сельском хозяйстве более опасны, чем какие-либо другие эксперименты», и др. Они категорически возражали против предложенных в проекте положений об отчуждении земли сверх трудовой нормы, передаче лесов в государственное пользование, о выкупе отчуждаемой земли частью за счет государства.

Оппонентами разгневанных помещиков на съезде выступили главным образом провинциальные кадеты, знакомые с положением в деревне и своими глазами наблюдавшие бурный рост крестьянского движения в стране. «На обязанности партии лежит успокаивать не владельцев крупной земельной собственности, — заявил делегат из Казани Бать, — но успокоить широкие крестьянские массы, что они будут наделены землею, чтобы они не прибегали к тому способу наделения землей, какой рекомендуют большевики» [445. 1917. 13 мая].

В результате в программу партии был внесен примирительный, по ту-манный пункт о том, что земля должна принадлежать всему «трудовому земледельческому населению», т. е. и капиталистическим помещикам, и кулакам так же, как трудящемуся крестьянству. Пункт о выкупе у помещиков земли видоизменился следующим образом: уплата должна производиться «по оценке, соответствующей нормальной доходности земли» [40. С. 13].

Как отмечала «Правда», по вопросу о земле «на съезде царил полная растерянность» [441. 1917. 1 апр.]. Демьян Бедный так высказался по этому поводу [441. 1917. 5 апр.]:

В программе — краску навели,
Тут поскребли, там подмели...
А как коснулось земельки —
Давай выкручивать петьельки!

Как видим, и программа, и тактика кадетской партии по аграрному вопросу не могли встретить никакой поддержки в пародных массах и были неизбежно обречены на провал.

Столь же бесперспективной была и политика кадетской партии в области промышленного развития страны. Полностью придерживаясь эконо-мической программы русской буржуазии [См.: 232. С. 23—53], кадеты, однако, не смогли сформулировать своей платформы в этом

вопросе вплоть до лета 1917 г. На VII съезде партии проблемы российской экономики вообще не затрагивались, на VIII съезде было заслушано лишь сообщение Н. Н. Кутлера о положении в промышленности, в котором причиной промышленной разлухи объявлялись «непомерные требования» рабочих [445. 1917. 13 мая].

На IX кадетском съезде (23—28 июля 1917 г.) был обсужден специальный доклад А. А. Мануйлова об экономическом положении, в котором перед партией выдвигалась задача сформулировать «экономическую программу чисто практического характера». «Мы должны открыто и громко сказать, — подчеркивал докладчик, — что развитие народного хозяйства базируется на свободе личного почина. Мы должны сказать, что в области промышленности, так же как и в аграрной программе, не отрицаем личную собственность» [445. 1917. 27 июля].

«Программа практического характера», за которую ратовал Мануйлов, получила наиболее рельефное отражение в представленных летом 1917 г. на рассмотрение кабинета временно управляющим Министерством промышленности и торговли видным кадетом В. А. Степановым проекте декларации Временного правительства по экономическим вопросам и объяснительной записке к нему. Как отмечает западногерманский историк Р. Лоренц, именно Степанов наиболее точно выразил взгляды правительства на развитие экономики России [504. S. 374].

«Прежде всего, — говорилось в записке, — правительству надо занять определенную позицию относительно предполагаемого и требуемого некоторыми группами перехода к социалистическому хозяйственному строю». Позиция эта должна была определяться тем, что «невозможность для России усвоения в настоящее время социалистической организации народного хозяйства... не вызывает сомнений».

В проекте декларации объявлялось: «Временное правительство определенно заявляет о невозможности изменения существующего хозяйственного строя на социалистический ни сейчас, ни в ближайшем за войной время. Социализм должен покоиться на мощном фундаменте всеобщей организованности, чего в России нет, на полном развитии производительных сил, к надлежащему использованию которых Россия в сущности еще не приступала; наконец, переход к социалистическому строю в рамках одного государства даже и невозможен».

Записка энергично призывала к широкому привлечению иностранного капитала. «Без иностранной поддержки, — утверждал Степанов, — нам не разрешить великих заданий» восстановления и развития производительных сил страны. «Мы должны приложить усилия к привлечению к нам заграничных капиталов и к оплодотворению важнейших отраслей нашего народного хозяйства».

В проекте декларации этот тезис звучал еще более резко: «Мощное развитие наших производительных сил немыслимо без привлечения иностранных капиталов и создания выгодных условий для их приложения; под угрозой не только экономического застоя, но и падения хозяйственной культуры Россия не может и не должна отказаться от услуг заграничного капитала» [20. С. 87, 88, 93].

Эта мысль перекликается с высказываниями многих других кадетских деятелей. «Для использования громадных сияющих богатств нашей

родины, — писал Шингарев в брошюре «Финансы России во время войны», — необходим широкий приток иностранного капитала или развития у нас мощной промышленности, капитала не хищного и не поработителя, каким всегда был немецкий капитал, а капитала, созидającego и творящего новые богатства» (читай: английского, французского и американского. — *Н. Д.*) [387. С. 26].

«Без огромного кредита мы жить и вести войну не можем, — восклицал на VII съезде Ф. И. Родичев. — Он нам понадобится и потом для устройства нашей жизни. Тем в большей мере, чем дальше и глубже мы будем перестраивать нашу жизнь» [445. 1917. 28 марта].

Чем же, помимо попыток усилить свою пропаганду в пользу верности союзническим обязательствам, объяснялась ориентация партии «народной свободы» на столь широкое привлечение в промышленность западного капитала?

Как пишет П. В. Волобуев, «буржуазия рассчитывала, что передача иностранному капиталу важнейших отраслей промышленности, природных богатств и т. п. послужит лучшей гарантией сохранения господства капитализма в России» [232. С. 44].

Были, кроме того, и другие причины. Идеологи кадетизма считали Россию отсталой аграрной страной, для которой индустриализация в ближайшие исторические сроки неосуществима. Поэтому единственный путь ее промышленного развития кадетская партия видела в широкой инициативе иностранных капиталистов. С их помощью она рассчитывала осуществить свою идею «вестернизации» России как в смысле ее политического устройства, так и экономической эволюции. Поскольку в 1917 г. программа промышленной «вестернизации» оставалась далекой перспективой, мы не будем подробно на ней останавливаться. Отметим лишь, что даже буржуазные историки признают ныне непригодность этой программы для развития России. «В русских условиях западный образец неприменим, — пишет американский историк Т. фон Лауэ. — Раньше или позже [их] несовместимость вышла бы наружу... Только социализм, по крайней мере в теории, мог избежать [этой] несовместимости» [500. Р. 305—306]. К тому же выводу пришел и английский историк Э. Карр. «Капитализм западного типа... — подчеркивает он, — не мог развиваться на русской почве. Тем самым политика Ленина явилась единственно приемлемой для России политикой» [477. Р. 100].

Возвращаясь к записке Степанова, следует отметить, что основная ее часть посвящена методам государственного регулирования промышленности «без колебания принципа частной собственности и без отстранения личной инициативы». «При усвоении принципа регулирования, — продолжает Степанов, — главной опорой, двигательной силой экономики остается по-прежнему начало частнохозяйственное, подчиненное контролю и руководству государственному, по требующее и весьма бережного к себе отношения».

К внедрению в экономику страны принципов государственного регулирования Степанов призывает отнестись с чрезвычайной осторожностью, подчеркивая, что «стремиться охватить регулированием все хозяйство целиком — значит явно идти на утопическую авантюру». В проекте декларации предлагалось ограничиться главными отраслями производ-

ства («промышленное сырье, топливо, металл и вообще главнейшие предметы первой необходимости и жизненного обихода»).

В записке отмечалось, что самым эффективным «средством воздействия как на производство известных продуктов, так и на их распределение является установление соответствующих государственных монополий». Однако «речь может идти только о торговых монополиях», «производственные монополии исключены» [20. С. 89, 90, 94].

Принятие идеи государственного регулирования (пусть в столь ограниченном масштабе), так же как и торговых монополий в качестве методов «правительственного воздействия» — вынужденная дань реальной обстановке в стране, безусловный компромисс со стороны кадетов. Многие из них оставались противниками этой идеи. Так, на IX съезде кадетской партии в июле 1917 г. член ЦК А. В. Тыркова и другие ораторы «горячо возражали против принципа монополии ввиду того, что государственные монополии хороши только там, где есть сильная государственная власть» [445. 1917. 27 июля].

Программа Степанова, пишет П. В. Волобуев, была по сути дела конкретизацией программы министра торговли и промышленности в первом составе правительства А. И. Коновалова, выражавшей главные идеи и требования торгово-промышленного класса [231. С. 68]. Р. Лоренц отмечает, что в некоторых пунктах Степанов пошел дальше Коновалова, и справедливо подчеркивает: основой его позиции являлось убеждение в том, что социалистический экономический и общественный строй являются утопией [504. С. 374].

4 марта в Москве собралось совещание представителей торговли и промышленности, на котором было решено, что все торгово-промышленные организации, биржевые комитеты, коммерческие общества и другие предпринимательские группы образуют на местах новые организации — торгово-промышленные комитеты [464. 1917. 7 марта]. Спустя две недели, 19 марта был учрежден Всероссийский союз торговли и промышленности [297. С. 37]. Его создание внесло новую лепту в укрепление практических связей кадетской партии с крупной буржуазией. Через А. И. Коновалова *, С. А. Смирнова, С. И. Четверикова и других своих руководителей союз находился в постоянном контакте с кадетским руководством. Не менее тесно сотрудничали торгово-промышленные комитеты и кадетские партийные организации на местах. Торгово-промышленники поддерживали партию «пародной свободы» не только в проведении разного рода политических акций, но и материально. Так, большую помощь кадетам в организации печатной пропаганды оказывал политический отдел Всероссийского союза торговли и промышленности [297. С. 226—227].

В свою очередь кадетская партия последовательно отстаивала интересы буржуазии в рабочем вопросе. Западногерманский исследователь Р. Лоренц констатирует, что позиция кадетов в этом вопросе была направлена прежде всего против пролетариата [504. С. 381]. Хотя в их программе декларировалось введение законодательным путем 8-часового рабочего

* Коновалов, и ранее поддерживавший тесные связи с кадетами, в 1917 г. особенно сблизился с ними — в июле он официально вступил в партию «пародной свободы» и сразу же вошел в состав ее высшего руководства.

дня, однако на деле кадеты всячески препятствовали воплощению в жизнь собственного программного требования под предлогом того, что сокращение рабочего дня понизит производительность заводов и подорвет работу промышленности на оборону. «Прежде всего правительство, — говорилось в представленном Степановым проекте декларации, — призывает все классы общества к исключительному напряжению трудовой энергии и забвению на время личных, групповых и классовых интересов... Резкие проявления классовой борьбы в настоящее тревожное время мешают общенародному делу» [20. С. 93]. Ту же идею на все лады пропагандировали кадетские публицисты. «Высшие интересы государства требуют от рабочего, чтобы сокращение рабочего дня не привело к понижению производительности его труда, — возглашали они. — В своем увлечении классовой борьбой рабочий забывает, что в материальных результатах его трудовой деятельности заинтересованы не только промышленники, но и государство» [388. С. 9].

Если в первые дни после революции со страниц печати партия «народной свободы» посылала «особый низкий поклон от всех русских» «русским рабочим», называя их в числе «главных деятелей последних дней» [445. 1917. 5 марта], то уже меньше чем через месяц кадетские ораторы и публицисты раздражались непрерывными упреками по поводу «непатриотического поведения» рабочего класса, которое «способно только создать изоляцию пролетариата» [445. 1917. 30 марта].

На страницах «Речи» регулярно публиковались материалы, направленные против введения 8-часового рабочего дня, доказывающие, что «сокращение производства может губительно отразиться на снабжении армии», что оно «пробивает брешь в трудовой жизни» страны. Старательно выискивались и помещались на видном месте, с броскими заголовками редкие сообщения о том, что где-то (например, в Екатеринославе, на совещании Советов рабочих и солдатских депутатов, на общем собрании линейных служащих Казанского округа) «постановлено отказать от введения 8-часового рабочего дня» или отложить его «до окончания войны» [445. 31 марта, 6, 7 апр.].

«Мы уверены, — заявил Милюков на приеме представителей армии в Мариинском дворце, — что рабочие сами поймут необходимость напряженной работы». «Уметь ограничивать себя во имя права, — вторил ему Родичев, — вот первый долг пролетариата республики» [445. 1917. 28, 30 марта].

«Вопрос о 8-часовом рабочем дне представляется в окнах чуть ли не изменой, — говорил на VII съезде кадетской партии Н. Н. Щепкин. — Фронт энергично требует, чтобы тыл неустанно работал» [445. 1917. 28 марта]. Те же мотивы громко звучали на VIII съезде в мае 1917 г. [445. 1917. 13 мая].

Как показано в работах советских исследователей, пролетариат Петрограда добился установления 8-часового рабочего дня в упорной революционной борьбе, и Временное правительство вынуждено было признать это его завоевание лишь потому, что, как выразился Милюков, «все равно заставят» [231. С. 114]. «Пусть помнят, — писал он впоследствии, — что кадетский максимализм зачастую был лишь результатом неизбежного компромисса, имевшего целью не вовсе потерять общую

почву с „товарищами“» [440. 1924. 26 февр.]. Однако введение 8-часового рабочего дня по всей стране так и не было декретировано.

Позиция кадетов по вопросу о введении 8-часового рабочего дня — не единственное свидетельство расхождения их программных заявлений и реальных убеждений. В программе партии «народной свободы» в 1-м пункте раздела «Рабочий класс» фигурировало требование «права стачек» для пролетариата [34. С. 11]. Однако в личном письме не кто иной, как председатель и «совесть» кадетской партии И. И. Петрункевич, писал своему другу по партии М. М. Винаверу: «Под внешней формой профессиональной борьбы в действительности незначительная часть рабочего класса вступает в борьбу за власть в видах полного государственного и социального переворота... Вот почему я считаю право стачек... чистейшим абсурдом и не только с точки зрения факта, но и с точки зрения права» [156]. Недаром через много лет В. А. Маклаков признавался в том, что на программу в партии «серьезно не глядели» [300. Т. 2. С. 508].

Кадеты категорически возражали против введения рабочего контроля на заводах и фабриках. «Что же касается установления особых органов финансового и административного контроля по отдельным предприятиям, — утверждалось в записке Степанова, — то эта мысль должна быть откинута за явной ее утопичностью в условиях русской жизни» [20. С. 90].

Бурное негодование вызывали у кадетов и требования рабочего класса об увеличении заработной платы. Увещевая пролетариат «поступиться своими интересами в пользу государства», кадетские пропагандисты убеждали рабочих, что их «чрезмерная требовательность» «может привести лишь к усиленной конкуренции потребителей из-за товаров, которая в свою очередь вызовет лишь новое обострение дороговизны». Рабочих призывали «удовлетвориться обеспечением себе достойного минимума средств существования» и «решительно отказаться от потребления предметов комфорта и роскоши» [388. С. 9—10].

В голодном и многотрудном 1917 г., после трех изнурительных военных лет, подобные призывы звучали как неприкрытое издевательство над тяготами и лишениями рабочего класса. «Правда», комментируя заявление Родичева на VIII съезде кадетской партии о том, что с изданием новых законов по рабочему вопросу «надо сейчас подождать», что «этому должна предшествовать выработка взаимных соглашений рабочих и работодателей», от себя добавляла: «Улита едет, когда-то будет!» [441. 1917. 1 апр.].

И крестьянство и пролетариат с каждым днем все больше убеждались в том, что заверения партии «народной свободы», содержащиеся в ее первом после революции воззвании к народу от 2 марта («да укрепится порядок, при котором каждый класс... сумеет свободно выявлять свои взгляды и добиваться осуществления своих желаний»), оказались не чем иным, как лживой демагогией. И в вопросе о земле, и в рабочем вопросе линия кадетской партии была одна и та же — «лгать, вертеться, выгадывать время, как можно больше „провозглашать“ и обещать (обещания — единственная вещь, которая очень дешева даже в эпоху бешеной дороговизны), как можно меньше исполнять, одной рукой давать уступки, другой отбирать их» [1. Т. 31. С. 36].

Не могла импонировать народам России и национальная программа кадетской партии. И после Февральской революции кадеты остались верны своему лозунгу «свободного культурного самоопределения наций». Ни о каком политическом самоопределении в кадетской программе по-прежнему не было и речи [390; 212. С. 11—12].

В самый канун революции, 5 февраля, на заседании кадетского ЦК в квартире князя П. Д. Долгорукова обсуждался вопрос о судьбе Польши после окончания войны и о ее «дальнейших отношениях» с Россией. По сообщению охранки, в своей «пространной речи» Милюков заявил, что «польская постановка вопроса сводится в сущности к полному разрыву между Россией и Польшей. Сохраняя одну только видимость единения, без каких бы то ни было реальных компенсаций для русского народа», поляки «в то же время стараются взвалить на плечи русского народа все бремя по созданию и защите новой польской государственности». В такой постановке вопроса Милюков видел «результат явного оьянения государственной идеей польских общественных деятелей» и считал, что она не может встретить поддержку со стороны партии «народной свободы» [66. Л. 7 об. — 8].

«В польском вопросе слишком переплетаются интересы русской государственности», продолжал Милюков, поэтому санкция «соглашения обеих заинтересованных сторон» должна исходить «исключительно от русских законодательных учреждений». Предвидя возражения против такой постановки вопроса, Милюков настойчиво уверял, что в ней «нет ни малейшего вызова полякам, ни малейшего покушения на их интересы», и если бы «руководители польского общественного мнения» отнеслись к ней «враждебно», они бы «признали этим только то, что в их намерение входит покушение на русские интересы» [66. Л. 8].

Эти заявления лидера кадетов интересно сопоставить с его утверждением в «Истории русской революции», что «в польском вопросе *по почину Милюкова* (курсив наш. — Н. Д.) Временное правительство сразу стало на определенную точку зрения полной независимости... Польши». Отсутствие соответствующего манифеста автор объясняет тем, что русская часть Польши находилась под германо-австрийской оккупацией. Вместо него было издано воззвание к полякам, содержавшее призыв бороться «за нашу и вашу свободу» и обещание создания независимого польского государства, если так решит Учредительное собрание [312. Вып. 1. С. 41].

Председатель комиссии по делам Царства Польского А. Р. Ледницкий вспоминал впоследствии в статье «П. Н. Милюков и польский вопрос»: «Павел Николаевич отступил от своей позиции об автономии Царства Польского не сразу и с трудом» [317. С. 215]. Милюков предлагал, чтобы была восстановлена должность государственного секретаря по польским делам, упраздненная в 1831 г. Он предлагал также военное объединение между двумя странами. Поляки настаивали на «свободном военном союзе». Благодаря усилиям Ледницкого была найдена компромиссная формула, фигурировавшая в воззвании: польское государство, «соединенное с Россией свободным военным союзом» [317. С. 216; 282; 303. С. 245; 507. Р. 667—680].

Национальная политика кадетской партии вела к все большим разногласиям между ней и национальными буржуазными партиями, что в из-

вестной степени ослабляло политический фронт буржуазии [360. С. 238]. Недовольство выражали даже сами кадеты — представители нерусской буржуазии. Их требования признать в программе национальную независимость народов России, по воспоминаниям В. А. Оболенского, встречали в ЦК партии «народной свободы» «единодушное негодование», которое, «впрочем, смягчалось несколько насмешливым отношением» к этим «утопическим» требованиям. Мысль о возможности создания самостоятельных национальных государств «представлялась нам, — пишет Оболенский, — чистой фантазией» [137. С. 759—760].

Между тем освободительное движение народов России ширилось и росло не по дням, а по часам, и национальный вопрос, даже по определению самих кадетов, превратился в «жгучий вопрос текущего момента» [397. 1917. № 2. С. 3]. Кадетскому ЦК пришлось вносить в программу серьезные изменения. Проект был разработан к VIII съезду партии, заслушавшему специальный доклад Кокوشкина. Принятая по этому докладу резолюция предусматривала предоставление автономных прав в вопросах хозяйственной, культурной жизни губернским или областным органам самоуправления, но при сохранении за общегосударственной властью права контролировать соответствующую деятельность этих органов, вплоть до отмены постановлений.

Делегаты с Украины (Н. М. Могилянский, Я. К. Имшенецкий, П. Е. Бутенко) горячо возражали против предложенного проекта. Если бы Кокوشкин попытался выступить со своим докладом в Киеве, заявил Бутенко, его бы согнали с трибуны как великорусского шовиниста [397. № 14—16. С. 137]. Однако, отвечая украинским кадетам, Милюков не отступил ни на йоту. Выделение в пределах государства «суверенных независимых единиц», заявил он, представляется совершенно невозможным. Даже решение таких вопросов, как некоторое расширение прав Литвы и Украины, кадеты требовали отложить до Учредительного собрания [445. 1917. 6, 12 мая] — обычный прием, используемый ими для торможения революционных преобразований в области внутренней политики России.

Все то, что не является «предметом крайней необходимости (с кадетской точки зрения. — *Н. Д.*), — говорил на VII съезде М. М. Винавер, — должно быть предоставлено выявлению воли народной в Учредительном собрании» [227. С. 9].

Между тем созыв Учредительного собрания кадеты последовательно саботировали. Кадетский ЦК на пленарном заседании 10 марта принял решение «образовать при ЦК специальную комиссию в составе Винавера, Кокوشкина и Гронского для разработки вопросов, связанных с созывом и предстоящей деятельностью Учредительного собрания» [445. 1917. 12 марта]. В разработанном комиссией по этому вопросу докладе Ф. Ф. Кокوشкина на VII съезде подчеркивалось, что для созыва Учредительного собрания «придется проделать ряд чрезвычайно сложных работ: выработать сам избирательный закон, учредить на местах выборные органы, составить избирательные списки и т. д. Главная же причина отсрочки выборов — «дать время развернуться избирательной агитации для того, чтобы население отнеслось к выборам сознательно». Отсюда Кокوشкин делал вывод, что «едва ли Учредительное собрание может быть создано раньше конца лета или начала осени» [283. С. 6—7].

В декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. содержалось обязательство начать немедленную подготовку к созыву Учредительного собрания. Однако лишь 25 марта был опубликован правительственный декрет об учреждении специальной комиссии по выработке закона об Учредительном собрании под председательством Кокошкина. «Лица, видевшие Ф. Ф. Кокошкина в период работ комиссии над „самым демократическим в мире“ избирательным законом, — писал впоследствии кадет В. Н. Пепеляев, — помнят, с каким пессимизмом смотрел этот государственный на судьбу Учредительного собрания» [461. 1918. 3 сент.].

Первое заседание комиссии состоялось только 25 мая. Это было широкое неуправляемое собрание, включавшее около 80 членов. Один из членов комиссии, кадет Б. Э. Нольде, характеризовал его как «многоголовое сборище, почти парламент» [325. С. 152]. Сюда вошли не только юристы-эксперты, но и представители всех политических партий, Совета крестьянских депутатов, главных национальных организаций, воинских частей, кооперативных союзов и т. д. и т. п. «Аппарат (комиссии. — Н. Д.) оказался настолько сложным и громоздким, — писал Набоков, — что стало невозможным рассчитывать на сколько-нибудь быстрое окончание работы и назначение выборов в близком будущем» [322. С. 72].

От партии «народной свободы» в комиссию были назначены М. М. Ви-навер, С. А. Котляревский, В. М. Гессен, В. А. Маклаков, М. С. Аджемов, А. С. Лапио-Данилевский, Н. И. Лазаревский, Б. Э. Нольде, В. Д. Набоков (в качестве управделами Временного правительства) и др. [445. 1917. 25, 27 апр.]. Все это были чрезвычайно опытные и искушенные юристы, умело подводившие научно-теоретическое обоснование под любые свои тактические маневры.

На первом же заседании в комиссии разгорелась ожесточенная дискуссия по политическим вопросам, выходившим далеко за пределы избирательной техники. К примеру, с какого возраста разрешается участие в голосовании? Большевики высказывались за 18 лет, мелкобуржуазные партии — за 20 лет, а кадеты — за 21 год. Это и понятно: их пропаганда не имела успеха среди революционно настроенной молодежи. Однако партия «народной свободы» потерпела поражение: для всего населения был установлен возрастной ценз 20 лет, а для армии — 18 лет.

Или вопрос о том, допускаются ли к участию в голосовании дезертиры (которых в стране насчитывалось более миллиона)? Большевистские делегаты настаивали на том, что это не юридическое преступление, а следствие политического отношения к войне. Однако по настоянию кадетов комиссия вынесла отрицательное решение. Зато представители партии «народной свободы» грудью встали на защиту избирательных прав членов дома Романовых. В. А. Маклаков аргументировал кадетскую позицию в этом вопросе следующим образом: «Легальное происхождение нашей власти идет не только от революции, а идет и от некоторых актов царствовавшего дома. Ограничение (семьи Романовых) возможно лишь позднее, когда — и если — будет провозглашена республика» [437. 30 мая]. В свою очередь Кокошкин заявлял, что подобное ограничение «неэстетично», являет собой «насилие» и «не гармонирует с общим духом закона» [228. С. 81]. Усилиями кадетских заступников комиссия приняла решение в пользу семейства Романовых. Это решение вызвало

гневный протест среди трудящихся масс, и правительство вынуждено было его отменить.

Наибольшие споры вызывал в комиссии вопрос о том, когда должны состояться выборы. В связи с тем, что большевистская партия решила провести 18 июня в Петрограде уличную демонстрацию, правительство 14 июня поспешно назначило выборы на 17 сентября и созыв Учредительного собрания — на 30 сентября. Кадеты встретили это постановление с возмущением. 18 июня в частном совещании членов Государственной думы Милюков требовал отменить его и отсрочить выборы [445. 1917. 19 июня]. На заседании ЦК партии «народной свободы» он назвал это «очень быстрое» решение «зигзагом в сторону большевиков» [94. С. 37]. Его поддерживали Шингарев и другие кадетские министры, Кокошкин, Набоков, который даже угрожал, что кадеты будут бойкотировать выборы [374. С. 487—488].

Почему же кадеты тормозили работу комиссии? В мае на VII съезде партии Милюков уверял, что в вопросе об Учредительном собрании «промедление за государственной типографией, а не за Временным правительством» и, кроме того, в задержке решения этого вопроса «виноват Совет» [445. 1917. 11 мая]. В июне, когда выборы были назначены на сентябрь, кадеты вовсе шумели по поводу технических трудностей избирательной процедуры. Кокошкин утверждал, что выборы не могут состояться раньше, чем через два месяца после создания новых органов власти на местах, т. е. самое раннее 1 декабря.

Не может быть двух мнений о том, что все это были лишь пустые отговорки. В действительности в основе тактики кадетов лежало их убеждение, что выборы в Учредительное собрание не могут подтвердить за ними того объема власти, которой они располагали во Временном правительстве. На заседании кадетского ЦК 19—20 июля 1917 г. Винавер заявил, что проведение выборов в назначенный срок (17 сентября) является «бедствием» для партии «народной свободы» [100. Л. 2]. Было непреложно ясно, что состав Учредительного собрания будет определяться крестьянами и солдатами. Но и в деревне и в армии влияние кадетов было чрезвычайно слабо, и выборы продемонстрировали это впоследствии с полной очевидностью.

Характерно, что и сейчас находятся среди буржуазных историков авторы, всерьез уверяющие, будто кадетская политика саботажа созыва Учредительного собрания была вызвана необходимостью тщательной подготовки как можно более справедливого избирательного закона. «Задним числом такая скрупулезность может показаться ужасной ошибкой, — заявил, например, на конференции в Гарварде Л. Шапиро, — но в то время она соответствовала основным принципам святости народной воли» [518. Р. 106].

Однако большинство зарубежных исследователей более трезво смотрит на вещи. Кочен прямо пишет о «враждебности кадетов идее Учредительного собрания». Как он указывает, Милюков с самого начала революции не скрывал своего отрицательного отношения к тому, чтобы даты выборов в Учредительное собрание и его созыва были точно установлены. По мнению английского историка, попытка Милюкова сохранить престол имела целью, помимо прочего, «подрезать основы проектировавшегося Учреди-

тельного собрания» [498. Р. 201; 497. Р. 186]. Его соотечественник У. Мосс сообщает и причину кадетского саботажа: «Было очевидно, что Учредительное собрание легализует социальную революцию, прежде всего в деревне», и потому «кадеты не жалели сил, чтобы отложить созыв собрания. В идеале они предпочли бы орган, созданный на основе ограничительного избирательного закона (нечто вроде умирающей Государственной думы, тайную приверженность к которой они продолжали испытывать)» [508. Р. 104].

«Дело сводилось к вопросу о том, — пишет Кочен, — кому будет принадлежать власть в планируемом собрании. . . Существовала огромная разница между влиянием и властью кадетской партии в правительстве и ее положением в стране» [497. Р. 187, 190]. Кадетское чувство самосохранения, констатирует тот же автор, «диктовало их обструкционистскую политику. Было ясно, что исход выборов решат крестьянские миллионы. . . Кадетам нужно было выиграть время, чтобы по крайней мере попытаться сделать свою партию столь же знакомой Ивану, Петру, Сидору, какими были другие партии» [498. Р. 249]. Как видим, все вышесказанное полностью опровергает утверждение У. Розенберга о стремлении кадетов к немедленному осуществлению необходимых реформ [523. Р. 53].

Программа и тактика партии кадетов по всем важнейшим вопросам внутренней политики Российского государства оказалась несостоятельной. «Очутившись у власти лицом к лицу с революционным народом, — писала большевистская «Правда», — кадеты показали свою буржуазную сущность. И никакая либеральная фразеология не в силах. . . скрыть полное несоответствие партии, именующей себя „партией народной свободы“, с действительными интересами и нуждами народа» [441. 1917. 1 апр.].

Февральская революция, совершенная народными массами, застала врасплох кадетов, до последнего момента надеявшихся на соглашение с царизмом. Их программа, приспособленная к конституционно-демократическому строю, оказалась неприемлемой в условиях победившей буржуазно-демократической революции. Это вынуждены были признать и сами кадетские деятели. Наша партия, говорилось в лекции секретаря кадетского ЦК профессора А. А. Корнилова, попала в довольно странное положение, «теперь мы не только достигли всего того, что обозначено в нашей программе, но даже более того, что в ней обозначено» [288. С. 29].

Еще громче зазвучали подобные признания после победы Октября. «Мартовская революция, — говорил левый кадет Мандельштам в 1921 г., — превратила нас в тактически опоздавшую партию» [172]. В. Д. Набоков также горько сетовал на то, что кадетами ничего не было сделано для подготовки «реального земельного законодательства», «практических проектов в области вопросов о федерации и автономии, вопроса о русских финансах и целого ряда других», что пришлось «все наспех импровизировать» [153].

В этом, безусловно, сказалась политическая слабость партии «народной свободы». Однако главная причина несостоятельности кадетской программы заключалась в ее абсолютном несоответствии требованиям широких трудящихся масс. Внутриполитический курс кадетов, направленный на защиту классовых интересов помещиков и буржуазии, на борьбу против

революционного пролетариата и его ленинской партии, как и подтвердили дальнейшие события, был обречен на неизбежный провал.

Не менее отчетливо, чем в вопросах внутренней политики, антинародная сущность программы кадетов проявилась в вопросе о войне, т. е. в их внешнеполитическом курсе. Эта сфера деятельности Временного правительства с самых первых дней сделалась епархией кадетской партии. Лидер ее получил свободу рук в этом вопросе и при соглашении с Советом.

В своей, по определению В. И. Ленина, хвастливой [См.: 1. Т. 31. С. 12] телеграмме русским дипломатическим представителям за границей от 4 марта Милюков подчеркивал неизменность внешней политики России. «Правительство твердо уверено, — заявил он, — что великое воодушевление, овладевшее всей нацией, удесятрит ее силы и приблизит час окончательного триумфа возрожденной России и ее доблестных союзников» [37. С. 423—424].

Наконец-то кадетские политики, всегда столько внимания уделявшие международным отношениям и роли в них Российского государства, получили возможность самим определять внешнюю политику страны. Получили. . . и использовали лишь для того, чтобы ни на йоту не изменить курс, проводившийся царским правительством.

Так как внешняя политика Временного правительства, особенно первого состава, глубоко и подробно изучена советскими историками, целесообразно сосредоточить внимание на выделении лишь некоторых важных для нашей темы вопросов.

С первых дней существования новой власти кадетская партия определила свою позицию во внешнеполитической сфере: война до победного конца в полном единении с союзниками. Это было логическим продолжением той линии, которая, как мы видели, проводилась кадетами начиная с 1914 г.

«Если когда-нибудь лозунг „все для войны“ имел великий смысл, — писала «Речь» 7 марта 1917 г., — то именно теперь. Все для войны — значит все для процветания новой демократии, все для закрепления новых позиций, как внешних, так и внутренних».

Революция, громогласно заявляли кадетские лидеры, «совершена потому, что старый царизм не мог привести нас к победе» и «для того, чтобы отстранить препятствия, стоявшие на пути России к победе» [314. С. 61; см.: 445. 1917. 12, 15 марта, 8 апр.]. Однако сами кадеты прекрасно сознавали и истинные настроения по отношению к войне, и невозможность победного для России исхода войны. Об этом говорят многочисленные свидетельства. К примеру, Ф. И. Родичев, по утверждению его же однопартийца и единомышленника П. П. Гронского, «в своих думах и в ряде докладов и публичных лекций в разных городах России упорно боролся с пораженчеством, но он был одним из пророков, предсказавших неминуемое поражение русских армий в борьбе с Германией. . . Он с самого начала войны был пессимистом» [440. 1929. 21 февр.]. То же самое пишет в биографии Родичева его дочь: «Он ни одной минуты не верил в благополучный исход войны и предсказывал поражение России» [126].

Другой видный кадетский деятель, Н. И. Астров, на совещании кадетского ЦК 11—12 августа 1917 г. говорил: «Войну кончить нельзя, но для

России она кончена: мы в состоянии разгрома. Я далек от надежды на чудеса» [89. Л. 1]. Через много лет, выступая на банкете в честь 70-летнего юбилея Милюкова, тот же Астров заявил следующее: «Милюков и его друзья предвидели катастрофу. Они предвидели возможность рокового исхода войны». Спрашивается, как же в таком случае объяснить их прямо противоречащую этим «предвидениям» политику? Астров тут же дал свое объяснение: «... честь и достоинство русского имени не позволили объявить договоры клочками бумаги» [128]. Эта рыцарская формула чрезвычайно далека от истины. Вспомним хотя бы радикальный поворот лидера кадетов Милюкова от призывов верности Антанте к идее сотрудничества с Германией в 1918 г. «В международном праве, — заявлял он тогда в ответ на возражения своих оппонентов, — существует правило, согласно которому все договоры и обязательства сохраняют свою силу лишь при наличии прежних обстоятельств» [127].

Тем не менее кадетское объяснение внешнеполитических установок партии «народной свободы» было в свое время подхвачено западной буржуазной историографией. Так, английский историк Чемберлин в своей книге о русской революции писал: «Кадеты были столь прочно связаны с идеей войны в тесном союзе с союзниками, что они не в состоянии были изменить эту ориентацию» [478. Р. 143].

Для произведений англо-американской историографии более позднего периода такого рода суждения были уже не характерны. Однако и ее толкование внешней политики кадетской партии подчас весьма далеко от научного анализа. Например, по мнению Д. Кеннана, кадеты «были преданы идее продолжения войны» лишь потому, что явились «жертвами характерного для XIX века сочетания либерализма и национализма» [494. Р. 27]. Д. Анин выдвигает следующий тезис: политика первого Временного правительства определялась убеждением Милюкова в том, что переворот вызвало недовольство народных масс неэффективным ведением войны [466. Р. 53]. Розенберг приводит три фактора, «подкреплявшие» внешнеполитический курс кадетской партии: давление слов Антанты (особенно М. Палеолога), «очевидный военный энтузиазм войск, вставших на сторону нового режима» и «заинтересованность солдат в военной продукции». Правда, сам автор тут же сводит на нет два последних фактора, признавая, что «в действительности антивоенные настроения в армии быстро росли» [523. Р. 99—100].

Подлинный ответ на вопрос о том, какими мотивами определялась внешняя политика Временного правительства первого состава, находим в трудах В. И. Ленина. Правительство Милюкова и К^о, писал он, не может дать народу мира, «потому что оно есть правительство войны, правительство продолжения империалистической бойни, правительство *грабежа*, желающее грабить Армению, Галицию, Турцию, отнимать Константинополь, снова завоевать Польшу, Курляндию, Литовский край и т. д.». Это правительство «связано по рукам и ногам» империалистическим капиталом «всемирно могучей, сотнями миллиардов измеряемой силы» [1. Т. 31. С. 21].

Буржуазное правительство представляет интересы капитала, связано этими интересами, «не может вырваться (даже если бы хотело) из империалистской, захватной, аннексионистской политики». «Капиталисты

не могут отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы». Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир, указывал В. И. Ленин, «все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели» [1. Т. 31. С. 49, 50, 285].

Приобретение Константинополя и проливов было главным пунктом внешнеполитической программы кадетского министра иностранных дел. «Перемена правительства не изменила наших стремлений, — подчеркнул Милюков в интервью представителям французской печати, опубликованном в «Речи» 12 марта. — Мы более чем когда-либо желаем владеть Константинополем, который необходим для нашей экономической свободы». А на VIII съезде партии «народной свободы» в мае 1917 г. Милюков заявил: «Я признаю совершенно откровенно, что вопрос о проливах и приобретении их в суверенное обладание Россией был моею руководящей нитью. . .» [445. 1917. 12 мая].

Позицию Милюкова по вопросам внешней политики поддерживало в первые послефевральские месяцы подавляющее большинство партии «народной свободы». В тот период появилось большое количество брошюр на эту тему, принадлежащих перу кадетских публицистов [314; 288; 289; 290; 350; 209 и др.], ей посвящали свои выступления на публичных митингах и собраниях лучшие ораторы партии, она находила широкое отражение в кадетской прессе.

Всемерная популяризация целей войны была особенно необходима для поднятия морального духа армии, который доставлял кадетам много беспокойства. Всеми силами они пытались создать впечатление подъема и бодрости, царящих в войсках. 17 марта 1917 г. в «Речи» была помещена телеграмма от особоуполномоченного Западного фронта Н. Н. Щепкина: «Настроение приподнятое. Дисциплина сознательная, повышенная. Побеждают здоровые лозунги: единство, Временное правительство, война до конца».

Те же ноты звучали и в сообщении Щепкина о войне на VII съезде кадетской партии: «Дисциплина на фронте в среднем стала значительно лучше. Лозунг „Долой войну“ или „Война вничью“ вызывает негодование». Члены Государственной думы В. А. Степанов и А. М. Александров сообщали из Гельсингфорса: «Все слухи о расшатанности флота — сплошная выдумка, распространяемая либо легковверными, склонными к панике людьми, либо людьми прямо недобросовестными» [445. 1917. 28 марта и 8 апр.].

Ту же линию проводило правительство. После посещения ставки несколькими министрами, в том числе Милюковым, было опубликовано полное оптимизма коммюнике. «Настроение в армии улучшается с каждым днем, — говорилось в нем. — Укрепляется дисциплина. . . Революционный кризис как на фронте, так и в тылу миновал» [396. 1917. 1 апр.].

В первое время после революции многие кадетские лидеры бывали в воинских частях, выступая с речами и беседами, чтобы поднять дух войск. «Тогда еще падалися, — пишет в своих воспоминаниях П. Д. Долгоруков, — что речами можно задержать развал армии» [246. С. 21]. Американский историк А. Уайлдмен считает, что результатом этих визи-

тов явилась стабилизация положения в армии к середине марта [540. Р. 3—23].

В действительности уже в это время начался неукротимый процесс распада царской армии [214. С. 158]. Поездки кадетских деятелей в войска были совершенно бесполезными потому, что их партия отнюдь не пользовалась популярностью в армии. Особенную неприязнь вызывал ее лидер. По словам офицера Б. Соколова, в армии с самого начала существовала большая, ничем не прикрытая антипатия к Милюкову. Солдаты считали его «барином». «Это был факт, который могут подтвердить все находившиеся на фронте» [357. С. 14—15].

Во время поездок на фронт кадетские представители имели возможность воочию убедиться в небоеспособности русской армии. П. Д. Долгоруков, приехав в апреле на фронт в качестве делегата думской комиссии, посетил 33 воинские части. Впечатление от всех них было примерно одинаковое: армия начала разлагаться [440. 1927. 30 июня]. «Я видел Московский гарнизон, — говорил он. — Он ужасен. Никакой дисциплины. Солдаты открыто торгуют форменной одеждой и дезертируют. Армия вышла из повиновения. Спасти может только наступление...» [291. С. 97—98].

Успех наступления, хотя бы даже незначительный, надеялись использовать для укрепления авторитета центральной власти и командования армии, для усиления агитации за продолжение войны до победного конца. В случае провала вину заранее собирались переложить на «экстремистов», обвинив их в разложении армии, в подрыве мощи государства и используя это в качестве предлога для проведения массовых репрессий [219. С. 184—185]. «Наступление, — отмечал В. И. Ленин, — при всех возможных исходах его с военной точки зрения, означает политически... укрепление *основных позиций контрреволюции*» [1. Т. 32. С. 302]. Этого не скрывали и сами кадеты. Позже, уже в период подготовки июньского наступления, В. А. Маклаков, выступая на совещании членов IV Государственной думы, откровенно заявил: «Если нам действительно удастся наступать и вести войну... так же серьезно, как мы вели ее раньше, тогда быстро наступит полное оздоровление России». В том же духе выступил на совещании и Милюков [445. 1917. 4 июня]. «Милюков и Маклаков, — писала в связи с этим «Правда», — люди дела, превосходно понимающие смысл классовой борьбы, когда это их класса касается». Кадеты «знают, что вопрос о наступлении вовсе не как стратегический вопрос *поставлен жизнью сейчас*, а как вопрос *перелома всей русской революции*» [441. 1917. 19 июня].

Смысл позиции кадетов по вопросу о наступлении не могут не видеть даже современные буржуазные историки. «Главная ценность наступления, — пишет, к примеру, Р. Шлезингер, — в глазах русской буржуазии, союзников и, вероятно, самих генералов, которым было известно истинное положение вещей, состояла в эффекте, который его неизбежный провал должен был произвести на мелкую буржуазию, мобилизовав ее тем самым против революции» [528. Р. 311].

Более того. Руководителей Временного правительства устраивало даже немецкое наступление, чтобы преодолеть пассивность войск и спровоцировать таким образом их активные контрдействия. На этот счет

имеется чрезвычайно интересное свидетельство. В архиве хранится черновик рукописи Керенского, относящейся к 1936 г. и озаглавленной «Опыт Керенского. (Россия 1917 — Франция 1936)». В этой рукописи находим следующий абзац, зачеркнутый автором: «Сколько раз, помню, мы мечтали о таком ударе! (Речь идет о немецком прорыве на реке Стоход 21 марта 1917 г. — *Н. Д.*). Сколько раз в разговорах во время заседаний Временного правительства говорили мы: вот если бы этот проклятый германский генеральный штаб... не выдержал характера и показал свои когти. И он действительно не выдержал!» И дальше: «К несчастью, германский штаб... сразу понял свою тактическую ошибку и всякие активные операции на нашем фронте опять решительно прекратил» [133].

Итак, любой ценой бросить войска в безнадежное наступление, сохранить многомиллионную армию, продолжить войну. И здесь мы подходим к другому важнейшему побудительному стимулу внешнеполитического курса кадетской партии. Действуя таким образом, кадеты стремились изолировать революционно настроенные солдатские массы от общественной жизни страны. Сохранение армии позволяло партии «народной свободы» постоянными ссылками на невозможность участия солдатских масс в осуществлении демократических преобразований всемерно оттягивать решение всех важнейших проблем, стоявших перед страной. Тем самым она рассчитывала затормозить развитие революции, становление демократических порядков и учреждений.

На совещании командующих фронтами и Временного правительства 4 мая 1917 г. главнокомандующий генерал М. В. Алексеев откровенно предупреждал, что, как только война кончится, «все захочет хлынуть домой... захотят одновременно двинуться в тыл несколько миллионов человек. Это может внести такой развал в жизнь страны и железных дорог, который трудно учесть даже приблизительно». Он просил также иметь в виду, что «возможен при демобилизации и захват оружия». Алексеева полностью поддержал генерал Д. Г. Щербачев. «Если мы не хотим развала России, — заявил он, — то мы должны продолжать борьбу...» [170]. На заседании кадетского ЦК 11 августа 1917 г. левый кадет В. А. Оболенский повторил, по сути, тот же аргумент: «Быстрый мир невозможен, п[отому] ч[то] невозможна демобилизация, пока нет власти» [89. Л. 1].

В открытом письме к Милокову, написанном в 1921 г., В. Шульгин отмечал как крупный успех контрреволюционных сил в период между Февралем и Октябрем задержку демобилизации, «которая таким образом не произвела тех грозных разрушений, каких мы все от нее ждали» [409. С. 5].

Сам Милоков, по свидетельству Набокова, в 1917 г. говорил: «Благодаря войне все у нас еще как-то держится, а без войны скорее бы все рассыпалось» [322. С. 41]. Т. Риха в книге о Милокове приводит эту цитату в подтверждение своего тезиса о том, что лидер кадетов в этот период «все свои надежды возлагал на цементирующую роль патриотизма», что «в его глазах победа была той общей целью, которая могла объединить всех русских» [520. Р. 310—311]. Л. Кочен оценивает позицию лидера кадетов более здраво. «Он верил в стабилизирующую силу войны», — подчеркивает Кочен и раскрывает смысл этого утверждения при помощи

цитаты из статьи немецкого историка М. Вебера, написанной в 1921 г.: «[Временное] правительство, чтобы держать крестьян вдали от дома, безусловно поддерживало продолжение войны, даже когда это было абсолютно безнадежно... Правительство нуждалось в войне, чтобы сохранить свою власть» [497. Р. 214].

Но и эта тактика в конце концов неминуемо обернулась для кадетов поражением. Уже после Октябрьской революции, пытаясь разобраться в причинах своего краха, они прежде всего осуждали задним числом политику продолжения войны. «Если бы в первые же недели было ясно осознано, — писал Набоков, — что для России война безнадежно кончена и что все попытки продолжать ее ни к чему не приведут... катастрофу, быть может, удалось бы предотвратить» [322. С. 41]. На заседании белоэмигрантского парижского комитета партии «народной свободы» будущий сменовеходец Ю. Ключников в докладе «О новых задачах кадетизма» заявил: «В начале революции мы не поняли, что восвать Россия больше не в состоянии... и дали этот козырь в руки большевиков» [167]. Аналогичная мысль звучит в письме Астрова Деникину: «Большевики овладели революцией, объявив конец войны» [144].

Конечно, эти высказывания отражают в высшей степени упрощенное представление о причинах победы социалистической революции, о возможности развития России по другому историческому пути, но в них интересно другое: признание самими кадетами нежизненности и бесперспективности политики, проводившейся ими в 1917 г.

Столь же неутешительные выводы пришлось в итоге сделать кадетским деятелям и из развития их отношений с союзниками. «Уже давно, с самого заключения перемирия, — говорилось в обращении кадетского Национального центра к английскому генералу Хольмену (март 1919 г.), — некоторые русские люди высказывали горькое предположение, что Антанта победила не только Германию, но и Россию». Лидеры партии «народной свободы» наконец поняли, что союзники «не нужна великая единая Россия», что «им выгоднее иметь Россию раздробленную и ослабленную... Лучше иметь Россию, которую можно на все склонить и которой могут все пользоваться для своих целей, чем Россию могущественную, с которой придется снова считаться как с фактором мировой политики» [151].

Однако в марте—апреле 1917 г. руководство партии «народной свободы», определявшее внешнюю политику России, придерживалось совершенно других взглядов. С самого прихода к власти кадеты упорно твердили о верности «союзническому долгу», о благотворительной роли Англии, Америки, Франции для русской революции и т. п.

В опубликованном 7 марта обращении Временного правительства к населению страны говорилось: «Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные союзниками соглашения» [37. С. 125]. Сам Милюков писал в 1917 г.: «Нет царской дипломатии и дипломатии Временного правительства, а есть одна дипломатия: дипломатия союзническая» [315. С. 4].

Стремясь сохранить и упрочить симпатии союзников, кадеты всемерно пытались завоевать расположение общественного мнения стран Антанты. В этом им немало способствовала печать этих стран, в особенности Англии.

Следует отметить любопытный факт, касающийся непосредственных связей кадетских лидеров с английской прессой. Член ЦК кадетской партии А. Тыркова с 1906 г. была замужем за корреспондентом английских газет в Петрограде Г. Вильямсом. Вильямс приехал в Россию в 1904 г. как представитель газеты «Манчестер гардиан». Вскоре он стал корреспондентом лондонских газет «Морнинг пост», затем «Дейли кроникл», «Дейли телеграф» и ливерпульской «Дейли пост». После Октябрьской революции был аккредитован в качестве корреспондента «Таймс» при Добровольческой армии генерала Деникина. Вернувшись после ее разгрома вместе с Тырковой в Англию, Вильямс был назначен директором иностранного отдела лондонской «Таймс» [534. Р. 330; 248. С. 90—91].

Английский историк-марксист Э. Ротштейн особо подчеркивает, что Вильямс считался «лучшим английским корреспондентом в России» [526. Р. 208], что его оценки во многом определили тональность британской прессы, которая освещала события в России с сугубо кадетских позиций, а самим кадетским деятелям давала как нельзя более лестные характеристики. Всего больше пишут в иностранной прессе о Милюкове, отмечала в дневнике в марте 1917 г. (будучи еще в эмиграции) А. М. Коллонтай. «О нем говорят в восторженно-почтительном тоне» [284. С. 236]. Так, газета «Таймс» 17 марта 1917 г. писала, что Милюков «замечательным образом сочетает в себе глубокие знания истории конституционализма и парламентаризма и природный дар руководителя с инстинктивной склонностью к компромиссу, являющемуся квинтэссенцией английской политики. Однако в своей знаменитой думской речи в ноябре прошлого года он проявил себя как бескомпромиссный в деле принципа и отважный политический боец».

Недаром В. И. Ленин в «Письмах издалека» писал о газете «Таймс»: «Ясно, что источника, более благоприятно — выражаясь мягко — настроенного к правительству Гучкова и Милюкова, найти нелегко». Английских корреспондентов в России Ленин называл единомышленниками Гучковых и Милюковых, их «самыми верными друзьями» [1. Т. 31. С. 23, 24, 69]. Их сообщения из России перепечатывала и широко распространяла печать других иностранных государств.

Как справедливо замечает В. С. Васюков, кадетская дипломатия принимала подчас тон шокирующего заискивания перед союзниками [219. С. 36]. Партия «народной свободы» постоянно призывала русский народ «всячески укрепить и оправдать» доверие союзников к новому режиму, доказать его способность энергично продолжать войну [445. 1917. 10 марта]. Впоследствии, когда кадетские лидеры были изгнаны из пределов родины и многие из них оказались в положении бездомных скитальцев, они, напоминая о своих прежних заслугах, вымаливали помощь у бывших «друзей». Так, через Бьюкенена у английского правительства было выхлопотано разрешение «дать в Англии воспитание (университетское. — Н. Д.) детям русских политических и общественных деятелей, *работавших в направлении, благоприятном Англии и Союзу* (Антанте. — Н. Д.)». Составлен список этих лиц. Вы в него вошли, я также», — радостно сообщал Набоков Винаверу [153]. Пожалуй, выделенная нами формулировка правдиво отражает реальное содержание внешней политики кадетской партии после Февраля.

Однако ревностное усердие кадетской партии не было оценено должным образом. Союзники понимали, что она не сможет удержать власть в обстановке непрерывно нарастающего революционного подъема, требовавшего, по определению Керенского, «совершенно новой военной и международной* политики или по крайней мере видимости такой политики» [495. Р. 341]. Поэтому они предпочли сделать ставку на соглашателей, стремившихся проводить тот же, по существу, курс, но не столь открыто, как кадеты, а под прикрытием левых фраз.

Многие буржуазные историки видят во внешнеполитической линии кадетской партии главную причину ее краха. Нежелание имущих классов отказаться от утопической формулы «война до победного конца», заключает У. Чемберлин, обеспечило логическое завершение русской революции [478. Р. 326]. Этот лозунг русских консерваторов, пишет Д. Кармайкл, «был фактически их эпитафией» [476. Р. 158].

Внешняя политика кадетской партии, так же как и ее внутривнутриполитическая линия, в корне противоречила интересам трудящихся России. Апрельский кризис, вызванный бурным взрывом негодования народных масс в связи с опубликованием милокувской ноты от 18 апреля о захватнических целях войны **, поставил Временное правительство перед необходимостью отстранить лидера кадетов от руководства внешней политикой страны. Эта акция позволяла повернуть народное раздражение политикой правительства в узкое русло недовольства партией «народной свободы» и в особенности ее вождем, превратить Милюкова в того козла отпущения, который предназначался в жертву «толпе» для сохранения остального состава кабинета. Именно внешнеполитический курс партии «народной свободы», связанный с важнейшим для народов России в 1917 г. вопросом о войне, послужил главной непосредственной причиной замены однородного буржуазного кабинета правительственной коалицией кадетов с мелкобуржуазными партиями.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОАЛИЦИИ

Апрельский кризис поставил перед кадетской партией острую дилемму. Перед ней лежали два пути: либо полное отстранение от государственного управления и консолидация с монархистами в тайном заговоре для установления военной диктатуры, либо сотрудничество с соглашателями, постоянное давление на них в правительстве с целью помешать развитию революции. В кадетской среде с новой силой разго-

* М. Н. Покровский подчеркивал в свое время: «Милюков был низведен так легко потому, что он не угодил Антанте, слишком надоедливо напоминая о Дарданеллах, при каковом напоминании Англия всегда морщилась. Бестактного слугу не то что прогнали — прогнали его массы, — но его не стали защищать, „отдали на жертву“» [335. С. 340].

** Апрельский кризис столь подробно исследован в советской исторической литературе, что специально останавливаться на нем не имеет смысла.

релся спор о том, куда — вправо или влево — обращаться в поисках союзников для достижения единой цели.

Еще в середине марта 1917 г. на заседании кадетского ЦК Н. В. Некрасов, З. Г. Френкель и особенно Д. И. Шаховской отстаивали идею об «объединении всех демократических элементов» (кадетов, эсеров и меньшевиков) в связи с изданием ежедневной газеты «Власть народа» [397. № 3. С. 8—9].

Через две недели, на VII съезде партии Д. И. Шаховской в докладе о тактике ратовал за соглашение с меньшевиками и эсерами, которые «в значительной мере приблизились» к кадетам. Теперь, когда партия «народной свободы» выступает под республиканским знаменем, говорил докладчик, перед ней открывается возможность для широких совместных действий, заключения блока на выборах и различного рода соглашений с другими партиями. Д. И. Шаховского поддержали М. Л. Мандельштам и З. Г. Френкель, а также делегат из Тулы князь Вяземский. Самым пылким сторонником сближения с «мелкобуржуазной демократией» на VII съезде был, как и раньше, Н. В. Некрасов.

Однако эти призывы не нашли отклика у большинства делегатов. Закljučая прения, М. М. Винавер сформулировал общую позицию: тактический курс кадетской партии ни в коем случае не должен способствовать усилению поляризации в стране. Под таким маскирующим предлогом идея сближения с «левыми» была отвергнута.

В начале апреля З. Г. Френкель вновь поднял этот вопрос на заседании кадетского ЦК, предложив создать новую организацию типа Союза освобождения для сближения с «левыми». Такого же рода предложения поступали из ряда провинциальных кадетских комитетов. И вновь кадетское руководство во главе с П. Н. Милюковым категорически высказалось против блокирования с мелкобуржуазными партиями [397. № 1; 445. 1917. 11 апр.].

Апрельский кризис, резко изменивший ситуацию, передвинул грани спорящих группировок в кадетской среде. Прежде всего это выразилось в расколе центральной, милюковской группы и сближении одной ее части (П. Н. Милюков и его окружение) с правым флангом партии, а другой, возглавлявшейся М. М. Винавером и В. Д. Набоковым, — с левым ее флангом.

Точки зрения обеих сторон были позднее сформулированы В. Д. Набоковым в его докладе на X съезде кадетской партии в октябре 1917 г. По его определению, противники коалиции считали, что «раз назрел нарыв и все равно предстоит перейти через тяжелую операцию его вскрытия», то лучше поскорее произвести эту операцию и ждать поворота, который «уже в свой черед очистит позицию для нас». Сторонники же коалиции побаивались, ~~«не слишком ли был бы опасен такой эксперимент для страны... и для самой партии»~~ [445. 1917. 15 окт.].

Стратегическая сущность обоих направлений была одинаковой, различия концентрировались в тактической плоскости. Но в сложнейшем переплете событий 1917 г., требовавшем мгновенной и четкой реакции, вопросы тактики приобретали важное значение и служили источником серьезных разногласий в кадетской партии.

В Москве горячими приверженцами блока с мелкобуржуазными партиями выступали Н. И. Астров и Н. М. Кишкин. Они доказывали, что образование правительственной коалиции встретит несомненное одобрение со стороны провинциальных кадетов, поскольку такая коалиция уже осуществляется на местах, где во многих комитетах общественных организаций они успешно сотрудничают с эсерами и меньшевиками [445. 1917. 25 апр.].

На петроградское кадетское руководство несомненное воздействие оказали аргументы Некрасова, всячески убеждавшего своих коллег в необходимости сотрудничества с левыми партиями в правительстве. Таким путем он стремился к созданию межпартийной правительственной коалиции, идею которой вынашивал и активно пытался претворить в жизнь сложившийся во Временном правительстве «триумvirат» (Керенский, Некрасов и Терещенко). В середине апреля Некрасов пригласил на тайное частное совещание М. М. Винавера, В. Д. Набокова, М. С. Аджемова, Н. К. Волкова, П. В. Герасимова, В. А. Оболенского, И. П. Демидова и П. П. Гропского. Резко критикуя «бескомпромиссную» позицию Милюкова, которая чрезвычайно осложняет отношения между правительством и Советом, он доказывал, что от развития этих отношений зависит дальнейшая судьба России [137. С. 749—750]. Его аргументы были приняты сочувственно.

Однако в отличие от Шаховского и Некрасова группа Винавера—Набокова не придавала принципиального значения вопросу о правительственном сотрудничестве с меньшевиками и эсерами рассматривая его, по словам одного из видных участников этой группы, М. С. Аджемова, как «практический шаг в политическом деле», причем имелось в виду, что «завтра, если понадобится, мы можем отойти от них» [168].

23 апреля кадетский ЦК, обсуждая вопрос об участии партии в коалиции, принял отрицательное решение всего одним голосом. Вместе с тем было признано необходимым соглашение с «левыми» в области внешней политики [397. № 11—13. С. 21].

На заседании 2 мая этот вопрос обсуждался вновь. П. Н. Милюков категорически высказался за отставку всех кадетских министров. «Революция сошла с рельс», заявил он, события развиваются стихийно, и «их поступательный ход мы уже не в силах удержать». Поэтому «нам не следует больше себя связывать с революцией, а нужно подготовить силы для борьбы с ней, и не внутри возглавляющей ее власти, а вне ее» [137. С. 741; 440. 1925. 16 апр.].

Милюкова поддерживали такие видные члены кадетского ЦК, как Ф. Ф. Кокошкин, Ф. И. Родичев, П. Д. Долгоруков, А. А. Мануйлов, А. И. Шингарев. Продолжая участвовать в правительстве после отставки Милюкова, подчеркивали они, партия совершит акт «предательства» по отношению к своему лидеру. Они уверяли также, что с уходом Милюкова правительство будет лишено всякого авторитета в глазах союзников. Бессмысленно продолжать без Милюкова, заявлял А. И. Шингарев, готовый также подать в отставку. По его мнению (разделяемому и другими членами ЦК), лучший выход из положения — передать власть в полном объеме Совету, чтобы его несостоятельность в делах государственного управления обнаружилась со всей очевидностью [137. С. 741;

263. С. 13—14; 373. С. 99—101]. Эта часть кадетских лидеров рассчитывала, чтобы их, по словам В. И. Ленина, «стали упрашивать: придите и владейте, без вас — на кого же мы останемся...» [1. Т. 32. С. 3].

Однако большинство участников заседания не согласилось с этими доводами. Особенно резкую позицию занял Н. В. Некрасов, заявивший, что он выходит из состава кадетского ЦК и останется во Временном правительстве, даже если другие министры-кадеты подадут в отставку [445. 1917. 4 мая]. Его поддержали М. М. Винавер, В. Д. Набоков и И. П. Демидов. Они пытались уговорить Милокова остаться в правительстве на второстепенном посту министра просвещения. После его категорического отказа и бурных прений 18 голосами (против 10) было вынесено решение об участии кадетской партии в правительственной коалиции с социалистами. Это решение ЦК Милоков воспринял как тяжкую личную обиду, и она оказала глубокое психологическое влияние на многие его поступки в последующие годы [248. С. 110—111].

Главную причину такого решения членов кадетского ЦК У. Розенберг видит в том, что «ответственность перед Россией» была для них важнее их преданности Милокову [523. Р. 115]. Может статься, подобного рода идеальные побуждения и имели место, но определяющие факторы выработки кадетской политики следует, на наш взгляд, искать не в них.

Для того чтобы, отстраняясь от «законной» власти, свергнуть ее затем насильственным путем, нужно было опираться на реальную силу. Таковой в распоряжении кадетской партии не было. Пустить же ход событий на самотек, когда они (как явственно обнаружилось во время апрельского кризиса) стремительно развивались по пути столь страшного для кадетов «углубления революции», значило заранее признать себя побежденными, сдать свои классовые позиции. Оставаясь у руля государственного управления, кадеты получали возможность и (как увидим ниже) максимально ее использовали, чтобы не только внешне, но и внутри правительства активно препятствовать революционным преобразованиям в стране, бороться за сохранение власти буржуазии.

В. И. Ленин точно определил суть «искусного маневра» кадетского руководства, диктовавшуюся стремлением «поставить „отходящих“ от социализма и от революции вождей „социалистической демократии“ в положение безвредного для буржуазии *придатка* при буржуазном правительстве, заслонить это правительство от народа при помощи почти социалистических министров, прикрыть контрреволюционность буржуазии блестящей, эффектной вывеской „социалистического“ министерства» [1. Т. 32. С. 310—311].

Внужденные поневоле дать согласие на уход из правительства своего вождя, кадеты, однако, отнюдь не собирались отказываться от его политической линии. Это ярко продемонстрировал VIII съезд партии «народной свободы» в мае 1917 г. На съезде выступил Некрасов, резко критиковавший Милокова за его негативное отношение к правительственной коалиции с «социалистами», за его внешнеполитический курс [200. С. 204—205].

Хотя некоторые делегаты с мест (Е. Н. Татищев из Тулы, Д. Н. Квашнин-Самарин из Твери) поддержали основные идеи Некрасова, хотя Д. И. Шаховской, З. Г. Френкель и другие также высказывались

за развитие сотрудничества с Петроградским Советом как единственный путь обеспечить «мирную эволюцию» России, их голоса потонули в дружном хоре сторонников Милюкова. Е. Н. Трубецкой, А. С. Изгоев, Ф. И. Родичев с неной у рта упрекали Некрасова в том, что именно он был организатором «социалистических интриг», обусловивших апрельский кризис, что он «нанес Милюкову удар в спину» и т. д. В защиту своего лидера выступили М. М. Винавер и большинство членов Петроградского отдела ЦК, которых поддерживали также М. Ф. Подшибийкин из Баку, Н. М. Могилянский из Черпигова, Б. А. Гурвич из Киевской губернии и др. [397. № 4/5. С. 7—20]. У. Розенберг справедливо отмечает [523. Р. 131], что выступления этих делегатов, категорически отвергавших стремление левого крыла партии «придавать особое значение демократическому аспекту революции в ущерб общенациональному», отражали возросший консерватизм кадетских провинциальных комитетов (об этом речь пойдет ниже).

Торжество милюковской линии выразилось и в результатах выборов нового состава ЦК. И он сам, и близкое к нему ядро кадетского руководства (Винавер, Гримм, Кокошкин, Верпадский, Гронский, Аджемов, Долгоруков, Набоков, Шингарев и Корнилов) получили наибольшее число голосов.

Всего в ЦК было избрано 66 человек. Из прежнего состава в него не вошли пятеро: Н. А. Гредескул (вышедший из партии в 1916 г.), А. Р. Ледницкий (в связи с отъездом в Польшу), П. С. Леонас, В. П. Обиницкий (покончивший с собой в 1916 г.) и И. И. Петрункевич — по старости и болезни.

В Центральный комитет вернулись члены его первого состава, избранного в 1905 г., по различным причинам не баллотировавшиеся на выборах 1916 г.: В. Д. Набоков, М. В. Сабашников, А. А. Свечин, Э. Г. Френкель, Н. Н. Черненко, А. А. Шахматов. Среди вновь избранных значительную группу составляли те, кто активно участвовал в годы войны в деятельности союзов земств и городов и других общественных организаций: С. В. Панина, П. В. Герасимов, И. П. Демидов, Д. С. Зернов, П. А. Садырин, А. К. Джигелегов, Н. Н. Глебов, В. М. Овчинников, бывший прогрессист М. Д. Калугин.

Были избраны также видные ученые — С. Ф. Ольденбург и П. И. Новгородцев. Увеличилось представительство местных кадетских организаций в Центральном комитете. В его состав вошли Г. Б. Быховский из Киева, А. И. Макушин из Томска, С. А. Левицкий из Воронежа, А. К. Парамонов из Херсона. Однако следует согласиться с мнением У. Розенберга о том, что, поскольку пленарные заседания ЦК собирались очень редко, практический его курс и после VIII съезда целиком определяло петроградское руководство партии «народной свободы» во главе с Милюковым [523. Р. 132].

Заслуживает внимания и другое наблюдение этого автора. Учитывая, что «левейший» кадет Некрасов получил на выборах 50 голосов против, а один из «правейших» А. С. Изгоев — 49, Розенберг заключает, что численность представителей правого и левого течений на съезде была примерно равна [523. Р. 132]. Это также облегчало проведение «средней» линии петроградского руководства.

С «тяжелым сердцем» съезд зафиксировал согласие кадетской партии на правительственное сотрудничество с соглашателями, начало которому было положено образованием коалиционного кабинета 6 мая 1917 г. Создание этого кабинета знаменовало собой, по определению В. И. Ленина, «второй этап революции» [1. Т. 32. С. 332].

Окончательному формированию коалиционного правительства предшествовали сложные закулисные комбинации. 3 мая на совместное заседание Временного правительства, Временного комитета Государственной думы и представителей Совета, где обсуждался составленный Некрасовым проект декларации Временного правительства, прибыли представители ЦК партии «народной свободы» М. М. Винавер и П. Д. Долго-руков, вручившие князю Львову кадетский ультиматум. Кадеты требовали, чтобы в состав правительства вошло не менее четырех их представителей на следующих условиях:

1. Законодательная и исполнительная власть осуществляется только Временным правительством. «Для упрочения авторитета правительства и укрепления его власти необходим решительный отказ всех, без исключения, групп и организаций (т. е. прежде всего Петроградского Совета. — *Н. Д.*) от присвоения себе права распоряжений. . . вторгающихся в область законодательства или управления».

2. Внешняя политика нового правительства должна быть «основана на тесном и неразрывном единении с союзниками. . .».

3. «С элементами, ставящими себе целью разрушение всякого порядка и посягательство на чужие права», «необходима настойчивая борьба, не останавливающаяся перед применением всех, находящихся в распоряжении государства мер принуждения».

4. «Необходимы определенные и решительные меры противодействия попыткам внести дезорганизацию в ряды армии, подорвать в ней дисциплину и боевую мощь».

5. Ни в каких вопросах правительство не должно «предвосхищать волю Учредительного собрания» [312. Вып. 1. С. 71—72].

Те же пункты легли в основу воззвания кадетского ЦК, опубликованного в день объявления нового состава правительства [445. 1917. 6 мая].

Продолжительные прения с представителями Совета привели в конце концов к соглашению, и в проект правительственной декларации был внесен ряд поправок [36. С. 229—230]. Хотя ультимативные требования кадетов оказались реализованными не полностью, все же, писала *Речь*, «в завуалированной форме» они были учтены [445. 1917. 6 мая]. Как справедливо указывает И. И. Минц, внесенные в проект изменения развязывали руки правительству, позволяли отступать от принятой программы и давали возможность маневра [319. Т. 2. С. 334].

Наиболее важным для кадетов было то, что они настояли на внесении в проект поправок о «твердой власти и энергичных мерах против всяких анархических, неправомерных и насильственных действий» [445. 1917. 5 мая].

Вслед за достижением соглашения о платформе правительства начался ожесточенный торг по поводу распределения портфелей. Особые споры вызывал вопрос о министерстве продовольствия. Совет настаивал на

передаче его народному социалисту А. В. Пешехонову. А. И. Шингареву предлагались финансы. Кадеты, в том числе сам Шингарев, категорически возражали*, мотивируя это тем, что «теперь, когда министром проведена громадная работа, не надо ломки» [445. 1917. 5 мая].

У. Розенберг объясняет нежелание Шингарева расстаться со своим постом тем, что сменить его должен был один из эсеровских лидеров, В. М. Чернов, к которому кадеты относились с «глубоким недоверием». Милюков и его окружение, «разъяренные» «интернационалистской» позицией Чернова в период апрельского кризиса, пишет Розенберг, испытывали к нему чувство «презрения и мстительной вражды» [523. Р. 144]. Об отношении кадетов к Чернову речь пойдет ниже, однако, на наш взгляд, заинтересованность руководства партии «народной свободы» в Министерстве продовольствия определялась совсем иными мотивами. На них дипломатично намекала газета полуменьшевистского толка «Новая жизнь», говоря, что она не хочет упрекать кадетов в стремлении «обеспечить интересы помещиков и хлеботорговцев от нарушения их возможными крутыми мерами со стороны демократического министра», но массы могут истолковать их упорство «именно в указанном смысле» [435. 5 мая]. Большевистская «Правда», отмечая экивоки и виляния соглашателей, открыто разоблачала подлинный смысл кадетской тактики [441. 6 мая].

Для четвертого министра-кадета было решено создать специальное Министерство государственного призрения. Кадетский ЦК единодушно избрал на этот пост В. Д. Набокова, но он категорически отказался, и тогда была выдвинута кандидатура Д. И. Шаховского.

В результате сложных комбинаций и соглашений А. И. Шингарев получил портфель министра финансов (30 мая товарищем министра финансов был назначен кадет А. Г. Хрущов), Д. И. Шаховской — министром государственного призрения, А. А. Мапуйлов остался министром просвещения (товарищем министра еще с 29 апреля был кадет Д. Д. Гримм). Лидерство в кадетской группе министров было возложено на ближайшего сподвижника Милюкова А. И. Шингарева [226. С. 179]. Таким образом, линия кадетов в коалиции в целом оставалась, как и в первом составе Временного правительства, милюковской.

Вошедшие в состав «правительства капиталистов» в виде «придаточка к нему» [1. Т. 32. С. 129] представители мелкобуржуазных партий не являлись серьезной помехой для проведения этой линии. По определению Милюкова, меньшевики И. Г. Церетели («замечательный специалист по междупартийной технике, неистощимый изобретатель словесных формул, выводивших... его партию из самых невозможных положений») и М. И. Скобелев («нехитростная душа и верный исполнитель партийных поручений»), а также народный социалист А. В. Пешехонов (старый друг Милюкова, который «давно успокоился на правом фланге социализма и мог только украшать место своим сотрудничеством») принадлежали к тому «традиционному социализму», с которым кадеты предпочитали

* При образовании кабинета в марте Шингарев желал получить как раз портфель министра финансов. Опыт показал, что Министерство продовольствия являлось гораздо более важным постом.

иметь дело, т. к. он «устанавливал неизбежную грань между нашей „буржуазной“ и своей „социалистической“ революцией» [311. С. 373—375].

Отчитываясь в своей правительственной деятельности на I Всероссийском съезде Советов, перечисленные выше «министры-социалисты», как с удовлетворением отмечал Миллюков, «заговорили по-кадетски» [311. С. 383]. С этим согласен и У. Розенберг, по словам которого, например, речь М. И. Скобелева на съезде об экономическом положении России «вполне могла бы быть произнесена Шингаревым или Коноваловым» [523. Р. 152].

Одним словом, все это были люди, которые сознательно и убежденно осуществляли «опыт классового сотрудничества» мелкой буржуазии с капиталом «в новом, громадном, всероссийском, общегосударственном, масштабе» [1. Т. 32. С. 29].

Участие эсеров и меньшевиков в правительственной коалиции с кадетской партией основывалось на их теоретических построениях, связанных с оценкой характера Февральской революции [323. С. 280—309; 242. С. 97—145; 345; 266]. Революция буржуазная, считали они, а следовательно, и власть должна принадлежать буржуазии. Условия для социалистической революции еще не созрели; «революционная демократия» не готова к самостоятельному управлению государством. Именно потому, что в пределах капиталистического строя передача всей власти в руки социалистов не мыслится нами «как нечто безусловно необходимое и возможное, — писал один из видных эсеров О. С. Минор, — мы приняли принцип коалиционной власти. Нам представляется, что осуществление этого принципа наиболее соответствует требованиям данной исторической эпохи». На III съезде партии эсеров (май—июнь 1917 г.) другой их лидер, Н. Д. Авксентьев, категорически заявил, что «только коалиция могла спасти страну и революцию» [242. С. 113].

Задолго до Февраля мелкобуржуазные идеологи выражали опасение, что после свершения революции либеральная буржуазия может отказаться от власти под влиянием критики «слева». Тогда власть достанется трудящимся, а потом ею овладеют «самые крайние левые», но придут они к ней преждевременно, «когда еще не будут мобилизованы все те народные силы, которые способны примкнуть к ним». В результате начнется возвращение кадетов, но они обессилены критикой «слева», народ им не верит. И тогда вновь восторжествует реакция. Основываясь на этой схеме, меньшевики и эсеры считали необходимым участие кадетов в правительстве.

Характерно, что работа Г. В. Плеханова «Две линии революции» (Пг., 1917), в которой подробно представлена изложенная выше концепция «передвижки власти», была включена в число изданий, рекомендованных для распространения литературно-издательской комиссией кадетской партии [138].

Одобряя умеренные взгляды Плеханова, кадетские лидеры на первых порах горячо падалились, как писала в своем дневнике А. В. Тыркова, что он «приберет к рукам» социал-демократические элементы в Совете рабочих депутатов [115. Л. 12]. Характерна и другая ее запись. После разговора 3 марта с одним из меньшевистских активистов она пришла

к многозначительному заключению: «Может быть, их большевики гнетут еще больше (чем кадетов. — *Н. Д.*)» [115. Л. 10].

9 апреля на митинге, устроенном в Петрограде Московским районным комитетом партии «народной свободы», где кадетские вожди выступали с громовыми речами против большевиков, им с готовностью подпевали меньшевики и эсеры. Один из них, член Петроградского Совета, открыто заявил: «И нам, социал-демократам, так же страшны Ленины, как и вам» [445. 1917. 11 апр.].

Этот общий страх также немало способствовал тому, что эсеры и меньшевики последовательно проводили политику соглашательства с буржуазией, что их представители во Временном правительстве подчинялись жесткому пажику кадетских министров, всячески сопротивлявшихся осуществлению социальных и политических реформ.

У. Розенберг, подводя итог деятельности кадетов в первом и втором составах Временного правительства, пишет, что она имела «ярко выраженную направленность на установление социальной стабильности, на повышение эффективности экономики и рост промышленного производства, на возрождение авторитета государственной власти» [523. Р. 148]. Он ни словом не упоминает о том, что стержень правительственной деятельности кадетов составляла упорная борьба против революционных преобразований в стране, за единовластие буржуазии. Такая их позиция была закономерна и исторически обусловлена: буржуазия (а следовательно, и ее главная партия), как писал В. И. Ленин, «в силу своего классового положения» не может «не добиваться всевластия, не отстаивать его» [1. Т. 32. С. 128].

Та же линия была основополагающей и во внеправительственной деятельности партии «народной свободы». Лишившись министерского поста, лидер кадетов сосредоточил свою энергию на расширении и укреплении контактов партии «народной свободы» с разного рода контрреволюционными организациями и группировками с целью совместной борьбы против развивающейся революции. «На очередь дня, — писал В. И. Ленин, — жизнью поставлен именно вопрос о „растущем сопротивлении“ контрреволюционной буржуазии. . .» [1. Т. 32. С. 339].

В это время правое крыло кадетского ЦК предпринимает энергичные попытки возродить Государственную думу, поднять ее значение и авторитет. В марте 1917 г., став правительственной партией, кадеты стремились приглушить деятельность Думы, так как видели в ней соперника правительству, в котором они занимали лидирующую позицию. Потеряв ее, кадетское руководство осознало свою ошибку. «Можно горько пенять, — говорил В. А. Маклаков на совещании членов Думы 4 мая, — что Временное правительство не поняло в свое время, какую поддержку ему могла бы оказать Государственная дума» [415. 17 мая]. Теперь кадеты, напротив, прилагали все усилия к активизации роли Думы, к объединению вокруг нее контрреволюционных сил.

Началом организационных мер в этом направлении явилось совещание членов Думы всех четырех созывов 27 апреля. Публикуя отчет о нем, «Речь» многозначительно сообщала: «Депутаты рассаживаются примерно так, как они сидели во время функционирования Гос. Думы — по фракциям. Но многие депутаты оказываются не среди своей фракции, а среди

прежних своих политических противников. Рядом с В. М. Пуришкевичем сидит, например, к. д. А. Н. фон Рутцен» [445. 1917. 28 апр.]. Здесь кадетские лидеры чувствовали себя в своей тарелке: они были, по собственному признанию, «в привычной парламентской обстановке, не на революционном митинге, а среди людей, привыкших к серьезной парламентской работе» [440. 1934. 16 мая]. Здесь они произносили громовые речи против революции, не страшась гнева аудитории.

В тот же день, 27 апреля, партия «народной свободы» устроила в Петрограде целый ряд собраний, посвященных «памяти I Государственной думы», — в Михайловском театре, в зале фондовой биржи на Васильевском острове, в Калашниковской бирже, в лицее, в Военно-медицинской академии на Выборгской стороне, в Институте путей сообщения. На этих собраниях выступали виднейшие кадетские ораторы: П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, В. Д. Набоков, М. М. Винавер, М. С. Аджемов, А. А. Корнилов, К. Н. Соколов, Н. О. Лосский и др. [445. 1917. 27 апр.].

На следующем собрании членов Думы 4 мая Милюков и Маклаков требовали обуздать революцию, так как, по словам Маклакова, Россия «оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала» [445. 1917. 5 мая]. В. И. Ленин комментировал это заявление следующим образом: «Читай: крестьяне и рабочие не удовлетворили гг. Маклаковых. Они хотят, чтобы Черновы и Церетели „помирили“ массы с Маклаковыми. Не удастся!» [1. Т. 32. С. 34]. Собрание членов Думы 4 мая Ленин назвал заседанием «организуемой контрреволюции» [1. Т. 32. С. 34].

При активном участии правокadetского руководства Дума становилась аккумулятором контрреволюционных сил [287. С. 175—206], служила легальным прикрытием для их консолидации и взаимодействия.

В это же время устанавливается непосредственный контакт между Центральным комитетом партии «народной свободы» и правомонархическим Союзом земельных собственников, также тесно связанным с Думой. Характерно, что этот контакт руководители союза В. В. Меллер-Закомельский и Н. А. Мельников осуществляли через представителя левого течения в партии «народной свободы», члена ее ЦК, председателя Киевского кадетского комитета Д. Н. Григоровича-Барского [377. С. 96—97]. Конечно, союз по-прежнему не одобрял кадетской аграрной программы и не скрывал этого, но для него, как и для других правых партий и группировок, партия «народной свободы» все больше становилась, по справедливому замечанию У. Розенберга, своего рода «политическим магнитом» [523. Р. 154], поскольку это была единственная не социалистическая партия, сохранявшая какие-то шансы на успех.

Послефевральский период явился важным этапом в политической консолидации российского буржуазно-помещичьего лагеря, впитавшего в себя все враждебные революционному народу течения и группировки.

Вскоре же после свержения самодержавия появилось немало «мартовских кадетов», ранее входивших в другие, более правые партии, а теперь переместившихся в ряды партии «народной свободы». На VII съезде в конце марта 1917 г. был сделан радужный жест в их сторону: прибывшего на съезд Милюкова представил делегатам, назвав его «нашим дорогим объединителем», не кто-либо из его старых соратников, а вернувшийся к кадетам князь Е. Н. Трубецкой, который вышел из партии

в 1905 г., поскольку считал ее слишком радикальной. Он же явился одним из основных докладчиков на съезде. Большевицкая «Правда» по этому поводу замечала: «Вот уж поистине „и башмаков еще не износили“, в которых проводили на тот свет самодержавный режим, как уже протягивают руку правым для союза против революционного народа» [441. 1 апр.].

Уже к концу апреля состав местных кадетских групп сильно изменился за счет большого числа влившихся в них бывших членов правых партий и организаций. Кроме того, теперь, когда царские запреты потеряли силу, в партию «народной свободы» вступали многие чиновники, активно включившиеся в деятельность ее местных комитетов*.

Когда в мае и июне 1917 г. по России прокатилась волна крестьянских выступлений за немедленный раздел помещичьих земель, в ряды партии «народной свободы» хлынули испуганные и негодующие землевладельцы, надеявшиеся, что марка партии «народной свободы» поможет им сохранить свои имения. В результате во многих кадетских организациях психологическая атмосфера становилась все более реакционной. Даже такие единомышленники кадетов, как Е. Д. Кускова, упрекали их в том, что, объединяясь с националистами и октябристами, они «предают либеральное движение» [399. 21 июня].

Сплочение партии «народной свободы» с правыми обуславливалось в значительной степени и тем, что они несколько не верили республиканизму кадетов [См.: 1. Т. 32. С. 382] и видели в них союзников в борьбе за возрождение монархического строя.

«Теперь ка-де стало названием для всех, кто не осмеливается выступить под своим собственным именем, — писала 25 июня 1917 г. томская газета «Знамя революции». — Зеленое знамя ка-де „стало защитным цветом“. Старые испытанные реакционеры, „славные“ погромных дел мастера, прикрываются и защищаются от народного гнева флагом ка-де».

Под сень партии «народной свободы» устремлялись даже черносотенцы, которые раньше люто враждовали с кадетами, на совести которых лежало убийство кадетских депутатов I Думы Герценштейна и Иоллоса. . . Так было в Чите, Оренбурге, Хабаровске, Екатеринославе, Царицыне, Костромской губернии [200. С. 188—190], во многих городах Поволжья [368. С. 12] и т. д. В 1917 г. наглядно подтвердилась правота В. И. Ленина, задолго до того разоблачавшего поверхностность нападок «черных на к. д. и обратно», подчеркивавшего, что Пуришкевич и Миллюков легко найдут себя, найдут «единство против с.-д.» [1. Т. 22. С. 37].

Теперь это предсказание сбылось. На сторону кадетской партии «встали все помещики, все монархисты, все черносотенцы. . . Вся черносотенная печать запела после революции в один голос с кадетами» [1. Т. 34. С. 59].

В свою очередь, для большинства кадетов было также характерно стремление к «правому блоку», чему сильно способствовала их психологическая реакция на события, связанные с апрельским кризисом. Бурный всплеск народного возмущения политикой кадетского руковод-

* Например, из Забайкальской области сообщали в кадетский ЦК, что в Чите «к.-д. слынут под кличкой партии испугавшихся чиновников» [402. Л. 1].

ства, рост революционного самосознания трудящихся, их неуклонные требования социальных реформ — все это в огромной степени усиливало страх кадетов перед стремительно развивавшимся процессом революционизирования масс. И хотя после апрельского кризиса партийная деятельность кадетов внешне по-прежнему проходила под знаком поисков опоры среди широких демократических слоев населения, доминирующей становится тенденция к сплочению с реакционными силами, к созданию единого контрреволюционного лагеря.

Активно продолжался процесс укрепления связей партии «народной свободы» с крупной буржуазией. Несмотря на наличие некоторых серьезных разногласий между ними (в вопросах налогового обложения, государственного регулирования, промышленности и др.), их объединяло очень многое: общее негодование, как пишет Милюков, по поводу «непрерывно возраставших требований пролетариата» [311. С. 380], совместная борьба против введения рабочего контроля над производством, против участия в руководстве промышленностью фабрично-заводских комитетов, в которых с каждым днем усиливалось большевистское влияние [См.: 231. С. 147, 172—182; 237. С. 290—302; 349].

В этот период кадеты особенно сблизились с министром торговли и промышленности А. И. Коноваловым. Некоторые авторы считают даже, что уход Коновалова в отставку 19 мая 1917 г. связан с настояниями кадетских лидеров (Милюкова, Изгоева и др.), пытавшихся использовать эту акцию как средство давления на «левых» в правительстве [523. Р. 140]. С отказом Коновалова от министерской должности его функции были временно возложены на В. А. Степанова, который был убежденным сторонником необходимости репрессий против рабочего класса, открыто обвиняя его в анархии и разрушении производства [7. С. 68—69]. После ухода Коновалова Степанов продолжал энергично осуществлять прежнюю линию, последовательно отстаивая в правительстве интересы буржуазных предпринимателей [См.: 1. Т. 32. С. 391].

Тесный контакт поддерживали московские кадеты с Торгово-промышленным союзом, и в частности его руководителями П. П. Рябушинским и С. Н. Третьяковым. Связи партии «народной свободы» с капиталистами упрочивались не только в центре, но и на местах. Об этом писала «Речь» 3 июня 1917 г., подчеркивая, что каждая из сторон ищет в другой поддержку против «левых сил». Кадетские губернские комитеты Нижнего Новгорода, Ярославля, Оренбурга, Костромы, Самары, Казани сообщали в Центральный комитет о том, что они культивируют отношения с торгово-промышленными кругами и имеют поддержку с их стороны [200. С. 192—193]. Местные комитеты Торгово-промышленного союза и кадетские группы в мае и июне действовали в столь тесном контакте, пишет В. Я. Лаверычев, что трудно отделить их друг от друга [296. С. 35—60].

В. Я. Лаверычев, объясняя, на какой почве происходило после Февраля дальнейшее сближение кадетов с октябристами и прогрессистами, справедливо подчеркивает, что «революция пошла значительно дальше программных требований» всех трех партий. Таким образом, «различия между ними нивелировались». Вместе с тем кадеты имели «значительные преимущества в виде налаженной организации с определенной дисциплиной,

богатого опыта политического обмана широких слоев населения», в их рядах сосредоточивались крупные силы буржуазной интеллигенции [297. С. 188]. Главное же преимущество кадетов состояло, по нашему мнению, в том, что в отличие от октябристов, известных как партия крупных помещиков, и прогрессистов, столь же известных как партия крупных капиталистов, кадеты изображали себя партией надклассовой, внесословной, общенародной и потому, казалось, могли скорее рассчитывать на поддержку народных масс.

Правда, после того как апрельские события наглядно продемонстрировали растущую враждебность к кадетской партии со стороны рабочих масс, некоторые московские кадеты стали настаивать на том, чтобы партия отказалась от своего показного «надклассового» облика и открыто объявила себя защитницей интересов буржуазии *. Хотя кадетский комитет Москвы в целом отверг эту идею, тем не менее она завоевывала все больше сторонников в рядах московских кадетов [296. С. 40—41].

Однако в Петроградском отделе ЦК партии «народной свободы», а под его влиянием и в большинстве местных организаций, напротив, превалировало стремление всемерно популяризовать якобы надклассовый, внесословный общенациональный характер партии. Эту задачу ЦК ставил во главу угла, инструктируя кадетских ораторов, она формулировалась в многочисленных агитационных плакатах, выпускавшихся партийными издательствами, в центральной и провинциальной кадетской прессе, в десятках брошюр [245; 279; 392; и др.].

Точно так же в наши дни в странах капиталистического мира широко популяризируется представление о том, что действующие там буржуазные партии являются общенациональными и отражают интересы не отдельных классов, а народа в целом. «В том-то и суть, — писал В. И. Ленин, — что *нельзя* господам буржуа назвать себя... своим настоящим именем. Это невозможно настолько же, насколько невозможно нагишом выйти на улицу» [1. Т. 10. С. 259].

Современная буржуазная историография вслед за кадетами старательно затушевывает классовую природу их партии. Ее называют «либеральной», «несоциалистической», «партией золотой середины» (*middle of the road*), «консервативной», «умеренной» — как угодно, но только не буржуазной. Американский историк Д. Тредголд, к примеру, утверждал, что члены ее действовали не как «представители интересов помещиков, врачей, учителей, а как интеллектуальные политические реформаторы в широком смысле слова», и подчеркивал «надклассовый характер» русского либерализма [536. Р. 88].

Некоторые западные авторы (англичанин Л. Кочен, американец Ч. Тимберлейк и др.) предпочитают давать характеристику российского либерализма, используя определение Милюкова, — «скорее интеллектуальный, чем буржуазный» [498. Р. 41; 481. Р. 16].

* У. Розенберг подчеркивает: в мае и июне взаимосвязь между отстаиванием кадетами принципов законности и порядка, с одной стороны, и защитой интересов и привилегий имущих классов, с другой, становилась все более ясной [523. Р. 155].

Американский историк А. Левин, оспаривая буржуазную сущность кадетизма, утверждает, что кадеты «в достижении своих политических целей руководствовались не интересами и нуждами промышленников, рантье или землевладельцев», а «отражали скорее мировоззрение политического либерализма европейского интеллектуала в конце XIX—начале XX в.» [503. Р. 132—133].

Невольно возникает вопрос: а какую же классовую идеологию отражало «мировоззрение политического либерализма европейского интеллектуала»? Примечательно, что недвусмысленный ответ на этот вопрос можно найти даже в работах буржуазных авторов. Например, американский историк С. Бир пишет: «Обычно либералов рисуют как реформаторов, ратующих главным образом за благосостояние буржуазии и за преобразование экономики и политики в интересах обладателей промышленного и коммерческого капитала. . . Этот хрестоматийный портрет правилен. . . Буржуазия, включающая крупных и мелких обладателей промышленного и коммерческого капитала, сильнее всего тяготеет к либералам. Более того. . . представители буржуазии признают, что они сформировали свой собственный класс, благо которого служит программа либеральных реформаторов» [470. Р. 36—37].

Соглашаясь с выводами советских историков, некоторые зарубежные авторы [490. Р. 12; 522. Р. 217; 474. Р. 155; 474. Р. 17] указывают на общность идеологических позиций левых кадетов и партии крупной буржуазии — прогрессистов (Л. Хеймсон и Р. Пирсон), отмечают стремление правого крыла кадетской партии к политической консолидации с октябристами (У. Розенберг), признают, что по своему курсу она была не только «партией либеральной буржуазии», но и «партией банкиров и миллионеров-промышленников» (Д. Браун). Однако большинство западных историков-россиеведов вообще обходят молчанием этот вопрос или подменяют его вопросом о социальном составе кадетской партии, называя ее партией русской интеллигенции.

В. В. Шелохаев, подробно исследовавший социальную природу партии «народной свободы» в 1905—1907 гг., показал, что в ее состав входили высокооплачиваемый контингент служащих общественных, частных и государственных учреждений; многочисленные представители либеральной интеллигенции, главным образом «цензовой», а также «деловой» интеллигенции, связывавшей кадетов с представителями промышленного и финансового капитала; значительная часть средней городской буржуазии, т. е. те социальные элементы, которые были ориентированы на капиталистическое развитие страны. Это были прежде всего те слои, которые составляли в России основу формирующейся буржуазии как класса. Однако, подчеркивает В. В. Шелохаев, социальная основа кадетской партии была в те годы еще весьма неопределенной и внутренне противоречивой [384. С. 66—79].

Эволюция кадетской партии в годы первой мировой войны предопределила те изменения в ее социальном составе, которые произошли в послефевральский период и отражены в исследованиях советских историков [200. С. 188—193; 360. С. 252—253].

В состав кадетских организаций, как отмечалось выше, вливались буржуазно-помещичьи и буржуазно-интеллигентские слои, объединяв-

шиеся в предреволюционный период в союзах и обществах, а затем группировавшиеся вокруг комитетов общественных организаций. При этом более радикальная, демократическая, приветствовавшая Февральскую революцию интеллигенция уходила к меньшевикам и эсерам, а во многих случаях и к большевикам. В кадетские организации, как мы уже видели, вступали люди консервативного направления, многие чиновники, к тому же значителен был приток и откровенно контрреволюционных элементов. Вместе с тем на протяжении 1917 г. все более явственным становится отход от кадетов той части городской и деревенской мелкой буржуазии, которая прежде относилась к ним «бессознательно доверчиво» в силу традиции и под влиянием их обманно-демократических лозунгов. Все эти факторы способствовали приведению социальной основы партии «народной свободы» в полное соответствие с ее политической физиономией.

В научный оборот введены уже наши подсчеты, основанные на анализе социально-профессионального состава кадетских кандидатов на муниципальных выборах 1917 г. по восьми городам, различающимся как по географическому положению, так и по величине и административному значению [360. С. 253]. В их числе: вторая столица — Москва, четыре губернских города — Казань, Нижний Новгород, Житомир, Тобольск, один областной — Омск, один окружной — Барнаул и один уездный — Лебедин Харьковской губернии. Однако картина вырисовывается везде одинаковая. Из 491 кандидата партии «народной свободы» свыше 40 % составляли чиновники, банковские и биржевые деятели, коммерсанты, промышленники, домовладельцы, служители культа, около 45 % — интеллигенция, главным образом высшая, около 2 % — студенты.

Характерно, что в списках не значится ни один помещик. Судя по Москве, где баллотировались несколько видных членов партии — крупных помещиков, они предпочитали фигурировать в качестве общественных деятелей, председателей и членов управ и т. д. и поэтому входят в состав тех 7 % кандидатов, которые сочли необходимым маскировать свою социальную принадлежность. Так же поступил крупнейший промышленник А. И. Коновалов, который числится в списке членом Государственной думы. Но это не суть важно.

Главное же, что в списках кадетских кандидатов нет ни одного рабочего, лишь один крестьянин и один ремесленник из почти 500 человек. Это еще одна иллюстрация того, что не только политика кадетской партии была совершенно чужда трудящимся массам, но и ее социальный состав был очень далек от них. Претензии кадетов на общенациональный характер в стране с огромным, подавляющим большинством крестьянского и рабочего населения не имели под собой никакой почвы.

Узость социальной опоры кадеты пытались возместить за счет организационного укрепления партии, стремясь к сплочению ее рядов, к усилению ее мобильности и организованности. 3 мая 1917 г. в «Речи» была помещена большая передовая статья на эту тему, а с 11 мая возобновился выпуск (впервые с 1908 г.) официального партийного журнала «Вестник партии народной свободы», призванного координировать действия местных кадетских групп.

Та же задача преследовалась созывом VIII съезда партии «народной

свободы», открывшегося 8 мая в Петрограде. Среди почти 250 делегатов представители провинциальных организаций составляли подавляющее большинство (150 человек), москвичи — 34 человека и петроградцы — более 40 [397. 1917. № 4/5]. В докладе о текущем моменте П. Н. Милюков подчеркнул, как важна организационная деятельность партии для того, чтобы провести достаточное число своих представителей в будущее Учредительное собрание [445. 1917. 9 мая].

На Московском областном съезде кадетской партии, проходившем 14—15 июня, секретарь ЦК А. А. Корнилов сообщил о решениях состоявшегося за четыре дня до этого пленарного заседания ЦК с участием представителей губернских комитетов. В соответствии с этими решениями страна разделялась на округа, в каждом из которых назначался кадетский комиссар, обязанностью которого было принять все возможные меры для организации местных комитетов. На заседании речь шла о превращении кадетских комитетов губернских городов в губернские комитеты путем включения в их состав представителей уездов. Для этого планировалось проведение с 1 по 10 июля губернских съездов. Избранные ими комитеты должны были создавать уездные, а те в свою очередь — волостные группы [397. 1917. № 8/10. С. 19]. Намеченная серия съездов была проведена во многих губерниях страны — Вологодской, Курской, Казанской, Черниговской, Екатеринбургской, Уфимской и др.

Центральный комитет партии «народной свободы» предпринимал энергичные усилия для организации новых ее отделов в разных районах страны. Стараниями уполномоченных ЦК были образованы партийные комитеты в Минске, Екатеринославе и других городах. В том же направлении активно действовали губернские комитеты в Казани, Калуге, Ставрополе, Нижнем Новгороде, Вологде и др. [200. С. 186—187].

В итоге общее число кадетских организаций заметно возрастало. По подсчетам Х. М. Астрахана (на основе списков местных комитетов, публиковавшихся в «Вестнике партии народной свободы»), на конец мая 1917 г. их было 183, июня — 232, июля — 269 и на конец августа — 322, в том числе в Петрограде и Москве, в 73 губернских и областных городах, в 240 уездных городах и в 55 других населенных пунктах *. Хотя официальных данных об общей численности кадетской партии в 1917 г. нет, подсчеты, произведенные Л. М. Спириным и Х. М. Астраханом [200. С. 187; 360. С. 81], позволяют определить ее примерно в 70 тыс. человек, т. е. столько же или несколько больше, чем было в 1905 г.

Казалось бы, цифры говорили о том, что сила кадетов растет. Но живая историческая реальность, как известно, не всегда укладывается в абстрактные статистические схемы. Это наглядно выявили, в частности, результаты выборов в городские думы, проведенных в мае—июне 1917 г.

* К осени 1917 г. Х. М. Астрахан насчитывает не менее 370 кадетских организаций [200. С. 187].

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 1917 г.: ИТОГИ И ВЫВОДЫ. КУРС НА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ ДИКТАТУРУ

Деятельности городских дум кадетская партия всегда уделяла большое внимание. Однако к лету 1917 г. их значение в глазах кадетов особенно выросло.

Дело в том, что созданные на местах комитеты общественных организаций не смогли оправдать надежд, которые возлагала на них партия «народной свободы». Повсеместно усиливалось и крепло влияние Советов, и буржуазные организации не выдерживали конкуренции с ними. Теперь кадетская партия взяла новый прицел: она напрягала все силы, чтобы захватить в свои руки думы и земства и превратить их в противовес Советам. Поэтому подготовку к выборам кадеты провели со столь широким размахом.

К работе по организации выборной кампании партия «народной свободы» приступила в начале мая, сразу же после VIII съезда. Члены кадетского ЦК П. Н. Милюков, М. М. Винавер, Н. В. Некрасов, В. Д. Набоков, А. И. Шингарев и другие совершали поездки в различные города страны, знакомились с положением дел в местных партийных группах, направляли их деятельность в связи с предстоящими выборами.

Вся кадетская предвыборная агитация велась под флагом борьбы против большевистской партии. 25 мая «Речь» выступила с передовой статьей, в которой умоляла избирателей голосовать «за кого хотите, но только не за большевиков». Когда на митинге 11 июня в цирке Никитина Милюкову был задан вопрос: «Что делать с Лениным и его единомышленниками?», он заявил: «Этот вопрос мне задавали не раз, и всегда я отвечал на него одним словом „арестовать!“» [425. 13 июня]. Ту же направленность имела избирательная кампания в провинциальной кадетской прессе.

Антибольшевистские лозунги объединяли кадетов с мелкобуржуазными партиями. «„Большевики во всем виноваты“ — в этом согласны и кадеты, руководящие контрреволюцией, — писал В. И. Ленин, — и „социалисты-революционеры“ с меньшевиками... „Большевики во всем виноваты“ — и в растущей разрухе, против которой ничего не делается, и в плохом положении дела продовольствия...», и в осложнениях в национальной политике и т. д. и т. п. «Всеобщий вой злобы и бешенства против большевиков» — так характеризовал В. И. Ленин пропагандистскую шумиху, поднятую «министерскими партиями» [1. Т. 32. С. 381].

В архиве сохранились отчеты районных комитетов партии «народной свободы» Московскому комитету об организации и ходе предвыборной агитации в районах Москвы. Эти отчеты отражают масштабы агитационной и пропагандистской работы, показывают, какие значительные средства были на нее затрачены. Так, в Лефортовском районе было организовано центральное бюро по подготовке выборов и три подрайонных бюро. При каждом подрайоне состояло по 10 агитаторов, которые обслужи-

вали каждый по две-три улицы. «Число активных, платных и бесплатных работников по предвыборной агитации достигало 50 человек». В Арбатском районе насчитывалось 34 платных сотрудника, в Тверском и Городском районах — 32 сотрудника, из них 27 платных (5 руб. в день, а с 22 по 25 июня — 8 руб. в день). В Сущевском районе также были наняты платные сотрудники, получавшие по 5—8 руб. в день [139. Л. 12, 16, 18, 19].

В Мясницком районе в период избирательной кампании было роздано около 180 тыс. экземпляров литературы, полученной из Городского комитета партии: газеты, кандидатские списки, муниципальные программы, воззвания, избирательные бюллетени, листовки. Лефортовский районный комитет помимо присылаемых из центра выпускал и свои воззвания [139. Л. 15]. Кроме того, избирателям раздавалась специально издававшаяся с 6 июня Московским городским комитетом газета «Москвич-избиратель».

В широких масштабах организовывались предвыборные митинги. В течение июня митинги в Рогожском районе Москвы устраивались еженедельно, сверх того накануне выборов было проведено 3 собрания, в Сущевском районе — 8 собраний, в Арбатском — 6, в Лефортовском — 11 митингов, в Тверском и Городском — 13, в Мясницком районе — 6 митингов (один из них специально для солдат) [139. Л. 16, 18].

Кстати говоря, солдатские голоса были для кадетов тяжелой заботой. Недаром, как вспоминает В. А. Оболенский, зная непопулярность своей партии в армии, они во всех комиссиях, подготовлявших реформу местного самоуправления, и во Временном правительстве горячо возражали против участия в выборах солдат, которые «в местах концентрации войск оказывали решающее влияние на их исход» [139. С. 752].

На собраниях и митингах выступали виднейшие члены московской кадетской организации: в Арбатском районе — Н. В. Тесленко, В. А. Макалов, Е. Н. Трубецкой, Н. Н. Щепкин и др.; в Тверском и Городском районах — А. К. Дживелегов, С. А. Смирнов и т. д. [139. Л. 16, 18].

В Петрограде виднейшие кадетские деятели во главе с Милюковым, Родичевым и другими обходили дворы домов, устраивая там предвыборные митинги. «Эти передвижные митинги, — иронически замечала «Правда», — новое, небывалое до сих пор в России зрелище» [441. 7 июня]. В одном из районов Петрограда был объявлен «кадетский день» с парадами и демонстрациями.

Как отмечает У. Розенберг, кадеты вели предвыборную агитацию «по-американски», используя «всю стандартную западную процедуру». Их агенты звонили в квартиры избирателей, раздавали налево и направо свои плакаты и объявления, на каждом углу устраивали летучие митинги, обклеивали дома и трамваи зелеными кадетскими флажками и афишами и т. д. [523. Р. 158]. Партия «народной свободы», писал В. И. Ленин, «предлагала себя» избирателям «с наибольшей навязчивостью» [1. Т. 32. С. 213].

В отличие от Петрограда в Москве кадеты выступали на выборах в открытой блоке с Торгово-промышленным союзом. Его активнейшие члены С. Н. Третьяков и П. А. Бурышкин, так же как бывший министр торговли и промышленности А. И. Коновалов, являлись официальными кандидатами от партии «народной свободы».

Все монархические партии, не смея выступать открыто, поддерживали на выборах кадетов. Даже черносотенная газета «Новое время» призывала: «Подавайте список партии народной свободы» [1. Т. 32. С. 211]. Глава черносотенцев Пуришкевич, восхваляя кадетов как «крайне правую» партию, громогласно возвещал, что он отдает ей свой голос. «И так делают все, — заявлял он, — кто понимает, что разбиваться на мелкие партии невозможно» [7. С. 179]. «Факт налицо, — писал в эти дни В. И. Ленин, — все помещики и капиталисты, все черные силы, все старающиеся восстанавить царя — за кадетов» [1. Т. 32. С. 211].

Кадеты вложили в предвыборную кампанию большие материальные средства. Только в Лефортовском районе Москвы на эти цели было истрачено около 12 тыс. руб., в Сущевском районе — 1500 руб.; в Тверском и Городском районах общие цифры не указаны, но отмечено, что «единовременными пожертвованиями собрали крупную сумму» [139. Л. 12, 13, 15]. С таким же размахом была организована избирательная кампания и в других городах страны.

Однако все усилия кадетов оказались тщетными. Муниципальная платформа партии «народной свободы» полностью оставляла в стороне коренные политические вопросы. Она базировалась на том, что революция закончена и остается лишь урегулировать отдельные вопросы экономического и коммунального характера. Так, харьковские кадеты провозглашали необходимость реконструировать запущенные районы города, улучшить медицинскую помощь, постановку школьного образования, местные суды и т. д. В целях охраны труда предлагалось организовать городскую биржу труда. В Нижнем Новгороде кадетская программа включала более справедливое распределение налогов, улучшение культурного обслуживания населения, улучшение условий образования и «ряд мер по охране интересов рабочих», ни одна из которых не была названа. Даже в Петрограде кадеты ратовали за «борьбу с дымом и пылью», дальнейшее развитие трамвайной сети, равномерное налоговое обложение и т. п. [420. 21—27 мая; 430. 3 июня; 442. 20 июня].

Естественно, что такая платформа не могла найти отклика и широкой поддержки в массах. В отчетах районных комитетов Москвы подчеркивается, что причиной провала кадетской пропаганды была «неясность для широких кругов населения позиции партии по земельному вопросу», в частности лозунга «по справедливой оценке», а между тем «лозунг земельный является наиболее близким и привлекательным для широких масс» [139. Л. 13, 13а]. В докладе комитета Арбатского района, который, по определению С. В. Бахрушина, «считался твердыней кадетской партии» [195. Л. 19], отмечалось: «Избирателей из широких слоев населения мало интересовали общие вопросы городского хозяйства, различия программ партий, борьбы партий по вопросам тактики. Избиратель желал знать, как будут решены вопросы земли, труда для него» [139. Л. 18—19].

Предвыборная кампания продемонстрировала все растущую враждебность населения по отношению к партии «народной свободы», непрерывное падение ее авторитета, отсутствие политического доверия к ней со стороны трудящихся слоев. Яркой иллюстрацией этого служат отчеты районных кадетских комитетов Москвы. В докладе Мясницкого районного комитета подчеркивается, что организованные им собрания посещали

только «сочувствующие партии народной свободы» [139. Л. 14]. На собраниях, устраивавшихся Арбатским комитетом, «залы были далеко не полны. Комитет стал устраивать небольшие собрания, по 200—300 человек, но число собиравшихся не превышало половины». В Хамовническом районе было устроено всего три митинга, и все три были сорваны. В докладе районного комитета сообщается, что «молодежь, приходившая в комитет за агитационной литературой, немедленно ее уничтожала». Лефортовский районный комитет также отмечал, что «воззвания почти тотчас срывались». На митинге, устроенном партией «народной свободы» в Рогожском районе 22 июня, докладчик С. А. Ефимовский был арестован ранеными местного лазарета. «„Мы не хотим за два рубля продавать Россию“ — так мотивировали солдаты лазарета свой отказ разносить нашу литературу», — сообщается в докладе Рогожского комитета. В день выборов, 25 июня, «толпа пыталась разгромить» избирательное бюро кадетской партии в Хамовническом районе [139. Л. 13, 15, 17, 18].

Та же картина наблюдалась и в Петрограде: в прессе сообщалось о стихийных «эксцессах» со стороны населения против кадетских депутатов и голосовавших за них избирателей, о «бесчинствах» в кадетских избирательных бюро [445. 1917. 30 мая; 437. 30 мая; 450. 1917. 30 мая].

Объясняя причины «враждебной настроенности демократических слоев населения», московские отчеты констатировали, что избиратели «определяют партию как исключительно буржуазную», что в глазах населения она «являлась не защитницей народных прав и нужд, а партией враждебной или, по крайней мере, равнодушной к интересам народа». «Партия „народной свободы“ спит и видит во сне Николай II», — говорили «избиратели в картузах и платочках» [139. Л. 15а, 17а, 18].

О сильном падении авторитета кадетской партии на местах сообщали на состоявшейся 14—15 июля в Москве кадетской партийной конференции делегаты из Казани, Тамбова, Смоленска, Воронежа [458. 18, 19, 21 июля].

Важную роль в разоблачении антинародной политики кадетской партии, в ее провале на выборах сыграли большевики. Накануне выборов, 13 июня, «Правда» писала в передовой статье: «Партия Милюкова за обуздание крестьян, ибо она за подавление аграрного движения. Партия Милюкова за обуздание рабочих, ибо она... все серьезные требования рабочих объявляет „чрезмерными“. Партия Милюкова за обуздание солдат, ибо она за восстановление господства командного состава над солдатами. Партия Милюкова за грабительскую войну... Партия Милюкова решительно против „народной свободы“, хотя и именует себя „партией народной свободы“».

«Можно ли доверить ей судьбу города? Никогда! Ни в коем случае! — гневно восклицала „Правда“. — Наш пароль: никакого доверия партии Милюкова, ни одного голоса партии „народной свободы“!»

На выборах в городскую думу Москвы кадеты потерпели поражение — они получили лишь 16,8 % всех голосов. На первом месте оказались эсеры — 58 % голосов. В 17 из 53 избирательных округов города кадеты оказались позади большевиков, в 16 округах — позади меньшевиков,

а в 13 — позади и тех и других. Даже в таких чисто буржуазных районах, как Арбат и Пречистенка, кадеты уступили первенство эсерам.

Чтобы полностью оценить значение этих итогов, нужно вспомнить, что на выборах в I Думу кадетам удалось собрать в Москве 63 % голосов, во II — 54 %, а в III и в IV — соответственно 61 и 65 % голосов.

В Петрограде кадеты собрали 21,9 % голосов, тогда как на выборах в I Думу они получили 61 %, а в IV — 58 % голосов [523. Р. 161, 164].

Совершенно прав американский историк У. Розенберг, когда, приведя подробные таблицы порайонных результатов майско-июньских выборов 1917 г. в Петрограде и Москве, заключает: «Первые же выборы в России после революции продемонстрировали сокрушительное падение влияния и авторитета кадетской партии в тех двух крупнейших центрах, в которых раньше она пользовалась наибольшей поддержкой. Рассчитывать на возвращение своего прежнего доминирующего положения в обеих столицах кадетам не приходилось, а что могли дать выборы в Учредительное собрание, в которых приняли бы участие крестьяне и рабочие всей России, — об этом было даже страшно подумать» [523. Р. 166].

В других городах избиратели так же недвусмысленно отвергли партию «народной свободы» и ее политическую программу. Так, в Киеве кадеты получили 10 мест из 120; в Житомире — 10 из 100; в Полтаве — 4 из 49; в Умани — 2 из 56; во Владикавказе — 18 из 86; в Костроме — 11 мест из 80; в Юрьевце Костромской губернии — 8 из 29; в Торопце Псковской губернии — 5 из 24; в Царицыне — 1 из 102; в Омске — 8 мест из 60; в Иркутске — 11 из 96; в Барнауле — 5 из 61; в Петропавловске Акмолинской области — 1 из 46. В Ростове-на-Дону (где на выборах в I Думу кадеты собрали 70 % голосов) за кадетский список было подано 20 % голосов, в Курске — 17, в Уфе — 12, в Саратове — 9 %. Единственную свою победу кадеты одержали в Рязани, где получили 29 из 60 мест [247. С. 158].

Милюков, выступая 17 августа на кадетском митинге, с горечью признал, что для кадетов «выборы в городские думы оказались почти повсюду с политической точки зрения плачевными» [397. № 17/18. С. 11]. Эсеровская газета «Земля и воля» выразилась еще более категорично: результат выборов означает «конец кадетского влияния в России» [412. 2 июня].

Какие же выводы сделали кадеты из своего поражения? Во-первых, необходимо всеми средствами оттягивать созыв Учредительного собрания; во-вторых, не мириться с неблагоприятным развитием событий, не выжидать, но действовать, действовать активно и целеустремленно.

Именно из результатов муниципальных выборов 1917 г. современная буржуазная историография выводит появление в кадетской среде симпатий к генералу Корпилову, причем некоторые авторы, к примеру Л. Кочен и Т. Риха, видят в этом «проявление политического реализма» [498. Р. 250]. «Русские избиратели, — заявляет Риха, — не обнаружили... государственного подхода. Они мчались очертя голову в будущее, что могло закончиться лишь политической катастрофой» [520. Р. 117, 118].

Итак, стремление партии «народной свободы» к контрреволю-

ционному перевороту буржуазные авторы объясняют политической несознательностью избирателей, т. е. народных масс. Тем самым они хотят убедить своего читателя в том, что у кадетов не было иного выхода, кроме как в интересах самих этих «несознательных избирателей» прибегнуть к явно недемократическим средствам.

Характерно, что, сочувствуя стремлению кадетской партии к установлению военной диктатуры, буржуазные историки уходят от рассмотрения правомерности такого шага. Если бы кадеты следовали букве законов воспеваемой ими буржуазной демократии, они вынуждены были бы признать, что партия, которой народ на выборах отказывает в поддержке, имеет перед собой только один выход: она должна уйти от власти, передав ее партиям, пользующимся расположением избирателей. Кадеты же ответили на вердикт избирателей попыткой навязать им «ту особую форму государственной власти, которая называется диктатурой, — именно: власти, опирающейся не на закон, не на выборы, а непосредственно на вооруженную силу...» [1. Т. 32. С. 315]. Таким образом, они сознательно изменяли конституционно-демократическому принципу — основному принципу своей партии.

Тем не менее буржуазных историков это не смущает. Наиболее откровенные из них недвусмысленно предъявляют кадетам обвинения совсем другого рода: в неспособности успешно применить силу для подавления революции. Запоздалое негодование по этому поводу особенно сильно прозвучало в выступлении Л. Шапиро на конференции в Гарвардском университете. «Ход истории, — утверждал Шапиро, — мог бы быть другим», если бы кадеты «меньше руководствовались народническим идеализмом и более — соображениями практической необходимости» [518. Р. 107]. Л. Шапиро не одинок. Его концепция, может быть в несколько смягченном варианте, повторяется и в работах других буржуазных авторов. О «розовых очках», сквозь которые кадеты смотрели на окружающую их действительность, писал Риха [520. Р. 114], об «идеалистических революционерах» — У. Чемберлин [479. Р. 146], о «кадетской дилемме — видеть необходимость действия, но бояться действовать» — Л. Кочен [498. Р. 214].

Однако на фоне конкретных фактов облик «робкого кадеты-идеалиста» выглядит совсем иным. Видя нарастание массовых революционных выступлений, упрочение авторитета и влияния большевистской партии, кадетские лидеры все настойчивее ищут путей к установлению единовластия буржуазии в форме военной диктатуры, способной силой оружия покончить с революционным движением рабочих и крестьян и их политическими организациями.

В начале июня в Петрограде Милюков начал личные переговоры об установлении военной диктатуры с адмиралом Колчаком (в контакт с которым он вступил еще в апреле, замыслив десантную операцию по захвату проливов). О факте переговоров, со слов самого Колчака, сообщается в письме председателя Союза офицеров армии и флота Л. Н. Новосильцева к генералу Деникину. Недаром В. И. Ленин писал о «подбивании» кадетами «„соответственных“ генералов на то, чтобы они взяли на себя роль Наполеона», роль душиителя свободы, «роль расстреливателя рабочих» [1. Т. 32. С. 61]. Контакты с Колчаком устанавли-

вались в глубокой тайне. Милюков, по свидетельству Новосильцева, «тщательно скрывался» и «ужасно боялся огласки» [154]. Контрреволюция, подчеркивал В. И. Ленин, объединяет кадетов с известными кругами «командных верхов армии», но кадеты «предпочитают действовать *за кулисами*» [1. Т. 32. С. 416].

К этому же времени относится установление связей партии «народной свободы» с Союзом офицеров армии и флота, образовавшимся в апреле 1917 г. и готовившим заговор для установления военной диктатуры. Председатель офицерского союза подполковник Новосильцев принадлежал к правому крылу кадетской партии.

На организационной конференции Союза офицеров, состоявшейся в начале мая, главными ораторами были Ф. И. Родичев, А. И. Шингарев и П. Н. Милюков. Под их воздействием делегаты приняли резолюцию против «коллективных решений» и выборности командного состава в армии и за «открытие доступа, если не за военный контроль» над проливами [437. 13, 24 мая].

В июне Л. Н. Новосильцев делал доклад «О гибели армии» в Петроградском отделе ЦК. «Меня поддержали... — сообщал он Деникину, — Милюков и Ариадна Тыркова, которые сказали, что, по английским сведениям, русской армии уже нет» [154].

Охотно пошли на сближение с офицерским союзом и некоторые московские кадеты во главе с князем П. Д. Долгоруковым [160]. Сам Долгоруков позднее так описывал свои убеждения в это время: «Единственной властью, которая теперь поможет спасти Россию, является диктатура... Кто бы ни являлся диктатором, но раз ему военная сила подчиняется и он может одолеть разбушевавшуюся стихию военной силой, он приемлем и желателен» [457. 13 окт.]. С «сообщением с фронта» Новосильцев выступил 14 июня на закрытом заседании Московского областного съезда партии «народной свободы», где присутствовали представители 23 северных и центральных губерний [425. 15 июня].

Тогда же, в июне Новосильцев вместе с другим деятелем офицерского союза, капитаном С. Н. Ряснянским, делал доклад в Москве, в доме крупного промышленника П. П. Рябушинского, где к ним отнеслись еще «более внимательно» [154]. Ряснянский в своем письме к Деникину также упоминает об этом посещении [160]. Именно ему принадлежат слова, приводимые Деникиным в «Очерках русской смуты» со ссылкой на «одного из активных деятелей» Союза офицеров: «Русские общественные круги, в частности кадеты, обещали нам свою полную поддержку. Мы были у Милюкова и у Рябушинского. И та и другая группа обещали поддержку у союзников, в правительстве, в печати и деньгами» [244. Т. 2. С. 33].

Одновременно кадеты усилили давление на соглашателей в правительстве. В середине июня 1917 г. вопрос о коалиции вновь подвергся тщательному обсуждению на заседании Центрального комитета кадетской партии [94. Л. 3]. На этом заседании Милюков, заявляя, что коалиционное правительство не может быть «твердой властью» в связи с нерешительностью министров-социалистов и их зависимостью от Совета, вновь настаивал на немедленном выходе кадетских министров из правительства. Однако его безоговорочно поддержал один лишь Степанов, согласившийся,

что «делать нечего и надо уйти». Другие члены ЦК высказались против предложения своего лидера. Ф. И. Родичев заявил, что отставка кадетов будет означать передачу власти Совету, вследствие чего «влияние Ленина сразу возрастет». П. И. Новгородцев, разделяя мнение Милюкова о том, что единственный «путь отрезвления — физическая сила», выражал надежду, что к осознанию этого придут и министры-социалисты: «они быстро учатся», начинают «понимать элементарные истины». Новгородцев и поддерживавший его А. А. Кизеветтер предлагали припугнуть соглашателей уходом кадетов из правительства.

И хотя значительная группа членов ЦК выступала за укрепление связей с меньшевиками и эсерами («между ними и Лениным принципиальная разница... — говорил З. Г. Френкель. — Для нас вполне приемлемо идти с ними»), восторжествовала точка зрения о необходимости усилить давление на соглашателей, ультимативно требуя «применения силы», и создать тем самым условия для разгрома революционных сил во главе с партией большевиков, для установления единовластия буржуазии [94. Л. 1—5; 351. С. 131].

18 июня, в день большевистской демонстрации, ярко раскрывшей, по ленинскому определению, «взаимное положение классов, их соотношение в борьбе друг с другом», их силу, «в особенности по сравнению с силой партий» [1. Т. 32. С. 360], «Речь» поместила передовую, в которой ставила вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения правительственной коалиции. «Кадеты грозят, — писал В. И. Ленин, — чтобы запугать Церетели и Черновых» [1. Т. 32. С. 373]. В то время когда большевики требовали от эсеров-меньшевистских руководителей Советов, чтобы они оставили колебания и порвали с политикой соглашения с контрреволюционной буржуазией, кадеты, угрожая разрывом, толкали соглашателей к полному и безусловному подчинению всем требованиям империалистов, к окончательному переходу в лагерь буржуазной контрреволюции [351. С. 133].

Выбор эсеров-меньшевистских лидеров был предопределен многочисленными сделками с буржуазией и особенно проводимой ими политикой наступления на фронте, которое, как уже говорилось выше, занимало важное место в стратегических расчетах партии «народной свободы». Оно должно было усилить влияние империалистической буржуазии и военной клики, создать условия для проведения всякого рода репрессий против революционных элементов на фронте и в тылу и подготовить тем самым условия для ликвидации двоевластия в пользу буржуазной диктатуры [219. С. 168—199].

Кадетская пресса развернула широкую кампанию в пользу наступления. Материалами подобного рода были переполнены страницы «Речи», «Русских ведомостей», новой партийной газеты «Свободный народ», начавшей выходить с 1 июня 1917 г. под редакцией В. А. Оболенского и бесплатно рассылавшейся во фронтовые части [137. С. 768]. Пропаганда наступления сделалась главной темой и провинциальной кадетской прессы.

Провал наступления резко накалил политическую атмосферу в стране, особенно в Петрограде. Стало очевидно, что Временное правительство, миролюбивое на словах, на деле обманывает народ, активно продолжая

империалистическую войну. С необычайной быстротой назревал революционный кризис.

Помимо военных неудач, помимо горького разочарования в результатах муниципальных выборов к концу июня накопилось немало других «больных» для кадетов проблем.

Особенно острую тревогу вызывал у кадетов национальный вопрос. Финляндия добивалась независимости. Центральная рада требовала автономии Украины. В результате состоявшихся в конце июня в Киеве переговоров правительственной делегации (куда входил, между прочим, и Н. В. Некрасов) с Центральной радой на утверждение кабинета министров была представлена декларация, учреждавшая в качестве высшего органа управления краевыми делами Украины Генеральный секретариат, состав которого устанавливался Временным правительством по согласованию с Центральной радой [319. Т. 2. С. 38—39]. Хотя решение вопросов о национально-политическом устройстве Украины и о земле откладывалось до созыва Учредительного собрания, хотя Центральной раде было отказано в формировании отдельных воинских частей, кадеты приняли проект декларации в штыки. Соглашение, достигнутое в Киеве, не только петроградское руководство, но и провинциальные комитеты партии «народной свободы» квалифицировали как «преступный документ», угрожающий «святости и неделимости Российского государства» [430. 22 июля].

Отказ Украине в ее «скромнейших и законнейших требованиях», писал В. И. Ленин, «был неслыханным бесстыдством... истинным проявлением политики великорусского „держиморды“» [1. Т. 32. С. 351]. «Долой контрреволюционеров буржуазии! — призывал он. — Да здравствует свободный союз вольных крестьян и рабочих вольной Украины с рабочими и крестьянами революционной России!» [1. Т. 32. С. 342].

Поздно вечером 1 июля началось заседание кадетского Центрального комитета, посвященное украинскому вопросу (отчет о нем был опубликован А. В. Тырковой в нижегородской кадетской газете «Народная свобода»). Из 66 членов ЦК присутствовали 27 человек, находившихся к тому моменту в Петрограде. Милюков занял на заседании бескомпромиссную позицию. Он по-прежнему настаивал на уходе кадетских министров из состава правительства, уверяя, что только таким образом можно добиться от соглашателей установления в стране «твердой власти» и применения необходимых «насильственных мер». Своего лидера решительно поддерживали Ф. Ф. Кокошкин, П. Д. Долгоруков, В. А. Маклаков, Ф. И. Родичев, В. А. Степанов, А. В. Тыркова, Д. Д. Grimm, С. Ф. Ольденбург. На их сторону склонились также А. И. Шингарев и А. А. Мануйлов. Против решения об отставке кадетских министров возражала, как и в апреле (правда, не слишком уверенно), группа Набокова, Винавера, Аджемова; остальные колебались. Споры продолжались всю ночь. Наконец вопрос был решен: 16 голосами против 11 ЦК партии «народной свободы» высказался за разрушение правительственной коалиции [430. 22 июля].

Прямо с заседания Кокошкин, Шингарев, Мануйлов и другие кадетские министры отправились на совещание членов Временного правительства, где должно было утверждаться соглашение с Центральной радой. Они выступили с протестом против этого соглашения, требуя отложить решение

вопроса до созыва Учредительного собрания. Когда остальные члены кабинета отказались поддержать их требование, кадеты заявили о своем выходе из правительства.

Эта акция встретила горячее одобрение правых кругов [7. С. 181—182; 200. С. 209], паническую растерянность в среде эсеров-меньшевистского руководства и вместе с тем явное неодобрение ряда местных комитетов кадетской партии. В Петрограде решение ЦК критиковали Д. И. Шаховской и другие сторонники сохранения коалиции [430. 22 июля]. В Москве Н. И. Астров и Н. М. Кишкин горячо осуждали своих петроградских коллег, заявляя, что те не имели права «дезертировать» из правительства во время наступления на фронте [96. Л. 337]. Особенно негативной была реакция украинских кадетов [423. 6 июля; 458. 9 июля]. «Киевский комитет к.-д. протестовал против выхода министров к.-д., — сообщал В. И. Вернадский в письме из Киева от 8 июля 1917 г. сыну, Г. В. Вернадскому. — Теперь ошибка этого решения ясна всем, она всюду осуждалась. . . людьми разных групп и партий. И не понималась. . .» [119. Л. 100].

Определенная часть кадетов выражала опасение, что разрыв коалиции может значительно ухудшить шансы кадетской партии на выборах в Учредительное собрание. Милюков, выступая на собрании членов кадетской партии, признавал, что основания для таких опасений действительно имеются [94. Л. 1].

Чем же объясняется демарш кадетского ЦК, лишь недавно высказавшегося за сохранение и укрепление коалиции?

В. И. Ленин показал истинные мотивы действий партии «народной свободы». Кадетские вожди, писал он, «правильно учли, что положение *объективно* революционное» [1. Т. 32. С. 407]. Они страшно опасались, выражаясь словами Милюкова, «стихийного течения революции» [94. Л. 4], бурно нараставшего и угрожавшего самим основам господства буржуазии. Кадетское руководство решило оставить склонных к шатаниям эсеров-меньшевистских лидеров с глазу на глаз с революционным народом, добиваясь от них полного принятия всех своих требований, и прежде всего решимости покончить с революционными выступлениями масс [35. С. 133]. «Эта миссия отныне, после ухода министров-кадетов, — заявляла «Речь», — специально ложится на то более умеренное течение социализма, к которому принадлежит большинство в Совете рабочих депутатов. Справившись с уличным движением, течение тем самым выдержит экзамен на власть» [445. 1917. 4 июля].

Представляется сомнительным мнение В. В. Комина о том, что, вызывая правительственный кризис, кадеты рассчитывали взять власть в свои руки, установить полное единовластие в стране и начать «решительную борьбу с революционными настроениями, особенно с большевизмом» [287. С. 204—205]. Не имея опоры в массах, не располагая поддержкой армии, они не могли всерьез строить такие планы. Этот вопрос был поставлен на обсуждение в кадетском ЦК позже — 20 июля, и большинство цекистов (как увидим ниже) дали на него отрицательный ответ. А на заседании ЦК 2 июля, собравшегося для выработки обращения к населению, речь шла не о захвате власти, а о том, «не следует ли как-нибудь и куда-нибудь укрыть Милюкова и Шингарева» [322. С. 77].

У. Розенберг, говоря о побудительных мотивах выхода кадетов из состава правительства, напротив, подчеркивает, что эта акция не имела целью активизацию борьбы против большевиков, поскольку никто в кадетском ЦК не считал Ленина «очень сильным» [523. Р. 176]. Однако вспомним, как много внимания было уделено вопросу о большевиках на заседаниях ЦК еще в середине июня (материалы которого Розенбергу, видимо, неизвестны), когда Милюков четко сформулировал: «Самый опасный враг сейчас — это большевики» [Цит. по: 200. С. 207].

В архиве сохранилось частное письмо И. И. Петрункевича, написанное в июле 1917 г. «Какой опасности, какого риска избежала бы Россия, — писал он, — если бы 16 мая был отдан приказ об аресте Ленина и всей его К^о» и о введении смертной казни [50. Л. 15 об.]. Это слова патриарха кадетской партии, известного в русском «обществе» в качестве борца за принципы либерализма, гуманности, за гражданские права. . .

Видя в большевистской партии опасного противника, кадеты всячески стремились «натравить» на нее меньшевиков и эсеров. Кадетское руководство было уверено, что соглашатели примут предъявленный им ультиматум [См.: 1. Т. 32. С. 407]. Эта уверенность строилась на том, что к тому времени меньшевики и эсеры были уже настолько связаны наступлением, настолько запутаны сделками с буржуазией в коалиционном правительстве, что «не могли не скатиться к сотрудничеству (в репрессиях, в клеветах, в палачестве) с контрреволюционными кадетами» [1. Т. 34. С. 44].

Когда солдаты, матросы и рабочие, возмущенные известием о провале заведомо обреченного наступления, вышли на улицы Петрограда, эсеро-меньшевистские лидеры Совета объявили эту мирную демонстрацию «вооруженным мятежом», возлагая вину за него на большевистскую партию. Против демонстрантов были двинуты юнкера и казаки, подвергавшие их ружейному и пулеметному обстрелу. Произошло то, о чем предупреждала VII Всероссийская конференция большевистской партии сразу после апрельского кризиса. Партия кадетов, подчеркивалось в ее резолюциях, организуя контрреволюционные элементы, переходит к попыткам расстрела рабочих. «Вследствие неустойчивого положения, вытекающего из двоевластия, повторение таких попыток неизбежно. . .» [2. С. 497]. За несколько дней до июльских событий В. И. Ленин констатировал: руководители мелкобуржуазного лагеря скатились к подчинению «*партии Каменьяков*» [1. Т. 32. С. 346]. Именем военного диктатора, с исключительной жестокостью подавившего восстание парижских рабочих в период Французской революции 1848 г., называл В. И. Ленин кадетов в июльские дни.

7 июля 1917 г. Центральный комитет партии «народной свободы» одобрил усилия правительства по «подавлению преступного бунта». Кадетская пресса требовала, «чтобы немедленным арестом Ленина и его сообщников свобода и безопасность России были ограждены от новых посягательств» [445. 1917. 7 июля; 458. 6 июля].

Никак нельзя согласиться с мнением американского историка А. Рабиновича о том, что газета «Речь» «с осторожностью» относилась к обвинениям, выдвигавшимся против большевиков [517. Р. 19]. «Известно, —

писал по этому поводу В. И. Ленин, — что кадетская партия, с Милюковым и газетой „Речь“ во главе, уже с апреля месяца требует репрессий против большевиков. . . Это требование репрессий составляло одну из главных, если не главную, часть политической программы кадетов в революции» [1. Т. 34. С. 42].

Именно в июльские дни особо явственно обнаружилась та принципиальная разница в характере кадетской контрреволюционности до и после Февральской революции, на которую указал С. В. Тютюкин. При царизме кадеты пытались «удушить революцию морально, идейно развратить народ, подорвать у него веру в революционный переворот и заменить ее фальшивыми конституционными иллюзиями» [370. С. 211]. В послефевральский период кадеты в полном объеме переняли контрреволюционные традиции самодержавия, став инициаторами карательных экспедиций в бунтующие деревни, введения смертной казни на фронте, а главное — настаивая на принятии жестоких мер по отношению к большевистской партии.

Эсеры и меньшевики послушно выполняли кадетские требования. Прикрываясь авторитетом Советов, они дали согласие и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, травлю и преследования большевиков [351. С. 134]. Принимая горячо желаемое за действительное, кадетская «Речь» с удовлетворением заявляла: «Большевизм умер, так сказать, внезапной смертью» [445. 1917. 7 июля].

Чтобы сгладить впечатление от своей контрреволюционной деятельности, «министры-социалисты» выдвинули программу «революционных» мероприятий, включавшую объявление России республикой, роспуск Государственной думы, временное запрещение земельных сделок и т. д. В знак протеста против этой программы, опубликованной 8 июля под названием «Декларации Временного правительства», князь Львов ушел в отставку. Вслед за ним подали в отставку товарищи министров кадеты В. А. Степанов, Д. Д. Grimm и некоторые др.

8 июля министром-председателем был назначен А. Ф. Керенский. Заместителем его стал Н. В. Некрасов, вышедший в момент июльского кризиса из кадетской партии и вступивший в только что оформившуюся радикально-демократическую партию, членов которой В. И. Ленин назвал «переряженными кадетами».

Объединенное заседание ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, состоявшееся 9 июля, объявило правительство Керенского «правительством спасения революции» и наделило его неограниченными полномочиями. Центральные органы Советов, находившиеся в руках соглашателей, официально подтвердили свой отказ от контроля над властью [273. С. 156].

Хотя июльские дни выявили «общее, выливающееся через край недовольство масс, возбуждение их против буржуазии и ее правительства» [1. Т. 32. С. 429], хотя теперь, спустя четыре месяца после переворота, контрреволюционность кадетов была, по словам В. И. Ленина, «ясна как день» [1. Т. 32. С. 385], соглашатели не переставали искать пути к тому, чтобы вернуть их к участию в правительственной коалиции. «Милюков

и К^о... — писала «Правда», — ждут, что и на этот раз им скажут: батюшка Милюков (или батюшка Шингарев), не уходи, ради бога, на кого же ты нас покидаешь?» [441. 17 июля].

Так оно и вышло. «Именно умеренные социалисты, — писал впоследствии Милюков, — искали коалиции хоть с какими-нибудь „буржуями“, хотя бы с несуществовавшей „радикально-демократической партией“, в которую нарочито записался Некрасов. Такова была постоянная тактика Керенского, вызванная тем простым обстоятельством, что только в коалиции социалисты избавлялись от необходимости вести „социалистическую“ политику в узком смысле» [440. 1921. 17 мая].

У. Розенберг называет три причины, заставившие «правительство спасения революции» добиваться включения в его состав представителей буржуазии: убеждение эсеров-меньшевистского руководства в том, что «буржуазная» фаза революции невозможна без их участия в управлении государством; нежелание полного разрыва с капиталистическими кругами, от которых в сильнейшей степени зависело экономическое положение страны; боязнь, что, очутившись вне правительства, буржуазные лидеры объединятся против него с контрреволюционными верхами армии [523. Р. 180—181]. Все три пункта, на наш взгляд, совершенно справедливы, но к ним необходимо добавить четвертый: эсеров-меньшевистский блок искал союзников в буржуазном лагере для совместной борьбы против растущего революционного движения, против возглавлявших его большевиков.

Не решаясь начать прямые переговоры с партией, вызвавшей правительственный кризис, соглашатели метались «между потугами править без буржуазии и боязнью обойтись без буржуазии» [1. Т. 34. С. 37]. Наконец было принято решение провести реорганизацию правительства на основе «независимости» будущих его членов от своих партий и других организаций. 12 июля Керенский обратился к кадетам В. Д. Набокову, Н. И. Астрову и Н. М. Кишкину, а также к представителю московских торгово-промышленников С. Н. Третьякову с предложением войти в правительство в качестве «частных лиц».

На заседании кадетского ЦК были выработаны условия, на которых Набоков, Астров и Кишкин соглашались принять это предложение: ответственность министров «исключительно перед своей совестью», безусловная отсрочка — до Учредительного собрания — «всех основных социальных реформ и разрешения вопросов о форме государственного строя», соблюдение «принципа полного единения с союзниками», «создание мощи армии», «уничтожение многовластия» [450. 1917. 16, 18 июля]. Эта программа была ответом партии «народной свободы» на декларацию 8 июля. И хотя она выдвигалась от имени представителей левого крыла партии, тем не менее все ее пункты целиком соответствовали линии Милюкова, линии правокadetского руководства.

Требования кадетов были поддержаны всем лагерем буржуазно-помещичьей контрреволюции. В декларации торгово-промышленных организаций, направленной Керенскому в связи с приглашением в состав правительства С. Н. Третьякова, повторялись, в сущности, те же условия [445. 1917. 16 июля]. В том же духе было составлено и обращение Временного комитета Государственной думы [445. 1917. 19 июля].

Таким образом, реакционная программа воинствующей буржуазной контрреволюции, включая и ликвидацию Советов, должна была, по плану кадетов, стать официальной программой нового правительства. Если выходом из правительства кадеты добились от соглашателей выполнения ряда своих коренных требований, то за свое возвращение они требовали теперь от лидеров мелкобуржуазной демократии полной капитуляции [351. С. 137].

Переговоры затянулись. У. Розенберг считает, что позиция, занятая на них кадетским руководством в июле, имела важное значение для дальнейшего развития событий. «Задача создания сильной государственной власти, — пишет он, — наверняка была бы облегчена, если бы кадеты быстро вновь объединились с умеренными социалистами... и согласились хотя бы на минимальную программу определенных социальных реформ... Политическому кризису в тот момент был бы положен конец, и в итоге на более долгий период времени мог быть ослаблен социальный и политический антагонизм» [523. Р. 190]. Так ли это? «Общая причина, общий источник, общий глубокий корень» политических кризисов в послефевральской России ясен, подчеркивал В. И. Ленин, это — «растущее недовольство масс буржуазной политикой буржуазного большинства Временного правительства» [1. Т. 32. С. 429]. Быстро развивающийся процесс революционизирования масс, империалистическая война ставят вопросы «не реформистски, а революционно». Партии эсеров и меньшевиков, продолжал В. И. Ленин, «могли бы дать России немало реформ по соглашению с буржуазией. Но объективное положение в мировой политике революционно, из него реформами *не выйдешь*» [1. Т. 32. С. 386].

Это понимали и правокадетские лидеры, считавшие, что если и можно поставить препоны мощному нарастанию революции, то не мелкими уступками, а лишь крутыми, даже насильственными мерами. Кадетский ЦК 19—20 июля обсуждал вопрос о возможности установления открытой кадетской диктатуры [35. С. 137—139]. П. Н. Милюков, П. И. Новгородцев, А. А. Кизеветтер, Д. Д. Протопопов и ряд других, настаивая на твердости и неуступчивости по отношению к соглашателям, считали, что «м[ожно] идти с легким сердцем на выход социалистов», пользуясь готовностью Керенского принять любые условия партии «народной свободы». По словам Новгородцева, министр-председатель при переговорах с кадетами заявлял: «Я механизм: пользуйтесь мной, пока я могу что-то делать» [100. Л. 1].

Но большая часть членов ЦК высказалась за то, чтобы сохранить пока коалицию, так как для создания кадетской диктатуры «ни психологически страна не подготовлена, ни реальной силы нет» (Д. Д. Grimm) и Петербургский гарнизон ненадежен (кадет из Самары А. В. Васильев, З. Г. Френкель) *. «Уход социалистов, — заявил Васильев, — это крах

* Аналогичной точки зрения придерживались и союзные дипломаты. Бьюкенен писал в своем дневнике 20 июля: «Кадеты не имеют на своей стороне армии, а потому для них преждевременно принять на себя управление с надеждой на успех» [217. С. 118].

армии, бунты в городах, поджоги в деревнях». Отсюда вытекал вывод: «Только коалиционное правительство».

На заседании речь шла также о том, каких министерств следует добиваться кадетской партии в новом правительстве. Кокошкин настаивал на непременном требовании о предоставлении ей портфелей министров внутренних дел и юстиции. Однако большинство членов ЦК возражало против ультимативной постановки этого вопроса и склонялось к тому, что из двух министерств для кадетов важнее министерство внутренних дел в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание. «Только наш м[инистр] в[нутренних] д[ел] м[ожет] добиться отсрочки», — заявил М. М. Винавер. М. С. Аджемов подчеркивал, что выборы будут проходить в «тяжелых условиях» для кадетов и поэтому нужен «энергичный» министр внутренних дел. Набоков также считал, что на этом посту «крайне важно иметь своего человека» [100. Л. 2, 3, 4].

Министерство же юстиции, по словам Аджемова, представляло собой тяжелое наследство: «дело Ленина», «необходимость арестов» и т. д. Эти нелегкие задачи кадеты предпочитали переложить на плечи соглашателей и их руками расправиться с большевистской партией, с В. И. Лениным*. Аджемов рекомендовал на этот пост народного социалиста А. С. Зарудного. Его предложение было всеми одобрено [100. Л. 4].

В итоге было принято положительное решение об участии кадетов в правительстве на основе программы, выработанной в середине июля ЦК партии «народной свободы».

Стремясь получить согласие ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов на включение кадетов в состав правительства, Керенский 21 июля подал заявление об отставке. Его примеру последовали М. И. Терещенко, И. В. Годнев, И. Н. Ефремов, В. Н. Львов и Н. В. Некрасов. Было решено в тот же день созвать экстренное заседание правительства совместно с центральными комитетами кадетской, радикально-демократической, народно-социалистической, эсеровской и меньшевистской партий [419. 22 июля].

И. В. Гессен в своих воспоминаниях рассказывает, как в его присутствии на квартиру к Милюкову, который вечером собирался уехать в Москву на IX кадетский съезд, «ворвался Некрасов. . . бледный, сконфуженный, растерянный». Он объявил, что Керенский «грозит все бросить», и умолял Милюкова отложить поездку в Москву и вместе с Винавером «принять участие в вечернем заседании для обсуждения вопроса, как выйти из кризиса» [238. С. 368—369].

В мемуарах Милюкова даны любопытные описания затянувшегося на всю ночь с 21 на 22 июля заседания в Малахитовой зале Зимнего дворца. «Принять отказ Керенского, — пишет он, — ввиду его тогдашней репутации в стране было невозможно; а разыгрывать сцену из Бориса Годунова тоже не хотелось — особенно его критикам слева» [310. С. 30]. «Уклончивая тактика» эсеро-меньшевистских лидеров, по словам Милю-

* Такая политика кадетов была весьма метко определена Керенским, писавшим впоследствии, что партия «народной свободы» «искала борцов за себя, как в старину за себя рекрутов в армию ставили» [133. С. 288].

кова, «особенно содействовала неустойчивости положения» [440. 1937. 30 мая].

Корень разногласий заключался, как известно, в вопросе об отстранении от власти Советов. Эсеры и меньшевики боялись, что это вызовет полное крушение доверия масс к вождям соглашательства. Они убеждали кадетов не бойкотировать «ту власть, которая уже имеется», не предъявлять ей «требования самоуничтожения». Однако кадетские лидеры твердо стояли на своем: «Советы должны сойти с политической арены» [445. 1917. 23 июля].

«В разгар прений, — вспоминал Милюков, — Винавер испугал меня непредусмотренным в Центральном комитете предложением исхода. „Так возьмите всю власть себе, — адресовался он к Чхеидзе, — мы вам ее отдаем; вместо того, чтобы критиковать власть, несите за нее и ответственность“. Смущенный вид Чхеидзе и его несвязный ответ, конечно, сразу показал, что предложение попало в самую точку. Позиция с. д. меньшевиков была разоблачена одной фразой: они, так сказать, были обойдены с тылу». Таким образом, заключает Милюков, «из прений было вынуто жало, и тон их сразу упал. Оставалось придумать приличную формулу, чтобы без обиды для партийных самолюбий преподнести Керенскому диктатуру» [310. С. 30].

Обеим сторонам Керенский был нужен «как наименьшее зло», писал впоследствии лидер кадетов, «и это поддерживало его у власти». Почему же буржуазные круги цепко держались за Керенского, хотя и испытывали по отношению к нему «возрастающее недовольство и даже отвращение»? [312. Вып. 3. С. 5].

Дело в том, что кадеты отлично сознавали цену показного демократизма Керенского, видели, что он ведет двойную игру. По словам Милюкова, Керенский «не раз прямо намекал, что следовало бы создать противовес Совету рабочих депутатов. Но публично он мог выступать только как представитель этих же самых Советов». Именно в силу своей политической беспринципности и скрывавшейся за позой «сильного» руководителя внутренней слабости Керенский вполне устраивал кадетов как исполнитель «промежуточной роли между двумя лагерями» [440. 1924. 26 февр.]. Буржуазные круги ценили его умение постоянно лавировать между соглашателями и правыми, добиваясь в конечном итоге подчинения первых вторым.

«Кадеты хвалят Керенского за то, — отмечала «Правда», — что он в ряде вопросов проводит кадетскую политику — политику Милюкова» [441. 17 мая]. В заявлении нового министра-председателя об образовании второго коалиционного правительства была целиком изложена кадетская программа создания «независимой» и «сильной» власти, продолжения войны, милитаризации тыла и т. д. [445. 1917. 23 июля].

Таким образом, политический расчет кадетов, связанный с их выходом из правительства, оказался с «точки зрения класса империалистов-эксплуататоров» правильным [1. Т. 32. С. 407]. Мелкобуржуазные партии «вручили судьбу народа контрреволюционной буржуазии, кадетам», они «отошли в сторону от революции к продолжению империалистской войны, в сторону от демократии к „уступкам“ кадетам и в вопросе о власти. . . и в вопросе о земле. . . и в вопросе национальном» [1. Т. 32. С. 371].

Как видим, тактическая линия кадетов по отношению к коалиции с соглашателями привела в июле 1917 г. к победе буржуазии. В эту победу внесли посильную лепту оба течения в кадетском ЦК, что явилось еще одним свидетельством их фактического единства. Этот момент очень важно подчеркнуть, поскольку в новейшей буржуазной историографии — в особенности в книге У. Розенберга [523. Р. 196—197] — настойчиво проводится мысль о том, что левое крыло партии «народной свободы» предлагало свою, более правильную политику (в плане сотрудничества с эсеро-меньшевистским блоком) и если бы она была принята кадетским руководством, то, как говорится, «музыка б тогда пошла совсем не та».

Отметим в этой связи любопытный парадокс. В эмиграции кадетские лидеры, удрученные поражением в октябре 1917 г., совершили поворот на 180°. Милюков, разрабатывая «новую тактику» борьбы с Советской властью, заявлял о невозможности возрождения монархического строя в России и призывал кадетов к союзу с правыми эсерами, называя последних «государственно настроенными, хотя и делавшими серьезные ошибки социалистами». «Мы добились многого от с. р., — подчеркивал он. — Теперь необходимо добиваться дальнейшей эволюции их в сторону государственности», остерегаясь, однако, «чтобы они не слишком быстро окadetились и не оторвались от своих» [163; 166]. В. Д. Набоков же, который «в дни Временного правительства являлся излюбленным для левых и, в частности, для Керенского кандидатом из кадетов» [225. С. 71], в 1921 г. заявлял следующее: «Ориентация на с. р. уже была испробована в прошлом и оказалась несостоятельной... Объединение (с эсерами. — Н. Д.) в один общий фронт есть задача недостижимая, если допустить, что она желательна, и нежелательная, если считать ее достижимой» [132].

Недаром впоследствии сами кадеты признавали, что хотя их партия «никогда не была монолитной», «всегда трудно было провести в ней грань между „правыми“ и „левыми“» [449. 1921. 28 авг.]. Несмотря на временный перевес того или другого направления в кадетском руководстве, суть политики партии «народной свободы» оставалась неизменной.

* * *

События начала июля 1917 г. привели к коренному изменению политического положения, вследствие чего мирное развитие революции в России стало невозможным. Отныне, писал В. И. Ленин, «вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция» [1. Т. 34. С. 29].

Характеризуя в статье «Классовый сдвиг» расстановку политических сил в этот период, В. И. Ленин подчеркивал: «В России сейчас у власти контрреволюционная буржуазия, по отношению к которой „оппозицией ее величества“ стала мелкобуржуазная демократия, именно партии эсеров и меньшевиков. Сущность политики этих партий состоит в *соглашателстве* с контрреволюционной буржуазией» [1. Т. 32. С. 385].

В состав нового кабинета вошли уже не «частные лица», а полномочные представители кадетской партии: А. В. Карташев (обер-прокурор синода), Ф. Ф. Кокошкин (государственный контролер), П. П. Юренев (министр путей сообщения), С. Ф. Ольденбург (министр просвещения). Н. В. Нек-

расов стал членом нового правительства не по полномочию кадетов [327. Т. 2. С. 173], а как представитель радикально-демократической партии.

Если во Временном правительстве первого состава главенствующая роль в кадетской группе министров принадлежала П. Н. Милюкову, а в первой коалиции — его вернейшему помощнику А. И. Шингареву, то во второй коалиции она перешла к не менее близкому ему Ф. Ф. Кокоскину, которого лидер партии «народной свободы» «ценил выше всех других своих единомышленников» [226. С. 151]. Таким образом, милюковская линия была направляющей и для кадетской группы министров в третьей коалиции.

Результаты соглашения о составе правительства были доложены Милюковым IX съезду, открывшемуся 23 июля в Москве и переехавшему по вызову ЦК в Петроград. Более 200 делегатов съезда уже в полдень 24 июля переместились из театра на Никитской в зал певческой капеллы на Мойке.

Выступая на съезде кадетской партии с обширным докладом, Милюков заявил, что решение о вступлении в правительство не только не означало отказ от «прежней тактики» кадетской партии, но представляло собой «проявление торжества» этой тактики, результат победы кадетских требований. Он подверг открытому осмеянию попытки соглашателей проводить самостоятельную политику, окончившиеся покорным обращением к кадетам с просьбой о сотрудничестве. Милюкову вторил П. И. Новгородцев, торжественно провозгласивший, что кадеты никогда не вступят в кабинет, проводящий социалистический курс. Будущее России, сказал он, зависит от того, удастся ли «сдержать» социалистов и создать правительство, основанное на «подлинно национальной программе» [445. 1917. 26, 28 июля].

Решения IX съезда отразили полную победу правокadetского руководства. Выступления представителей левого крыла были редки и вопреки обыкновению почти не встречали отклика даже у провинциальных делегатов.

В докладе Б. Э. Нольде по национальному вопросу было заявлено, что ЦК окончательно постановил отвергнуть принцип национального самоопределения и выступать за организацию так называемых национальных «союзов», ведению которых подлежат исключительно культурные проблемы, связанные с той или иной этнической группой. Съезд утвердил соответствующие добавления к партийной программе.

Принципиальное изменение, несмотря на возражения ряда делегатов, было внесено в партийную программу по вопросу о церкви. Если раньше ее 2-й параграф фиксировал требование кадетов об отделении церкви от государства, то теперь церковь рассматривалась как один из государственных институтов публично-правового характера. Более того, санкционировалась помощь ей со стороны государства [445. 1917. 28 июля]. Такая позиция полностью совпадала с программами правых партий России и способствовала дальнейшему сближению их бывших членов с партией «народной свободы».

При обсуждении вопросов об аграрной и промышленной политике громко звучали голоса в защиту собственности. Как справедливо подчеркивает У. Розенберг, в первый раз на официальном партийном съезде кадеты открыто заявили о своей приверженности основным принципам капита-

лизма, классовым интересам буржуазии и о твердом намерении идти с теми, кто защищает эти принципы [523. Р. 203].

В представленном съезду отчете военной комиссии (о ней будет рассказано ниже) перед партией ставилась задача развернуть широкую агитацию среди солдат, чтобы нейтрализовать большевистскую пропаганду и добиться расширения кадетского влияния в армии. Съезд поручил комиссии разработать ряд пунктов для включения их в программу партии.

Делегаты съезда единодушно поддерживали сформулированную Милюковым программу действий: партия «народной свободы» готова бороться, она взяла твердый курс на ликвидацию политической роли Советов и, вступая в правительство, будет укреплять авторитет государственной власти «изнутри» [445. 1917 г. 27, 28 июля].

Съезд обещал поддержку новому правительству лишь в том случае, если оно «окажется способным выполнить свой долг». Милюков прямо утверждал, что одобрение коалиции получило на съезде «тот условный и временный характер, который имела сама новая министерская комбинация». Кадетский ЦК, заявил он, получил «не только одобрение в настоящем, но и свободу действий. . . в будущем». Резолюции съезда требовали от членов правительства отказаться «от начал классовой борьбы и лозунгов явного или скрытого циммервальдизма», призывали новый кабинет быть «сильной и независимой властью» [397. № 11—13. С. 1—4, 12—16].

С такими настроениями и задачами шли кадеты во вторую коалицию. Они понимали, что рассчитывать на ее долговечность не приходится *, но стремились всемерно использовать свое участие в правительстве, чтобы попытаться повернуть вспять развитие революции.

В. И. Ленин охарактеризовал новое правительство как «министерство первых шагов бонапартизма» [1. Т. 34. С. 49]. Это правительство, афишировавшее свою «внеклассовость» и «общенародность», свою «независимость» от классовых организаций, возникло в условиях обостренной до предела классовой борьбы, когда, как указывал В. И. Ленин, «буржуазия рвет и мечет против Советов, но она *еще* бессильна сразу разогнать их, а они *уже* бессильны, prostituiрованные господами Церетели, Черновыми и К⁰, оказать серьезное сопротивление буржуазии». Из рук нового правительства, предупреждал вождь большевистской партии, «народ не получит мира, крестьяне не получают земли, рабочие не получают 8-часового рабочего дня, голодные не получают хлеба. . . » [1. Т. 34. С. 49—51]. Как и предсказывал В. И. Ленин, «каждый шаг в развитии событий» подтверждал правоту этих слов.

Среди 15 членов нового состава правительства было 4 кадета, 2 члена радикально-демократической партии, 7 эсеров и меньшевиков и 2 беспартийных. Хотя эсеры и меньшевики имели формальное большинство в один голос, фактически руководящая роль принадлежала буржуазии. Лидеры соглашателей полностью отказались от своей программы. «Нынешнее правительство, — отмечал В. И. Ленин в августе 1917 г., — проводит посте-

* Так, в ответ на предложение С. Ф. Ольденбурга С. В. Паниной занять пост товарища министра просвещения она писала: «Очень буду рада поработать с Вами, хотя. . . боюсь, что все это опять на месяц сроку» [155].

ценно, но неуклонно, именно ту политику, которую партия кадетов систематически проповедовала и готовила с марта 1917 года» [1. Т. 34. С. 83].

Пост министра юстиции, как это и намечалось кадетами, получил народный социалист А. С. Зарудный. Портфель министра внутренних дел, которому они придавали столь важное значение, достался не кадету, а эсеру Н. Д. Авксентьеву. Хотя этот министр, по словам его коллеги по кабинету Ф. Ф. Кокошкина, оказался явно «неподготовленным к ответственной работе», сам заявлял, что «совершенно не знает России и очень смутно представляет задачи своего ведомства» [131], однако он вполне устраивал кадетских лидеров. Уже вскоре после образования нового правительства им при посредстве Авксентьева удалось добиться отсрочки выборов в Учредительное собрание.

Важнейшей особенностью второй коалиции было то, что она создавалась независимо от Советов. «В этой эмансипации, — подчеркивала «Речь» 25 июля, — заключается весь политический смысл совершившейся перемены».

Отчитываясь 31 августа 1917 г. перед Московским городским комитетом партии «народной свободы» о деятельности кадетских министров во второй коалиции, Ф. Ф. Кокошкин с удовлетворением отмечал: «За месяц нашей работы совершенно не было заметно влияния на нее Совдепа. Влияние левых партий не мешало работе правительства. За этот месяц на заседаниях совершенно не упоминалось о решениях Совдепа, и постановления правительства не применялись к ним. . . Настроение было определенно не считающееся с Совдепом. . . Министры-социалисты имели меньшее влияние на ход работ, чем мы, министры к. д.» [131].

Особенно остро встал во втором коалиционном кабинете аграрный вопрос в связи с ростом крестьянского движения. Правительство старалось подавить выступления крестьян, объявив незаконными всякие действия, направленные против помещиков, приняв постановление о судебном преследовании руководителей крестьянского движения, передав разрешение всех споров крестьян с помещиками в ведение помещичье-кулацких продовольственных комитетов. Вдохновителями этой жесткой политики были министры-кадеты, стоявшие на страже интересов крупных землевладельцев. Хотя Министерство земледелия возглавлял эсер В. М. Чернов, однако любое мероприятие по его ведомству привлекало самое пристальное внимание кадетской группы министров. Даже убогие уступки, предлагавшиеся Черновым, вызывали бесконечные пререкания.

Кадетские министры выработали в этом вопросе особую тактику. По словам Ф. Ф. Кокошкина, именно на него «была возложена критика законопроектов» министра земледелия. «Мы три заседания, — говорил Кокошкин, — рассматривали законопроект о лесе, подсунутый нам как подачка социалистическим кругам, требовавшим осуществления программы социальных реформ. Обсуждение законопроекта о лесе было сплошным издевательством над Черновым» [13]. Другой кадетский министр, П. П. Юренев, вспоминал впоследствии «единственное в своем роде» обсуждение законопроекта «Об охране лесов»: «Ф. Ф. Кокошкин с усмешкой и язвительными комментариями вносил поправку за поправкой; в одну из статей в 6—8 строк он внес шесть (!) поправок» [440. 1925. 1 янв.]. Но и после

исправления проекта о лесах Кокоскин, Юренев и Ольденбург голосовали против него.

Видимо, под впечатлением подобных «баталий» Т. Риха уверяет, что Чернов представлял для кадетов большую опасность, нежели Ленин, поскольку мог скорее рассчитывать на успех у широких масс, будучи «менее экстремистски настроенным» и занимая прочное место в Совете [520. Р. 318]. Согласиться с этим тезисом, конечно, невозможно.

По утверждению Кокоскина, Чернов в правительстве «был совершенно изолирован, он выступал робко и неуверенно, почти вовсе не бывал на заседаниях», «принимал какие угодно поправки, очень быстро шел на уступки» — в общем, был «как бы безвреден». Оценивая позицию соглашательской части кабинета в целом, Кокоскин подчеркивал, что «министры-социалисты безусловно стояли на государственной (т. е. близкой кадетам. — *Н. Д.*) точке зрения» [131].

По указке кадетов правительство Керенского подвергло большевиков репрессиям [273. С. 154—157]. Тем не менее партия «народной свободы» не собиралась этим удовлетвориться.

На частном совещании членов Государственной думы 18 июля Милюков твердо заявил: «Мы считаем необходимым, чтобы министр-председатель или уступил место, или во всяком случае взял бы себе в помощники авторитетных военных деятелей и чтобы эти авторитетные деятели действовали с подобающей самостоятельностью и независимостью» [450. 1917. 19 июля]. В этом призыве уже слышится отзыв вынашиваемых кадетским руководством планов установления единовластия буржуазии в форме военной диктатуры.

Чтобы остаться у власти, пишет по этому поводу французский историк М. Ферро, кадетская партия «отказалась от моральных и политических принципов, на которых в течение двадцати лет основывала свою деятельность. . . Она действовала, игнорируя пожелания трудящихся и всех угнетенных, ибо история научила ее, что в конечном итоге сила остается за победившими буржуа» [483. Р. 142].

В период июльского кризиса кадеты отказались от одного из своих основополагающих принципов: «армия должна быть вне политики», как во всех «демократических» странах, где «армии независимы от партий и правительств». Свою приверженность этому принципу они подтвердили и после свершения Февральской революции [215]. Однако летом 1917 г. партия «народной свободы» резко изменила свою позицию.

При ЦК была организована военная комиссия (под руководством В. А. Степанова) с целью «установления связи партии с солдатами, матросами, офицерами и военными чиновниками армии и флота, ознакомления лиц, сочувствующих программе партии, с ее взглядами на значение армии в жизни государства и проведение в жизнь. . . начал, направленных к поднятию ее мощи» [445. 1917. 13 июля]. Комиссия подразделялась на четыре отдела: агитационный, организационный, законодательный и литературный.

Составленная комиссией «Инструкция по организации партийных групп в действующих частях армии и флота» вменяла в обязанность местным кадетским комитетам в районах, где располагались армейские соединения, предпринимать меры для создания сети партийных «военных

фракций», принимая в их состав тех, кто разделяет программу партии «народной свободы». Фракции должны заниматься распространением литературы, выпускаемой кадетами, агитацией в пользу их программных целей и организацией митингов с участием членов кадетского ЦК [397. № 11—13. С. 24].

В Петрограде при комиссии был организован городской военный комитет (во главе с будущим ближайшим сподвижником Колчака В. Н. Пепеляевым), куда входили представители от партийных групп в войсках. Комитет открыл «военный клуб» для солдат и матросов с библиотекой, читальным и лекционным залами [445. 1917. 13 июля]. В провинциальной кадетской прессе публиковались инструктивные материалы в помощь местным отделам партии о том, как организовать кружковую и культурно-просветительную работу в воинских частях [456. 30 июля; 286. С. 138—155].

Наряду с массовой пропагандистской атакой на армию партия «народной свободы» стремилась к сплочению офицерских организаций. В это же время кадеты прилагали энергичные усилия к расширению и упрочению связей с казачеством, видя в нем главную опору контрреволюции [372. С. 80—93; 248. С. 40—42; 286. С. 152—153].

В архиве сохранилась автобиография казачьего генерала И. Ф. Шильникова, где он рассказывает о первостепенной роли члена Государственной думы кадета С. А. Таскина в отмене решений 1-го Войскового съезда забайкальских казаков и проведении нового съезда, на котором реакционной казачьей верхушке «удалось добиться хороших результатов». Особенным успехом съезда, проходившего под председательством Таскина, Шильников считал то, что на нем «провалили внесенное левой частью порицание донскому атаману Каледину, выступавшему на Московском Государственном совещании от всех казаков». В намеченном съезде депутатов в Учредительное собрание первым номером шел Таскин, вторым — Шильников. Представителем Кавказской казачьей дивизии был на съезде подъяесаул Г. М. Семенов, ставший впоследствии войсковым атаманом [123]. Именно тогда образовалась эта троица — Семенов, Таскин, Шильников, — провозгласившая себя в годы гражданской войны Временным правительством Забайкальской области и установившая там режим кровавого террора.

Кадетская партия сыграла большую роль в сплочении военной контрреволюции летом 1917 г., в назначении генерала Корнилова верховным главнокомандующим [539. Р. 193]. По воспоминаниям кадета Ф. А. Степуна, в июле в партийных кругах шли разговоры о сильном человеке, способном установить «буржуазную военную диктатуру» [533. С. 203]. Кадеты «пророчат Наполеона», писал 16 июля в письме к матери Александр Блок [205. С. 508].

Этим «Наполеоном» должен был стать, по кадетским расчетам, генерал Корнилов. Коалиция с соглашателями нужна была кадетам лишь как ширма, под прикрытием которой развернулась подготовка к контрреволюционному перевороту.

КАДЕТЫ И ЗАГОВОР КОРНИЛОВА

Несмотря на ликвидацию двоевластия, влияние буржуазии и ее главной партии — кадетов — в массах с каждым днем все более ослабевало. В то же время неуклонно увеличивалось воздействие ленинских идей на трудящиеся слои населения, росла популярность большевиков и их вождя. В этих условиях давно вынашиваемое буржуазией намерение осуществить контрреволюционный переворот для полного разгрома революции и установления военно-буржуазной диктатуры приобретало реальные очертания. Происходило дальнейшее сближение сил, заинтересованных в подобном перевороте, — монополистических промышленных и финансовых группировок, кадетской партии и контрреволюционной военщины.

Кроме упоминавшегося выше Союза офицеров в этот период возникли и другие военные организации: Военная лига, Союз георгиевских кавалеров, Союз воинского долга, Союз чести и родины. Ряд тайных контрреволюционных организаций появился в Петрограде. В конце июня для координации их деятельности был создан так называемый Республиканский центр, получивший значительные средства от банковских и торговых промышленных кругов.

В качестве «сильной личности», способной возглавить переворот, выдвигалась кандидатура верховного главнокомандующего генерала Корнилова. Составленная им программа «оздоровления армии» (включающая применение смертной казни на фронте и в тылу, введение диктатуры военных властей в тыловых районах, беспощадное подавление «большевизма») вполне импонировала контрреволюционным кругам, стремившимся к установлению в стране военно-полицейского режима. 21 июля 1917 г. близкий тогда к Корнилову Б. В. Савинков подробно осветил Милюкову программу борьбы за установление военной диктатуры. Кадетский лидер одобрил эту программу [440. 1937. 27 марта].

Руководство партии «народной свободы» сыграло важную и действительную роль в подготовке и осуществлении корниловского мятежа [249. С. 69—93]. Характерно, что многие зарубежные историки стремятся всячески затушевать эту роль, вплоть до полного ее отрицания. Например, авторы специально посвященных заговору Корнилова работ Х. Ашер [468] и Д. Уайт [539] об участии в нем кадетов вообще не упоминают. По утверждению Д. Тредголда, партия «народной свободы» всегда надеялась на «мирное разрешение интересов конфликтующих групп и установление социальной справедливости» [536. Р. 91]. Т. Риха уверяет, что кадеты «думали лишь о сильном правительстве, которое смогло бы установить контроль над армией и задержать движение к анархии»; «совершенно ясно, что они не стремились к военной диктатуре». «Фактически, — заявляет он, — кадеты никогда не предлагали Корнилову определенной поддержки, они даже колебались относительно предоставления ему условной помощи». По словам Рихи, Милюков сохранял

«благожелательный нейтралитет» и рассматривал себя «просто как посредника» между Корниловым и Керенским [521. Р. 118]. Предъявлявшиеся кадетам обвинения в союзе с Корниловым даже такой серьезный исследователь, как А. Рабинович, считает «несправедливыми», поскольку эта партия «под воздействием Милюкова в большинстве своем уклонялась от участия в подготовке переворота» [517. Р. 91, 165].

Появление такой концепции легко объяснимо: она призвана убедить читателя в последовательном демократизме ведущей партии русской буржуазии и избавляет ее авторов от необходимости отвечать на вопрос, как этот демократизм согласуется со стремлением к насильственному установлению диктатуры. Однако даже поборники такой точки зрения, оспаривая оказание кадетами действительной помощи Корнилову, не могут отрицать того, что руководители партии «народной свободы» вполне сочувствовали агрессивным планам неудавшегося диктатора и возлагали большие надежды на его приход к власти [498. Р. 250; 521. Р. 113; 517. Р. 103—105]. «Пусть кадеты и не принимали непосредственного участия в заговоре Корнилова, — пишет У. Розенберг, — тем не менее их выступления и их позиция безусловно подстрекали тех, кто это делал... Как и либералы других эпох и стран в подобных ситуациях, они несут особую ответственность за тот оборот, который приняли дальнейшие события» [523. Р. 228].

Советскими историками глубоко изучена история корниловского заговора и деятельность кадетской партии по претворению его в жизнь. Хранящиеся в коллекции ЦГАОР СССР документы позволяют полнее осветить активное участие кадетов в подготовке корниловского мятежа, их отчаянные попытки спасти его от бесславного крушения и любыми средствами добиться установления в стране военной диктатуры.

В августе в Москве собрался так называемый съезд общественных деятелей — своего рода генеральная репетиция открывшегося через несколько дней Государственного совещания. Именно в тот период съехавшиеся в Москву представители буржуазных кругов встретились с посланцами Корнилова для обсуждения конкретного плана заговора. По поручению Корнилова секретарь главного комитета офицерского союза капитан В. И. Роженко сделал доклад на тайном совещании в квартире Н. М. Кишкина. Как вспоминает в письме к Деникину Н. В. Савич, его и М. В. Родзянко пригласил зайти к Кишкину после одного из утренних заседаний съезда А. И. Шингарев. «Там мы застали, — пишет Савич, — нескольких думцев, в том числе Милюкова, подполковника Новосильцева и двух молодых офицеров (имеются в виду капитаны В. И. Роженко и С. Н. Ряснянский. — *Н. Д.*), фамилии которых не были названы» [161]. Новосильцев в числе присутствовавших называет также В. А. Маклакова [154].

В докладе Роженко, по словам Савича, «вопрос шел о походе кавалерии на Петроград, о разгоне Совдепа и объявлении диктатуры и в заключение спрашивали о нашем отношении к вопросу» [161].

Доклад Роженко по единодушным отзывам и Л. Н. Новосильцева, и Н. В. Савича не удовлетворил слушателей. В. А. Маклаков, обмениваясь с Новосильцевым мнениями по поводу только что прослу-

шанного сообщения, признался, что оно оставило «сумбурное впечатление», заметив при этом: «Корнилов, видимо, мало знает» [154].

«Сразу же стало ясно, что сочувствуют делу все, но никто не верит в успех, — пишет Савич. — Обсуждать тут же этот рассказ увлекающегося офицера не сочли возможным. Все ограничилось тем, что выслушали, задали ряд вопросов, но вели себя крайне осторожно». Ответы, данные Роженко, также не показались аудитории сколько-нибудь убедительными. В такой ситуации «связывать себя и политические группы, которых представляли участники собрания, ни у кого не было желания... Разошлись смущенные» [161].

Через два-три дня, по свидетельству Савича, «на эту же тему был другой разговор, более серьезный». На этот раз круг собравшихся был шире, однако имен Савич не называет. По-видимому, это второе собрание имело целью сформулировать и довести до сведения ставки отношение общественности к намерениям Корнилова, изложенным Роженко на прошлом совещании. Среди присутствовавших находились представители Корнилова, «долженствовавшие (как сообщает Савич) передать ему суждения собрания». В их числе Савич отмечает князя Г. Н. Трубецкого, начальника дипломатической канцелярии ставки. «После долгих объяснений, — рассказывает Савич, — Милюков сделал от лица общественных деятелей кадетского направления заявление о том, что они сердечно сочувствуют намерениям ставки остановить разруху и разогнать Совдеп. Однако они могут иметь значение лишь постольку, поскольку массы с ними. А в этом вопросе заранее можно сказать, что общественные массы были бы против них, если бы они активно выступили против Временного правительства... Поэтому на него и его единомышленников рассчитывать нельзя. К этому заявлению присоединились путем молчания и знаком молчаливого согласия остальные общественники» [161].

Видимо, основываясь именно на этих сведениях, Деникин писал Астрову: «Все карты были раскрыты ставкой еще 8 августа, т. е. за три недели до выступления. Обсуждались в двух больших заседаниях общественников между 8 и 14 августа. Если я назову Вам фамилии Кишкина, Милюкова, Маклакова, Родзянко, Н. Львова, Савича, то это будет достаточно для определения ширины фронта... Милюков огласил тогда резолюцию к. д.: „Сочувствие, но, к сожалению, не содействие“» [147].

Эту формулу Деникин приводит в своих «Очерках русской смуты» (лишь очень кратко уведомив читателя об обоих совещаниях) и на ней возводит легенду о том, что буржуазные деятели, и в частности кадеты, спрятались в кусты, не поддержали «самоотверженное» офицерство. Такая версия имеет широкое хождение в современной буржуазной историографии. Отчасти она признавалась и некоторыми советскими историками в 20—30-х годах. Например, О. Н. Чадаева писала по этому поводу: «Кадеты брали на себя задачу явиться на помощь Корнилову тогда, когда главное — разгром революции — будет уже проделано. Сейчас же они считали возможным стоять как бы в стороне» [376. С. 60].

Подобная концепция в принципе давно уже отвергнута советской исторической наукой. Однако обнаруженные в архиве материалы дают возможность раскрыть, в чем *конкретно* заключалось участие кадетского руководства в подготовке контрреволюционного мятежа, детально просле-

дить его практическую деятельность в дни корниловского выступления. В связи с этим следует подробнее остановиться на августовских событиях 1917 г.

Прежде всего вернемся к сообщениям Н. В. Савича и Л. Н. Новосильцева о реакции «общественных деятелей» на доклад Роженко. Думается, что эта реакция была вполне естественной. Буржуазных лидеров сильно встревожила обнаружившаяся из доклада непродуманность и рискованность всего предприятия. Корниловский заговор был их последней ставкой. Допустить, чтобы авантюристичность и легкомыслие корниловского окружения обрекли на неудачу попытку вождельного переворота, они не могли.

А самое главное — их смущало намерение генерала Корнилова вступить в открытый конфликт с правительством. Буржуазные лидеры намеревались осуществить переворот при участии Керенского, так сказать, под сенью кабинета министров, и опасались, что отказ от этого замысла может быть чреват крушением всего дела. Маклаков в разговоре с Новосильцевым (как вспоминает последний) припугнул его, что в таком случае «Корнилова никто не поддержит, все спрячутся» [154].

Даже через много лет после описываемых событий кадет Г. В. Вернадский, ставший в эмиграции известным историком, особо подчеркивал в своей книге «История России», что успех замыслов Корнилова целиком зависел от поддержки Временного правительства [537. Р. 291].

Формула Милюкова «сочувствие, но не содействие», предназначенная для передачи Корнилову, была призвана заставить его, под угрозой отказа буржуазии от поддержки задуманного переворота, пересмотреть изложенный Роженко план. Постоянные ревнители принципа преемственности власти, кадеты устами своего лидера предостерегали Корнилова от необдуманных шагов и приглашали при помощи сделки с Керенским без лишнего шума установить контрреволюционную диктатуру под эгидой «революционного» правительства.

Что же касается «корниловской попытки переворота» в целом, то ей (как признал сам Милюков, выступая на заседании членов ЦК в Париже в мае 1921 г.) кадеты «шли сознательно навстречу» [171].

В своих печатных органах кадеты вели вполне откровенную усиленную прокорниловскую пропаганду. Кадетский орган «Речь», писал впоследствии тогдашний товарищ министра юстиции А. А. Демьянов, «открыто встал в этой истории на сторону Корнилова, пренебрегая в данном случае юридической государственной стороной вопроса» [243. С. 113]. Комментируя выступление этой газеты по поводу итогов Московского совещания, У. Розенберг отмечает, что Милюков и его сторонники, годами подчеркивавшие необходимость национального единения, призывавшие к соблюдению законности и порядка, готовились теперь развязать гражданскую войну [523. Р. 218]. С момента окончания Московского совещания «Речь», «Русские ведомости», «Свободный народ», «Русское слово», «Биржевые ведомости» и еще целый ряд кадетских и других буржуазных газет в обеих столицах, а также в провинции * вели

* Например, поволжские кадеты в газетах «Саратовский листок», «Волжский день» требовали железом и кровью покончить с большевиками [368. С. 15].

злобную антибольшевистскую кампанию. Кадетская пресса изощрялась в распространении слухов о готовящемся восстании большевиков, которое якобы должно быть приурочено к 27 августа — полугодовщине революции. Главная цель этой провокации состояла в том, чтобы дать повод Временному правительству развернуть еще более активное преследование большевиков и создать искусственным путем повод для вступления корниловских войск в Петроград и расправы с революционными силами.

Посол Великобритании Д. Бьюкенен писал позднее, что, если бы генерал Корнилов был умным человеком, он подождал бы, пока большевики сделают сами первый шаг, а затем пришел бы и уничтожил их [217. С. 241]. Английский историк Л. Кочен резонно замечает в данной связи: это было как раз то, чего большевики решили не делать; они разобрались в обстановке не хуже британского посла [498. Р. 253].

В начале августа на почве общего стремления к установлению военной диктатуры происходит дальнейшее сближение кадетов с торгово-промышленными кругами и контрреволюционной военщиной. Это ярко проявилось в деятельности совещания общественных деятелей, открывшегося в Москве 8 августа 1917 г. Предварительные подготовительные работы по его созыву велись лидерами Всероссийского союза торговли и промышленности, предоставившего необходимые средства, в тесном содружестве с кадетами, взявшими на себя организационные функции. На совещании «общественные деятели» выработали совместную программу буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Совещание учредило постоянный Совет общественных деятелей, возглавлявшийся М. В. Родзянко (председатель) и С. Н. Третьяковым (товарищ председателя), который должен был обсуждать текущие политические и экономические вопросы. В его состав наряду с крупнейшими промышленниками и финансистами вошли шесть представителей кадетской партии: Маклаков, Милокув, Шингарев, Сахаров, Кишкин, Шаховской [297. С. 214—216]. Характерно, что в их числе были деятели как правого, так и левого крыла партии.

Совещание выбрало также бюро для связи с Союзом офицеров, в состав которого вошел Л. Н. Новосильцев. В его сохранившемся в архиве дневнике сообщается, что в период работы Московского совещания он «получил от Рябушинского из рук в руки 10 000 на расходы, о которых нельзя было писать и без отчета» [129. Л. 12].

В резолюции совещания общественных деятелей, собственноручно написанной Милокувым, содержался прямой ультиматум, обращенный к Керенскому: «...правительство, сознающее свой долг перед страной, должно признать, что оно вело страну по ложному пути, который должен быть немедленно покинут. . . Время не ждет, и медлить нельзя. Правительство должно немедленно и решительно порвать со служением утопиям, которые оказывали пагубное влияние на его деятельность. Оно должно начать самую энергичную борьбу с ядовитыми всходами этого посева во всех областях народной жизни: в армии и флоте, во внешней политике, в социальных отношениях, в промышленности и финансах, в земельном и национальном вопросах» [29. С. 135]. В резолюции резко критиковалась коалиция, не сумевшая обеспечить «твердый порядок», ликви-

ровать «самочинные» массовые организации и восстановить боеспособность армии [327. Т. 2. С. 113]. Подчеркивая свою солидарность с Корниловым, совещание отправило ему приветственную телеграмму [35. С. 360].

Выраженная совещанием позиция «общественных деятелей» сильно встревожила Керенского. Как видно из сохранившегося в архиве доклада Ф. Ф. Кокошкина Московскому городскому комитету кадетской партии о деятельности министров-кадетов во втором коалиционном правительстве, Керенский, читая резолюцию, казался очень взволнованным. Он «резко нападал на партию „народной свободы“, главным образом на П. Н. Милюкова», который в Москве «вновь организует Прогрессивный блок против Временного правительства, как против Николая II» [131].

Между тем министры-кадеты, являвшиеся, по ленинскому определению, «правой рукой Милюкова и К^о» [1. Т. 32. С. 348], нажимали на Керенского все упорнее и настойчивее. Они требовали обсуждения в Совете министров известной докладной записки Корнилова от 3 августа [261. С. 56—61], стремясь добиться «принятия плана Корнилова как плана правительства на Московском совещании». Эта задача возлагалась прежде всего на лидера кадетской группы министров Ф. Ф. Кокошкина [445. 1917. 15 окт.].

«Утреннее свидание 11 августа с Кокошкиным, — утверждал Керенский, — было одним из самых бурных моих политических столкновений» [277. С. 211]. Во время этого свидания Кокошкин, по воспоминаниям П. П. Юренева, «решительно потребовал от Керенского включения в порядок дня так называемой корниловской программы под угрозой выхода в отставку всей группы к. д.» [440. 1925. 18 янв.].

В результате этого столкновения победа досталась Кокошкину. Министр-председатель согласился поставить записку на обсуждение. При обсуждении, сообщает Кокошкин, условились о том, что Керенский в своей речи на предстоявшем Государственном совещании «должен был сказать о необходимости предлагаемых мер по оздоровлению армии. О восстановлении дисциплинарной власти начальников Керенский обещал сказать, но условие это нарушил и не сказал. О восстановлении смертной казни в той или иной форме все-таки сказал. Надо сказать, что и Корнилов в своей речи несколько смягчил тон по сравнению с заслушанной нами его запиской» [131].

Итак, правительство Керенского, Авксентьева и К^о еще раз продемонстрировало, что оно «есть лишь ширма для прикрытия контрреволюционных кадетов и военной клики, имеющей власть в руках» [1. Т. 34. С. 51].

Перед самым началом совещания, 11—12 августа, состоялось расширенное заседание Центрального комитета партии «народной свободы», в котором приняли участие все съехавшиеся в Москву кадеты. Это заседание на основании сделанных Милюковым протокольных записей подробно осветил Н. Ф. Славин [353. С. 38—52]. Тем не менее представляется интересным уточнить и дополнить это описание, опираясь как на тот же протокол, так и на другой источник — воспоминания члена ЦК кадетской партии В. А. Оболенского «Моя жизнь и мои современники».

Оболенский излагает сделанный на заседании доклад П. Н. Милюкова * «по самому ответственному в этот момент вопросу — о взаимных отношениях между Временным правительством, Советом Р. и С. депутатов и верховным главнокомандующим». Смысл речи Милюкова, произнесенной «в крайне осторожной форме», заключался в том, что «в той фазе, в которую вступила революция, Временное правительство обречено и что спасти Россию от анархии может лишь военная диктатура». Первую стадию этой диктатуры Милюков представлял себе «в виде двуумвирата Керенского и Корнилова, предполагая, что под влиянием организованного Корниловым военного давления Керенский вынужден будет уступить и покончить с Советом Р. и С. депутатов». От речи Милюкова «создалось впечатление, что он уже вел переговоры с Корниловым и обещал ему поддержку» [137. С. 756—757]. Однако все контакты кадетского руководства с Корниловым и его окружением «были покрыты тайной и молчанием. Это молчание понимали (в кадетской среде. — *Н. Д.*) и не хотели нарушать его» [142].

По свидетельству Оболенского, «перспектива военной диктатуры не пугала большинство членов ЦК». Споры возникли лишь о том, «может ли удался государственный переворот и не поведет ли попытка его совершить к еще худшей анархии» [137. С. 757]. Из 12 членов Центрального комитета, выступления которых отражены в протоколе [89. Л. 1—1 об.], только четверо (Н. К. Волков, А. А. Добровольский, А. К. Дживелегов и В. А. Оболенский) высказались против военной диктатуры, так как не верили в наличие реальных возможностей для ее установления **. «Нет военной силы, — говорили они. — За нами т[олько] высший командный состав» (Волков); «нет реального источника силы ни в буржуазии, ни среди войска... реальная сила — в Совете р[абочих] депут[атов]» (Добровольский); поэтому следует «поддерживать в коалиц[ионном] пр[авитель]стве наши течения» (Оболенский). А. К. Дживелегов подчеркивал: «Военная диктатура не решается в нашем собрании: в войске нет элементов, на к[ото]р[ые] м[огла] б[ы] опереться диктатура. Перережут всех офицеров».

А. В. Тыркова и П. В. Герасимов считали военную диктатуру «единственно возможным выходом». «Страна ничего не понимает, — сетовала Тыркова. — С всеобщими (избирательными. — *Н. Д.*) правами мы влетим в болото». Для создания настоящей власти социалистам, подчеркивала она, «еще нужен голод и удар немец[кого] кулака». Надо подождать, говорила Тыркова. «Придут к этому в более жестокой форме». Предупреждая о недостаточности военной подготовки заговора, Герасимов подчеркивал: «Некому даже залить улицы кровью. Военно-буржуазный фазис невозможен».

Однако большинство членов ЦК поддерживало идею немедленного установления военной диктатуры. «Воевать с врагом нельзя, не уничтожив

* В протокольных записях прений, производившихся самим Милюковым, текст доклада отсутствует.

** Оболенский называет в числе противников участия партии кадетов в корниловском перевороте также П. П. Юренева, который заявил, что «нельзя одновременно участвовать в правительстве и его свергать» [137. С. 758].

Советов р. деп. Надо покончить с большевистской революцией, — призывал П. И. Новгородцев. — Мы уже потеряли общий язык даже с с. р. Все равно, дело идет на разрыв. Страна ждет власти и порядка». «Военная диктатура и буржуазное м[инистер]ство» — так сформулировал цель, за которую следовало бороться кадетам, Набоков. «Уговорами управлять нельзя... — заявил Мануйлов. — Остается утвердить власть на физической силе». Шингарев предупреждал, что дальнейшие «эксперименты» с коалиционной властью неизбежно доведут буржуазию «до потери власти», и настаивал на решительных действиях. «Есть крепкие воин[ские] части. . . Кавалерия, артилл[ерия], казаки», на которые может опереться военно-диктаторский режим. «Меньшинство при сильной охране сильной власти может сделать дело», — заключил бывший министр.

На совещании раздавались даже голоса в пользу восстановления монархии. «Диктатора тянет к короне, — говорил, в частности, Протопопов. — Но что делать?» Он оптимистически предсказывал, что, так как «диктатура приним[ает] форму заговора», «отнесутся [к перевороту] спокойно» [89. Л. 1 — 1 об.].

«Монархические» выступления встретили возражения со стороны Шингарева и других членов ЦК. Однако для большинства кадетских лидеров это был лишь вопрос тактики. Как выяснилось в начале 20-х годов, они по-прежнему оставались верны монархической идее [247. С. 118—123]. Но летом 1917 г. предпочитали хранить об этом молчание — испытанный маневр, которому впоследствии дал «историческое» обоснование видный московский кадет Н. В. Тесленко (кстати, по свидетельству Л. Н. Новосильцева, корниловское окружение прочило его в министры). На заседании белоэмигрантской кадетской группы в Париже он заявил: «В политике нельзя сказать о чем-либо за пять минут до того, как это можно будет сделать. Тьер, убежденный монархист, выгонял коммунистов, не говоря ни того, что он монархист, ни того, что он республиканец» [165].

Подводя итоги заседания, Милюков заявил, что прения представляли собой «продолжение борьбы двух линий, из к[ото]рых ведется одна, и нельзя сидеть на середине». Это чрезвычайно важное высказывание кадетского лидера полностью отражало действительное положение вещей. Несмотря на то что в партии «народной свободы» существовали два отмеченных выше течения, практическая деятельность кадетского руководства в период подготовки корниловщины строилась в соответствии с тактическими расчетами Милюкова и его единомышленников. Как мы видели выше, даже в коалиционных кабинетах, куда кадеты посылали своих представителей по настояниям противоположного течения, главенствующее положение среди кадетских министров занимали ближайшие сподвижники Милюкова, четко проводившие намеченную им линию. Активными действиями кадетского лидера и его непосредственного окружения по подготовке к участию в заговоре сторонники соглашения с «умеренными социалистами» не пытались противопоставить никаких практических шагов, ограничиваясь словопрениями на заседаниях ЦК. Неудивительно, что в результате в основу тактики кадетов на заседании 11—12 августа был положен курс, выработанный Милюковым, который подчеркнул, что задачи партии сводятся к достижению союза со «здоро-

выми элементами армии» и «буржуазными элементами», а с «умеренными социалистами идти не можем».

Вопрос, обсуждавшийся на этом заседании, по словам Оболенского, не голосовался, так как «не было внесено никакого конкретного предложения, однако составилось впечатление, что большинство товарищей по ЦК разделяло мнение Милокова. Ему пока этого было достаточно» [137. С. 758].

Как справедливо указывает Н. Ф. Славин, на заседании 11 августа, по сути дела, был утвержден план участия кадетов в подготовке контрреволюционного заговора. Важнейшей составной частью этого плана явилось упрочение блока с реакционным корниловским генералитетом и торгово-промышленными кругами для замены коалиционного правительства террористической военно-буржуазной диктатурой и окончательного разгрома революции [353. С. 48].

Весьма красноречивым выражением позиции кадетов было их активное участие в торжественной встрече прибывшего на Государственное совещание генерала Корнилова. На вокзале его приветствовал один из кадетских златоустов, Ф. И. Родичев: «На вере в Вас мы сходимся все, вся Москва. И верим, что клич — да здравствует генерал Корнилов — теперь клич надежды — делается возгласом народного торжества» *. Л. Н. Новосильцев признавался, что торжественная встреча Корнилова имела в глазах ее устроителей особый смысл. «Нам хотелось, — пишет он, — показать себя сильнее, чем мы были, ведь свою слабость мы отлично сознавали, но, демонстрируя силу, мы думали припугнуть Керенского, заставить его идти на уступки» [154].

Выступая на Московском совещании от лица кадетской партии, Милоков солидаризировался с Корниловым и поддерживавшими его генералами Алексеевым и Калединым. Смысл речи лидера кадетов сводился к тому, что страну может спасти только военная диктатура [16. С. 70—75].

В период Московского совещания Милоков (тайно от своих однопартийцев) вступил в личные переговоры с Корниловым. В. И. Старцев называет их «эпизодическими беседами», в результате которых никакой организационной связи кадетов с Корниловым установлено не было [362. С. 8]. А вот что об этом рассказал сам Милоков в белоэмигрантской газете «Последние новости» 6 марта 1937 г.: «Корнилов уже принял решение о сроках его открытого разрыва с правительством Керенского и даже назначил его дату — 27 августа... Я предупредил генерала Корнилова, что, на мой взгляд, разрыв с Керенским несвоевремен, и он не особенно это оспаривал. Я сказал то же самое Каледину, с которым я также виделся в те же дни. Это, по-видимому, совпадало с намерением Корнилова, о котором стало известно лишь позже, — оставить Керенского в кабинете. Генерал Корнилов не сообщил мне никаких деталей о готовившемся выступлении, но высказал пожелание, чтобы партия к. д. его поддержала, — хотя бы отставкой министров — к. д. в решительную минуту».

* Эти свои слова Родичев привел в письме к Астрову [159], тот пересказал их в письме к Деникину [140], откуда они перекочевали в «Очерки русской смуты» [Т. 2. С. 29].

22 августа приехавший из ставки В. Н. Львов от имени Корнилова передал министрам-кадетам записку с просьбой к 27 августа выйти из состава кабинета, «чтобы поставить этим Временное правительство в затруднительное положение и самим избежать неприятностей» [312. Вып. 2. С. 185; 322. С. 43—44].

Состоявшееся 20 августа заседание кадетского ЦК большинством голосов высказалось за установление военной диктатуры. Всего лишь неделя отделяла его от упоминавшегося выше предыдущего заседания, где звучали сомнения в удаче переворота, однако теперь позиция Милюкова получила безоговорочное одобрение. «Власть возьмет тот, — заявил А. В. Карташев, — кто не побоится стать жестоким и грубым», т. е. «старые боевые генералы». Только они «сейчас и могут справиться с развалом». Карташева поддержали В. Д. Набоков и Ф. Ф. Кокошкин, критиковавший Керенского за его «недоверчивость и перешительность». «Дело идет к расстрелу, — сказал Шингарев, — так как слова бессильны». «Жизнь толкает общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции», — резюмировал Милюков. Заверяя своих коллег в готовности министра-председателя пойти на соглашение с Корниловым, лидер кадетов объявил: «У Керенского нет выбора» [35. С. 375; 261. С. 76—77].

В расчеты кадетских заговорщиков, по признанию Милюкова, менее всего могла входить возможность сопротивления планам Корнилова со стороны Керенского, которого генерал «готов был ввести в свои комбинации... Он думал, очевидно, что та обстановка, которая создастся в Петрограде к 28 августа, сама по себе исключит возможность правительственного противодействия» [312. Вып. 2. С. 181—182]. В создании такой обстановки одна из главных ролей выпадала на долю кадетов. В самый день корниловского выступления организовать министерский кризис, чтобы дать Корнилову возможность, не свергая правительство, сформировать его состав по собственному усмотрению заговорщиков и тем самым поставить страну перед фактом наличия новой законной власти, преемственность которой воплотится в лице Керенского, — вот тот реальный, осязаемый вклад, какой обязывались кадеты внести в общее контрреволюционное дело.

Однако события приняли совершенно неожиданный оборот. Кадетские лидеры никак не рассчитывали, что в последнюю минуту Керенский, по словам Милюкова, «цепко ухватится за власть и пожелает сохранить ее во что бы то ни стало» [312. Вып. 2. С. 181]. На закрытом заседании правительства вечером 26 августа министр-председатель, объявив об «измене» Корнилова, потребовал предоставления ему ввиду чрезвычайной обстановки диктаторских полномочий.

С категорическими возражениями против подобного требования немедленно выступил Кокошкин, который под этим предлогом подал в отставку, чтобы, невзирая на непредвиденный поворот дела, выполнить уговор с Корниловым ровно в срок (заседание, по свидетельству Кокошкина, кончилось в 5 часов утра 27 августа). «Я свое заявление формулировал так, — сообщает Кокошкин в докладе Московскому комитету кадетской партии, — что уйду в отставку ввиду состоявшегося, по-видимому, решения, судя по высказанным мнениям, о предоставлении Керенскому

диктаторских полномочий и что впредь при этих условиях отказываюсь от участия в правительстве». Так же мотивировали свои прошения об отставке и другие министры-кадеты [131]. Их пособничество заговору П. П. Юренев объяснял впоследствии тем, что они «потеряли всякую надежду на работу правительства», воспринимая корниловское выступление как неизбежное «следствие создавшегося положения и созревших настроений» [440. 1925. 18 янв.]. А в своей автобиографии, написанной в 1932 г., Юренев прямо объяснил, что «ушел из Временного правительства вместе с другими министрами — к. д., не желая принимать участия в борьбе против Корнилова» [124], не упомянув, впрочем, о том, что тем самым участвовал в борьбе на стороне Корнилова.

Непредвиденная распря министра-председателя и верховного главнокомандующего грозила погубить весь заговор. Необходимо было уладить дело тотчас же, пока слухи о событиях не разнеслись широко. При этом на авансцену был выдвинут Маклаков, считавшийся в кадетской партии тонким дипломатом. В разговоре по прямому проводу, в осторожной, завуалированной форме, ни намеком не обнаружив свою солидарность с Корниловым, он подсказывал генералу единственную возможность спасти положение: «Ваше предложение понято здесь как желание насильственного переворота. Глубоко рад, что это, по-видимому, недоразумение (читай: пока не поздно, объявите все случившееся недоразумением. — *Н. Д.*). Вы недостаточно осведомлены о политическом настроении (читай: свержение Керенского в данный момент неосуществимо. — *Н. Д.*)... Необходимо принять все меры, ликвидировать все недоразумения без соблазнов и огласки. . . Думаю, что недоразумение могло бы быть устранено при личных объяснениях (читай: возможность договориться с Керенским еще не потеряна. — *Н. Д.*)» [35. С. 451—452].

Кадетским лидерам казалось, что есть еще шансы спасти положение политическими комбинациями в правительстве. 27 августа «Речь» писала: «Если есть что-нибудь положительного, что осталось теперь в результате полугодового опыта неудач и разочарований, то это быстро растущая и широко распространяющаяся уверенность, что этим путем дальше идти нельзя. . . что поворот на другую правильную дорогу должен быть крутым и решительным. Пора перестать клеймить всякую мысль о повороте этого рода кличкой „контрреволюция“».

Милюков в «Истории второй русской революции» объявляет, что в этот день главной тревогой петроградцев была возможность выступления большевиков [312. Вып. 2. С. 221]. 27 августа «Речь» также уверяла, что «столице грозит повторение большевистского бунта». Однако, по воспоминаниям В. Н. Львова, накануне, 26 августа, Милюков (как и Керенский) с полной уверенностью утверждал, что «большевики не выступят» [445. 1920. 30 нояб.]. В данном случае кадетский историк применил свой излюбленный прием: широко и охотно цитируя воспоминания Львова (частично опубликованные в «Последних новостях» в ноябре—декабре 1920 г.), Милюков именно этот не укладывающийся в запроектованное русло его повествования эпизод предпочел опустить.

27 августа оставшие министры, по свидетельству Ф. Ф. Кокوشкина, с 11 часов утра ожидали в Зимнем дворце главу правительства. Через несколько часов им сообщили, что заседание с его участием отложено до

3 часов дня. Затем оно было перенесено на вечер. Как докладывал Кокошкин Московскому городскому комитету кадетской партии, министры «провели весь день в Зимнем дворце, социалисты и несоциалисты, за дружественной беседой... Наше положение сгладило бывшую между нами рознь» [131].

Тогда же, 27 августа, Керенский позвонил в Москву Н. М. Кишкину и предложил войти в учреждаемую им директорию, где тот должен был, по словам Милюкова, представлять Москву и «буржуазию» [312. Вып. 3. С. 7]. Обращение к Кишкину (который еще в начале августа предоставил свою квартиру под тайное совещание заговорщиков и принял в нем вместе со своими товарищами по партии самое активное участие) подтвердило правоту В. И. Ленина, называвшего Керенского корниловцем, «рассорившимся с Корниловым *случайно* и продолжающим быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами» [1. Т. 34. С. 250].

Однако вопреки всем расчетам и усилиям кадетских лидеров случилось то, чего они больше всего боялись: между Керенским и Корниловым произошел окончательный разрыв. Задуманный кадетами «двуумвират» лопнул. В создавшейся ситуации главным содержанием деятельности кадетского руководства, как писал впоследствии Астров Деникину, были всемерные старания устранить недоразумения между Керенским и Корниловым, «примирить, не доводить до разрыва» [141]. Милюков настойчиво убеждал Керенского вступить в переговоры с Корниловым, вызываясь даже немедленно ехать для этой цели в ставку.

Однако министр-председатель упорствовал. Объявив Корнилова изменником, он зашел слишком далеко, чтобы можно было пойти на попятный. Тогда, по словам Кокошкина, «в к. д. кругах созрел некоторый план» [131]. Кадеты предприняли «отчаянную попытку» немедленно заменить Керенского на посту главы правительства генералом Алексеевым [312. Вып. 2. С. 252].

Уговорить министра-председателя пойти на это было поручено Кишкину. В своем отчете Московскому комитету кадетской партии он сообщил, что, приехав 28 августа в Петроград по вызову Керенского, он прежде всего получил директивы от ЦК, а затем отправился в Зимний дворец. Керенский подробно обрисовал Кишкину (пользовавшемуся его личным доверием) все перипетии своих отношений с Корниловым и просил совета. Кишкин, в соответствии с полученными инструкциями, посоветовал Керенскому «для предотвращения, по-видимому, неизбежной гражданской войны», уйти, передав власть Алексееву, с тем чтобы он сформировал новое правительство. «Народ не пойдет за Алексеевым», — ответил Керенский («причем из всего разговора, — комментирует Кишкин, — было ясно, что под „народом“ понимаются Советы Р. С. К. Д.»). Тогда кадетский представитель предложил другую комбинацию: «образование директории из нескольких лиц с тем, чтобы Алексеев вошел в ее состав». Уже слабо сопротивлявшийся Керенский спросил: «А нельзя ли вместо Алексеева Верховского?» [175].

Вечером, когда атмосфера сгустилась еще более, Керенский обратился к Кишкину с просьбой высказать свое окончательное мнение. Тот вновь подтвердил «желательность передачи власти министра-председателя Алексееву». «А если он не согласится?» — осведомился Керенский.

«Тогда назначить его верховным главнокомандующим и ввести в состав Временного правительства». Выслушав соображения Кишкина, Керенский заявил: «Нет, власть отдать я не могу». Когда министр-председатель спросил у Н. В. Некрасова, каково его мнение, тот также высказался за участие Алексеева в составе правительства [175].

Тем временем Милюков помчался на автомобиле к генералу Алексееву, «помещавшемуся в отдельном вагоне на Царскосельском вокзале», чтобы уговорить его встать во главе правительства. Алексейев дал свое согласие, причем, по словам Милюкова, обменялся с ним мыслями «относительно способа улажения дел с ген. Корниловым» [312. Вып. 2. С. 252]. Какой именно способ имелся в виду, Милюков умалчивает. Однако выяснить это вполне возможно благодаря письму к А. И. Деникину дочери М. В. Алексеева В. М. Борель. Сообщая со слов отца, что он «был посвящен в дела предполагавшегося выступления», она пишет затем: «Когда была предположена смена правительства и папа должен был принять власть на себя, то неужели в этот момент... он бы пошел против ставки? Никогда. Опять-таки говорю с его слов, по его рассказам: с уходом Временного правительства и переходом власти в его руки ген. Корнилов остался бы Верховным, и кто знает, быть может, вся история революции изменила бы свой ход» [146].

Записку Милюкова о договоренности с Алексеевым передали Кишкину в самый разгар частного совещания членов Временного правительства в Зимнем дворце. Кишкин немедленно сообщил об этом Кокوشкину, который получил, таким образом, возможность выступить с предложением о том, «чтобы в настоящих тягостных условиях ген. Алексейев был поставлен во главе правительства». Кандидатуру Алексеева поддержало большинство членов бывшего кабинета, в том числе и социалисты. Один из министров, народный социалист А. С. Зарудный, заявил, что, по его мнению, надлежит войти в переговоры с Корниловым, и предлагал просить о посредничестве в этих переговорах кадета Маклакова [131].

Нелишне указать в связи с этим, куда могли завести соглашателей переговоры с участием Маклакова. По его собственному признанию (высказанному впоследствии), Маклаков еще за некоторое время до корниловского выступления пришел к убеждению, что главное изменение в политической ситуации в тот момент должно коснуться не отдельных лиц, но самой природы существующего строя. «Если настаивать на сохранении состояния „революции“, — писал он, — процесс будет продолжаться и придется испить чашу до дна. Поэтому, если бы Корнилов попытался остановить революцию, он должен был бы возвратиться к „законности“. Законность кончилась с отречением Великого князя Михаила, и поэтому необходимо было бы вернуться к этой исходной точке. Он должен был бы опереться на акт отречения императора Николая II, который был последним законным актом, и восстановить монархию...» [505. Р. 85]. Те же ноты звучали в выступлении князя Е. Н. Трубецкого на заседании агитационной комиссии кадетского ЦК 1 сентября 1917 г. Говоря о существующих в стране монархических течениях (главным образом среди земельных собственников, в церковно-приходских советах и т. д.), он призывал местные кадетские комитеты вступать в соглашения с такими группами [93. Л. 4]. «Я лично думал, —

признавался впоследствии Л. Н. Новосильцев, — что нам Романовых не избегать» [129. Л. 9].

Эти факты подтверждают справедливость ленинской оценки ситуации в момент корниловского мятежа: «...кадеты в союзе с контрреволюционными генералами стремятся разогнать Советы и восстановить монархию» [1. Т. 34. С. 69].

Покидая вечернее заседание 28 августа, члены Временного правительства, по сообщению газеты «Русское слово», вполне единодушно сходились в том, что «создавшаяся обстановка может дать временный успех ген. Корнилову и что в связи с этим не исключена возможность занятия Петрограда» [452. 1917. 29 авг.]. В лагере буржуазии из уст в уста передавались «фантастические слухи» о походе Корнилова, «ронявшие, — как признается Гессен, — искры надежды» в души его кадетских пособников [238. С. 373].

Видимо, именно в этом оптимистическом настроении ночью 28-го или утром 29-го и была написана пресловутая передовая кадетской «Речи», приветствующая Корнилова и предназначенная для номера от 30 августа. Статья принадлежала перу самого Милюкова и содержала требование к правительству немедленно вступить в переговоры с вошедшим в Петроград Корниловым, цели которого якобы «не имеют ничего общего с целями контрреволюции» [261. С. 119].

28-го же вечером, как явствует из доклада Ф. Ф. Кокошкина, «ЦК наметил те условия, при которых члены нашей партии могли бы войти в состав правительства». Условия эти сформулированы в докладе следующим образом: «1) в состав правительства должен войти высокоавторитетный представитель военного командного состава (имелся в виду Алексеев. — Н. Д.), а также представитель торгово-промышленных кругов; 2) все члены правительства должны быть равноправны; 3) выступление Корнилова должно быть ликвидировано так, чтобы не обострялась и не углублялась та рознь, которая сделала возможным самое выступление» [131].

Однако в те самые часы, когда составлялись эти условия, в развитии событий произошел коренной перелом. В Зимний дворец стали поступать сведения о начавшемся в Петрограде и по всей стране мощном выступлении революционного пролетариата во главе с большевистской партией, направленном против корниловского мятежа. Руководящая роль большевиков в разгроме корниловщины, всенародная борьба против сил контрреволюции глубоко исследована в трудах советских историков.

«Нужно помнить, видеть и знать, — писала большевистская газета «Социал-демократ», — что за спиной Корнилова стоят „организованные силы“. Такой силой в первую голову является „партия народной неволи“, партия ка-де». Большевики четко разъясняли народным массам, что «кадеты надеются на победу если не мытьем корниловского оружия, так катаньем соглашения. . . Если состоится соглашение с предателями. . . это будет означать бескровную победу генерала Корнилова. . . Социалистический пролетариат должен заявить твердо, ясно, определенно и властно: такому соглашению не бывать. Против такого соглашения мы будем бороться так же горячо и с такой же силой, как с погромщиком в чине верховного главнокомандующего» [463. 31 авг.].

Как справедливо указывает Н. Я. Иванов, в этой обстановке открытая передача власти корниловцу Алексею грозила вызвать еще более мощный революционный протест. Керенский заявил о своем решении остаться на посту министра-председателя в расчете на то, что с помощью эсеро-меньшевистского руководства ему удастся отвести смертельную опасность, нависшую над буржуазной властью, и одновременно вступить в новые тайные сделки с корниловцами-кадетами [261. С. 120]. Доклад Ф. Ф. Кокошкина и сообщение Н. М. Кишкина Московскому городскому комитету кадетской партии, так же как и позднейшие признания самого Керенского, убедительно подтверждают правоту Н. Я. Иванова.

Кишкин сообщает, что 30 августа вечером (когда провал корниловской авантюры уже выяснился с полной очевидностью) Керенский вновь предложил ему войти в состав правительства в качестве министра внутренних дел. Кишкин поставил условие — «чтобы никто не стоял за его плечами и чтобы никакими посторонними влияниями не связывали его свободу действий». Так было сформулировано требование полной независимости правительства от Совета рабочих и солдатских депутатов, и Керенский, только что воспользовавшийся поддержкой Совета в борьбе против Корнилова, с готовностью принял это требование. Министр-председатель обещал также представителю кадетов, что «суд будет мягок над Корниловым» [175]. Предполагалось, что на суде одним из защитников Корнилова выступит известный кадетский юрист М. С. Аджемов [445. 1917. 10 окт.].

Уезжая в тот же вечер в Москву, Кишкин получил от Керенского поручение вести от его имени в Москве официальные переговоры по поводу приглашения в правительство представителей торгово-промышленных кругов на посты государственного контролера, министров финансов, продовольствия и торговли [175].

В докладе Ф. Ф. Кокошкина Московскому комитету кадетской партии подчеркивалось: «Политический момент чрезвычайно тревожный. Кажущийся успех правительства очень опасен — растет волна большевизма и Совдеп берет руководящую роль. Центральная группа членов правительства... ясно сознает опасность и открыто ищет поддержки партии к.-д.» [131].

Как заявляет в своих мемуарах сам Керенский, он считал участие кадетов в правительстве «абсолютно необходимым», но сознавал, что явно прокорниловские настроения и действия их лидера Милюкова безнадежно скомпрометировали его в глазах народных масс. Удачный предлог для немедленного удаления Милюкова представился, когда Керенский узнал о выходе 30 августа «Речи» с белой полосой и содержанием изъятой оттуда статьи. Министр-председатель тотчас же распорядился вызвать к нему В. Д. Набокова и М. М. Винавера. После «короткого и откровенного обсуждения» все трое пришли к единогласному решению, что Милюкову следует внушить идею на время устраниваться от руководства партией и редактирования «Речи» и отправиться либо за границу, либо хотя бы в Крым или на Кавказ. «Мои посетители, — замечает Керенский, — выполнили свою весьма деликатную миссию с большим тактом, и Милюков выехал из Петрограда в Крым почти тут же после разговора с ними» [496. Р. 406—407]. Туда же отправился Ф. Ф. Ко-

кошкин. А. В. Тыркова и другие активные поборники корниловского выступления разъехались из Петрограда по своим имениям и загородным дачам.

Смысл обращения Керенского именно к Винаверу и Набокову ясен. Они возглавляли то течение в партии, которое ориентировалось на сотрудничество с эсеро-меньшевистским блоком. Вступая с ними в контакт, Керенский демонстрировал тем самым, что они и стоящие за ними члены кадетской партии не имели представления о причастности к заговору ее руководства.

Справедливости ради нужно отметить, что действительно Милюков, Кокошкин и их ближайшее окружение не стремились афишировать свои закулисные махинации в пользу Корнилова, что отношение к корниловской авантюре, по признанию Милюкова, провело «заметную грань между право- и левонастроенными членами партии» [135. С. 57]. Однако деление это было чрезвычайно условно и субъективно. Мы знакомы уже с позицией левого кадета Кишкина. Другой представитель того же течения в партии, В. А. Оболенский, писал в своем дневнике: «Я пойду с диктатурой и реакцией, против большевиков, пойду потому, что хочу участвовать в борьбе» [130. С. 29].

И каковы бы ни были настроения отдельных членов партии «народной свободы», в целом она как политическая организация несла полную ответственность за действия своего руководства.

Разоблачая единую сущность различных течений в кадетской партии и подлинный смысл лицемерной политики Керенского, большевистский «Социал-демократ» с гневным сарказмом писал: «Есть кадеты хорошие, и есть кадеты дурные. Надо отделить овец от козлищ и первых пригласить править страной, а вторых предать суду за измену революции. Удивительная партия, половина которой достойна арестантского халата, а другая половина — министерских кресел!» [463. 8 сент.].

Архивные источники (свидетельства Л. Н. Новосильцева, Н. В. Савича, Н. И. Астрова, В. М. Борель, мемуары В. А. Оболенского, наконец, отчеты Московскому городскому комитету кадетской партии министров Временного правительства Ф. Ф. Кокошкина и Н. М. Кишкина) в сопоставлении с опубликованными документами и материалами дают возможность реально и выпукло представить расчеты и планы буржуазных кругов, вдохновлявших и поддерживавших Корнилова на пути к контрреволюционному путчу. Особенно четко вырисовывается роль, которую сыграла в период корниловщины кадетская партия, в частности ее лидер, и ее представители в кабинете министров. При помощи закулисных махинаций кадеты делали все возможное, чтобы установить буржуазно-военную диктатуру за ширмой коалиционного правительства.

Приведенные материалы свидетельствуют о прозорливости В. И. Ленина, который уже в те напряженные дни, не располагая, естественно, сведениями обо всех известных теперь акциях врагов революции, безошибочно определил основные движущие силы заговора, подлинных его вдохновителей, организаторов и участников.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НА ПУТИ К КРАХУ

Разоблачение и ликвидация заговора Корнилова оказали ощутимое влияние на положение партии «народной свободы». Как показывает Л. М. Спирин, авторитет и численность кадетов стали быстро падать. Слово «кадет» для миллионов трудящихся воспринималось как корниловец, как «враг революции» [224. С. 252]. Не говоря уже о глубочайшем возмущении широких народных масс участием кадетского руководства в контрреволюционном путче, даже рядовые члены партии «народной свободы» из числа трудовой интеллигенции (особенно провинциальной) осуждали политику своих лидеров, заявляли, что поддержка последними вооруженного мятежа в корне противоречит всем основным либеральным принципам [456. 8 сент.; 448. 31 авг; 431. 1 сент.; 430. 2 сент. и др.].

Катастрофа корниловщины породила глубокое разочарование и уныние в кадетской среде. «Вступая во второе полугодие „великой русской революции“, — говорилось в передовой статье «Вестника партии народной свободы», — мы чувствуем... одну лишь жуткую, тяжелую тревогу» [397. № 19. С. 3].

О «сильной депрессии» в связи с провалом желанного переворота рассказывает Гессен [238. С. 373]. Как вспоминает Изгоев, кадетский ЦК был так утрачен гневом и возмущением народных масс по поводу роли кадетов в корниловском заговоре, что «пришлось прекратить открытое устройство заседаний» в помещении клуба партии «народной свободы» на Французской набережной и собираться в разных местах «полуконспиративно» [264. С. 20]. Настроения в рядовых кадетских кругах описаны в письме Астрова к Деникину: «Многие поникли головой и опустили руки. Другие едва держались на поверхности и пытались еще что-то спасти» [142].

Немало было, однако, и таких, кто, подобно Струве, считал, что поражение Корнилова — всего лишь битва под Нарвой, и полтавская победа не за горами [371. С. 118; 515. С. 241]. Именно эта надежда определяла практические шаги кадетского руководства в последние два месяца перед Октябрем.

Получив жестокий удар в итоге разгрома заговора, партия «народной свободы» не сложила политического оружия. «Речь» вместе с другими органами контрреволюционной печати подняла очередную громкую кампанию против большевистской партии [260. С. 235; 362. С. 75], поскольку, по признанию Милюкова, «теперь козыри были в руках большевиков, и политический маятник... резко качнулся влево» [135. С. 52].

В самом деле, угроза перехода власти в руки рабочего класса становилась все реальнее и ощутимее. Каждый день приносил доказательства нового мощного подъема революционной волны — вести о повсеместном росте рабочего движения, о начале настоящих крестьянских восстаний, о массовых выступлениях солдат. Чтобы предотвратить возможность новой военной авантюры, большевики поставили вопрос о создании рабочей Красной гвардии. Когда вопрос этот обсуждался в Московской

городской думе, Н. И. Астров объявил такую идею «преступной». «Кадеты называют ее преступной потому, — разъяснял рабочим массам «Социал-демократ», — что они хорошо знают, что Красная гвардия еще меньше шансов оставит для господ кадет для потопления в крови рабочих русской революции» [463. 7 сент.].

«Торжество большевизма вырисовывается гораздо более серьезным и угрожающим, — сетовала «Речь» 6 сентября, — нежели можно было предполагать». В связи с этим, как свидетельствует В. А. Оболенский, с начала сентября кадетский ЦК «усилил свою противобольшевистскую деятельность» [137. С. 767].

«В России сейчас, — писал «Социал-демократ», — идет ожесточенная борьба по всей линии двух главных классов: буржуазии (включая помещиков) и пролетариата (включая беднейшее крестьянство). Поэтому и в политике главное значение имеет борьба между большевиками и корниловцами (кадетами)» [463. 20 сент.].

Именно резко усилившимся влиянием большевистской партии, решительно выступившей против всех и всяких попыток протащить коалиционный принцип, требовавшей безусловного отстранения от власти представителей кадетской партии и буржуазии вообще, объясняется тот факт, что в течение трех с лишним недель правительству Керенского не удавалось состряпать новую коалиционную комбинацию.

В своем докладе на X съезде кадетской партии в октябре 1917 г. В. Д. Набоков, анализируя обстановку, сложившуюся после разгрома корниловщины и распада второй коалиции, констатировал, что теоретически были возможны три выхода из кризиса власти. Первый — создание однородного буржуазного правительства, но, как признавал Набоков, в связи с «непримиримостью» народа к «кругам буржуазным, особенно к кадетам», такое правительство «было бы лишено всякой реальной власти». Второй выход заключался в создании однородного социалистического правительства, однако, по словам докладчика, противниками такого выхода выступили сами эсеры и меньшевики, «так как ясно отдавали себе отчет» в его «гибельности» (т. е. в неизбежности в этом случае перехода власти в руки неуклонно и быстро большевизировавшихся Советов).

Итак, оставался лишь третий путь, единственно возможный путь спасения буржуазной власти — «возвращение к принципу коалиции» [445. 1917. 15 окт.].

Для партии «народной свободы» крайне важно было сохранить свои позиции в управлении государством. Кадетская пресса громкогласно требовала приглашения кадетов в состав правительства. «Необходимо раз и навсегда запомнить, — поучала «Камско-Волжская речь», — что нынешняя революция — буржуазная и что все попытки призвать к власти одну демократию обречены на крах и ниспровергают самую революцию» [422. 10 сент.]. Даже маленькая газетка «Лебединский вестник», выпускавшаяся кадетской организацией города Лебедина Харьковской губернии, решительно заявляла: «Должны быть отброшены совершенно нелепые требования „персонального“ приглашения кадетов в состав Временного правительства. . . Кадеты могут и должны войти в состав правительства только как партия, на что они имеют право более, чем какая-нибудь

иная партия, так как „кадетский“ буржуазно-демократический характер русской революции не подлежит сомнению» [424. 14 сент.].

Поскольку Петроградский Совет и эсеровский ЦК под свежим впечатлением от корниловского путча проголосовали за исключение кадетов из состава правительства, Керенский сначала попытался создать коалицию с участием представителей Торгово-промышленного союза. Но торгово-промышленники, демонстрируя классовую солидарность, отказались войти в кабинет, если кадеты будут в нем отсутствовать.

В итоге меньшевики и эсеры вновь пошли на поводу у партии «народной свободы». Большевистская «Правда» писала, разоблачая позицию соглашателей: «Три дня кричали оборонцы об измене кадетов. Три дня кричали они о нежизненности коалиции, распавшейся при первом же столкновении с контрреволюцией. И что же? После всего этого они не нашли ничего лучшего, как принять замаскированную коалицию с теми же оплеванными кадетами!» [441. 16 сент.]. Газета «Рабочий путь» 9 октября разъясняла, что эта коалиция нужна партии «народной свободы» только как «переходная ступень к однородному контрреволюционному кабинету».

В книге американского историка Дж. Бэзила «Меньшевики в революции 1917 г.» [469], где много внимания уделено меньшевистско-кадетским отношениям в период от Февраля к Октябрю, доказывается, что судьба Временного правительства последнего состава решалась в переговорах между кадетскими и меньшевистскими лидерами. Этот тезис вызвал справедливую критику даже в американском журнале «Славик ревью». В опубликованной в нем рецензии на книгу Бэзила говорится: «В действительности судьба Временного правительства определялась на фронте, в деревнях и на фабриках. Русские солдаты не хотели сражаться на фронте, русские рабочие требовали немедленного улучшения своего положения. Поскольку меньшевики не выполнили их требований, массы пошли за партией, обещавшей сделать это» [529а. Р. 720].

История неоднократных попыток ликвидировать кризис власти, созыва Демократического совещания, на котором соглашатели в конце концов вновь приняли на вооружение принцип коалиции с кадетами, достаточно глубоко и подробно исследована в нашей литературе. Поэтому представляется целесообразным, не останавливаясь специально на этих вопросах, сосредоточить внимание на составе коалиционного кабинета, созданного в соответствии с решениями Демократического совещания 24 сентября 1917 г.

Характерно, что в переговорах о его создании принимали участие те кадетские лидеры, которые зарекомендовали себя сторонниками коалиции, — Аджемов и Набоков. Вообще последний, как явствует из его мемуаров, «принимал деятельное участие в этом последнем фазисе существования Временного правительства» и в тот период «фактически стоял во главе Центрального комитета» [322. С. 79].

Удивляться этому не приходится. В сентябре, как и в апреле, кадеты предпочли отодвинуть в тень своего скомпрометированного вождя, чтобы, несмотря на крушение его авторитета, любой ценой сохранить позиции партии «народной свободы» в управлении государством, в общественной жизни страны. Суть этого привычного для кадетов тактического маневра

была впоследствии откровенно раскрыта Милоковым (в связи с применением его в других обстоятельствах). «Партия разнообразна по составу и настроениям, — заявил лидер кадетов на заседании Парижского кадетского комитета в 1921 г., — и при известной политической обстановке выходит вперед так или другая часть ее. До сих пор выходило вперед одно ее течение, теперь же. . . приходится выходить на авансцену другому ее боку и действовать так же решительно, как при другой политической обстановке действовал противоположный бок» [166].

Единая сущность обоих течений как нельзя более отчетливо проявилась на X съезде в принятии платформы партии, доложенной Милоковым и полностью одобренной съездом. Как писала по этому поводу 17 октября «Речь», «представители разных течений уже раньше сталкивались, и в докладах В. Д. Набокова и П. Н. Милокова были ясно намечены те пункты соглашения, на которых сошлись все члены ЦК».

Платформа эта содержала шесть пунктов, ни в чем, по существу, не отличавшихся от тех требований, которые выставлялись кадетами ранее: «1) война в полном согласии с союзниками до успешного конца; 2) восстановление боеспособности армии путем установления дисциплинарной власти начальников и введения в надлежащие рамки функций армейских комитетов; 3) единство власти в смысле ее независимости от каких-либо частных партийных организаций; 4) сила власти, требующая применения в надлежащих случаях принудительного аппарата; 5) восстановление органов власти в провинции; 6) независимость суда как гарантия гражданских свобод» [445. 1917. 17 окт.].

Эта программа и составляла основу деятельности кадетских министров в третьем коалиционном правительстве. В новый кабинет от партии «народной свободы» вошли Н. М. Кишкин как министр государственного призрения и А. В. Карташев, сохранивший за собой портфель обер-прокурора синода, А. И. Коновалов, вновь занявший пост министра торговли и промышленности и ставший к тому же заместителем министра-председателя. С. А. Смирнов — государственный контролер и С. Н. Третьяков — председатель Экономического совета получили места в правительстве как представители торгово-промышленных кругов. Между тем Коновалов, как отмечалось выше, вступил в 1917 г. в кадетскую партию и был введен в состав ее ЦК. Членом партии «народной свободы» являлся также Смирнов. Что касается Третьякова, то он, как «примыкающий» к кадетам, полностью разделял их позиции и, как уже упоминалось, был избран в Московскую городскую думу именно по кадетскому списку.

Американский историк А. Рибер комментирует включение московских капиталистов в состав третьей коалиции весьма иронически. «Трудно с уверенностью сказать, — пишет он, — что или кого они представляли к этому времени. . . однако наверняка это был не российский „торгово-промышленный класс“ и тем более не буржуазия. Вряд ли они представляли кого-либо, кроме самих себя» [519. Р. 411].

Между тем, как известно, в связи с приглашением Коновалова, Третьякова и Смирнова в состав нового кабинета в Москве было созвано специальное расширенное заседание, чтобы получить от московской торговли и промышленности «особые полномочия представлять в будущей правительственной комбинации купеческую Москву». Полномочия эти

были охотно даны [216. С. 343]. В официальных заявлениях Временного правительства вошедшие в него кадеты и торгово-промышленники именовались представителями «цензовых элементов», т. е. имущих классов России. Какие могут быть сомнения в том, что они представляли силы буржуазно-помещичьей контрреволюции, политическим вождем которой являлась кадетская партия?

Эта группа дополнялась мистристом иностранных дел М. И. Терещенко. По словам Милюкова, Терещенко после разгрома корниловщины «обнаруживал полное разочарование демократическими организациями» и «петерпеливо рвался в борьбу с ними» [312. Вып. 3. С. 67]. Набоков также подчеркивает, что «Терещенко демонстративно порвал с социалистами, вспылал ненавистью к ним и „переменил фронт“» [322. С. 46].

В воспоминаниях Бьюкенена излагается содержание письма Терещенко Керенскому с прошением об отставке в момент правительственного кризиса в сентябре 1917 г. «Контрреволюция, хотя и не непременно монархическая, — говорилось в этом письме, — представляет единственную надежду спасти государство от развала». Кадеты, сообщает Бьюкенен, ознакомившись с этим письмом, «заявили, что не войдут в правительство, если он уйдет из него» [217. С. 134—135].

«Тесно сблизившийся между собой кружок этих людей, — писал Милюков, — искал и нашел поддержку в Центральном комитете партии народной свободы, которая делегировала для постоянных сношений с этим кружком министров своих членов Набокова, Аджемова и вернувшихся после отлучки П. Н. Милюкова и М. М. Винавера» [312. Вып. 3. С. 77].

Как свидетельствует Винавер, в дружном сообществе ядра третьего коалиционного кабинета и кадетского руководства вырабатывался правительственный курс по основным проблемам внутренней и внешней политики [440. 1921. 6 нояб.].

Казалось бы, с созданием третьей коалиции позиции кадетов в деле государственного управления укрепились. Однако большевистский «Рабочий путь» уверенно предрекал: «Не прочна их „победа“ и мимолетно их торжество, ибо они строят свои планы без хозяина, без народа». «Кадеты уходили и приходили, — писала та же газета два дня спустя, — кадеты опять пришли. Задача революционных классов в том, чтобы их и их политических союзников бесповоротно „уйти“!» [444. 7 и 9 окт.].

В последний период существования Временного правительства развал российской экономики неуклонно усиливался. Произошел резкий скачок в падении производства, с колоссальной быстротой разваливалась работа железнодорожного транспорта, чрезвычайно ухудшилось финансовое положение страны. Общая разруха сказалась на обострении продовольственного кризиса. Создалось катастрофическое положение с продовольствием на фронте, над городами нависла угроза голода [См.: 273. С. 231—233]. «России грозит неминуемая катастрофа», — указывал В. И. Ленин в сентябре 1917 г. в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» [1. Т. 34. С. 155].

Одним из существенных факторов неуклонного усиления разрухи в промышленности был отчаянный саботаж предпринимателей. Свертывание и дезорганизация промышленного производства, широкое применение

ние локаутов являлись, по существу, политической акцией всего класса капиталистов против главной ведущей силы революции — рабочего класса, больше всего страдавшего от экономической разрухи [См.: 327. Т. 2. С. 18—19].

«Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, — подчеркивал В. И. Ленин, — надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма» и облегчит «восстановление всевластия буржуазии и помещиков» [1. Т. 34. С. 155].

Вся политика буржуазного Временного правительства, действовавшего в тесном контакте с кадетским ЦК, была направлена на удушение революции средствами экономического давления. Соблюдая интересы буржуазии, Временное правительство фактически отказалось от хлебной монополии, все больше привлекая к заготовке хлеба банки и торговые фирмы. В конце августа были удвоены твердые цены на хлеб. При поддержке правительства буржуазия получала широкую возможность наступления против революции в важнейшей области экономики. Отчаянный саботаж помещиков и кулаков во главе с банками привел к тому, что при относительно благополучном урожае 1917 г. заготовка хлеба в августе—октябре составляла лишь 33,5 % от установленного задания [327. Т. 2. С. 9—10].

Что касается предпринимательского саботажа в области промышленности, то Временное правительство практически ничего не сделало для его предотвращения и пресечения. Более того, вся промышленная политика третьего коалиционного кабинета, постоянная сдача позиций монополистической буржуазии объективно благоприятствовали еще большему разгулу саботажников.

Экономическая программа Временного правительства последнего состава была изложена в декларации от 26 сентября. История появления и содержания декларации подробно исследована П. В. Волобуевым, который показал, что решающую роль в ее выработке сыграли кадетские лидеры и московские торгово-промышленные тузы [232. С. 83—85]. Содержание декларации по существу почти целиком совпадало с кадетской финансово-экономической программой. Дополнения к этой программе, принятые по докладу А. И. Шингарева на X съезде кадетской партии, не намечали никаких практических мер, направленных на борьбу с грозившей катастрофой. Они ограничились лишь общими положениями о развитии производительных сил страны, о развитии источников дешевой энергии и переработки отечественного сырья внутри страны и др. [444. 1917. 18 окт.].

В последние месяцы перед Октябрьской революцией сознание нарастающей угрозы осуществления в России пролетарской диктатуры заставило буржуазию теснее, чем когда-либо раньше, сплотить свои ряды. В докладе Милюкова на X съезде в качестве основной задачи выдвигалось объединение вокруг кадетской партии «здоровых политических элементов» и «все увеличивающихся в числе общественных групп» [445. 15 окт.]. В свою очередь крупные промышленники-капиталисты также стремились к объединению с кадетами, и многие из них, выступая на политической арене в качестве представителей торгово-промышленных

кругов, в действительности являлись членами партии «народной свободы» или, не принадлежа к кадетам формально, близко примыкали к их платформе и служили проводниками политического курса, разработанного совместными усилиями кадетских идеологов и промышленных магнатов.

Эта тесная консолидация обнаружилась особенно явно во время второго совещания общественных деятелей, открывшегося 12 октября в Москве. В качестве «первой и основной задачи» участники совещания выдвигали задачу «увеличить организованность тех элементов, которые объединяются в совещании, обратить тот зародыш, который существует теперь, в густую сеть, покрывающую всю страну» [450. 1917. 1 окт.]. В. В. Комин обратил внимание на поразительное сходство постановлений, принятых X съездом кадетской партии и вторым совещанием общественных деятелей [287. С. 477]. Видимо, как и на первом таком совещании, авторство текста постановления принадлежало кадетскому руководству.

Курс на объединение и организацию контрреволюционных сил продолжался и укреплялся кадетской партией и в так называемом предпарламенте (или, как он был официально назван, Временном совете республики *). Причины и цели образования этого учреждения широко исследованы в нашей литературе. Тем не менее представляется целесообразным привести их весьма примитивное, но зато вполне откровенное изложение в мемуарах В. А. Оболенского. «Соображения, вызвавшие его (предпарламент. — *Н. Д.*) к жизни, — пишет мемуарист, — были следующие: Комиссия, выработывавшая закон о выборах в Учредительное собрание, тонула в бесконечном множестве поправок (добавим, что топили ее, как было показано выше, именно кадеты. — *Н. Д.*)... Выборы задерживались. Между тем правительство чувствовало себя непрочным. Большевики заметно усиливались, и было ясно, что на предстоящих пере выборах Петербургского Совета они сделаются в нем, а затем и во Всероссийском Совете господами положения. При таких обстоятельствах в правительстве возникла мысль противопоставить Советам до созыва запоздавшего Учредительного собрания какой-либо суррогат народного представительства. Этот суррогат и был создан в виде предпарламента» [137. С. 776].

Добавим, кстати, что подобный «суррогат» устраивал партию «народной свободы» значительно более, нежели Учредительное собрание. Как заявлял впоследствии В. А. Маклаков, Учредительное собрание, избранное «по четыреххвостке», неизбежно должно было «утопить небольшое культурное русское меньшинство» в море «темных людей». Когда же в предпарламенте «вместо выборов прибегали к представительству бытовых группировок по назначению», то «все признавали тогда, что лучших по составу собраний (с точки зрения буржуазии. — *Н. Д.*) выборы дать не могли бы» [302. С. 82].

На расходы, связанные с этим, по определению самих же кадетов,

* В начале сентября Россия была провозглашена республикой. Как ехидно замечает Гессен в своих мемуарах, Керенский несколько раз, оговорившись, называл предпарламент «Советом временной республики» [238. С. 374]. В просторечии это учреждение презрительно именовалось «предбанником» [216. С. 345].

«неуклюжим учреждением», «новой говорильней» [137. С. 773], Временное правительство «особым сверхсметным кредитом» отпустило до 475 тыс. руб. Суточное вознаграждение каждого члена Совета республики составляло 15 руб. в день, и каждому, кроме того, было выдано по 100 руб. единовременно [445. 1917. 4 окт.]. «Непроизводительных расходов», по словам И. В. Гессена [238. С. 374], потребовало также приспособление для нужд Совета республики Маринского дворца. По этому поводу «Речь» 4 октября заявляла, что «выполне удобным помещением» для предпарламента был бы Смольный институт, «в котором засел Совет р[абочих] д[епутатов]», и рекомендовала правительству «предложить Совету очистить место» для предпарламента.

Разработку положения о предпарламенте Временное правительство поручило своему юридическому совещанию — «быстро спевшейся коллегии» кадетских юристов (так характеризовал его один из его членов Б. Э. Нольде) [325. С. 12]. Таким образом, дело создания предпарламента было отдано на откуп кадетам, приложившим все старания к тому, чтобы превратить его в надежное орудие в руках буржуазии. Как признавали сами кадетские деятели, предпарламент создавался ради совершенно определенной цели — «укрепления Временного правительства в его борьбе с большевизмом» [322. С. 79].

Автором проекта положения о предпарламенте являлся М. С. Аджемов. Характер его проекта лучше всего определяется тем фактом, что в качестве образца для него было взято «Учреждение государственной думы». Ведению предпарламента, согласно проекту Аджемова, подлежали «дела, вносимые на обсуждение Совета особыми постановлениями Временного правительства», причем заключения по этим делам «с приложением заявленных членами Совета особых мнений» должны были вновь представляться на окончательное рассмотрение правительства. По завершении всей этой сложной процедуры Временному правительству предоставлялось право, «отвергнув заключение большинства, согласиться с одним из особых мнений или поставить решение, отличное от всех имевших место в Совете соображений». Члены предпарламента могли обращаться к министрам за разъяснениями, касающимися предпринятых ими мер, но не непосредственно, а путем письменного заявления на имя председателя предпарламента, «по распоряжению коего копия заявления сообщается надлежащему министру». Все эти бюрократические препоны и рогатки должны были обеспечить, как откровенно писал Аджемов, «недопущение словесных интерпеляций, а равно вопросов, имеющих исключительно демонстративный... характер, предъявление которых со стороны некоторых партий (напр., большевиков) следует считать возможным» [354. С. 54].

Юридическое совещание в основном одобрило проект Аджемова и поручило его дальнейшую разработку председателю совещания кадету Н. И. Лазаревскому (заменившему на этом посту Ф. Ф. Кокوشкина), предложив ему еще более подчеркнуть совещательное значение предпарламента и «начало назначения, а не избрания его членов» (как мы видели выше, этот момент представлялся кадетам особенно важным). Впоследствии даже фельетонысты «Речи» острили, что «предпарламент у нас не выбранный, а „подобранный“» [445. 1917. 20 окт.]. «Вся суть пред-

парламента, — писал В. И. Ленин, — бонапартистский *подлог*», его состав «*подтасовали, фальсифицировали*» [1. Т. 34. С. 260].

Проект Аджемова—Лазаревского послужил основой опубликованного 3 октября положения о Временном Совете республики. В окончательном виде положение еще более урезывало права предпарламента. Так, «законодательные предположения» и вопросы должны были предъявляться за подписью не менее 30 его членов и передаваться правительству лишь в случае одобрения большинством [354. С. 55].

Как видим, хитроумно изобретая «суррогат народного представительства», кадеты заботились прежде всего о том, чтобы предпарламент не мог иметь решительно никакого влияния на политический курс буржуазного кабинета министров. Совет республики не обладал даже в полной мере правами законосовещательного органа, поскольку правительство не обязывалось передавать на его обсуждение свои законопроекты.

Объяснялось это тем, что подавляющее большинство в предпарламенте должно было принадлежать представителям демократических организаций, а самое главное — обладателями немалого числа мандатов (58) становились большевики. Буржуазные круги, и в частности кадеты, прилагали энергичные усилия к тому, чтобы всеми правдами и неправдами расширить представительство в Совете республики так называемых ценовых организаций.

Первоначально было установлено, что от этих организаций в него войдут 120 представителей, однако затем в правительство стали поступать многочисленные заявления с просьбами о предоставлении (или увеличении) мест в предпарламенте. Заявления эти исходили исключительно от буржуазных, помещичьих, офицерских или религиозных группировок. Контрреволюционные силы скоропалительно создавали различные искусственные «общества», «союзы», «группы» и т. д., чтобы добиться как можно большего числа мандатов. В воспоминаниях И. В. Гессена описывается, как был поднят вопрос о делегировании в предпарламент представителей Всероссийского общества редакторов. Хотя из недр самого общества раздавались возражения против этого, поскольку печать и так «ежедневно подает свой голос» и «общего взгляда мы (редакторы. — Н. Д.) не имеем», однако ему было все же отведено место в предпарламенте, и таким образом сам Гессен, активнейший кадетский деятель, получил депутатский мандат [238. С. 374].

В результате подобных ухищрений вместо намечавшихся первоначально 120 мест в Совете республики «цензовики» получили 167 мандатов. Хотя непосредственно кадетская партия получила 56 мандатов *, а осталь-

* От партии «народной свободы» в Совет республики вошли: М. С. Аджемов, А. М. Александров, В. Н. Бочкарев, Н. Д. Брюхатов, А. В. Васильев, Л. А. Веляхов, М. М. Винавер, Н. К. Волков, С. В. Востротин, П. В. Герасимов, В. М. Гессен, Н. Н. Глебов, Д. Д. Гримм, П. П. Гропский, И. П. Демидов, А. К. Дживелегов, А. А. Добровольский, И. Т. Евсеев, Б. Е. Эльяшев, Е. М. Енцип, К. Я. Загорский, С. В. Иванов, Я. К. Имшененкий, М. Д. Калугин, А. А. Кауфман, Н. Н. Ковалевский, Ф. Ф. Кокошкин, В. А. Косинский, С. А. Левицкий, М. Л. Мандельштам, П. П. Милоков, Н. А. Морозов, В. Д. Набоков, М. М. Новиков, Б. Э. Нольде, В. А. Оболенский, В. М. Овчинников, С. Ф. Ольденбург, Н. М. Панкеев,

ные 111 были распределены среди различных буржуазно-помещичьих организаций, однако, по неполным сводным данным, в числе членов предпарламента было 75 кадетов [354. С. 55].

В эти данные не входят, однако, группы представителей торговли и промышленности (34 человека), Совета общественных деятелей (15 человек) и несколько других буржуазных организаций, где также насчитывалось немало членов партии «народной свободы». К примеру, даже председателем торгово-промышленной фракции был кадет Н. Н. Кутлер.

В предпарламенте было создано 12 различных комиссий — по выработке мер для борьбы с анархией и контрреволюцией, по обороне, по иностранным делам, контрольно-финансовая, продовольственная, по национальным делам, по урегулированию народного хозяйства и труда, личного состава, распорядительная и др. [445. 1917. 15, 17 окт.]. Как вспоминал М. М. Винавер, «так было заведено», что в этих комиссиях, «следуя соотношению сил, выбирали председателем эсера (или представителя какой-либо другой соглашательской партии. — *Н. Д.*), а товарищем председателя кого-нибудь из кадетских лидеров» [440. 1921. 6 нояб.]. Так, в комиссии по борьбе с анархией товарищем председателя был Винавер, по обороне — Шингарев, по иностранным делам — Набоков, по урегулированию народного хозяйства и труда — Васильев, по национальным делам — Ольденбург, по распорядительным делам — Панкеев и т. д. [445. 1917. 15, 17 окт.].

Атмосфера в предпарламенте после ухода большевиков разительно напоминала о Государственной думе (которой, кстати, буржуазно-помещичьи круги решили пожертвовать в связи с открытием другой «говорильни» и в качестве подачки соглашателям). Даже пристав Думы со своими подручными перекочевал из Таврического в Мариинский дворец «для несения обязанностей по приставской части» [354. С. 57]. Гессен в своих мемуарах писал по этому поводу: «Я вновь очутился в обстановке политической кухни... второй Думы (членом III и IV дум Гессен не состоял. — *Н. Д.*). Поразительно было, что здесь ничего не изменилось, десять лет. да еще каких, не произвели существенных изменений, разве что все успело поблекнуть, слиться». В кадетской фракции, по словам Гессена, «солисты были все те же... и заседание идет неизменно в том же русле, что и десять лет назад, правые кадеты спорят с левыми, информаторы, гордящиеся своими связями, сообщают о намерениях и постановлениях соседних фракций и предлагают контрпланы, закрытой баллотировкой производятся различные выборы по заранее составленным спискам» [238. С. 374—375].

И цель предпарламента, по существу, совпадала с целью Государственной думы — предотвращение революции, только на этот раз социалистиче-

М. Ф. Подшибякин, Д. Д. Протопопов, Ф. И. Родичев, А. Н. фон Рутцен, К. Н. Соколов, В. А. Степанов, А. В. Тыркова, В. М. Устинов, З. Г. Френкель, В. А. Харламов, Н. Н. Черненко, К. К. Черносивов, М. И. Шефтель, А. И. Шингарев, Н. Н. Щепкин и П. П. Юренев. Председателем кадетской фракции был избран Милоков, товарищами председателя — Шингарев и Винавер. В Совет старейшин от кадетской партии вошли Милоков, Винавер, Родичев, Набоков [445. 1917. 5, 6 окт.].

ской. Недаром В. И. Ленин называл предпарламент «церетелевски-бульгиской думой» [1. Т. 34. С. 260]. В отличие от Думы кадетская партия заняла в предпарламенте крайний правый фланг. «За нами, — вспоминал М. М. Винавер, — повыше в углу, еще пять-шесть человек более древней формации, с Гурко во главе, — так называемые „общественные деятели“ — точно случайно оказавшиеся в живых мертвецы» [411. 1923. 29 окт.].

Поскольку первоначально предполагалось, что четыре места товарищей председателя Временного Совета республики будут предоставлены четырем наиболее крупным фракциям — эсерам, меньшевикам, большевикам и кадетам, партия «пародной свободы» усиленно добивалась выделения пятого места для торгово-промышленной группы [445. 1917. 6 окт.]. Так как большевики отказались участвовать в этом, по словам В. И. Ленина, поддельном парламенте, подтасованном для обмана народа [См.: 1. Т. 34. С. 342], было решено ограничиться тремя заместителями председателя, правого эсера Н. Д. Авксентьева, одним из которых стал кадет В. Д. Набоков.

На заседании Центрального комитета партии «пародной свободы» 4 октября была сформулирована «ближайшая тактическая задача» кадетов в предпарламенте: «образование блока партии к. д. с ближайшими умеренными элементами слева и справа» [106. Л. 2].

Правый блок осуществлялся успешно. В «цензовом» секторе кадеты играли центральную роль, и даже распределение мест этого сектора проходило в основном через кадетский ЦК [405а. Л. 1 об.]. Вечером 6 октября в клубе партии «народной свободы» состоялось совещание «несоциалистических групп», где присутствовали представители кадетской партии, торгово-промышленной и национальных групп и Союза земельных собственников. На совещании было принято решение образовывать под руководством кадетов особое информационное бюро для «контакта между всеми несоциалистическими группами» [445. 1917. 7 окт.].

9 октября состоялось совместное совещание казначей группы, земской группы и группы общественных деятелей, на котором было решено заключить блок для совместных действий с тем, чтобы дружными усилиями проводить своих ставленников — в том числе и кадетов — в комиссии предпарламента [445. 1917. 10 окт.].

Буржуазно-помещичий лагерь в составе предпарламента выступал единым фронтом во главе с кадетской партией.

Что касается «блока слева», то здесь кадеты, имевшие много сторонников в группе кооператоров, с полным основанием рассчитывали также на правых социалистов-оборонцев. В конце сентября 1917 г. В. И. Ленин констатировал, что правое крыло партий эсеров и меньшевиков «*ничем* серьезным не отличается от кадетов» [1. Т. 34. С. 250]. Впоследствии Милюков откровенно заявлял: «Социалисты потому и провалились в 1917 году, что говорили в сущности кадетские речи» [163].

По поручению ЦК партии «пародной свободы» Аджемов и Набоков вошли в контакт с Ф. И. Даном, А. Р. Гоцем и другими лидерами соглашателей, предложив им образовывать блок с кадетами для «создания атмосферы общественного доверия вокруг Временного правительства и поддержки его в борьбе с большевиками» [322. С. 79]. Эта цель в принципе устраи-

вала и соглашателей, которые видели задачу предпарламента в том, чтобы «ввести классовую борьбу в русло мирного и организационного разрешения конфликтов» [419. 23 сент.].

Основой блока кадетов с мелкобуржуазными партиями в предпарламенте явилось их общее стремление превратить его в противовес Советам, которые большевизировались с каждым днем. Правозсеровская «Воля народа» еще в момент организации Совета республики откровенно заявляла, что к нему должна немедленно перейти «та основная политическая роль, которую до сих пор играли центральные Советы» [402а. 24 сент.]. В этом отношении желания соглашателей и кадетов полностью совпадали. «Нельзя сомневаться в том, — подчеркивал, например, Аджемов, — что Совет республики и Советы депутатов противопоставлены друг другу» [445. 1917. 8 окт.].

Главная задача предпарламента состояла, по определению, данному в передовой статье кадетской «Речи» в день его открытия, в «безжалостной борьбе с анархией» (читай: с большевистской партией. — *Н. Д.*). «Буржуазия ведет гражданскую войну против пролетариата», — писала 6 октября большевистская газета «Рабочий путь».

Основное внимание кадетского руководства накануне Октябрьских событий было сконцентрировано на армии, на восстановлении дисциплины в воинских частях, на расширении кадетского влияния среди офицеров и солдатских масс. Необходимо было создать ту ударную военную силу, которая смогла бы обеспечить скорую и кровавую расправу с большевиками.

В соответствии с этим замыслом в кадетской партии был разработан целый ряд мероприятий, разных по характеру, но направленных к единой цели. «Одна из практических задач, которые наша партия поставила себе в Совете (республики. — *Н. Д.*), — пишет Набоков, — заключалась в том, чтобы добиться удаления ген. Верховского с поста военного министра» [322. С. 80].

А. И. Верховский, совсем еще молодой человек, был назначен на пост военного министра поспешно и неожиданно. Видя, что большая часть генералитета разделяет позицию Корнилова, а остальная часть выжидает, чья возьмет, Керенский, как за соломинку, схватился за малоизвестного генерала, на деле зарекомендовавшего себя убежденным противником Корнилова.

20 октября Верховский, выступая в предпарламенте, заявил, что Россия больше не в состоянии воевать, и выступил за реорганизацию армии и заключение мира.

У. Розенберг объясняет враждебность кадетских лидеров по отношению к Верховскому тем, что они не могли примириться с пребыванием на столь ответственном посту человека, «откровенно игнорирующего „честь“ России и интересы государства, как понимали их кадеты». По мнению Розенберга, кадеты боролись за удаление Верховского прежде всего потому, что тот «настаивал на решении внутренних проблем независимо от последствий, которое оно имело бы в условиях войны для союзников России» [523. Р. 258].

В работах советских историков Н. Ф. Славина, Н. Я. Иванова показано, что причины борьбы кадетов против военного министра заключались

в другом — в его резкой критике корниловщины, его близости к «демократии», в его планах реорганизации армии и требовании скорейшего окончания войны [352. С. 19; 259. С. 64]. На наш взгляд, можно еще определеннее квалифицировать старания кадетов удалить Верховского как важное звено в их общей борьбе за подчинение армии, за использование ее для подавления революции. Кадетские лидеры не могли допустить, чтобы руководство армией было отдано на откуп человеку, противопоставившему себя той генеральской верхушке, с которой они продолжали связывать свои надежды на военное усмирение революции. Верховский считал необходимым удаление из ставки генерала Алексева, близкого сподвижника кадетов, который даже числился в их партийном списке по выборам в Учредительное собрание [325. С. 5]. Новый военный министр настаивал на замене генералов и офицеров — приверженцев Корнилова другими людьми и еще до обсуждения его программы осуществлял конкретные действия в этом направлении. Как заявил Алексеев, выступая в предпарламенте, после разгрома корниловщины из армии были уволены свыше 10 тыс. офицеров [445. 1917. 11 окт.].

Поэтому программа Верховского была лишь зацепкой, предлогом, который позволил кадетам развернуть активные действия против военного министра. Представляется, что подтверждением этому служат три обстоятельства. Во-первых, как показал Н. Ф. Славин, выдвинутый Верховским проект перестройки армии не представлял собой какого-то «открытия», не содержал сколько-нибудь революционных предложений. К тому же к этим реорганизационным планам сам Верховский за месяц своего пребывания на посту военного министра охладел, так как влияние эсеров и меньшевиков, на которых он ориентировался, резко упало [352. С. 10; 221. С. 373; 222. С. 115].

Во-вторых, предложение Верховского начать мирные переговоры также не было для кадетского руководства в целом ни неожиданностью, ни столь уж серьезным криминалом. Как свидетельствует Набоков, еще в 20-х числах сентября, главным образом по инициативе Нольде и Аджемова, этот вопрос обсуждался на заседании кадетского ЦК, где Нольде сделал обширный доклад, сводившийся к тому, что «армия наша все в большей степени становится добычей большевизма» и что «нам нужно напрячь все силы для того, чтобы побудить союзников к мирным переговорам». Хотя в числе защитников этого предложения оказались лишь Аджемов, Винавер, Набоков и Добровольский, однако никакого возмущения оно не вызвало. ЦК постановил дожидаться возвращения Милюкова из Крыма и тогда «поставить во всем объеме вопрос о войне и о международной политике».

В сентябре состоялось и другое совещание по этому вопросу — на квартире у князя Г. Н. Трубецкого, где присутствовали три министра — Коновалов, Третьяков, Терещенко, товарищ министра иностранных дел Нератов, кадеты Маклаков, Нольде и Набоков, а также ряд буржуазных общественных деятелей: Родзянко, Савич, Стахович, Струве [322. С. 81—82].

Как свидетельствует Набоков, к Нольде, изложившему и здесь свою аргументацию, «с большим жаром и искренностью» присоединился Коновалов, заявивший, что «то правительство, которому удалось бы

дать России мир, приобрело бы огромную популярность и сделалось бы чрезвычайно сильным». Даже Маклаков «отчасти поддерживал Нольде» [322. С. 82]. Последний, в свою очередь, вспоминает, что на этом совещании «вопрос о продолжении войны был поставлен еще более решительно и резко», что Набоковым, Коноваловым и другими была «ясно и просто формулирована дилемма, к которой России прижали события, — разумный мир или пеминуемое торжество Ленина» [325. С. 11].

Итак, на наш взгляд, отставка Верховского, которой добивались и добились кадеты, связана не столько с его программой реорганизации армии и предложениями о мирных переговорах, сколько со стремлением кадетской партии вернуть в армию приверженцев Корнилова и сохранить на ключевых постах прокорниловский генералитет. Вспомним, что второе совещание общественных деятелей обратилось к Временному правительству с требованием «пересмотреть список уволенных офицеров армии и флота и использовать все боевые силы страны» [445. 1917. 15 окт.].

В резолюции совещания подчеркивалось, что «армия должна стоять вне партий и партийных влияний». А между тем в это время при кадетской партии продолжала активно действовать Военная комиссия. Выступая на X съезде партии, товарищ председателя Петроградского военного комитета проф. В. Г. Коренчевский заявил, что «партия к. д. нашла неизбежным развивать свою деятельность» в армии «в качестве противовеса» «разрушительным действиям» большевиков. В середине октября, если верить сообщению Коренчевского, на фронте и в тылу насчитывалось до 600 кадетских ячеек и фракций [445. 1917. 15 окт.]. Одновременно создавались добровольческие части земствами, городскими думами, различными буржуазными организациями, в которых первую скрипку играли местные кадеты [259. С. 64].

Все эти меры шли в едином русле с общим планом подготовки ударных боевых сил контрреволюции, осуществлявшимся ставкой [См.: 256. С. 278—294; 260. С. 214—232].

Важно подчеркнуть роль кадетского ЦК в организации военной подготовки подавления революции. Выше уже упоминалось о совещаниях министров-кадетов с членами Центрального комитета партии «народной свободы».

Милюков в своей неопубликованной рукописи конкретно определяет «заботу этих совещаний» — поддержание при посредстве А. И. Коновалова «воли к власти у Керенского и принятие военных мер» якобы «на случай большевистского восстания в Петрограде» [135. С. 55], а в действительности для подготавливаемой буржуазией расправы с партией большевиков. Кадетские установки определяли направление той кипучей деятельности по борьбе с революцией, которую развернули во Временном правительстве министры-кадеты, и прежде всего Коновалов, непрерывно заседавший в военных штабах, где разрабатывались планы разгрома большевиков. Не случайно именно на кадетских министров — Коновалова и Кишкина — была возложена организация вооруженного сопротивления большевикам 25 октября 1917 г.

Как видим, вполне конкретные действия, а не словопрения в парламенте составляли в то время основное содержание деятельности

кадетских руководителей — «корниловцев второго призыва» [1. Т. 34. С. 406]. «Для нас было ясно, — писал впоследствии В. А. Оболенский, — что никакая новая говорильня не может укрепить власть в такой момент, когда не общественное мнение, а одна только физическая сила приобретала решающее значение» [137. С. 774]. Но такой силы в руках кадетской партии не было.

Следует поддержать вывод Н. Г. Точеной о том, что динамику влияния кадетов среди населения в конце сентября—октябре 1917 г. нельзя представить в виде неуклонно снижающейся кривой. Как показали муниципальные выборы в ряде городов [368. С. 15], престиж партии «народной свободы» несколько поднялся за счет поддержавших ее обывателей, уstraшенных перспективой перехода власти в руки большевизировавшихся Советов. Этому во многом способствовала инспирировавшаяся кадетами и широко развернутая всей буржуазной печатью кампания всяческого запугивания, и прежде всего «пуганье гражданской войной» [1. Т. 34. С. 214]. Так, укреплялись связи партии «народной свободы» с мещанством, представитель которого в сентябре 1917 г. докладывал кадетскому руководству: «ЦК мещан удалось завязать сношения более чем с 300 городами. Наказ II мещанского съезда приблизился к программе к. д. Теперь мещанство усилилось и стоит на точке зрения к. д. Партии народной свободы надо рассчитывать на города и, может быть, мещане будут связывающим звеном» [93. Л. 5].

Кадетов активно поддерживали служащие высших категорий, организовывавшие в Москве, Петрограде и других городах в ответ на нараставшее в стране стачечное движение кампанию «контрзабастовок», явившихся прологом антисоветского саботажа в послеоктябрьский период [210. С. 233—234].

Однако для того, чтобы удержатъ власть, сокрушить Советы, нужны были, по словам В. И. Ленина, «хотя какие-нибудь массы», способные воевать за дело контрреволюции. «А таких масс, — подчеркивал вождь большевистской партии в сентябре 1917 г., — у буржуазии нет и взять ей их неоткуда» [1. Т. 34. С. 223].

Отношение к кадетам со стороны широких слоев трудящихся становилось все более и более враждебным. Когда в самый день вооруженного восстания в Петрограде Временное правительство просило прислать в столицу с фронта надежные войска, командующий Северным фронтом генерал В. А. Черемисов сообщил: «Сегодня вечером... назначили генерал-губернатором Петрограда Кишкина, принадлежность которого к кадетским партиям известна на фронте. Это назначение вызвало резкий перелом в войсковых частях не в пользу Временного правительства...» В другой телеграмме он заявил еще прямее: «Войска на сторону Кишкина не станут...» [342. Вып. 3. С. 257].

В 1917 г. народные массы отвернулись от кадетов решительно и бесповоротно. В конечном итоге это и определило неизбежный крах главной партии российской буржуазии, ее политики и тактики.

В книгах и статьях современных буржуазных историков изыскиваются самые разнообразные причины крушения партии «народной свободы». Утверждают, что она проиграла, поскольку образовалась позже социал-демократической [478. Р. 41; 536. Р. 85] и среди ее лидеров не было фигур, подобных Ленину или на худой конец Столыпину [538. Р. 224]. Вслед за кадетом Маклаковым [300] повторяют, что судьба русского либерализма была бы иной, если бы Государственная дума была созвана на 20 лет раньше — в 1890-е годы — и получила бы более широкие права [518. Р. 7] или если бы первая мировая война разразилась на одно-два десятилетия позже [479. Р. 152]. Рассуждают о том, что события могли бы принять другой оборот, если бы переход от самодержавия к конституционной монархии или республике совершался более постепенно и не в 1917 г., который был наихудшим моментом «для воплощения в жизнь кадетских идеалов» [524. Р. 148], и т. д.

В ответ на подобные гадания на кофейной гуще можно было бы посоветовать заглянуть в мемуары И. Гессена, который на склоне лет пришел к убеждению, что «какое бы из всех „если бы“ ни осуществилось своевременно, оно в лучшем случае могло бы задержать, завертеть на месте или, напротив, ускорить ход событий, но отнюдь не свернуть его круто с дороги» [238. С. 8].

Американский историк Т. фон Лауэ уверяет, что кадеты проиграли в 1917 г. — как раз тогда, «когда, казалось бы, настал их час», — прежде всего из-за широко распространенного в народе возмущения против любой формы гегемонии Запада; именно в этом ключе, по словам автора, воспринимались массами кадетские «призывы к подражанию британской, французской и американской свободе» [504. Р. 179].

Для фон Лауэ кажется очевидным вывод, что «русский народ был слишком невежественным и неопытным (и слишком склонным к анархии) для того, чтобы истинно демократическая и прогрессивная власть западного типа была возможной в России» [502. Р. 173]. Как тут не вспомнить жалобы на «несознательный», «неблагодарный» и даже «обезумевший» народ России кадетских эмигрантов П. Д. Долгорукова, В. А. Маклакова, Ф. И. Родичева, А. В. Карташева и др. Причину таких оценок объяснил в 1924 г. П. Н. Милюков. «Партии, говорившие от имени народа, — писал он в статье «Споры о русской революции», — потерпели поражение в октябре 1917 г., тогда как сам народ пошел за Лениным» [440. 1924. 17 фев.].

В итоговой для буржуазной историографии книге У. Розенберга «Либералы в русской революции», а также в его статье из «Очерков о русском либерализме» выдвигается новая точка зрения.

Хотя можно лишь делать предположения, пишет автор, изменился бы исход революции, будь кадетская партия другой по характеру, тем не менее главными причинами ее краха он считает разобщенность и недостаточную склонность к компромиссу с левыми течениями. Но протяжении всей своей монографии Розенберг уделяет особенное внимание позиции левого крыла партии «народной свободы», ратовавшего за сближение

с мелкобуржуазным лагерем и необходимость некоторых реформ, причем нередко преувеличивает реальное значение этого направления в кадетской среде. Если бы точка зрения левых кадетов восторжествовала в первые послефевральские месяцы, утверждает автор, если бы кадетский ЦК пошел на уступки «умеренным социалистам» и проявил большую готовность ответить на социальные требования трудящихся, это обеспечило бы Временному правительству неизмеримо более прочную поддержку в народных массах и, возможно, «умеренность» и либеральная демократия получила бы шанс выиграть [523. Р. 246, 472—473].

На наш взгляд, автор не учитывает различие интересов тех классов, выразителями которых являлись кадеты, с одной стороны, и социалистические партии — с другой. Он абстрагируется также от социально-психологического фактора, сыгравшего решающую роль в событиях 1917 г. Народные массы, совершившие февральский переворот, в обстановке непрерывно развивающегося революционного процесса и все усиливающегося влияния большевистской партии не могли удовлетвориться тем куцым подобием реформ, на которое готово было пойти левокадетское течение. А кадетская партия не могла стать на защиту социальных требований трудящихся, поскольку эти требования шли вразрез с интересами капиталистического строя, поборницей которого она являлась.

Партия российской буржуазии, отражавшая ее интересы и отстаивавшая ее нужды, не могла изменить своего классового лица. С особенной силой это выявилось в годы гражданской войны. Недвусмысленный ответ Розенбергу можно найти у одного из тех самых «левых» кадетов — поборников сотрудничества с эсеро-меньшевистским блоком, политический курс которых представляется американскому историку залогом успеха партии «народной свободы». Н. И. Астров осенью 1918 г. писал своему единомышленнику, тоже левому кадету П. П. Юреневу: «Не подлежит сомнению, что теперь, когда кончилась война... в значительной мере должно измениться наше положение в отношении к социалистам... Наступило время поставить господам социалистам, организующим демократическое мнение, вопрос об отношении их к собственности и сказать им, что демократизм социалистический не совпадает с демократизмом кадетским» [480].

И если даже предположить, что кадеты оказались бы в выигрыше, согласись они на уступки эсеро-меньшевистскому блоку, то как тогда объяснить сокрушительное поражение самого этого блока, располагавшего к лету 1917 г. широкой опорой в массах?

Другой американский исследователь, Т. Эммонс, справедливо констатирует: «Ни политическая обстановка в стране в феврале 1917 г., ни состояние самой кадетской партии, ни ее традиции не соответствовали ее претензиям на роль главной политической силы в русской революции» [480. Р. 379]. Д. Циммерман в своих заключениях идет еще дальше. Гибель либерализма в России, пишет она, не была просто результатом политического поражения группы меньшинства в максимально стрессовой ситуации. Столкнувшись с революционной действительностью, либералы обнаружили несостоятельность своей теории и ответили на это, отбросивши и саму теорию, и питавшие ее идеи [541. Р. 19—20]. Эти выводы,

вполне совпадающие с точкой зрения советских историков, перечеркивают концепционные схемы, бытовавшие в буржуазной историографии прошлых десятилетий.

Победа социалистической революции, победа пролетариата, во главе которого шла партия большевиков, была обусловлена всем ходом классовой борьбы в России в 1917 г. Столь же закономерными явились крушение класса буржуазии и провал политического курса ее главной партии, направленного на сохранение и укрепление капиталистического строя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Небольшой хронологический отрезок 1914—1917 гг. является одним из наиболее значительных переломных периодов в истории нашей страны. Первая мировая война стала, по ленинскому определению, гигантским ускорителем революционного процесса в России. Годы войны были важным этапом не только в развитии революционно-демократического лагеря и его гегемона — рабочего класса, но и в эволюции либерально-монархического лагеря, в идейном и организационном сплочении буржуазии.

В эти годы ускоренно идет начавшаяся еще в предвоенный период подспудная консолидация «партии контрреволюционного либерализма» [1. Т. 22. С. 326], обнаруживается глубинное родство непролетарских идеологических течений, происходит постепенное сближение политических позиций различных помещичьих и буржуазных партий, намечаются организационные формы их межпартийных объединений.

Зарождается и крепнет тенденция превращения кадетской партии в главную партию буржуазии. Этому активно способствуют переход кадетов на позиции национал-либерализма, а также тактический курс, объединяющий их с другими отрядами буржуазно-либерального лагеря и в начале войны, и еще теснее в период военных поражений царизма.

Кадетская партия играла ведущую роль в возникших во время войны в России общественных организациях (в Союзе городов, в различного рода обществах), принимала близкое участие в деятельности Земского союза и созданных буржуазией военно-промышленных комитетов. Внедумская деятельность в период войны явилась важным этапом в организационном развитии кадетской партии, в выявлении и налаживании делового сотрудничества ее наиболее активных и действенных элементов. Большое значение имело также существенно упрочившееся в годы войны положение кадетов в городских думах и других муниципальных органах.

Эти факторы способствовали известному расширению влияния партии «народной свободы» в городских средних слоях, среди буржуазной интеллигенции и, что особенно важно, ее сплочению с крупной буржуазией, прежде всего московской.

Лидирующие позиции занимала кадетская партия и в межпартийном объединении в Государственной думе — Прогрессивном блоке, что обеспечило ей главенствующее положение в созданном в момент Февральской революции буржуазном Временном правительстве, а в дальнейшем — роль политического и идеологического руководителя буржуазно-помещичьей контрреволюции.

В период войны явственно обнаружилась и слабость кадетской партии, обусловленная ее политической позицией. Пассивно-выжидатель-

ная тактика, постоянная готовность к компромиссу, стремление добиться уступок со стороны самодержавия лишь путем мирного давления общественных сил — такова была позиция кадетов накануне Февральской революции. До последних минут существования царизма их не покидала надежда на соглашение с монархической властью об участии оппозиции в делах государственного управления в период войны, а после ее окончания — и о более кардинальном разделе власти.

Подобные цели и формы политической борьбы — а это была отнюдь не видимая, но вполне реальная борьба — не являлись результатом субъективных умыслов, заблуждений или ошибок кадетского руководства. Они определялись объективно-историческим положением того класса, интересы которого выражала партия «народной свободы».

В. И. Ленин подчеркивал, что начиная с конца XVIII до конца XIX в. в ряде передовых стран Запада главным классом, который шел по поднимающейся вверх линии и был единственным, кто мог выступать «с подавляющей силой» против феодально-абсолютистских учреждений, являлась буржуазия [См.: 1. Т. 26. С. 144]. В ту эпоху ее борьба носила прогрессивный характер, отличалась напором и решительностью. В конце XIX—начале XX в. наступила другая эпоха, поставившая буржуазию в совсем иное положение. Из поднимающегося передового класса она стала опускающимся, реакционным. В центре новой эпохи, определял главное ее содержание, главное направление развития, стоял уже другой класс — пролетариат [См.: 1. Т. 26. С. 142, 145—146]. Особенно мощную силу представлял он в России, где его авангардом являлась марксистская партия нового типа.

Значит ли это, что российская буржуазия в лице либеральной оппозиции вообще отказалась от борьбы против самодержавно-бюрократического режима? Нет. Однако она вынуждена была действовать иными методами — гораздо более постепенными, более гибкими, более осторожными, чем буржуазная оппозиция в странах Запада. При этом преследовалась двоякая цель: добиваться подлинного конституционализма, гарантировавшего ей право на долю политической власти, но делать это так, чтобы ни в коем случае не допустить революционного взрыва, открывающего дорогу могучему сопернику — пролетариату.

Левые кадеты, подвергавшие критике этот тактический курс, не могли предложить никакой реальной альтернативы. В той объективной исторической обстановке ее, по нашему мнению, и не было.

После свержения самодержавия трудящимися массами позиция кадетов коренным образом изменилась. В период от Февраля к Октябрю их деятельность была активной и целеустремленной. Во всех своих аспектах она диктовалась стремлением воспрепятствовать развитию революции, покончить с двоевластием, отстоять и укрепить господство буржуазии.

Ядро органов буржуазной власти в провинции составили представители местных дум вкупе с участниками действовавших в годы войны общественных организаций. Их налаженный аппарат позволил в короткие сроки образовать сеть комитетов общественных организаций. Эти комитеты пытались подчинить себе создаваемые по всей стране революционным творчеством масс Советы рабочих, солдатских, крестьянских

депутатов, а когда это не удалось, вступили в упорную борьбу с ними. Впоследствии в годы гражданской войны именно те кадетские деятели, которые руководили работой общественных организаций, а затем органами буржуазной власти на местах, возглавили контрреволюционные белогвардейские организации, в первую очередь Национальный центр и его местные отделения.

Февральский переворот продвинул политическое развитие России значительно дальше программных требований всех помещичьих и буржуазных партий. Тем самым различия между ними сгладились, а борьба против общего врага — революционного рабочего класса, руководимого большевистской партией, стала мощным катализатором для их сплочения вокруг кадетов. Можно с полным основанием сказать, что превращение после Февраля кадетов в «главную партию капиталистов», в «правящую и правительственную партию буржуазии» [1. Т. 34. С. 58] означало собой фактическое оформление той единой политической организации контрреволюционной буржуазии, создание которой предсказывал В. И. Ленин еще в 1913 г.

(Кадетская партия, упорно и настойчиво борющаяся за власть своего класса, была последовательным и опасным врагом большевистской партии.) Эта основная направленность политики кадетов определила их стремление к созданию широкого антибольшевистского фронта. По мере нарастания в стране социалистической революции активно осуществлялось единение кадетов с торгово-промышленными кругами, с правыми помещичьими организациями, с черносотенцами. Эта тенденция также своими корнями уходила в период IV Думы, когда, как проициательно отмечал В. И. Ленин, совершился «величайший партийный сдвиг» — «черные», которые видели в кадетях «главного врага», ходом событий были приведены к взаимодействию с ними [1. Т. 22. С. 337]. Втайне происходило сближение кадетского руководства с реакционным офицерством, с генеральской верхушкой.

Организуя репрессии против большевиков, борясь с влиянием Советов путем давления на лидеров соглашательских партий в рамках правительственной коалиции, кадеты в то же время взяли курс на установление в стране контрреволюционной военной диктатуры. Активное участие кадетов в подготовке корниловского мятежа еще более подорвало их и без того невысокий престиж в глазах народных масс.

Современная буржуазная историография, отрицающая историческую закономерность установления в России диктатуры пролетариата и завоевания власти большевиками, пытается отыскать всевозможные «специфические» причины банкротства других политических партий в России, в том числе и кадетской. Между тем подлинная причина поражения кадетов заключалась в том, что их программа, предназначенная для конституционно-демократической монархии, не могла найти отклика в бурлящей революционной России 1917 г. Буржуазные реформы, предлагавшиеся кадетской партией, еще не осуществившись, стали уже «вчерашним днем» для страны, где неудержимо развивался революционный процесс.

В обстановке непрерывно растущего классового самосознания масс кадетская партия не могла достичь успеха, действуя подобно

сильным буржуазным партиям Запада, долгие годы находящимся у власти и выработавшим изощренную тактику обмана грядущих демагогическими посулами и широкообещательными обещаниями. Использовать этот опыт кадетам не удалось потому, что их антинародному политическому курсу противостояла политика большевистской партии, отвечавшая пущам и чаяниям широких трудящихся масс в решении коренных проблем революции, и прежде всего вопросов о мире и о земле. Большевики четко выполнили задачу, поставленную В. И. Лениным еще в 1907 г.: они беспощадно разоблачали контрреволюционную деятельность кадетской партии, противопоставляя ее «лидерно-демократической фразеологии» «последовательный демократизм пролетариата» [1. Т. 15. С. 28].

Бурные события 1917 г. были суровой школой для народов нашей страны. На крутом изломе истории России резко обозначились, обнажились политические физиономии разных классов русского общества и представлявших их партий. В частности, как никогда раньше, отчетливо определилось лицо так называемой партии народной свободы.

Превратившись после свержения самодержавия в правительственную партию и взяв на себя защиту интересов буржуазно-помещичьего лагеря, кадеты неизбежно должны были отказаться от тех либеральных принципов, которыми определялось их программное и идеологическое кредо. В феврале—октябре 1917 г. они пытались делать это тайком, при видимости сохранения прежних лозунгов, позже, в годы гражданской войны, откровенно сбросили либеральную личину, выступили с открытым забралом в качестве оллота буржуазно-помещичьей реакции.

Сбылось пророческое предсказание В. И. Ленина: «Настоящее, окончательное и массовое противопоставление пролетариата всем буржуазным партиям может произойти только тогда, когда история *своей* страны покажет пролетариату *весь облик* буржуазии, как класса, как политического целого» [1. Т. 19. С. 129]. Так и произошло в России после крушения царизма, когда пролетариат и трудящиеся крестьянство воочию, на собственном опыте смогли убедить в том, что политика кадетов, выражающая «самые сокровенные мысли денежного мешка и его глубочайшие интересы» [1. Т. 13. С. 400], оказалась лицемерием, «предательством действительных интересов прогресса и свободы» [1. Т. 20. С. 332].

Эволюция кадетской партии отнюдь не является исключительной особенностью российского опыта, как утверждает зарубежная реакционная историография. Даже некоторые буржуазные историки, хотя и с оговорками, признают справедливость марксистского положения о том, что либералы стоят за свои принципы, за демократические свободы лишь до тех пор, пока нет угрозы буржуазному господству: если же такая угроза появляется, свободы уступают место грубому насилию [См.: 250. С. 108].

Буржуазные историки отмечают, что либерализм активен в защите своих принципов, своей теории, лишь когда он выступает в роли оппозиции. Победивший либерализм теряет свое содержание. Современные зарубежные политологи выдвигают даже тезис о том, что практика капиталистических государств XX в., считающихся либеральными, не

имеет почти ничего общего с либеральной теорией. Этим объясняется, как заключает автор книги «Либерализм» французский профессор Ж. Бюрдо, чувство разочарования, которое принесла массам либеральная действительность [475]. Аналогичные явления происходили и в послефевральской России.

Другой ученый из Франции, почетный профессор Университета права, экономики и социальных наук в Париже А. Бримо в работе о современных либеральных доктринах также подчеркивает несостоятельность политики либерализма, когда он превращается из оппозиционной партии в правящую [472].

Английский политолог Э. Арбластер, автор книги «Взлет и падение западного либерализма», исследовав в историческом и критико-аналитическом плане историю либерализма, его философию и этику, его роль в современной ситуации, раскрывает противоречия между теорией и практикой либерализма, заложенные в самой его природе.

При характеристике антикоммунистической направленности либерализма Арбластер вспоминает период «холодной войны» конца 40—50-х годов нашего века. «Идеология „холодной войны“ захватила либералов с такой силой, — пишет он, — что они жертвовали ей самими ценностями либерализма. Свобода слова и мнений, терпимость и плюрализм оказались неприменимыми к коммунистам и ко всем тем, кто симпатизирует им. Даже репрессивные режимы оправдывались, если они были антикоммунистическими» [467. Р. 309]. Эти слова могли бы быть в полной мере отнесены к политике российских либералов в период Февральской и Октябрьской революций, в годы гражданской войны.

Перечисляя «грехи» либерализма (слепую приверженность частной собственности, буржуазный страх масс и т. п.), автор пишет в заключении: «Эволюцию либерализма я вижу так, как назвал свою книгу. В XVIII и начале XIX в. либералы боролись с жестокостью, нетерпимостью и беззаконием. . . Однако их энергия и идеалы истощились в ходе истории. Они превратились в трусливых консерваторов» [467. Р. 347].

Путь, пройденный российскими либералами, имел свою специфику, обусловленную прежде всего тем, что они действовали в период острых революционных катаклизмов. И все же этот путь закономерен и типичен для развития буржуазного либерализма в мировых масштабах. Раскрытие истинной сути его идеологических доктрин и политической практики имеет большую важность в условиях современного мира. Этим и определяется актуальность и научная значимость исследования избранной нами темы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 1.
3. Акционерно-паевые предприятия России. СПб., 1912.
4. Акционерно-паевые предприятия России. М., 1915.
5. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии: Сб. документов. Пермь, 1957.
6. Борьба за Советскую власть в Самарской губернии: Сб. документов. Куйбышев, 1957.
7. Буржуазия и помещики в 1917 г.: Частные совещания членов Государственной думы: Сб. документов. М.; Л., 1932.
8. Буржуазия накануне Февральской революции: Сб. документов. М.; Л., 1927.
9. Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. М., 1957. Т. 1.
10. Всероссийский союз городов: Состав главных и местных комитетов. М., 1916.
11. Главный комитет Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам: Личный состав Главного комитета и состоящих при нем учреждений. М., 1915.
12. Государственная Дума: Созыв III: Справочник. СПб., 1912.
13. Государственная Дума: Созыв IV: Справочник. СПб., 1913.
14. Государственная Дума: Четвертый созыв. Сессия 2: Стеногр. отчеты. Пг., 1916.
15. Государственная Дума: Четвертый созыв. Сессия 5: Стеногр. отчеты. Пг., 1917.
16. Государственное совещание: Стеногр. отчет. М.; Л., 1930.
17. Журнал заседаний Временного правительства. Пг., 1917.
18. За власть Советов: Хроника революционных событий в Костромской губернии. Кострома, 1967.
19. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны: Сб. документов. М.; Л., 1926.
20. Красный архив. 1925. Т. 1С.
21. Красный архив. 1927. Т. 21.
22. Красный архив. 1928. Т. 26.
23. Красный архив. 1932. Т. 50—51.
24. Красный архив. 1932. Т. 52.
25. Красный архив. 1932. Т. 54—55.
26. Красный архив. 1933. Т. 56.
27. Красный архив. 1933. Т. 59.
28. Личный состав учреждений Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам. Киев, 1915.
29. Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8—10 августа 1917 г. М., 1917.
30. Падение царского режима: В 6 т.: М.; Л., 1924—1926.
31. Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. М., 1918.
32. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане: Сб. документов. Алма-Ата, 1957.
33. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии. Калинин, 1960.
34. Программа конституционно-демократической партии. Пг., 1917.
35. Революционное движение в России в августе 1917 г.: Разгром корниловского мятежа: Документы и материалы. М., 1959.
36. Революционное движение в России в мае—июне 1917 г.: Июньская демонстрация: Документы и материалы. М., 1959.
37. Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М., 1957.
38. Революционное движение в 1917 г. и установление Советской власти в Молдавии: Документы и материалы. Кишинев, 1954.

39. Сборник материалов Комитета московских общественных организаций. М., 1917. Вып. 1.
40. Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917.
41. Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. 2-е изд.: В 6 вып. Пг., 1918.
42. «Союз русского народа»: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. / Сост. А. Черновский. М.: JL., 1929.
43. Третья Государственная Дума: Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 года—5 мая 1910. СПб., 1910.
44. Февральская революция в документах // Пролет. революция. 1927. № 1 (13).
45. Архив АН СССР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 403.
46. Архив АН СССР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 430.
47. Архив АН СССР. Ф. 208. Оп. 2. Д. 32.
48. Архив АН СССР. Ф. 208. Оп. 2. Д. 47.
49. Архив АН СССР. Ф. 208. Оп. 2. Д. 64а.
50. Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1261.
- 50а. Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 3. Д. 2044.
51. Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 4. Д. 137.
- 51а. Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 4. Д. 179.
52. Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 4. Д. 200.
53. Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 5. Д. 68.
54. Архив АН СССР. Ф. 624. Оп. 4. Д. 240.
55. Архив АН СССР. Ф. 624. Оп. 5. Д. 216.
56. Архив АН СССР. Ф. 648. Оп. 1. Д. 65.
57. Архив АН СССР. Ф. 648. Оп. 1. Д. 92.
58. Архив АН СССР. Ф. 648. Оп. 1. Д. 107.
59. РО ГБЛ. Ф. 225. П. 5. Д. 2а.
60. РО ГБЛ. Ф. 225. П. 5. Д. 2б.
61. РО ГБЛ. Ф. 225. П. 5. Д. 3а.
62. РО ГБЛ. Ф. 225. П. 5. Д. 8.
63. РО ГБЛ. Ф. 225. П. 5. Д. 8д.
64. РО ГБЛ. Ф. 225. П. 5. Д. 21а.
65. ЦГАОР СССР. Ф. 63. Агент. отд. Оп. 47. Д. 60.
66. ЦГАОР СССР. Ф. 63. Агент. отд. Оп. 47. Д. 511/1.
- 66а. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1911. Т. 4. Д. 395.
67. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1914. Д. 27.
68. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 20. Ч. 20.
69. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 30б.
70. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 32б.
- 70а. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 35б.
71. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 68.
72. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 167. Ч. 4б.
73. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 343^{3с}. Т. 2.
74. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 350.
75. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 27. Ч. 4б.
76. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 307. Т. 1, ч. 1. Л. А.
77. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 343^{3с}. Т. 1.
78. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 343^{3с}. Т. 3.
79. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 347. Т. 5.
80. ЦГАОР СССР. Ф. 102. ОО. 1917. Д. 343. Т. 3.
81. ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31.
82. ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32.
83. ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 2. Д. 25.
- 83а. ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 2. Д. 43.
84. ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 3. Д. 5.
85. ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 3. Д. 9.
86. ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 3. Д. 54б.
87. ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 3. Д. 565.
88. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 617.
89. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 692.
90. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 695.
91. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 735.
92. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 740.
93. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 774.
- 93а. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 775.
94. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854.
95. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854а.
96. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 855а.
97. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 87б.
- 97а. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 923.
98. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 934.
99. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 935.
100. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 961.

101. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1019.
102. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1036.
103. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1084.
104. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1094.
105. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1108.
- 105а. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1353.
106. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1354.
- 106а. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2309.
107. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4496.
- 107а. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4641.
108. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4654.
109. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6375.
110. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6661.
111. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 3. Д. 5.
112. ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 3. Д. 9.
113. ЦГАОР СССР. Ф. 629. Оп. 1. Д. 9.
114. ЦГАОР СССР. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18.
115. ЦГАОР СССР. Ф. 629. Оп. 1. Д. 19.
116. ЦГАОР СССР. Ф. 629. Оп. 1. Д. 20.
117. ЦГАОР СССР. Ф. 629. Оп. 1. Д. 69.
118. ЦГАОР СССР. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 9.
119. ЦГАОР СССР. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 200.
120. ЦГАОР СССР. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947.
121. Коллекция ЦГАОР СССР. Автобиография И. Н. Ефремова.
122. Коллекция ЦГАОР СССР. Автобиография В. А. Маклакова.
123. Коллекция ЦГАОР СССР. Автобиография И. Ф. Шильникова.
124. Коллекция ЦГАОР СССР. Автобиография П. П. Юренева.
125. Коллекция ЦГАОР СССР. *Астров Н. И.* Всероссийский союз городов и русская революция. Рукопись.
126. Коллекция ЦГАОР СССР. Биография Ф. И. Родичева, написанная его дочерью А. Ф. Родичевой.
127. Коллекция ЦГАОР СССР. Возражения П. Н. Милюкова на тезисы доклада М. М. Винавера на конференции партии народной свободы в Москве в мае 1918 г.
128. Коллекция ЦГАОР СССР. Выступление Н. И. Астрова 6 марта 1929 г.
129. Коллекция ЦГАОР СССР. Дневник Л. Н. Новосильцева.
130. Коллекция ЦГАОР СССР. Дневник В. А. Оболенского.
131. Коллекция ЦГАОР СССР. Доклад Ф. Ф. Кокошкина Московскому городскому комитету к.-д. партии о деятельности министров-кадетов во втором коалиционном правительстве.
132. Коллекция ЦГАОР СССР. Замечания Берлинской группы членов партии народной свободы на записку Парижского комитета.
133. Коллекция ЦГАОР СССР. *Керенский А. Ф.* Опыт Керенского: Россия 1917—Франция 1936. Рукопись.
134. Коллекция ЦГАОР СССР. *Маргулис М. С.* Год интервенции. Рукопись.
135. Коллекция ЦГАОР СССР. *Милюков П. Н.* Мартовская революция. Рукопись.
136. Коллекция ЦГАОР СССР. *Милюков П. Н.* При свете двух революций. Рукопись.
137. Коллекция ЦГАОР СССР. *Оболенский В. А.* Моя жизнь и мои современники. Т. 2. Рукопись.
138. Коллекция ЦГАОР СССР. Отчет литературно-издательской комиссии ЦК партии народной свободы.
139. Коллекция ЦГАОР СССР. Отчеты районных комитетов Московскому городскому комитету партии народной свободы.
140. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо Н. И. Астрова А. И. Деникину от 10 февр. 1920 г.
141. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо Н. И. Астрова А. И. Деникину от 22 нояб. 1921 г.
142. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо Н. И. Астрова А. И. Деникину от 7 янв. 1922 г.
143. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо Н. И. Астрова А. И. Деникину от 16 февр. 1922 г.
144. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо Н. И. Астрова А. И. Деникину от 15 февр. 1926 г.
145. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо Н. И. Астрова П. П. Юреневу от 27 дек. 1918 г.
146. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо В. М. Борель А. И. Деникину от 11 апр. 1923 г.
147. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо А. И. Деникина Н. И. Астрову от 3 янв. 1922 г.

148. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо Ф. Ф. Кокошкина И. И. Петрункевичу от 22 дек. 1916 г.
149. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо В. А. Маклакова М. М. Винаверу от 5 фев. 1924 г.
150. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо В. А. Маклакова М. М. Винаверу от 25 фев. 1924 г.
151. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо В. А. Маклакову от кадетов—членов Национального центра из Екатеринодара, составленное П. И. Новгородцевым, Февр. 1919 г.
152. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо П. Н. Милюкова И. И. Петрункевичу от 2 окт. 1919 г.
153. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо В. Д. Набокова М. М. Винаверу от 30 авг. 1919 г.
154. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо Л. Н. Новосильцева А. И. Деникину от 2 апр. 1922 г.
155. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо С. В. Паниной С. Ф. Ольденбургу от 29 июля 1917 г.
156. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо И. И. Петрункевича М. М. Винаверу от 2 марта 1922 г.
157. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо И. И. Петрункевича П. Н. Милюкову от 20 сент. 1915 г.
158. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо И. И. Петрункевича Ф. И. Родичеву от 30 марта 1922 г.
159. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо Ф. И. Родичева Н. И. Астрову от 21 янв. 1920 г.
160. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо С. Н. Ряснянского А. И. Деникину. (Б. д.).
161. Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо Н. В. Савича А. И. Деникину от 26 окт. 1921 г.
162. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол заседания Парижской демократической группы партии народной свободы 3 дек. 1920 г.
163. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол заседания Парижской демократической группы партии народной свободы 9 фев. 1921 г.
164. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол заседания Парижской демократической группы партии народной свободы 19 июля 1921 г.
165. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол заседания Парижской демократической группы партии народной свободы 20 окт. 1921 г.
166. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол заседания Парижского комитета партии народной свободы 5 фев. 1921 г.
167. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол заседания Парижского комитета партии народной свободы 17 фев. 1921 г.
168. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол заседания Парижского комитета партии народной свободы 10 марта 1921 г.
169. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол общего собрания Берлинской группы партии народной свободы 9 мая 1921 г.
170. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол совещания командующих фронтами и Временного правительства 4 мая 1917 г.
171. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол совещания членов ЦК партии народной свободы в Париже 23 мая 1921 г.
172. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол совещания членов ЦК партии народной свободы в Париже 31 мая 1921 г.
173. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол совещания членов ЦК партии народной свободы в Париже 2 июня 1921 г.
174. Коллекция ЦГАОР СССР. Протокол совещания членов ЦК партии народной свободы в Париже 21 июня 1921 г.
175. Коллекция ЦГАОР СССР. Сообщение Н. М. Кишкина Московскому городскому комитету к.-д. партии 31 авг. 1917 г.
176. ЦГИАМ. Ф. 367. Оп. 1. Д. 111.
177. ЦГИАМ. Ф. 367. Оп. 1. Д. 151.
178. ЦГИАМ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 13.
179. ЦГИАМ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 487.
180. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 4.
181. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 6.
182. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 7.
183. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 22.
184. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 37.
185. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 136.
186. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 137.
187. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 138.
188. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 139.
189. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 141.
190. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 147.
191. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 149.
192. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 150.
193. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 151.
- 193а. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 152.
194. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 153.
- 194а. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 154.
195. ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 155.

- 195а. ЦГИАМ. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 6.
196. *Аверех А. Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1986.
197. *Аверех А. Я.* Царизм и IV Дума, 1912—1914 гг. М., 1981.
198. *Антонов-Саратовский В. П.* Под стягом революционной борьбы. М.; Л., 1925.
199. Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18.
200. *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917 г. М., 1973.
201. *Астров Н. И.* Воспоминания. Париж, 1941.
202. *Ахун М., Петров В.* 1917 г. в Москве. М., 1937.
203. *Берги, лорд.* За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже, 1914—1919. М.; Л., 1927.
204. *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны // Ист. зап. 1965. Т. 75.
205. *Блок А.* Записные книжки, 1901—1920. М., 1965.
206. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 8.
207. *Блюменталь И. И.* Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии: Хроника событий: В 2 т. Самара, 1927.
208. *Борман А. А. В.* Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен; Вашингтон, 1964.
209. *Борман А.* Что такое аннексия и контрибуция. Пг., 1917.
210. Борьба за массы в трех революциях в России. М., 1981.
- 210а. *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. М., 1984.
211. *Булгаков С. Н.* Война и русское самосознание. М., 1915.
212. *Булдаков В. П.* Национальные программы правящих партий России в 1917 году // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980.
213. *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967.
214. *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.
215. *Бурский П. Д.* Армия свободной России. М., 1917.
216. *Бурыйшкин П. А.* Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954.
217. *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России: Воспоминания дипломата. Берлин, 1924.
218. *Васькин В. В., Герасименко Г. А.* Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976.
219. *Васюков В. С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966.
220. Великие дни российской революции 1917 г. Пг., 1917.
221. *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959.
222. *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. М., 1918.
223. *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. 4.
224. *В. И. Ленин* и история классов и политических партий в России. М., 1968.
225. *Винавер М. М.* Наше правительство: Крымские воспоминания, 1918—1919 гг. Париж, 1928.
226. *Винавер М. М.* Недавнее: Воспоминания и характеристики. Париж, 1926.
227. *Винавер М. М.* Тактика партии народной свободы. Пг., 1917.
228. *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932.
229. *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.
230. Война и Польша: Польский вопрос в русской и польской печати. М., 1915.
231. *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964.
232. *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
233. Вопросы войны и социализма. Пг., 1917.
234. Вопросы мировой войны. Пг., 1915.
235. Всероссийский земский союз: Обзор деятельности Главного комитета. М., 1915.
236. *Ганелин Р. Ш.* Россия и США, 1914—1917. М., 1969.
237. *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970.
238. *Гессен И. В.* В двух веках // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22.
239. *Гессен И. В.* Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979.
240. *Гиндин И. Ф.* Спорные вопросы истории финансового капитала в Рос-

- сии // Историк-марксист. 1929. № 12.
241. Грунт А. Я. Москва, 1917-й: Революция и контрреволюция. М., 1976.
242. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.
243. Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4.
244. Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 5 т. Париж; Берлин, 1921—1925.
245. Добровольский В. И. Почему я стою за партию народной свободы. Пг., 1917.
246. Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964.
247. Думова Н. Г. Из истории кадетской партии в 1917 году // Ист. зап. 1972. Т. 90.
248. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром, Октябрь 1917—1920 гг. М., 1982.
249. Думова Н. Г. Малоизвестные материалы по истории корниловщины // Вопр. истории. 1968. № 11.
250. Думова Н. Г. Новые тенденции в современной зарубежной историографии буржуазного либерализма в России // Новейшие исследования по истории России периода империализма в советской и зарубежной историографии. М., 1985.
251. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914—1917 гг. М., 1967.
252. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978.
253. Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год. Пг., [б. г.].
254. Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг., [б. г.].
255. Емец В. А. Очерки внешней политики России, 1914—1917. М., 1977.
256. Журавлев Г. И. К вопросу о втором контрреволюционном военном заговоре накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Ист. зап. 1956. Т. 56.
257. Загряцков М. Всероссийский земский союз // Земское дело. 1915. № 2/3.
258. Заславский Д., Иванович Ст. Кадеты и евреи. Пг., 1916.
259. Иванов Н. Я. Из истории борьбы против «второй корниловщины» // Вопр. истории. 1960. № 11.
260. Иванов П. Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977.
261. Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965.
262. Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.
263. Изгоев А. С. Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Берлин, 1925. Т. 10.
264. Изгоев А. С. Социалисты и крестьяне. Пг., 1917.
265. Иллерицкая Е. В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непротетарских партий в России. М., 1981.
266. Ильяшук Г. И. В. И. Ленин о политическом банкротстве меньшевизма. Минск, 1981.
267. Иоффе А. Е. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958.
268. Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
269. Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской историографии. М., 1970.
270. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1: Генеральная репетиция Великого Октября. М., 1985.
271. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2: Свержение самодержавия. М., 1986.
- 271а. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества. М., 1987.
272. История гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. 1.
273. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 3, кн. 1.
274. История рабочего класса СССР. Т. 3: Рабочий класс России, 1907—февраль 1917 г. М., 1982.
275. Как совершилась великая русская революция. М., 1917.
276. Каuffman А. О земле. Пг., 1917.
277. Керенский А. Ф. Дело Корнилова. М., 1918.
278. Керенский А. О революции 1917 года // Новый журнал. Нью-Йорк, 1947. Т. 16.
279. Кизеветтер А. Партия народной свободы и ее идеология. М., 1917.
280. Киреев Н. П. В. И. Ленин о реформизме кадетов в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.) // Партия в борьбе за по-

- беду пролетарской революции. М., 1975.
281. *Ковальченко И. Д., Селунская П. Б., Литваков В. М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.
 282. *Козловский Л.* Русская революция и независимость Польши. Париж, 1922.
 283. *Кокошкин Ф. Ф.* Учредительное собрание. Пг., 1917.
 284. *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы: Воспоминания и дневники. М., 1974.
 285. *Коломыцева Л. М.* Кадетская печать Сибири в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1975.
 286. *Коломыцева Л. М.* Кадеты Сибири и армия в 1917 году // Из истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 4.
 287. *Кожин В. В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
 288. *Корнилов А. А.* Партия народной свободы: Ист. очерк. Пг., 1917.
 289. *Коровин Е.* Внешняя политика обновленной России. М., 1917.
 290. *Котляревский С. А.* Война и демократия. Пг., 1917.
 291. *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1.
 292. Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. М., 1916.
 293. Кризис самодержавия в России, 1895—1917. М., 1984.
 294. Критика основных концепций буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983.
 295. *Кувшинов В. А.* Разоблачение партий большевиков идеологии и тактики кадетов. М., 1982.
 296. *Лаверьев В. Я.* Всероссийский союз торговли и промышленности // Ист. зап. 1961. Т. 70.
 297. *Лаверьев В. Я.* По ту сторону баррикад: Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
 - 297а. Ленин В. И. и Горький А. М.: Письма, воспоминания, документы. 3-е изд. М., 1969.
 298. *Лукашев А. В.* Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. // История СССР. 1963. № 5.
 299. *Луначарский А. В.* Статьи и речи. М., 1959.
 300. *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России: В 3 т. Париж, 1936.
 301. *Маклаков В. А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям В. М. Пурешкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. Париж, 1928. Т. 34.
 302. *Маклаков В. А.* 1905—1906 годы // М. М. Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937.
 303. *Маклаков В. А. Ф. И. Родичев и А. Р. Ледницкий* // Новый журнал. Нью-Йорк, 1947. Т. 16.
 304. *Мансырев С. П.* Мои воспоминания о Государственной думе // История и современник. Берлин, 1922. № 2.
 305. *Марушкин Б., Иоффе Г., Романовский Н.* Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977.
 306. *Мейерхольд В. Э.* Статьи, письма, речи, беседы. М., 1968. Ч. 1.
 307. *Мейснер Д. И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966.
 308. *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931.
 309. *Менилов В.* 1917 год на Киевщине. Киев, 1928.
 310. *Милоков П. Н.* Винавер как политик // М. М. Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937.
 311. *Милоков П. Н.* Воспоминания, 1859—1917. Нью-Йорк, 1956. Т. 2.
 312. *Милоков П. Н.* История второй русской революции. София, 1921—1923. Т. 1.
 313. *Милоков П. Н.* Нейтрализация Дарданелл и Босфора: Вопросы мировой войны. Пг., 1915.
 314. *Милоков П. Н.* Почему и зачем мы воюем? Ростов н/Д, 1917.
 315. *Милоков П. Н.* Россия в плену у Циммервальда. Пг., 1917.
 316. *Милоков П. Н.* Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Париж, 1927. Т. 1.
 317. *Милоков П. Н.* Сб. материалов по чествованию его семидесятилетия, 1859—1929. Париж, 1929.
 318. *Милоков П. Н.* Тактика фракции народной свободы во время войны // Четвертая Государственная

- дума: Фракция народной свободы: военные сессии, 26 июля 1914—3 сентября 1915 г. Пг., 1916.
319. *Минц И. И.* История Великого Октября: В 3 т. М., 1977—1979.
 320. *Минц И. И.* Метаморфозы масонской легенды // История СССР. 1980. № 4.
 321. *Мосина И. Г.* Формирование буржуазии Сибири в политическую силу. Томск, 1978.
 322. *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1.
 323. Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984.
 324. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1917.
 - 324а. Новейшие исследования по истории России периода империализма в советской и зарубежной историографии. М., 1985.
 325. *Нольде Б. Э.* Набоков в 1917 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7.
 326. *Нольде Б. Э.* Далекое и близкое. Париж, 1930.
 327. Октябрьское вооруженное восстание: Семнадцатый год в Петрограде: В 2 т. Л., 1967.
 328. *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России, 1765—1917. М., 1963.
 329. Очерки истории большевистской организации на Урале. Свердловск, 1951. Ч. 1.
 330. *Палеолог М.* Царская Россия во время первой мировой войны. М.; Пг., 1923.
 331. *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. М., 1964.
 332. *Погребинский А. П.* Военно-промышленные комитеты // Ист. зап. 1941. Т. 11.
 333. *Погребинский А. П.* К истории союзов земств и городов // Ист. зап. 1941. Т. 12.
 334. *Погребинский А. П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны // Ист. зап. Т. 31. С. 950.
 335. *Покровский М. Н.* Империалистская война. М., 1934.
 336. *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М.; Л., 1927.
 337. *Полкарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России. М., 1976.
 338. *Полмер Т. И.* Жизненный путь кн. Г. Е. Львова. Париж, 1932.
 339. *Пуришкевич В.* Дневник. Рига, [б. г.].
 340. *Пушкарева И. М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982.
 341. *Раггаузер Я. А.* Революция и гражданская война в Баку. Баку, 1927. Т. 1.
 342. *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7.
 343. *Родзянко М. В.* Из воспоминаний // Былое. 1923. № 21.
 344. *Родзянко М. В.* Крушение русской империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17.
 345. *Рубан Н. В.* Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1966.
 346. *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1946.
 347. *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика керенщины // Очерки по истории Октябрьской революции. М., 1927. Ч. 2.
 348. *Сабашников М. В.* Воспоминания. М., 1983.
 - 348а. Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX—начале XX в. М., 1982.
 349. *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за народный контроль, Март—июль 1917 г. М., 1971.
 350. *Серафимов Б. С.* Немцы в Константинополе. Пг., 1917.
 351. *Славин Н. Ф.* Из истории июльского политического кризиса 1917 г. // История СССР. 1957. № 2
 352. *Славин Н. Ф.* Из истории кризиса верхов накануне Октябрьской революции // История СССР. 1965. № 11.
 353. *Славин Н. Ф.* Из истории политической подготовки корниловщины // Тр. Петрозав. гос. ун-та. 1957. Т. 7.
 354. *Славин Н. Ф.* Сентябрьский кризис и образование Временного Совета республики // Ист. зап. 1957. Т. 61.
 355. *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975.
 356. *Смирнов С. А.* Павел Николаевич Милюков // Милюков П. Н.: Сб. материалов по чествованию его семидесятилетия, 1859—1929. Париж, 1929.

- 356а) Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. М., 1979.
357. Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 13.
358. Соловьев О. Ф. Обреченный альянс: заговор империалистов против народов России, 1914—1917 гг. М., 1986.
359. Спириин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.
360. Спириин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977.
361. Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.
362. Старцев В. И. Крах керенщины. Л., 1982.
363. Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978.
364. Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1974.
365. Струве П. Б. Великая Россия // Рус. мысль. 1908. № 1.
366. Суханов Н. Записки о революции: В 7 кн.: Берлин, 1922.
367. Сысоев П. С. Из истории борьбы за установление Советской власти в Астрахани. Астрахань, 1957.
368. Точеная Н. Г. Банкротство кадетской контрреволюции в Поволжье (март 1917—май 1918 г.): Автореф. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1986.
369. Тютюкин С. В. Война, мир, революция. М., 1972.
370. Тютюкин С. В. Оппозиция его величества // В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970.
371. Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.
372. Фугорянский Л. И. Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, Март—октябрь 1917 г. Оренбург, 1972.
373. Хрущов А. Андрей Иванович Шингарев. М., 1918.
374. Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Гаага, 1963. Т. 1.
375. Перцвадзе М. В. Революционное движение в Грузии в 1914—1917 гг. Тбилиси, 1960. Ч. 2.
376. Чаадаева О. Корниловщина. М., 1930.
377. Чаадаева О. Помещики и их организации в 1917 г. М.; Л., 1928.
378. Черменский Е. Д. История СССР: Период империализма. М., 1965.
379. Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.
380. Чернов В. Советы в нашей революции // Год русской революции. М., 1918.
381. Чешихин В. Е. Чего хочет партия народной свободы: Общедоступное изложение программы партии. Пг., 1917.
382. Чистов С. А. В борьбе за Октябрь: 1917—1918 гг. во Владимирской губернии. Владимир. 1954.
383. Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1983.
384. Шелохая В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1982.
385. Шидловский С. И. Воспоминания // Февральская революция. М. Л., 1926.
386. Шингарев А. И. Земская и городская Россия. М., 1915.
387. Шингарев А. И. Финансы России во время войны. Пг., 1917.
388. Штейн В. М. Наши экономические и финансовые задачи. Пг., 1917.
389. Шульгин В. В. Дни. Л., 1925.
390. Шустов Д. Г. Разоблачение большевистской партий колонизаторско-русификаторской национальной политики Временного правительства // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. 1957. Т. 137.
391. Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. Париж, 1927.
392. Яблоновский С. Надклассовая борьба и задачи момента. М., 1917.
393. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 года. М., 1974.
394. Биржевые ведомости. Пг., 1917.
395. Век. Пг., 1917.
396. Вестник Временного правительства. Пг., 1917.
397. Вестник партии народной свободы. Пг., 1917.
398. Вечерняя Москва. 1927.
399. Власть народа. Пг., 1917.
400. Возрождение. Париж.
401. Волжское слово. Самара, 1917.
402. Волынская речь. Житомир, 1917.

- 402а. Воля народа. Пг., 1917.
403. Воля России. Париж, 1921.
404. Голос нижегородца. 1917.
405. Голос Юга. Елисаветград, 1917.
406. Городское дело. М., 1914. № 19.
407. Дело народа. Пг., 1917..
408. День. Пг., 1917.
409. Забайкальский рабочий. Иркутск, 1917.
410. Зарницы: Русский национальный еженедельник. София, 1921.
411. Звено. Париж, 1923.
412. Земля. Пг., 1917.
413. Земля и воля. Пг., 1917.
414. Знамя революции. Томск, 1917.
415. Известия Временного комитета Государственной думы. Пг., 1917.
416. Известия Главного комитета Всероссийского союза городов. М., 1915.
417. Известия Главного комитета Всероссийского союза городов. М., 1917.
418. Известия Комитета петроградских журналистов. 1917.
419. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917.
420. Известия Харьковского комитета партии народной свободы. 1917.
421. Кавказское слово. Тифлис, 1917.
422. Камско-Волжская речь. Казань, 1917.
423. Киевская мысль. 1917.
424. Лебединский вестник. Лебедин (Харьковской губернии), 1917.
425. Москвич-избиратель. 1917.
426. Накануне. Берлин, 1922.
427. Народная свобода. Барнаул, 1917.
428. Народная свобода. Барнаул, 1918.
429. Народная свобода. Кострома, 1917.
430. Народная свобода. Нижний Новгород, 1917.
431. Народная свобода. Тифлис, 1917.
432. Народная свобода. Харьков, 1917.
433. Народное слово. Пг., 1917.
434. Наша речь. Пг., 1917.
435. Новая жизнь. Пг., 1917.
436. Новая жизнь. Юрьевец, 1917.
437. Новгородская жизнь. 1917.
438. Новое время. Пг., 1917.
439. Одесский листок. 1917.
- 439а. Полтавский день. 1917.
440. Последние новости. Париж.
441. Правда. 1917.
442. Пролетарий. 1917.
443. Промышленность и торговля. 1917. № 20/21.
444. Рабочий путь. 1917.
445. Речь. Петроград.
446. Речь Алтая. Барнаул, 1918.
447. Россия и славянство. Париж, 1930.
448. Ростовская речь. 1917.
449. Руль. Берлин.
450. Русские ведомости. Москва.
451. Русский голос. Париж, 1923.
452. Русское слово. Петроград.
453. Свободная речь. Екатеринбург, 1919.
454. Свободная речь. Курск, 1917.
455. Свободная речь. Ростов н/Д, 1919.
456. Свободная Сибирь. Красноярск, 1917.
457. Свободное слово. Кременчуг, 1919.
458. Свободный народ. Пг., 1917.
459. Северный рабочий. Вологда, 1917.
460. Сегодня. Рига, 1934.
461. Сибирская речь. Омск.
462. Сибирский листок. Тобольск, 1917.
463. Социал-демократ. 1917.
464. Утро России. Москва.
465. *Abramovitch R. R.* The Soviet revolution, 1917—1939. N. Y., 1962.
466. *Anin D. S.* February revolution: Was the collapse inevitable? // *Sov. Stud.* 1967. Vol. 18, N 4.
467. *Arblaster A.* The rise and decline of western liberalism. Oxford, 1984.
468. *Asher H.* The Kornilov affair: A reinterpretation // *Russ. Rev.* 1970. Vol. 29. N 3.
469. *Basil J.* The mensheviks in the revolution of 1917. Columbus, 1984.
470. *Beer S. H.* British politics in the collectivist age. N. Y., 1966.
471. *Billington J. H.* The icon and the axe. L., 1966.
472. *Brimo A.* Les doctrines libérales contemporaines face au socialisme. P., 1985.
473. *Browder R. P.* Introduction // *V. D. Nabokov and the Russian Provisional government*, 1917. New Haven; L., 1976.
474. *Brown D.* Doomsday, 1917: Destruction of russian ruling class. L., 1975.
475. *Burdeaux J.* Le libéralisme. P., 1979.
476. *Carmichael J.* A short history of the Russian revolution. N. Y., 1964.
477. *Carr E. H.* The Bolshevik revolution, 1917—1923. N. Y., 1951. Vol. 1.
478. *Chamberlin W. H.* The Russian revolution, 1917—1921. N. Y., 1954. Vol. 1.
479. *Chamberlin W. H.* The short life of Russian liberalism // *Russ. Rev.* 1967. Vol. 26, N 2.
480. *Emmons T.* The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge, 1983.

481. *Essays on Russian liberalism* / Ed. Ch. E. Timberlake. Univ. of Missouri press, 1972.
482. *Fallows T.* Politics and the war effort in Russia: The union of zemstvos and the organization of the food supply, 1914—1916 // *Slav. Rev.* 1978. Vol. 37, N 1.
483. *Ferro M.* La révolution de 1917: La chute du tsarisme et les origines d'Octobre. P., 1967.
484. *Fleishauer J.* The Agrarian program of the Russian constitutional democrats // *Cah. monde russe et sov.* 1979. Vol. 20, N 2.
485. *Galili y Garcia Z.* Workers, industrialists and mensheviks: Labor relations and the question of power in the early stages of the Russian revolution // *Russ. Rev.* 1985. Vol. 44, N 3.
486. *Gleason W. E.* The All-Russian Union of towns and the politics of urban reform in tsarist Russia // *Ibid.* 1976. Vol. 35, N 3.
487. *Gleason W. E.* The All-Russian Union of zemstvos and World war I // *The zemstvo in Russia.* Cambridge, 1982.
488. *Goldenweiser A.* Paul Milinkov — historian and statesman // *Russ. Rev.* 1957. Vol. 16, N 2.
489. *Griffith W. E.* The Soviet Union and Eastern Europe: An overview // *The Soviet empire: Expansion and detente.* Lexington; Toronto, 1976.
490. *Haimson L.* The problem of social stability in urban Russia, 1905—1917 // *Slav. Rev.* 1965. Vol. 24, N 1.
- 490a. *Hamm M. F.* Liberal politics in wartime Russia: An analysis of progressive bloc // *Ibid.* 1974. Vol. 33, N 3.
491. *Hasegawa Ts.* The February revolution: Petrograd, 1917. Seattle; L., 1981.
492. *Hass L.* Ambicje, rachuby, rzeczywistość. Wolnomularstwo w Europie Środkowo-Wschodniej, 1905—1928. W-wa, 1984.
493. *Katkov G.* Russia 1917: The February revolution. L., 1967.
494. *Kennan G. F.* Russian revolution — fifty years after: Its nature and consequences // *Foreign Aff.* 1967. Vol. 46, N 1.
495. *Kerensky A.* La révolution russe. P., 1928.
496. *Kerensky A.* Russia and history's turning point: Political memoirs. N. Y., 1966.
497. *Kochan L.* Kadet policy in 1917 and the Constituent assembly // *Slavon. and East Europ. Rev.* 1967. Vol. 14.
498. *Kochan L.* Russia in revolution, 1890—1917. L., 1966.
499. *Korostovetz V.* Seed and harvest. L., 1931.
500. *Laue T. von.* Sergei Witte and the industrialization of Russia. N. Y., L., 1963.
501. *Laue T. von.* The prospects of liberal democracy in tsarist Russia // *Essays on russian liberalism.* Univ. of Missouri press, 1972.
502. *Laue T. von.* Westernization, revolution and the search for basis of authority — Russia in 1917 // *Sov. Stud.* 1967. Vol. 19, N 2.
503. *Levin A.* The Third дума: election and profile. Hamden; Connecticut, 1973.
504. *Lorenz R.* Zur Geschichte der Provinzialen Regierung // *Jb. Ges. Osteuropas.* 1966. Bd. 14, H. 3. S. 367—387.
505. *Maklakoff W.* Préface // *La chute du régime tsarist: Interrogatoires par la Commission Extrême du Gouvernement Provisoire de 1917.* P., 1927.
506. *Mendel A. P.* Introduction // *Milinkov P.* Political memoirs, 1905—1917. Ann Arbor, 1967.
507. *Miliukov P.* Alexander Lednitsky // *Slavon. and East Europ. Rev.* 1934. Vol. 13.
508. *Mosse W. E.* The February regime: Prerequisites of success // *Sov. Stud.* 1967. Vol. 19, N 1.
509. *Norton B. T.* Russian political masonry and February revolution of 1917 // *Intern. Rev. Social Hist.* 1983. Vol. 28, pt 2.
510. *Owen T. G.* Capitalism and politics in Russia: A social history of the Moscow merchants, 1855—1905, Cambridge, 1981.
511. *Pearson R.* Miliukov and the Sixth Kadet congress // *Slavon. and East Europ. Rev.* 1975. Vol. 111, N 131.
512. *Pearson R.* The Russian moderates and the crisis of tsarism, 1914—1917. L., 1977.
513. *Pethybridge R.* The spread of Russian revolution: Essays on 1917. L., 1972.
514. *Pipes R.* Russia under the old regime. L., 1974.
515. *Pipes R.* Struve: Liberal on the right, 1905—1944. Cambridge; L., 1970.

516. *Putnam G. F.* Russian alternatives to marxism: Christian socialism and idealistic liberalism in twentieth century Russia. Knoxville, 1977.
517. *Rabinowitch A.* The bolsheviks come to power: The revolution of 1917 in Petrograd. N. Y.; L., 1976.
518. *Revolutionary Russia* / Ed. R. Pipes. Cambridge, 1968.
519. *Rieber A.* Merchants and entrepreneurs in imperial Russia. Chapel Hill, 1982.
520. *Riha T.* Russian European: Paul Miliukov in Russian politics. N. Y., 1969.
521. *Riha T.* 1917 — A year of illusions // *Sov. Stud.* 1967. Vol. 19, N 1.
522. *Rosenberg W. G.* Kadets and the politics of ambivalence, 1905—1917 // *Essays on Russian liberalism.* Univ. of Missouri press, 1972.
523. *Rosenberg W. G.* Liberals in the Russian revolution. Princeton, 1974.
524. *Rosenberg W. G.* The zemstvo in 1917 and under bolshevik rule // *The zemstvo in Russia.* Cambridge, 1982.
525. *Rothstein A.* 1917: the overthrow tsardom. Pt. I: The gathering of the storm // *Marxism today.* L., 1967. Vol. 11, N 6.
526. *Russia under the last tsar* / Ed. Th. G. Stavron. Minneapolis, 1969.
527. *Russ. Rev.* 1973. Vol. 32, N 2.
528. *Schlesinger R.* Kerensky and the Russian Provisional government of 1917 // *Sci. and Soc.* 1964. Vol. 28, N 3.
529. *Siegelbaum L.* The politics of industrial mobilization in Russia, 1914—1917: A study of the war-industries committees. N. Y., 1983.
530. *Smith N.* The role of Russian freemasonry in the February revolution: Another scrap of evidence // *Slav. Rev.* 1968. Vol. 27, N 4.
531. *Sov. Stud.* 1968. Vol. 19, N 3.
532. *Stephenson G.* Russia from 1812 to 1945: A history. N. Y., 1970.
533. *Stepun F.* Vergangenes und Unvergänglichliches. München, 1948. Vol. 2.
- 533a. *Stone N.* The Eastern front, 1914—1917. N. Y., 1975.
534. *Times.* 1917.
535. *Slavon. Rev.* 1929. Vol. 7, N 20.
536. *Treadgold D. W.* The constitutional democrates and the Russian liberal tradition // *Slav. Rev.* 1956. Vol. 10, N 2.
537. *Vernadsky G.* A history of Russia. New Haven, 1954.
538. *Walkin J.* The rise of democracy in pre-revolutionary Russia: Political and social institutions under the last three tsars. L., 1963.
539. *White J. D.* The Kornilov affair — a study in counterrevolution // *Sov. Stud.* 1968. Vol. 20, N 2.
540. *Wildman A.* The February revolution in the Russian army // *Ibid.* 1970. Vol. 22, N 1.
541. *Zimmerman J. E.* Russian liberal thought, 1900—1917 // *Canad.-Amer. Slav. Stud.* 1980. Vol. 14, N 1.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамович Р. Р. 235
Авксентьев Н. Д. 157, 185, 193, 214
Аврех А. Я. 5, 29, 31, 32, 40, 45, 48, 52, 53, 56, 57, 58, 66, 70, 71, 76, 81, 82, 89, 91, 114, 117, 230
Аджемов М. С. 22, 94, 96, 102, 112, 140, 152, 154, 159, 174, 180, 202, 206, 208, 211, 212, 214—216
Александров А. М. 145, 212
Алексеев М. В. 9, 147, 196, 199, 200—202, 216
Алферов А. Д. 35, 36, 46, 51, 115
Анин Д. 144, 235
Антонов-Саратовский В. П. 230
Арблaster Э. 225, 235
Ардашев А. А. 46
Асквит Г. 100
Астрахан Х. М. 4, 122, 127, 165, 230
Астров Н. И. 10, 34, 35—37, 39, 40, 46, 50, 51, 61, 65, 71, 90, 115, 118, 143, 144, 148, 152, 175, 178, 190, 196, 199, 203—205, 220, 228—230
Ахун М. 230
Ашер Х. 188, 235

Бахметев Ю. А. 111
Бахрушин С. В. 10, 40, 46, 51, 54, 168
Белецкий С. П. 42
Белоцветов Н. А. 123
Беляев М. А. 88
Бердяев Н. А. 124
Берти Ф. 20, 22, 230
Бестужев И. В. 13, 230
Биллингтон Д. 41, 63, 235
Бир С. 163, 235
Блок А. А. 187, 230
Блюменталь И. И. 230

Богданов Н. Н. 114
Борель В. М. 9, 200, 203, 228
Борман А. А. 230
Боханов А. Н. 230
Бочкарев В. Н. 212
Брайкевич М. В. 46, 116
Браудер Р. 101, 235
Браун Д. 163, 235
Бримо А. 225, 235
Брюхатов Н. Д. 212
Брянский В. Д. 35, 36
Букейханов А. Н. 114
Булгаков С. Н. 21, 124, 230
Булдаков В. П. 230
Бурджалов Э. Н. 5, 82, 99, 114, 115, 120, 230
Бурский П. Д. 230
Буршак Ф. Р. 115
Бурышкин П. А. 115, 167, 230
Бутенко П. Е. 139
Буяновский Н. Д. 43, 46, 116
Быков А. Н. 46, 123
Быховский Г. Б. 154
Бьюкенен Д. 109, 149, 179, 192, 208, 230
Бэзил Д. 206, 235
Бюрдо Ж. 225, 235

Василенко Н. П. 40, 58, 85
Васильев А. В. 179, 212, 213
Васькин В. В. 230
Васюков В. С. 149, 230
Вебер М. 148
Велихов Л. А. 85, 114, 212
Вернадский В. И. 10, 27, 154, 175
Вернадский Г. В. 10, 175, 191, 237
Верховский А. И. 199, 215, 216, 230
Веселовский Б. В. 230
Вильгельм И. 82

- Вильямс Г. 149
 Винавер М. М. 10, 27, 81, 88, 89, 100, 102, 105, 121, 123, 124, 137, 139, 140, 149, 151—155, 159, 166, 174, 180, 181, 202, 203, 208, 212—214, 216, 228—230
 Виноградов В. А. 96
 Вишняк М. В. 36, 37, 230
 Вишняков П. А. 115
 Волков Н. К. 37, 46, 85, 90, 94, 96, 100, 101, 152, 194, 212
 Волобуев П. В. 134, 135, 209, 230
 Воронков М. С. 34, 114
 Востротин С. В. 37, 43, 212
 Вторых Н. М. 22
 Вяземский 151

 Галили-и-Гарсиа З. 45, 236
 Гальперн А. Я. 87
 Ганелин Р. Ш. 230
 Гапоненко Л. С. 230
 Георгиев С. В. 46
 Герасимов П. В. 34, 51, 97, 152, 154, 194, 212
 Герценштейн М. Я. 160
 Гессен В. М. 212
 Гессен И. В. 10, 15, 93, 98, 99, 101, 106, 123—125, 140, 180, 201, 204, 211—213, 219, 230
 Гиндин И. Ф. 230
 Глебов Н. Н. 124, 212
 Глизон У. 48, 50, 51, 236
 Годнев И. В. 55, 180
 Голицын Н. Д. 88
 Головин Ф. А. 39, 73
 Голубков К. Г. 36
 Гольденвейзер А. 236
 Гольдман И. 17
 Горемыкин И. Л. 60, 61, 62—65
 Городисский 34
 Горький А. М. 4, 232
 Гоц А. Р. 214
 Гредескул Н. А. 25, 154
 Грей Э. 21, 28, 100
 Григорович-Барский Д. Н. 22, 85, 115, 159
 Гримм Д. Д. 57, 154, 156, 174, 177, 179, 212
 Гриффит У. 45, 236

 Гропский П. П. 10, 22, 34, 51, 73, 95, 96, 123, 130, 139, 143, 152, 154, 212
 Грузинов А. Е. 105
 Грунт А. Я. 5, 114, 115, 117, 118, 120, 231
 Гурвич В. А. 154
 Гурко В. И. 214
 Гусев К. В. 231
 Гучков А. И. 38, 46, 50, 56, 57, 81, 83, 84, 87, 149
 Гучков П. И. 35, 36, 54

 Дан Ф. И. 214
 Демидов И. П. 34, 51, 85, 90, 96, 97, 99, 129, 152—154, 212
 Демьянов А. А. 191, 231
 Дешикин А. И. 9, 10, 148, 149, 171, 172, 189, 190, 200, 204, 228, 229, 231
 Дживелсгов А. К. 51, 154, 167, 194, 212
 Дмитриков И. И. 95
 Добровольский А. А. 43, 194, 212, 216
 Добровольский В. И. 38, 231
 Долгоруков Петр Д. 11, 130
 Долгоруков Пав. Д. 10, 13, 26, 36, 51, 59, 75, 82, 98, 124, 130, 137, 138, 145, 146, 152, 154, 155, 172, 174, 219, 231
 Дувакин Д. Д. 35
 Дудукалов 117
 Думова Н. Г. 231
 Дякин В. С. 4, 20, 30, 38, 45, 48, 53, 54, 60, 63, 64, 69, 82, 84, 231

 Евсеев И. Т. 59, 212
 Елачич С. А. 34
 Емец В. А. 231
 Ефимовский С. А. 169
 Ефремов И. Н. 58, 65, 75, 87, 180, 228
 Ещин Е. М. 212

 Жардецкий В. А. 37, 46, 51, 116
 Журавлев Г. И. 231

 Загорский К. Я. 212
 Загряцков М. 231
 Зарудный А. С. 180, 185, 200

- Заславский Д. И. 231
 Зеелер В. Ф. 34, 146
 Зернов Д. С. 36, 38, 46, 154
 Зубашев Е. Л. 37, 43
- Иванов Н. Я. 202, 215, 231
 Иванов С. В. 36, 38, 212
 Иванович Ст. 231
 Игнатьев А. В. 231
 Извольский А. П. 111
 Изгоев А. С. 10, 14, 22, 40, 124, 127, 154, 161, 204, 231
 Иллерицкая Е. В. 231
 Ильяздук Г. И. 231
 Имшенецкий М. К. 89
 Имшенецкий Я. К. 116, 139, 212
 Иньков 114
 Иоллос Г. Б. 160
 Иоффе А. Е. 231
 Иоффе Г. Э. 231, 232
 Ичас М. М. 17, 95, 96
- Кабалкин А. С. 46
 Каблуков И. А. 46
 Кавеньяк Л. 176
 Кадыш С. У. 46, 116
 Каледин А. М. 187, 196
 Калугин М. Д. 58, 96, 154, 212
 Каменка Б. А. 43
 Каменский П. В. 50
 Каминка А. И. 43
 Караулов М. А. 66, 67
 Каргалов Д. С. 37, 46
 Кареев Н. И. 129
 Кармайкл Д. 150, 235
 Карр Э. 235
 Карташев А. В. 124, 182, 197, 207, 219
 Катков Д. 42, 86, 92, 236
 Катуар Л. Л. 37, 43, 46, 115
 Кауфман А. А. 212, 231
 Квашнин-Самарин Д. Н. 153
 Кепез П. 127
 Кепнан Д. 92, 144, 236
 Керепский А. Ф. 83, 84, 87, 101, 104, 118, 147, 150, 152, 177—182, 186, 189, 191—194, 196—200, 202, 203, 205, 206, 208, 210, 215, 217, 228, 231, 236
- Кизеветтер А. А. 15, 17, 39, 50, 69, 78, 173, 179, 231
 Киреев Н. П. 231
 Кишкин П. М. 9, 15, 36, 46, 51, 71, 78, 79, 82, 114, 115, 118, 152, 175, 178, 189, 190, 192, 199, 200, 202, 203, 207, 217, 218, 228, 229
 Клафтон А. К. 34, 41, 51
 Ключников Ю. В. 148
 Ковалевский М. М. 13, 44
 Ковалевский Н. Н. 212
 Ковальченко И. Д. 232
 Козловский Л. 232
 Козьмин К. Н. 37
 Кокцов В. Н. 112
 Кокоскин Ф. Ф. 9, 15, 24—27, 50, 76, 78, 79, 82, 102, 139—141, 152, 154, 174, 180, 182, 183, 185, 186, 193, 197—199, 201—203, 211, 212, 229, 232
 Коломыцева Л. М. 232
 Коллонтай А. М. 149, 232
 Колчак А. В. 171, 187
 Колюбакин А. М. 15, 38, 85, 87
 Комин В. В. 63, 81, 175, 210
 Комиссаров М. Г. 43, 115
 Кондурушкин Н. 125
 Коновалов А. И. 44, 46, 55, 56, 65, 87, 88, 90, 135, 161, 163, 167, 207, 216, 217, 232
 Коренчевский В. Г. 217
 Корнилов А. А. 10, 15, 17, 21, 27, 31, 32, 36, 38, 39, 68, 82, 86, 123, 130, 142, 154, 159, 165, 232
 Корнилов Л. Г. 187—194, 196, 197, 199, 203, 204, 215, 216
 Коровин Е. 232
 Коростовец В. 236
 Корытин А. 115
 Косинский В. А. 212
 Котляревский С. А. 23, 34, 37, 45, 85, 124, 140, 232
 Кочен Л. 109, 141, 142, 147, 162, 170, 171, 192, 236
 Краснов П. Н. 232
 Кривошеин А. В. 61
 Кроль Л. А. 46, 117
 Крымов А. И. 84
 Кувшинов В. А. 6, 232

- Кузьмин-Караваев В. Д. 36, 44
 Кусков П. И. 37
 Кускова Е. Д. 55, 86, 160
 Кускова Л. А. 37
 Кутлер Н. Н. 43, 46, 213
- Лаверычев В. Я. 4, 45, 53, 54, 82, 89, 161, 232
 Лавров К. Л. 46
 Лазаревский Н. И. 102, 140, 211, 212
 Лаппо Д. Е. 37
 Лаппо-Данилевский А. С. 140
 Лаптев И. П. 46, 114
 Лауэ фон Т. 134, 219, 236
 Лебедев 34
 Левин А. 163, 236
 Левитов 34
 Левицкий С. А. 154, 212
 Ледницкий А. Р. 10, 27, 39, 43, 50, 61, 114, 138, 154
 Ленин В. И. 3, 4, 6, 7, 11—13, 17—21, 23—26, 28, 29, 44, 53, 54, 56, 57, 61, 64, 77, 91, 93, 105, 106, 108, 109, 113, 131, 134, 143—146, 149, 153, 155, 158—160, 162, 166—168, 171—177, 179, 180, 182, 184, 199, 203, 208, 209, 212, 214, 217—219, 222—224, 226, 232
 Леонас П. С. 39, 154
 Лиознер Д. А. 37
 Литваков Б. М. 232
 Ллойд Джордж Д. 83, 100
 Лоренц Р. 133, 135, 236
 Лосский Н. О. 123, 159
 Луначарский А. В. 20, 232
 Лукашев А. В. 232
 Львов В. Н. 55, 180, 197, 198
 Львов Г. Е. 33, 35, 50, 55, 61, 66, 77, 78, 88, 98, 99, 102, 104, 121, 155, 177
 Львов Н. Н. 190
- Мазинг Н. Л. 37
 Маклаков В. А. 10, 14, 34, 48, 50, 61, 66, 78—81, 85, 87, 88, 96, 101, 102, 124, 130, 132, 137, 140, 146, 158, 159, 167, 174, 189—192, 198, 200, 209, 216, 217, 219, 228, 229, 232, 236
 Макушин А. И. 154
 Макушин П. И. 37
 Мандельштам М. Л. 69, 70, 73, 74, 142, 151, 212
 Маниковский А. А. 94
 Мансырев С. П. 232
 Мануйлов А. А. 36, 55, 100, 112, 133, 152, 156, 174, 195
 Маргулиес М. С. 87, 228
 Марушкин Б. И. 232
 Мартынов А. 39, 50
 Маслов Н. С. 50
 Мейерхольд В. Э. 232
 Мейснер Д. И. 232
 Меллер-Закомельский В. В. 57, 159
 Мельгунов С. П. 77, 86, 232
 Мельников Н. А. 159
 Менилов В. 232
 Милюков П. Н. 10—17, 19, 21—23, 25—28, 31—33, 36, 37, 40, 48, 50, 54—62, 64—73, 75—85, 88—90, 94, 95, 97—101, 103—106, 108—111, 116, 121, 124, 127, 129, 130, 136, 138, 139, 141, 143—147, 149—154, 156, 157, 159—162, 165—167, 169—184, 186, 188—204, 207—209, 212, 214, 216, 217, 219, 228, 229, 232, 236
 Мипор О. С. 157
 Минц И. И. 155, 233
 Могилянскй Н. М. 139, 154
 Морозов В. А. 37
 Морозов Н. А. 212
 Мосина И. Г. 5, 37, 233
 Мосс У. 142, 236
 Мошков С. А. 70
- Набоков В. Д. 10, 43, 101, 102, 105, 111—113, 123, 124, 140—142, 147—149, 151, 154, 156, 159, 163, 174, 178, 182, 197, 202, 203, 205—208, 212—217, 229, 233
 Набоков К. Д. 111
 Наполеон Бонапарт 171, 187
 Некрасов Н. В. 34, 36, 37, 48, 55, 64, 68—74, 84, 85, 87, 90, 94, 95,

- 100, 101, 151—154, 163, 174, 177,
178, 180, 183, 200
- Нератов А. А. 111, 216
- Нечаев К. Д. 46
- Новгородцев П. И. 45, 110, 115, 154,
173, 179, 183, 195, 229, 233
- Новиков М. М. 36, 212
- Новосильцев Л. Н. 9, 10, 171, 172,
189, 191, 192, 195, 196, 201, 203,
228, 229
- Нольде Б. Э. 10, 20, 102, 105, 111,
140, 183, 211, 212, 216, 217, 233
- Нортон Б. 86, 236
- Обнинский В. П. 34, 50, 69, 72, 154
- Оболенский В. А. 10, 16, 22, 36, 38,
39, 84, 85, 88, 94, 105, 106, 123,
139, 147, 152, 167, 173, 193, 194,
196, 203, 205, 210, 212, 218, 228,
229
- Овчинников В. М. 154, 212
- Ольденбург С. Ф. 10, 154, 174, 182,
184, 186, 212, 213
- Орешкин В. В. 233
- Орлов-Давыдов А. А. 59
- Осоргин 114
- Оуэн Т. 45, 236
- Пайпс Р. 45, 63, 236
- Палеолог М. 48, 66, 109, 144, 233
- Панина С. В. 34, 39, 51, 94, 130, 154,
184, 229
- Панкеев Н. М. 212, 213
- Парамонов А. К. 154
- Парамонов Н. Е. 34, 46, 116
- Пасманик Д. С. 10
- Пепеляев В. Н. 97, 140, 187
- Петибридж Р. 127, 236
- Петров В. 230
- Петров И. Ф. 233
- Петров С. 116
- Петровский А. И. 46
- Петрункевич И. И. 10, 16, 21, 27, 60,
82, 84, 101, 130, 137, 154, 176,
229
- Пешехонов А. В. 156
- Пирсон Р. 14, 52, 53, 57, 62, 63, 66,
73, 84, 163, 236
- Писаржевский Л. В. 85
- Плеханов Г. В. 157
- Погодин А. Л. 21
- Погребинский А. П. 233
- Подшибякин М. Ф. 154, 213
- Покровский М. Н. 81, 150, 233
- Поликарпов В. Д. 233
- Полнер Т. И. 10, 233
- Половцев А. А. 111
- Прокопович С. Н. 55, 86
- Протопопов А. Д. 72, 76, 88
- Протопопов Д. Д. 70, 102, 179,
195, 213
- Пуришкевич В. М. 14, 28, 44, 73,
80, 159, 160, 168, 233
- Путнам Д. 237
- Пушкарева И. М. 104, 233
- Рабинович А. 176, 189, 237
- Раззоронов Д. В. 37
- Распутин Г. Е. 65, 75, 80—82
- Ратгаузер Я. А. 233
- Рибер А. 45, 207, 237
- Риха Т. 14, 57, 64, 147, 170, 171,
186, 188, 237
- Родзянко М. В. 64, 77, 84, 87, 88,
95, 97—99, 115, 124, 189, 190,
192, 216, 233
- Родичев Ф. И. 10, 14, 40, 61, 69, 101,
114, 123, 130, 132, 134, 136, 137,
143, 152, 154, 159, 167, 172—174,
196, 213, 219, 228, 229
- Родичева А. Ф. 228
- Роженко В. И. 189, 190, 191
- Розенберг У. 53, 54, 73, 74, 92, 96,
97, 102, 105, 113, 127, 142, 144,
153, 154, 156—159, 162, 163, 167,
170, 176, 178, 179, 182, 183, 189,
191, 215, 219, 220, 237
- Романов А. Н. 83, 104
- Романов М. А. 83, 95, 104, 105, 200
- Романов Н. А. 55, 64, 95, 169, 193,
200
- Романова А. Ф. 65
- Романовы 83, 104, 140, 201
- Романовский Н. В. 232
- Ротштейн Э. 149, 237
- Рубинштейн Н. Л. 233
- Рутцен фон А. Н. 159, 213
- Рябушинские 43

- Рябушинский П. П. 44, 50, 55, 56,
72, 104, 161, 172, 192
Ряснянский С. Н. 9, 172, 189, 229
- Сабашников М. В. 36, 43, 51, 115,
154, 233
Савватеев 96
Савенко А. И. 60
Савинков Б. В. 188
Савич Н. В. 9, 95, 124, 189—191,
203, 216, 229
Садырип П. А. 39, 50, 115, 154
Сазонов С. Д. 111
Салазкин А. С. 43, 96
Самарин А. Д. 65
Сахаров И. Н. 192
Сватиков С. Г. 111, 112
Свечин А. А. 154
Селицкий В. И. 233
Селунская Н. Б. 232
Семенов Г. М. 187
Семенов Н. 114
Серафимов Б. С. 233
Сигельбаум Л. 46, 237
Сироткин Д. В. 36
Скобелев М. И. 94, 156
Славин Н. Ф. 5, 193, 196, 215, 216,
233
Слизберг Г. Б. 27
Слонимский А. Г. 80, 81, 83, 84, 87,
88, 90, 233
Скорородов А. А. 46
Смирнов С. А. 36, 44, 135, 167, 207,
233
Смит Н. 86, 237
Соколов Б. 146, 234
Соколов К. Н. 107, 123, 212
Соколов Н. Д. 104
Соловьев О. Ф. 80, 234
Сопочко Л. А. 46
Спирин Л. М. 4, 54, 165, 204, 234
Старцев В. И. 61, 81, 103, 113, 234
Стахович М. А. 216
Степанов В. А. 85, 97, 126, 133—137,
145, 161, 172, 174, 177, 186, 213
Степун Ф. А. 187, 237
Страдомский Н. Ф. 115
Стифенсон Г. 92, 237
Столыпин П. А. 33, 219
- Стоун Н. 41, 42, 237
Струве П. Б. 11, 17, 25, 34, 36, 51,
111, 204, 216, 234
Суханов Н. Н. 103, 156, 234
Сысоев П. С. 234
- Танеев А. С. 112
Таскин С. А. 97, 187
Татищев Е. Н. 153
Тесленко Н. В. 15, 36, 43, 46, 130,
167, 195
Терещенко М. И. 82—84, 87, 90,
100, 101, 152, 180, 208, 216
Тимберлейк Ч. 162
Тихонович-Савицкий Н. Н. 90
Точеная Н. Г. 218, 234
Тредголд Д. 162, 188, 237
Трепов А. Ф. 78, 79
Третьяков С. Н. 44, 115, 161, 167,
178, 192, 207, 216
Троицкий П. С. 37, 46
Трубецкой Г. Н. 111, 190, 216
Трубецкой Е. Н. 44, 50, 101, 130,
132, 154, 159, 167, 200
Тыркова А. В. 10, 16, 25, 36, 51, 59,
72, 77, 85, 86, 94, 96, 126, 135,
149, 157, 172, 174, 194, 203, 213
Тьер А. 195
Тютюкин С. В. 5, 106, 177, 234
- Уайлдмен А. 145, 237
Уайт Д. 188, 237
Уолкин Д. 92, 237
Устинов В. М. 213
- Федоров М. М. 36, 83, 84
Федоров М. П. 36
Федоров П. И. 37
Фердинанд, эрцгерцог 12
Ферро М. 105, 186, 236
Филашев Н. А. 37, 46
Флейшауэр И. 129, 235
Франк С. Л. 124, 234
Фрейдман А. П. 41
Френкель З. Г. 37, 51, 151, 153, 154,
173, 179, 213
Фридман Н. 17
Футорянский Л. И. 234
Фэллоуз Т. 41, 48, 236

- Харитонов П. А. 58, 60
Харламов В. А. 34, 114, 213
Харпер С. 109
Хасегава Ц. 42, 53, 54, 73, 87, 93,
95, 96, 99, 101, 236
Хасс Л. 236
Хвостов А. А. 58
Хвостов А. Н. 65
Хеймсон Л. 163, 236
Хольмен Г. 148
Хрущов А. Г. 156, 234
Хэм М. 52, 53, 62—66, 236
- Церетели И. Г. 156, 159, 173, 184,
234
Церцвадзе М. В. 234
Циммерман Д. 45, 220, 237
- Чаадаева О. Н. 129, 190, 234
Чаплыгин С. А. 37
Челноков М. В. 35, 36, 43, 48, 50,
66, 77, 78, 88
Чемберлин В. 144, 150, 171, 235
Червен-Водали А. А. 46, 116
Черемисов В. А. 218
Черменский Е. Д. 53, 54, 59, 63, 82,
89, 234
Черненко Н. Н. 154, 213
Чернов В. М. 56, 156, 159, 173, 184—
186, 234
Черновский А. 277
Черносвитов К. К. 96, 213
Черныш И. Г. 115
Черячукин Ф. В. 37
Четвериков С. И. 135
Чешихин В. Е.
Чистов С. А. 234
Чхейдзе Н. С. 104, 181
- Шаняевский А. Л. 49
Шапиро Л. 102, 141, 171
Шахматов А. А. 154
Шаховской Д. И. 32, 34, 36, 39, 58,
60, 68, 69, 71, 74, 85, 86, 115, 122,
125, 151—153, 156, 175, 192
- Шацкий Б. Е. 109
Шацилло К. Ф. 5, 11, 234
Шелохаев В. В. 5, 24, 29, 163, 234
Шефтель М. И. 213
Шидловский С. И. 54, 59, 129, 234
Шильников И. Ф. 187, 228
Шингарев А. И. 32, 36—38, 46, 48,
49, 55, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 70, 74,
79, 82, 84, 85, 94, 96, 100, 105,
107, 112, 128, 131, 134, 141, 152,
154, 156, 166, 172, 174, 175, 178,
183, 189, 192, 195, 197, 209, 213,
234
Шлезингер Р. 146, 237
Шлиппе Ф. В. 35
Штейн В. М. 234
Штейнтель Ф. Р. 36, 85, 115
Штейнингер В. И. 37, 38, 51
Штюрмер Б. В. 75—78
Шульгин В. В. 26, 75, 77, 78, 95, 104,
105, 124, 147, 234
Шустов Д. Г. 234
- Щепкин Н. П. 16, 34—36, 43, 50, 51,
71, 114, 115, 136, 145, 167, 213
Щербатов Н. Б. 65
Щербачев Д. Г. 147
- Эльяшев Б. Е. 212
Эммонс Т. 220, 235
Энгельгардт Б. А. 96
Эрн В. Ф. 114
- Юренев П. П. 10, 37, 39, 43, 46, 51,
118, 182, 185, 186, 194, 198, 213,
220, 228
- Яблоновский С. 234
Яковлев Н. Н. 234
Яцкин К. Г. 37

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .	3
Глава первая ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА ТАКТИКУ И ИДЕОЛОГИЮ КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ	11
Глава вторая КАДЕТЫ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ .	29
Глава третья ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК. «ЛЕВЫЕ» ТЕНДЕНЦИИ В КАДЕТСКОЙ ТАКТИКЕ	52
Глава четвертая НАКАНУНЕ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ .	74
Глава пятая КАДЕТСКАЯ ПАРТИЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ .	93
Глава шестая ЗА ВЛАСТЬ БУРЖУАЗИИ .	107
Глава седьмая ПОЗИЦИЯ КАДЕТОВ ПО ВАЖНЕЙШИМ ВОПРОСАМ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	128
Глава восьмая В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОАЛИЦИИ .	150
Глава девятая МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 1917 г.: ИТОГИ И ВЫВОДЫ. КУРС НА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ ДИКТАТУРУ	166
Глава десятая КАДЕТЫ И ЗАГОВОР КОРНИЛОВА .	188
Глава одиннадцатая НА ПУТИ К КРАХУ .	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	222
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА .	227
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ .	239

Наталья Георгиевна Думова
КАДЕТСКАЯ ПАРТИЯ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства О. В. Ивченко
Художник И. Е. Сайко
Художественный редактор С. А. Литвак
Технические редакторы А. М. Сатарова,
И. В. Бочарова
Корректоры Р. В. Молоканова, Л. В. Щеголев

ИБ № 38146

Сдано в набор 13.05.87
Подписано к печати 11.11.87
А-04844. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная № 1
Гарнитура обыкновенная. Фотонабор
Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,5. Усл. кр-отт. 15,5. Уч.-изд. л. 20,9
Тираж 4250 экз. Тип. зак. 1581
Цена 3 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345, Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97;
- 370005 **Баку**, 5, Коммунистическая ул., 51;
- 690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140;
- 320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24;
- 734004 **Душанбе**, проспект Ленина, 95;
- 664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;
- 252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4;
- 277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148;
- 343900 **Краматорск**, Донецкой области, ул. Марата, 1;
- 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2;
- 220012 Минск**, Ленинский проспект, 72;
- 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22;
- 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
- 700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6;
- 450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10;
- 720000 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42;
- 310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.